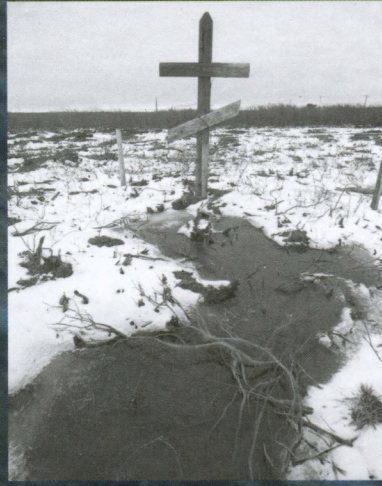

СЕРГЕЙ КРОПАЧЕВ, ЕВГЕНИЙ КРИНКО

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1937–1945 ГГ.: МАСШТАБЫ И ФОРМЫ

СЕРГЕЙ КРОПАЧЕВ, ЕВГЕНИЙ КРИНКО

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1937–1945 ГГ.: МАСШТАБЫ И ФОРМЫ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Совет при Президенте Российской
Федерации по развитию гражданского
общества и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

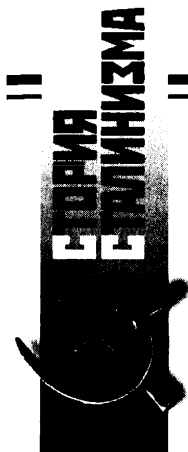
А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

М. А. Федотов,

О. В. Хлевнюк

**СЕРГЕЙ КРОПАЧЕВ
ЕВГЕНИЙ КРИНКО**

**ПОТЕРИ
НАСЕЛЕНИЯ СССР
В 1937–1945 гг.:
МАСШТАБЫ
И ФОРМЫ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

РОССПЭН

Москва
2012

УДК 343.43(091)
ББК 63.3(2)615-4
К83

Кропачев С. А., Кринко Е. Ф.

К83 Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / С. А. Кропачев, Е. Ф. Кринко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 350 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1678-0

Монография посвящена советской и современной российской историографии масштабов и форм репрессий и потерь населения СССР в 1937–1945 гг. Значительное внимание уделено методологическим аспектам и научно-организационным формам становления системы исторических знаний, предложена и обоснована авторская периодизация развития историографии проблемы. Анализируется осмысление историками демографических потерь, понесенных советским обществом вследствие массовых политических репрессий, этнических депортаций, а также в годы Великой Отечественной войны.

Исследование рассчитано на специалистов по советской истории и отечественной историографии, а также всех интересующихся эпохой сталинизма.

УДК 343.43(091)
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-8243-1678-0

© Кропачев С. А., Кринко Е. Ф., 2012
© Российская политическая
энциклопедия, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оценки современной историографии существенно разнятся — от заключений о постигшем ее глубоком методологическом кризисе — до утверждений о наступившей эре свободы историописания. Переносимые соответствующим образом на прошлое и будущее исторической науки, они сопровождаются то отказом признавать ценность предыдущих историографических достижений, то опасениями «конца» истории как науки в условиях постмодернизма.

Как правило, крайности в оценках всегда далеки от реальности, но истину в данном случае невозможно найти где-то посередине уже хотя бы потому, что такой середины в «чистом» виде просто не существует. Гуманитарное познание вообще с трудом поддается строгому арифметическому измерению, а сторонники и противники различных точек зрения нередко оказываются в чем-то правы, а в чем-то нет — каждый по-своему. Бесспорно лишь то, что дальнейшее развитие историографии невозможно представить без критического осмысления предшествующего опыта, не сводимого ни к его полной апологии, ни к огульному отрицанию.

Одним из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, неизменно вызывающих в последние годы широкий профессиональный и общественный интерес, является эпоха сталинизма. Драматичные процессы формирования нового социально-экономического уклада в условиях жесткого политического строя, насильственные преобразования всех сфер жизни, проблемы выживания миллионов советских граждан стали предметом значительного количества различных по-своему характеру и содержанию публикаций. Однако отказ от прежних стереотипов, с которыми успело свыкнуться не одно поколение, происходит непросто, сопровождается острыми дискуссиями сторонников различных взглядов, концепций, школ, порой приобретающими политизированный характер. За ними нередко стоят различия в оценках современного состояния страны и перспектив ее дальнейшего развития.

Наиболее острую полемику вызывает обращение к проблемам массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны. Несмотря на все содержательное отличие данных исторических

событий, имеющих во многом разную природу, у них есть немало общего, и не только в хронологии. Прежде всего, это их влияние на численность, состав и динамику населения советской страны. Действительно, и массовые политические репрессии, и Великая Отечественная война стали настоящими демографическими катастрофами для советского общества, последствия которых не преодолены полностью до сих пор. Анализ масштабов и форм репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. позволяет выявить общие закономерности демографического развития России в минувшем столетии, осознать значение, оказанное на него теми или иными факторами. Современные неблагоприятные демографические тенденции придают дополнительную актуальность рассматриваемой проблеме, заставляя задуматься о необходимости проведения сбалансированной демографической политики в России, призванной смягчить воздействие общественных потрясений.

К сожалению, крайности в оценках политических репрессий, Великой Отечественной войны и их демографических последствий, выступая основой для мифологизации советского прошлого, остаются одной из главных причин идейных разногласий не только в профессиональном сообществе, но и в массовом сознании россиян и жителей ряда других государств на постсоветском пространстве. Многочисленные конфликты интерпретаций, различные, порой противоположные версии и оценки советской истории приводят к ожесточенным «войнам памяти», не позволяющим достичь общественного согласия. Поэтому представляется достаточно важным историографическое обобщение опыта изучения рассматриваемых событий как основы для выработки исторического компромисса, формирования новой национальной идентичности. Без критического осмысления накопленного исследовательского опыта невозможно осознать и специфики современного положения исторической науки, ее социальной, интеллектуальной и духовной функций в обществе.

В последние годы проблемы историографии сталинизма активно разрабатываются отечественными и зарубежными исследователями¹.

¹ } Подробный обзор историографии сталинизма является слишком масштабной задачей, выходящей за рамки данной работы. См.: История и сталинизм. М., 1991; Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М., 1994; Советская историография. М., 1996; Историография сталинизма: Сб. ст. М., 2007; Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007; Кип Дж., Лит-

Находят свое отражение в ней и многие вопросы изучения советскими и российскими историками масштабов и форм демографических потерь СССР в 1937–1945 гг. Однако немало сюжетов по-прежнему остается за пределами исследовательского внимания, характеристика других носит пока еще фрагментарный характер. В историографии отсутствует комплексный труд, обобщающий опыт разработки рассматриваемой проблемы. Особенно важным представляется ее восприятие в контексте развития современной историографической ситуации, отличающейся динамизмом и противоречивостью, с присущей ей выработкой новых форм презентации исторических знаний, пока еще не получивших соответствующего осмысления. Данное исследование как раз и призвано восполнить указанный пробел.

Работа выполнена на основе различных историографических и исторических источников. Историографические источники включают коллективные обобщающие труды, монографии, научные статьи, доклады и сообщения, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы конференций, справочную и энциклопедическую литературу, в которой нашли отражение потери СССР в 1937–1945 гг. Использование исторических источников позволило не только учесть их роль в выработке представлений о демографических потерях СССР, но и обосновать собственную авторскую позицию по данным вопросам. Это публикации официальных документов и мемуаров, периодические издания, речи и статьи советских руководителей, отдельные художественные и художественно-документальные произведения, а также электронные ресурсы, ставшие в последние годы важным источником формирования массовых представлений. Особенно важную роль в установлении масштабов потерь в годы Великой Отечественной войны и количества жертв политических репрессий в отдельных регионах России сыграла подготовка книг Памяти.

Надеемся, что представленная работа будет интересна как специалистам, так и всем читателям, неравнодушным к трагической истории советского общества эпохи сталинизма и непростым судьбам отечественной историографии. Выражаем искреннюю признательность всем, кто своими идеями, работами и конкретными советами оказал влияние на выработку авторской концепции и ее реализацию в книге, а также непосредственно участвовал в подготовке данного издания.

вин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан, 2009; и др.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА

1.1. Основные подходы и используемые источники

Многообразие существующих оценок людских потерь в СССР в период сталинизма можно свести к двум основным подходам. Разумеется, данная типология является достаточно условной, поскольку не учитывает различий в конкретных количественных показателях и оценках, приводимых авторами, в том числе относящихся к одному и тому же подходу, а также их порой достаточно резкие разногласия между собой и многие другие факторы. Тем не менее она акцентирует внимание на главном — исследовательской методологии, определяющей способ подсчетов и круг используемых при этом источников.

Первый подход по своей сути является конкретно-историческим, поскольку заключается в традиционном источниковедческом анализе комплекса документов, который, собственно говоря, всегда лежал в основе исторического исследования, особенно в условиях господства позитивистской парадигмы научного познания. Сущность его сводится к выявлению количества потерь в тех или иных демографических кризисах и катастрофах при помощи комплексов различных исторических документов, преимущественно официальных, подвергаемых соответствующей источниковедческой критике. Главным аргументом при определении масштаба людских потерь в этом случае выступает их отражение в тех или иных документальных свидетельствах, которые рассматриваются в качестве единственных, пусть и относительно достоверных источников исторических знаний. Поскольку в качестве таковых в основном рассматриваются учетные документы, содержащие статистические данные (для массовых репрессий это — документы органов НКВД–НКГБ–МВД–МГБ СССР, для периода Великой Отечественной войны — донесения о потерях личного состава Вооруженных сил СССР и др.), данный подход называют учетно-статистическим.

Однако имеющаяся в настоящее время в распоряжении исследователей источниковая база проблемы представляется чрезвычайно неполной, что в значительной степени ограничивает их возможности в создании максимально достоверной картины событий. Причиной этому является несколько обстоятельств. По мнению И. В. Павловой, официальные документы содержат сведения только о лицах, официально осужденных и репрессированных, и не учитывают, например, жертвы голода, погибших спецпоселенцев или представителей депортированных народов. Ставя вопрос о том, насколько вообще данный вид источников может адекватно отражать действительность сталинской эпохи, она справедливо отмечает, что «каждый документ должен быть сопоставлен с целым рядом других прежде чем преподноситься в вид истины»¹. В ряде случаев советские правоохранительные органы шли на прямое искажение или сокрытие информации, и порой достаточно не просто разобраться, что скрывается за той или иной цифрой. Например, расстрелянные в местах лишения заключенные, в том числе убитые при попытке к бегству и по другим причинам, в документах санитарного отдела ГУЛАГа учитывались как «умершие от болезней органов кровообращения»².

К тому же многие документы, посвященные массовым репрессиям, погибли или были сознательно уничтожены непосредственно в сталинскую эпоху, другие не пережили последующих десятилетий, доступ к третьим все еще остается ограниченным. Современные исследователи указывают на то, что «наиболее существенные с научной точки зрения документы, способные в какой-то мере раскрыть “кремлевские тайны”, давно уничтожены»³. Например, когда материалы архивов И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и других советских лидеров поступили в Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ) из Архива Президента Российской Федерации, выяснилось, что они практически не содержат принципиально новой информации о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Вполне вероятно, что еще в 1930-х гг. и в последующее время из этих документов было изъято все, что компрометировало большевистскую систему. Сталин лично комплектовал

¹ Павлова И. В. От составителя // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С. 3–4.

² Земсков В. Н. Смертность заключенных в 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 174.

³ Макаренко П. В. Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 4. С. 144.

свой архив и сам решал, какие документы оставить, а какие уничтожить¹. Другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) также самостоятельно решали, какие из своих писем хранить в партийном архиве, а какие оставить у себя.

С. А. Папков отражает постепенно находящую все большее количество сторонников точку зрения, считая, что одним из самых сложных вопросов в изучении сталинских репрессий остается именно вопрос о численности их жертв в связи с отсутствием соответствующих свидетельств: «Поиски ответа на него до сих пор наталкиваются на трудно преодолимое препятствие — отсутствие достаточно надежных источников»².

Не лучше обстоит дело с источниками, характеризующими потери личного состава действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Согласно «Положению о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время», утвержденному приказом наркома обороны СССР 15 марта 1941 г., командиры частей, до полка включительно, несли персональную ответственность за точный учет потерь своего личного состава и своевременное информирование о них вышестоящего начальства. При этом все документы о потерях, за исключением извещений родственникам, служивших основанием для предоставления социальных льгот, являлись секретными. Военнослужащим должны были вручаться специальные медальоны с двумя листками, которые они сами заполняли. Предполагалось, что один экземпляр будет передан в штаб части или лечебного учреждения, а второй останется при убитом или умершем от ран военнослужащем³.

Тем не менее не только в начале войны, но и в 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов. Получившие же их не всегда заполняли листки, прежде всего, под влиянием фронтовых суеверий (считалось, что таким образом они приближают собственную смерть). Поэтому приказом наркома обороны СССР от 17 ноября 1942 г. медальоны вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь. К тому же рядовой и сержантский состав РККА после советско-финской войны был лишен удостоверений личности — красноармейских книжек. Ввели их снова в действующей армии только

¹ Волкогонов Д. А. Семь вождей: в 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 260.

² Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 255.

³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. М., 1994. С. 258–260.

7 октября 1941 г., но и в начале 1942 г. красноармейцы по-прежнему не были ими полностью обеспечены.

Согласно установленному порядку, штаб полка был обязан каждые три дня представлять в штаб дивизии именные списки безвозвратных потерь. Дивизия представляла списки безвозвратных потерь три раза в месяц в Главное управление по укомплектованию войск Генштаба РККА¹. Но на практике учет личного состава велся крайне плохо, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, сопровождавшийся огромными потерями.

В «котлах» 1941–1942 гг., прежде всего на западном и юго-западном направлениях, погибло немало советских воинских соединений вместе со всеми своими штабными документами. Так, согласно описи 1 документов, отражающих историю организации и деятельность Отдельного кавалерийского корпуса 51-й армии Северо-Кавказского фронта, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ) в фонде данного соединения значится всего одно дело². Причина проста: при подготовке к контрнаступлению штаб корпуса был атакован немецкими танками и практически в полном составе вместе со своим командиром генерал-майором Б. А. Погребовым погиб 29 июля 1942 г. в слободе Большая Мартыновка Ростовской области. В данном конкретном случае ситуацию несколько облегчает, что сохранились документы дивизий, входивших в состав корпуса. Однако от многих советских соединений практически не осталось вообще никаких документальных свидетельств.

Вышестоящие штабы постоянно требовали от командиров частей и соединений навести порядок в данных вопросах, но этому мешали объективные обстоятельства. Порой опознать тела погибших товарищей оказывалось просто некому. В приказе заместителя наркома обороны СССР начальника Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейского комиссара I ранга Е. А. Щаденко № 0270 от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков-погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между дан-

¹ Там же.

² ЦАМО РФ. Ф. 3463. Оп. 1. Д. 1. Попытка ознакомиться с ним авторов данной книги оказалась неудачной, т. к. дела не оказалось в наличии по неизвестным обстоятельствам.

ными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины»¹.

Впрочем, и в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ заместителя наркома обороны генерала армии Н. А. Булганина № 290 от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь².

Сами методы исчисления людских потерь в войнах также нельзя считать окончательно разработанными, не существует и единой классификации потерь населения. Помимо *прямых* потерь, к которым относят погибших людей, выделяют *косвенные* — тех, которые не родились вследствие нарушения естественного хода демографических процессов. Под *прямыми военными* потерями населения отечественные исследователи понимают все случаи гибели людей или потери ими трудо- и боеспособности вследствие боевых поражений или по болезни во время войны, а также пленения неприятелем или пропажи без вести³. При этом обычно разделяют собственно военные потери, т. е. потери среди военнослужащих, и потери среди гражданского населения. В каждой из этих групп разграничивают потери безвозвратные и временные.

К *безвозвратным* потерям относятся погибшие в боях, пропавшие на фронте без вести, умершие от ран на поле боя и в лечебных учреждениях, умершие от болезней, полученных на фронте, или умершие на фронте от других причин, попавшие в плен. По своему характеру они распределяются на боевые и небоевые. *Боевые* — это убитые на поле боя, умершие от ран на этапах санитарной эвакуации и в госпиталях, пропавшие без вести в условиях боя и попавшие в плен. К *небоевым* отнесены потери, не связанные с непосредственным выполнением боевого задания, в том числе в войсках, ведущих боевые действия (погибшие при неосторожном обращении с оружием, в авариях, катастрофах и в результате других происшествий, умершие от болезни в лечебных учреждениях и на дому, покончившие жизнь

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. М., 1997. С. 202.

² Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997. С. 360–361.

³ Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 40.

самоубийством, расстрелянные по приговору военных трибуналов за различные воинские и уголовные преступления). Временные потери среди военнослужащих называют *санитарными*. К ним относят раненых, контуженых, больных и обмороженных военнослужащих, утративших боеспособность и эвакуированных из района боевых действий в лечебные учреждения не менее чем на одни сутки. Военнослужащие, получившие легкие ранения, травмы или заболевания, не влекущие за собой выбытие из строя, в число санитарных потерь не включались.

Но есть и другие подходы к классификации военных потерь. Например, С. Н. Михалев указывает на различия в демографической и военно-оперативной точках зрения по данному вопросу. Демографические потери исчисляются по окончании войны и включают все случаи смерти или исчезновения без вести военнослужащих, независимо от причин (включая гибель на поле боя, смерть от ранений и болезней, в плену и исчезновение по неустановленным причинам). Согласно военно-оперативной точке зрения, убыль личного состава вооруженных сил исчисляется в ходе войны и включает павших в боях, умерших от ран, пропавших без вести и попавших в плен, независимо от их дальнейшей судьбы (возвращения или невозвращения после войны), а также раненых и заболевших, выбывших из строя с исключением из списков части. С. Н. Михалев указывает на неопределенность используемого понятия «по другим причинам», включающего наряду с безвозвратными потерями (погибших в авариях, осужденных к смертной казни), и санитарные, а также продолжавших воевать на фронте штрафников, отчисленных из армии по беременности женщин и др.¹ С. Н. Михалев также считает, что боевые потери должны включать умерших не только от ран, но и от болезней в боевой обстановке. В результате он определил долю небоевых потерь СССР в годы Великой Отечественной войны в 2,3–2,5 %², в то время как по официальным данным она составляет 4,85 % от общей численности всех безвозвратных потерь³.

Обращает на себя внимание относительность и неполнота имеющихся сведений о потерях в войне. Числившиеся погибшими военно-

¹ Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск, 2000. С. 15.

² Там же. С. 26–27.

³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 130.

служащие могли остаться в живых, а пропавшие без вести воевали в составе партизанских отрядов на оккупированной территории. Многие военнослужащие госпитализировались за войну неоднократно, в том числе по ранению и болезни, и всякий раз учитывались заново. Поэтому в итоговых сведениях о санитарных потерях за весь период войны они проходят соответственно два и более раза. Повторный счет возможен не только среди раненых и больных, но и вообще при подсчете людских потерь. Например, если военнослужащий, возвратившийся в строй после ранения, затем погиб, то его дважды учитывали в потерях: первый раз среди раненых, второй — среди убитых. Под аналогичный повторный счет попадают также военнослужащие, оказавшиеся в числе пропавших без вести, затем возвратившиеся в строй, а позже погибшие или попавшие в плен. Таких случаев «повторного» счета встречается довольно много, однако установить их точное количество практически невозможно¹.

В историографии отмечаются существенные трудности с оценками потерь в конкретных операциях и периодах войны. Вследствие нехватки источников и недостоверности содержащихся в них сведений исследователи нередко прибегают к расчетным оценкам. При этом за основу берутся три основные величины: данные о количественном (списочном) составе войск к началу и концу военной операции, а также количество полученного пополнения. Сопоставление всех этих данных позволяет определить суммарное количество потерь. Однако возникает плохо разрешимая проблема с их распределением по видам. Если количество санитарных потерь еще можно установить по данным военно-медицинской статистики, то разделить остальную убыль в войсках на убитых и пропавших без вести просто невозможно. Тем не менее данные расчеты приходится использовать исследователям и при определении общего количества безвозвратных военно-оперативных потерь Вооруженных сил СССР за весь период Великой Отечественной войны².

Еще сложнее ситуация с определением потерь гражданского населения на оккупированной территории СССР. Хотя массовые казни мирных советских граждан документировались самими оккупантами, при отступлении они стремились уничтожить любые свидетельства своих злодеяний. Гибель части советского населения в результате бомбежек, артиллерийских обстрелов, насильственных действий

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 8.

² Михалев С. Н. Указ. соч. С. 18.

отдельных частей и военнослужащих вермахта, местной полиции и других причин вообще не была зафиксирована в документах.

В результате имеющиеся в распоряжении исследователей документальные источники не позволяют полностью определить действительные масштабы людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Ситуацию не позволяет полностью прояснить и обращение к документам Германии и других государств. Стремление преувеличивать потери противника и приуменьшать собственные было широко распространено во всех воевавших странах.

Именно поэтому возник второй подход, который по сути является историко-демографическим, поскольку основан на сравнении данных статистики, отражающих влияние тех или иных демографических факторов. Его называют балансовым, или методом демографического баланса, т. к. основные вычисления базируются на сопоставлении численности и возрастной структуры населения СССР в начале и конце рассматриваемых периодов. Его сторонники считают, что «простое суммирование разных категорий людских потерь» не даст полной картины¹.

Однако использование данного подхода также имеет свои сложности. Одна из них обусловлена тем, что метод демографического баланса предполагает сопоставление данных о населении в одних и тех же границах. Но в 1937–1945 гг. территория СССР существенно расширилась, а вместе с границами менялась и численность советского населения. При этом демографические изменения не всегда получали соответствующее отражение в документальных источниках.

Главными источниками информации о демографических процессах в СССР в 1937–1945 гг. являются статистические сведения, среди которых особенно выделяются всесоюзные переписи населения 1937, 1939 и 1959 гг. Переписи населения считаются важнейшим историко-демографическим источником, позволяющим выяснить динамику, численность и состав населения страны. Однако современные исследователи убедительно доказали, что и их результаты имеют лишь относительную степень достоверности, поскольку нередко зависели от социально-политического заказа.

Судя по тем большим надеждам, которые советское руководство во главе с И. В. Сталиным возлагало на перепись населения 1937 г., оно недостаточно хорошо представляло себе демографические последствия массовых репрессий. Однако текущие расчеты численности

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 130.

населения, производившиеся плановыми народнохозяйственными органами, сильно отличались от реальных демографических процессов. Согласно расчетам население страны быстро увеличивалось, что должно было свидетельствовать о росте уровня жизни, и составляло на начало 1933 г. 165,7 млн чел., а к концу 1937 г. ожидалось, что оно составит 180,7 млн чел. Однако перепись 1937 г. насчитала всего 162 039 тыс. чел. Главные причины меньшей, чем ожидалось, численности населения, были связаны с массовыми репрессиями, коллективизацией, раскулачиванием и голодом 1932–1933 гг.

В результате правительство объявило перепись дефектной, а ее руководителей обвинили во вредительстве, выразившемся в намеренном недоучете населения. Многие из них были арестованы и погибли в ГУЛАГе, некоторых расстреляли (всех реабилитировали в 1950-е гг.). Результаты переписи были засекречены и опубликованы только в начале 1990-х гг.¹ При этом выяснилось, что недоучет составил всего 700 тыс. чел., или 0,43 %, что считается вполне допустимым. Согласно скорректированным данным общая численность населения СССР в 1937 г. составила 162 739 тыс. чел.

Новая перепись населения состоялась в 1939 г. По прогнозам Госплана СССР ожидалось, что численность советского населения составит 170 млн чел. Согласно переписи оно равнялось 170 557 тыс. чел. Краткие итоги были опубликованы в 1939–1940 гг., окончательные результаты по отдельным показателям — в 1947–1949 гг., полные — в 1990-е гг.² Но современные исследователи указывают на прямую фальсификацию результатов переписи и оценивают фактическую численность населения СССР в диапазоне от 167,6 до 168,9 млн чел.³ Немало неточностей содержали и данные текущей статистики в рассматриваемый период времени, что неоднократно отмечалось в отчетах самих статистических управлений⁴.

Определенную дискуссию вызывает сама методика демографических подсчетов. В. А. Тишков отмечает, что исследователи недостаточное внимание уделяли самой процедуре переписи и ее экспертно-

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. М., 1999.

³ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 48–49; Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. С. 155.

⁴ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 11 и др.

му обеспечению, компетентности аппарата и идеологии, следствием чего выступало не критическое восприятие статистических данных. Например, отрицательный рост ряда советских национальностей в период 1926–1937 гг. объясняется чаще всего такими обстоятельствами, как голод, репрессии и насильственная коллективизация. В частности, уменьшение украинцев на 5 млн чел., или 15 % их общей численности, большинство историков связывает с голодом. Между тем, больше всего численность украинцев и белорусов (в два раза) сократилась не на Украине, где, как считается, особенно «свирипствовал» голод, а в пределах РСФСР, потому что именно там шла их наиболее интенсивная русификация. Уменьшение численности казахов на 1,1 млн чел. (почти на 28 %) больше всего было связано с эмиграцией в Китай и с «перезаписью» в киргизы (до этого казахов называли киргизами, а киргизов — каракиргизами). Голод в данном случае, как и среди украинцев, не был определяющим фактором столь значительного снижения численности группы. В. А. Тишков указывает на необходимость учитывать смену этнической идентичности в пользу другой группы и внешние (трансгосударственные) миграции¹.

Для оценки демографических последствий Великой Отечественной войны следует сравнить ожидаемую и реальную численность населения, с учетом снижения рождаемости в годы войны и повышенной смертности в послевоенное время. При этом требуется учитывать: 1) всех умерших в результате военных и иных действий противника, 2) всех умерших в результате повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях, 3) всех жителей СССР, покинувших его территорию в период войны и не вернувшихся до конца 1945 г., исключая военнослужущих, дислоцированных за пределами СССР, и других граждан, работающих за границей, а также членов их семей.

Для выведения обобщающей оценки демографических потерь необходимо выяснить предвоенную и послевоенную численность населения СССР. Это сделать непросто, поскольку приходится учитывать многие обстоятельства. Требуется максимально точно определить численность населения СССР к сентябрю 1939 г., а также изменения в период 1939–1941 гг. Особую сложность вызывает выяснение численности населения республик и областей, вошедших в состав СССР в 1939–1941 гг., т. к. в рассматриваемый период там не проводилось

¹ Тишков В. Демографические «голодоморы». URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novy_e_publicacii/demografic.html (дата обращения 2.02.2011).

специальных переписей населения. Для установления достоверной численности населения данных регионов требуется привлекать данные текущего учета и движения населения за предшествующие годы. Но приводимые в различных работах данные нередко существенно расходятся. Так, численность населения Западной Белоруссии и Западной Украины оценивалась разными авторами в 8,16, в 10 и в 12 млн чел.¹ Современные исследователи полагают последнюю оценку крайне преувеличенной, т. к. до 2 млн поляков, оказавшихся в составе СССР, были репатриированы в Польшу и убыли на Запад в составе армии В. Андерса². Численность населения Бессарабии и Северной Буковины оценивается в 3,5–4 млн чел.³

В 1991 г. были опубликованы составленные Центральным статистическим управлением СССР по заданию Президиума Верховного Совета СССР накануне Великой Отечественной войны справки о численности населения страны на январь 1939 г., январь и сентябрь 1940 г., январь 1941 г. Они позволяли считать, что численность населения СССР составила к середине июня 1941 г. 200,1 тыс. чел.⁴ Однако эти данные были получены на основе фальсифицированных материалов переписи 1939 г. Внесенные современными исследователями коррективы позволяют снизить их, а значит, и количество понесенных потерь в годы войны, на 4–5 млн чел.⁵

Военные и первые послевоенные годы характеризуются высокой миграционной активностью населения, в значительной степени затрудняющей проведение расчетов. Репатриация, реэвакуация, депортации, демобилизация, по словам Ю. А. Полякова, происходили «на фоне ослабленной, а во многом разрушенной системы учета», и данные о них отличаются «скудностью и противоречивостью»⁶.

¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 50. С. 233; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1958. С. 23; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1963. Т. 1. С. 248.

² Парсаданова В. С. Формирование национального фронта в Польше. 1944–1946. М., 1972. С. 243; Михалев С. Н. Указ. соч. С. 6; и др.

³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 83; 1951. Т. 6. С. 251; и др.

⁴ Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21–26.

⁵ Михалев С. Н. Указ. соч. С. 8.

⁶ Поляков Ю. А. Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Отечественной войне // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 8–9.

Исследователи обращают внимание на то, что при изучении прямых потерь войны нередко требуется выход за ее хронологические рамки. Например, чтобы оценить смертность военнотружущих, находившихся к концу войны на излечении в госпиталях, следует принимать за окончательную дату не май, а декабрь 1945 г.¹ В то же время в людские потери, подсчитываемые методом демографического баланса, не включают косвенные потери — детей, не родившихся в период войны вследствие снижения уровня рождаемости, а также лиц, умерших вследствие повышения уровня смертности в послевоенные годы (так называемое «демографическое эхо» войны)². Следует учитывать и то, что численность жертв войны не всегда совпадает с общими демографическими потерями страны. В частности, это касается 450 тыс. советских граждан, оказавшихся за пределами страны во время войны и не вернувшихся по тем или иным мотивам на свою родину³.

Только в 1959 г. была проведена первая послевоенная перепись. Численность населения СССР по ней составила 208,8 млн чел., в том числе 94 млн мужчин и 114,8 млн женщин. Разница в численности мужчин и женщин равнялась почти 21 млн чел. Разница в численности мужчин с предвоенным 1939 г. (в современных границах) составила 7,9 млн чел. Обе приведенные цифры прямо свидетельствовали о масштабах демографического ущерба вследствие Великой Отечественной войны. Из общего перевеса численности женщин над численностью мужчин 13,6 млн чел. приходилось на возрастные группы от 30 до 50 лет — поколения, наиболее пострадавшие от войны, и 0,6 млн чел. — от 20 до 30 лет — возрасты наиболее частого заключения первых браков. Последствия войны, нарушившие соотношение полов, выразились и в снижении доли женщин, состоявших в браке, по сравнению с 1939 г., что в свою очередь отрицательно повлияло и на уровень рождаемости.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что существующая методология исследований форм и масштабов репрессий нуждается в обновлении и совершенствовании. Значительный объем статистических данных требует применения статистического анализа,

¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 73–79.

² Там же. С. 73–80; Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. С. 130–131; и др.

³ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан в 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 37–38.

которым не всегда владеют историки, что порой приводит к распространению различного рода инсинуаций. «Вторжение дилетантов», в свою очередь, вызывает отрицательную реакцию со стороны ряда профессиональных исследователей. А. К. Соколов справедливо отмечает, что «в ближайшем будущем нам не выйти за пределы приблизительных оценок людских потерь в годы войны. Однако это вовсе не означает, что тем самым дозволяет произвол для всякого рода цифр»¹. Очевидно, что для получения более полной и достоверной системы данных требуется совместная кропотливая работа историков, архивистов, демографов и других специалистов.

1.2. Вопросы терминологии

Разработка вопросов демографических потерь СССР в эпоху сталинизма сопровождается выработкой соответствующего понятийного аппарата, призванного служить инструментом формирования и утверждения тех или иных научных концепций. Но дефиниция данного комплекса терминов далеко не всегда носит строгий и однозначный характер. Значительные разногласия в используемой терминологии, ее толковании и интерпретации различными авторами обуславливают целесообразность специального обращения к данному вопросу.

Одним из главных понятий при изучении темы политических репрессий является *террор* (лат. *terror* означает страх, ужас). Террор определяется как устрашение политических противников или населения, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения людей, а также сама угроза применения физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам. Поскольку насилие с давних пор являлось неременным атрибутом политики, террор имеет давние традиции, уходящие корнями далеко в прошлое, а его виды чрезвычайно разнообразны.

Важнейшими критериями для классификации выступает субъект террора — государство, другие политические и общественные организации и движения, социальные общности или отдельные личности, осуществляющие террористические действия. На основании данного критерия выделяются государственный и негосударственный террор. В зависимости от того, какая социальная общность является объектом террористической политики, она также может иметь внут-

¹ Соколов А. К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны; Сб. ст. СПб., 1995. С. 22.

ренный или внешний, международный характер. В первом случае она осуществляется против граждан собственной страны, во втором — против жителей других стран.

Используя в качестве критерия масштабы и направленность террористических действий, можно выделять массовый и индивидуальный террор. Кроме того, критерием нередко выступает идеологическое обоснование террора, что позволяет выделять революционный (красный) и консервативный (белый), этнический (национальный), религиозный, коммунистический, нацистский и другие его виды¹. Различия в их оценках во многом зависят от позиций, разделяемых тем или иным автором. В советской историографии традиционно осуждался белый и прославлялся красный террор, в эмигрантской — наоборот. Революционеры оправдывали террор, направленный против правительства, а сторонники сильной государственной власти занимали противоположную позицию.

Критики советского строя нередко называли осуществлявшуюся в СССР политику коммунистическим террором, подчеркивая ее идеологическую направленность. Между тем, в числе жертв террора оказалось немало и самих коммунистов, особенно в 1937–1938 гг., а сотрудники правоохранительных органов, непосредственно осуществлявшие карательные функции, напротив, не всегда являлись членами или кандидатами ВКП(б). В результате возникла противоположная точка зрения, сторонники которой утверждали, что главной целью террора было уничтожение «настоящих» большевиков-ленинцев. Ее истоки уходят в период «оттепели», когда началась их реабилитация.

Широкое распространение имеет и такое понятие, как *репрессии* (лат. *repressio* — подавление, угнетение) — карательные меры, наказания, применяемые государственными органами. В Законе РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1 политические репрессии определяются как меры принуждения, применяемые, исходя из политических мотивов, таких, как лишения жизни и свободы, помещение на принудительное лечение в психиатрические учреждения, высылка, ссылка, лишение гражданства, привлечение к принудительному труду, лишение или ограничение прав и свобод лиц, которые были признаны социально опасными или неблагонадежными по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам.

¹ См. подробнее: Кринко Е. Ф. Происхождение террора и его типология // История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. Краснодар; Сочи, 2007. Вып. 5. С. 50–57; и др.

В фундаментальном исследовании, подготовленном сотрудниками Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, выделяются три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия: массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы, лагеря и колонии и массовые депортации¹.

Период наиболее широкомасштабных политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг. получил название «*большой террор*» – по книге британского историка Р. Конквеста, впервые опубликованной на английском языке в 1968 г. и переизданной на русском в 1991 г.² Этим понятием подчеркивается масштаб осуществлявшихся в эти годы репрессий. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», локализуемого как одним годом (1937 г.), так и несколькими (1934–1938, 1936–1938, 1937–1938 гг.). В данной работе «большой террор» ограничивается событиями 1937–1938 гг., составившими, по образному выражению М. Юнге и Р. Биннера, «ядро большого террора»³. В то же время использование данного термина вызывает определенную критику. Часть исследователей полагает, что численность жертв в рассматриваемый период не столь заметно превосходила количественные показатели других репрессивных кампаний и масштаб репрессий в другие исторические эпохи (например, вследствие раскулачивания, коллективизации и голода 1932–1933 гг. и др.), указывая на мифологизацию «большого террора» в современной историографии⁴.

Период массовых политических репрессий также называют «*ежовщиной*» по имени Николая Ивановича Ежова, занимавшего пост народного комиссара внутренних дел СССР в 1936–1938 гг. Действительно, репрессии на местах осуществлялись на основании «спущенных» НКВД цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию людей, «вредивших» советской власти (так называемых «*врагов народа*»). В свою очередь, сами «плановые задания», обычно именовавшиеся «лимитами», готовились на основании цифр, пред-

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006. С. 413.

² Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. L., 1968; Конквест Р. Большой террор / пер. с англ. Рига, 1991.

³ Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 9.

⁴ См.: Кринко Е. Ф. «Большой террор» и репрессии на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории массовых политических репрессий. Материалы III Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 134.

ставленных на утверждение местными органами согласно имевшейся у них информации. В то же время приводимое понятие отражало стремление И. В. Сталина возложить ответственность за наиболее массовый террор на непосредственного руководителя данной акции Н. И. Ежова, который был расстрелян в 1940 г., сняв ее, таким образом, с себя и других руководителей страны.

Большинство репрессированных были осуждены по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, вступившей в силу с 25 февраля 1927 г. для противодействия контрреволюционной деятельности. Содержание данной статьи несколько раз пересматривалось. В частности, перечень подпунктов ст. 58-1 был обновлен и вступил в силу 8 июня 1934 г. В уголовных кодексах других союзных республик СССР существовали аналогичные статьи. Заключение, осужденные по ст. 58, назывались «политическими», по сравнению с обычными «уголовными» преступниками.

Структура государственных органов, осуществлявших репрессии, менялась неоднократно. Согласно циркуляру ОГПУ от 29 октября 1929 г. в центральном аппарате этого ведомства для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания управления были созданы внесудебные органы — «тройки». Вплоть до 1937 г. они не обладали правом выносить расстрельные приговоры¹. Оперативный приказ наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных «троек». В них входили: председателями — наркомы внутренних дел союзных республик, начальники краевых, областных управлений НКВД, членами — руководящие работники этих ведомств и, как правило, республиканские, краевые и областные прокуроры или их заместители. В «тройки» также могли входить ответственные партийные и советские работники (секретари ЦК ВКП(б) союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), председатели СНК союзных республик и др.). Именно «тройки» были главным инструментом массовых политических репрессий в 1937–1938 гг. Они рассматривали дела заочно, в ускоренном порядке, «пропуская» десятки, сотни дел, по которым могли проходить тысячи заранее обреченных человек.

Использование труда заключенных в строительстве гидротехнических сооружений привело к появлению специального понятия, получившего впоследствии широкое распространение, вышедшее за рамки его первоначального содержания. Официальным названием

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 81.

заключенного, занятого в 1930-е гг. на масштабных строительных объектах ГУЛАГа ОГПУ — НКВД СССР по трассе Беломорско-Балтийского канала, а затем канала Москва — Волга (с 1947 г. — канала имени Москвы) стало *каналоармеец* (полностью — *заключенный каналоармеец*, сокращенно — *з/к*)¹. Данный термин восходит к словосочетанию «заключенный красноармеец», впервые появившемуся в связи с созданием «трудовых армий» после Гражданской войны, но затем вышедшему из употребления как понятие, позорившее Красную армию. Впоследствии *зеками* (а также *зэками* или *зэка*) стали называть всех узников тюрем и лагерей в СССР. Термин широко использовался сначала в художественной литературе, публицистике, а затем и в специальных работах.

Одной из самых массовых форм наказаний в советском государстве являлось лишение избирательных прав. *Лишенцами* называли советских граждан, лишенных избирательных прав в 1918–1936 гг. Согласно ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. не могли избирать и быть избранными лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и т. п.), торговцы, монахи и священники, бывшие полицейские, жандармы, члены царской семьи, душевнобольные, находившиеся под опекой и осужденные за корыстные и порочащие преступления². Практически без изменений указанные положения повторялись в конституциях СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г.

При этом вместе с избирательными правами человек терял и другие возможности. Лиц, лишенных избирательных прав, а вместе с ними и членов их семей не принимали в партию и комсомол, высшие и средние специальные учебные заведения, колхозы и кооперативы. Лишенцам не выдавали продуктовых карточек, не платили пенсий и пособий, им запрещалось работать в государственных органах³. Толь-

¹ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. М., 1934. С. 138.

² Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 561–562.

³ См.: Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996; Хлынина Т. П. Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов): Ученые записки. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С. 94–103; Федорова Н. А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483–496; Кринко Е. Ф. Лишение избирательных прав как форма

ко согласно Конституции СССР 1936 г. все совершеннолетние граждане страны, за исключением умалишенных и осужденных судом с лишением избирательных прав, получили право избирать и быть избранными. На практике же в советских анкетах, заполнявшихся при приеме на работу, сохранился пункт: «Были ли вы когда-либо лишены избирательных прав?», позволявший осуществлять дискриминацию в отношении бывших лишенцев и членов их семей. Утративший свою актуальность как юридический термин «лишенец», тем не менее, продолжал использоваться в переносном значении в работах, посвященных советским репрессиям в 1930–1950-е гг.

Наряду со смертной казнью в качестве репрессивных мер широко практиковались различные виды насильственного перемещения неудобных лиц. *Ссылка* заключалась в удалении осужденного из места его постоянного или временного жительства с обязательным поселением в определенной местности в пределах страны, как правило, в отдаленных районах. Смысл ссылки как наказания выражался в стремлении достигнуть перевоспитания виновного без изоляции от общества, но с удалением его из среды, в которой было совершено преступление, чтобы предотвратить новые преступления. Правовой режим отбывания ссылки заключался в ограничении свободы передвижения пределами того административного района, куда осужденный был сослан. Он обязан был ежемесячно регистрироваться в местных органах внутренних дел и своевременно сообщать о перемене места жительства или работы.

В качестве наказания ссылка использовалась еще в Российской империи. Временное правительство официально упразднило политическую ссылку. Но в 1920-е гг. она стала вновь применяться по отношению к политическим противникам большевиков — бывшим эсерам и меньшевикам, как правило, во внесудебном порядке. Затем ссылка распространилась на членов правящей партии — троцкистов, а с началом сплошной коллективизации — на раскулаченных крестьян, которых выслали целыми семьями на Урал и в Сибирь. В середине 1930-х гг. ссылка стала восприниматься как недостаточно строгое и эффективное наказание, к тому же не обеспечивавшее использования труда сосланных, и ее заменило лишение свободы на длительные сроки.

репрессий: юридическое закрепление и практика применения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: Материалы VI Международ. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 190–200; и др.

В отличие от ссылки, *изгнание* выражалось в принудительном выселении гражданина государства за пределы государства, обычно сочетаемое с лишением гражданства. Так, в 1929 г. Л. Д. Троцкого выслали из СССР. Позже изгнание, как и ссылка, перестало применяться в качестве меры наказания — по тем же самым причинам.

Ссылка зачастую сочеталась с *высылкой* — запрещением проживания в определенных местностях (столичных и иных крупных городах) на определенный срок. В отличие от сосланных высланные выбирали место работы и жительства самостоятельно, кроме местностей, проживание в которых им было запрещено (так называемый «минус»). Высылке подвергались не только лица, совершившие преступления, но и различные «антисоветские элементы». Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. в качестве дополнительной меры высылка назначалась на срок не более пяти лет, как самостоятельное наказание — от трех до десяти лет¹.

После освобождения политические заключенные также не имели права селиться ближе, чем в 100 км от Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, других крупных, а также «закрытых» городов. Отсюда возник неофициальный термин «*сто первый километр*», обозначающий способ ограничения в правах, применявшийся в СССР к отдельным категориям граждан. За сто первый километр отправляли и членов семей репрессированных по ст. 58 УК РСФСР 1926 г.

Особый режим содержания принудительно высланных социальных и национальных групп, характеризовавшийся ограничением свободы передвижения, наличием учета и контроля со стороны карательных органов, именовался *спецпоселением*. Сам термин возник в НКВД в конце 1940-х гг., когда система спецпоселений была окончательно сформирована. Лицо, выселенное во внесудебном порядке из места проживания, преимущественно в отдаленные районы СССР, называлось *спецпоселенцем* или *спецпереселенцем*. В 1930-е гг. к ним относились раскулаченные, а во время и после Великой Отечественной войны на положение спецпереселенцев были переведены лица, сотрудничавшие с противником, члены семей лиц, боровшихся против советской власти в Прибалтике и Западной Украине. Остальные граждане, репрессированные в основном по этническому признаку, считались «выселенцами». Но в целях упрощения учета спецпоселенцами уже в документах НКВД стали называть всех принудительно перемещенных и удерживавшихся на спецпоселении граждан. Чтобы

¹ Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 г. с постатейно-систематизированными материалами. М., 1927.

избежать путаницы, современные исследователи обычно используют в своих работах терминологию, применявшуюся в документах того времени¹.

Одна из репрессированных групп польского населения имела особое наименование — «осадники». Так назывались бывшие военнослужащие польской армии, получившие в 1920–1930-е гг. земли на территории Западной Украины и Западной Белоруссии (отшедшей к Польше по итогам советско-польской войны 1920 г.). Они «осаживались» правительством на новые территории не только для утверждения польского присутствия, но и для выполнения некоторых полицейских функций по отношению к местному украинскому и белорусскому населению. После присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР «осадников» объявили «врагами народа» и направили на спецпоселение в Казахстан, на Урал, в Сибирь. По польским данным, на восточных территориях довоенной Польши проживало не более 6–8 тыс. семей «осадников». Между тем депортация «осадников» 10 февраля 1940 г. охватила более 27 тыс. семей, в 3–4 раза больше истинного их числа. Очевидно, что термин «осадники» расширительно применялся советскими органами и был распространен на другие категории выселяемых жителей. Вместе с «осадниками» в документах органов НКВД нередко фигурируют *лесники* — работники лесной охраны, высланные со своими семьями.

Принудительное перемещение лица или целой категории лиц в другую местность внутри государства и за его пределы называется *депортацией* (лат. *deportatio* — изгнание, высылка). Данный термин впервые возник в уголовном законодательстве Франции в XVIII–XIX вв. для обозначения особых видов ссылки и пожизненного пребывания в специально отведенных местах за пределами континентальной территории (Новая Каледония и др.). В российской историографии существуют определенные разногласия в определении содержания понятия «депортация» и возможностей его использования в изучении рассматриваемой проблематики. Это обуславливается тем, что на протяжении длительного времени изучению депортаций как определенной разновидности политических репрессий мешали многочисленные запреты, идеологический контроль и отсутствие свободного доступа исследователей к архивным материалам. В настоящее время сложилось два основных подхода к интерпретации понятия «депортация» — в официальных документах и в историографии.

¹ Далее в тексте понятие используется без дополнительных оговорок, в соответствии с его употреблением исследователями.

В советских официальных документах — докладных записках, справках, донесениях — отсутствует единая трактовка депортаций. Каждая акция по принудительному переселению народов получала особое толкование. Они рассматривались как «особое государственное задание», «особое правительственное мероприятие, охватывавшее контингент по национальным признакам» или по «признакам повышенной политической активности»¹.

В современном законодательстве депортация характеризуется как принудительное перемещение лица за пределы государства. Так, закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 21 июня 2002 г. определяет депортацию как принудительное выселение иностранного гражданина в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания (проживания) в Российской Федерации². Опираясь на юридическую трактовку данного термина, часть авторов полагает, что депортации в СССР применялись только по отношению к иностранцам и лицам без гражданства, а также к некоторым другим категориям «нежелательных лиц». В частности, Л. П. Белковец считает некорректным называть депортациями внутренние перемещения граждан даже применительно к истории тоталитарных режимов³. Р. Р. Баев и А. Е. Епифанов предлагают отказаться от употребления применительно к принудительному переселению народов СССР таких терминов, как «принудительная миграция» и «депортация», принимая во внимание, прежде всего их историко-правовой, а не географический или политический характер⁴.

Тем не менее большинство историков используют термин «депортация» в отношении к принудительному переселению советских народов, понимая под ним одну из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств с применением силы и принуждения. Один из ведущих специалистов по данной проблеме Н. Ф. Бугай под

¹ См.: Бугай Н. Ф. Депортация в 40-е гг. с юга России. Причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 43.

² Российская газета. 2002. 31 июля.

³ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 26–27

⁴ Баев Р. Р., Епифанов А. Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007. С. 38.

депортацией подразумевает «принудительное переселение, ссылку, высылку не только групп населения, но и целых народов. Эта мера широко применялась в политике, осуществляемой государством начиная с 1920-х гг.»¹

Свое определение понятия «депортация» предложил и А. А. Шадт: «Это процесс принудительного переселения отдельных социальных или (и) этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде»². Исходя из данного подхода, депортации фактически выступают в качестве процедуры помещения социальных и (или) этнических групп на спецпоселение, которое, в свою очередь, является механизмом удержания их в условиях особого режима³.

Одним из ярких сторонников данного подхода является географ и историк П. М. Полян, выделивший ряд специфических особенностей депортаций как формы политических репрессий: «Во-первых, их административный, т. е. несудебный характер. Во-вторых, это их спичность, или точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Третьей особенностью является их достаточно явственная установка на вырывание масс из устоявшей и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду»⁴.

Полян также призывает не смешивать депортированных со ссыльными или ссыльнопоселенцами, т. е. высланными индивидуально по решению суда, а также с административно-ссыльными, высланными индивидуально по решению не судебного, а административного органа: «Раскулаченные и высланные кулаки проходили первоначально по ведомству ГУЛАГ ОГПУ и именовались спецпереселенцами. В 1933 г. их перекрестили в трудпоселенцев, а места их расселения переименовали из спецпоселков в трудовые поселки, или сокращенно, трудпоселки». Так называемые «новые контингенты», депортиро-

¹ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 3.

² Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 16.

³ Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010. С. 16.

⁴ Полян П. М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 5.

ванные до 1939 г., считались административно-высланными: некоторые из них были депортированы на фиксированный срок (пять, реже десять лет). Тот же статус (вернее, то же наименование, но с иным наполнением) имели и депортированные в апреле 1940 г. семьи расстрелянных польских граждан (офицеров, чиновников, «осадников»).

В феврале–апреле 1940 г. вновь стало использоваться понятие спецпереселенцев в связи с прибытием контингентов «спецпереселенцев-осадников» и «спецпереселенцев-беженцев» из числа бывших польских граждан. К указанным терминам добавились понятия «выселенцы» и «переселенцы» применительно к лицам, депортированным из 800-метровой приграничной полосы. В 1941 г. в новом значении стало использоваться дореволюционное понятие «ссылно-поселенцы» применительно к гражданам, высланным из Прибалтики, Молдавии и других регионов (особенностью этого статуса было юридически оформленное поражение в гражданских правах)¹.

Только согласно Приказу НКВД СССР от 12 января 1944 г., единственным наименованием данной категории репрессированных граждан стал термин «спецпереселенцы». Но в конце 1940-х гг. для их обозначения ввели новый термин. Инструкция для комендантов спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпоселенцев от 3 июня 1949 г. содержала предписание обозначать находящихся на спецпоселении карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, болгар, армян и греков термином «выселенцы»².

В работах некоторых исследователей также употребляется термин «*принудительные миграции*», под которым понимается перемещение значительных масс людей, предпринятое государством по отношению к своим или чужим гражданам путем прямого или косвенного принуждения. При этом лишь в случаях прямого принуждения воздействие государства на своих или иностранных граждан рассматривается как «откровенно репрессивное, карательное», а миграции в данном случае именуются насильственными³.

В последнее время в историографии широкое распространение получил еще один термин, связанный с Великой Отечественной войной — «*трудовая армия*». Впервые трудовые армии были созданы в Советской России в конце Гражданской войны, в 1920–1921 гг., на

¹ Полян П. М. Указ. соч. С. 6.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Л. 42.

³ Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11.

базе управлений, частей обеспечения и запасных частей РККА. Они представляли собой военизированные формирования, выполнявшие хозяйственно-экономические и некоторые другие задачи. Являвшиеся одним из важнейших элементов «военного коммунизма» и практическим воплощением идеи милитаризации труда как вынужденной меры в условиях Гражданской войны, трудовые армии были расформированы с переходом к нэпу. В годы Великой Отечественной войны «трудоармейцами» себя называли советские граждане, выполнявшие принудительную трудовую повинность, чтобы отличаться от заключенных. По словам А. А. Шадта, «трудоармия» — «высшая ступень развития системы внеэкономического принуждения»¹. Но, в отличие от периода Гражданской войны, это понятие не было закреплено в официальных документах 1941–1945 гг. Трудовая политика советского государства военного времени связывалась с термином «трудоармия»².

Первые публикации, в которых стало употребляться понятие «трудоармии» в связи с депортацией немцев и других народов СССР в годы Великой Отечественной войны, появились с конца 1980-х гг.³ В результате история формирования и функционирования «трудоармии» в 1941–1945 гг. стала в значительной степени связываться именно с судьбой «трудмобилизованных немцев». В 1996 г. на международной научной конференции в Анапе А. Н. Курочкин предложил первое определение «трудоармейцев». Он назвал так лиц, мобилизованных или призванных военкоматами выполнять принудительную трудовую повинность в составе рабочих батальонов (колонн, отрядов) со строгой централизованной армейской структурой при условии проживания на казарменном положении в огороженных и охраняемых «зонах» с воинским внутренним распорядком. Исследователь указывал, что основной контингент «трудоармейцев» составляли советские немцы, положение которых отличалось более жестким режимом содержания, худшими условиями жизни и быта, неприязненным отношением к ним руководства и местного населе-

¹ Шадт А. А. Указ. соч. С. 20.

² Гончаров Г. А. «Трудоармия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 154.

³ Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11; Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-е — 40-е гг. // История СССР. 1989. № 6; Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4; и др.

ния¹. Далее автор конкретизировал: «Под “трудовой армией” следует понимать военизированные рабочие формирования, сочетавшие в себе элементы военной организации (мобилизация через военкоматы, структура подразделений, внутренний распорядок, централизация органов управления), элементы производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, формальная оплата труда), а также элементы ГУЛАГа НКВД (“зона”, охрана, режим содержания, нормы снабжения)»².

Во второй половине 1990-х гг. А. Н. Курочкин и А. А. Герман охарактеризовали нормативно-правовую основу создания «трудовой армии», выявили основные этапы мобилизации немецкого населения, размещение и ведомственную принадлежность рабочих отрядов и колонн. Согласно мнению этих авторов, «трудовая армия» была создана после выхода постановления ГКО СССР № 660сс от 11 сентября 1941 г.³

Однако в современной российской историографии существуют и другие определения понятия «трудовая армия», в основном, выражающиеся в расширении его содержания. В частности, В. Н. Земсков указал, что «трудоармию», использовавшуюся на стройках НКВД и других объектах, составила часть мобилизованных в «рабочие батальоны» немцев, а также финнов, румын, венгров, итальянцев. Их размещение проводилось в отдельных лагерных пунктах ГУЛАГа, обнесенных проволокой и обеспеченных охраной⁴.

Н. А. Морозов привел примеры формирования «трудоармейских» рабочих колонн не только из немцев, но и представителей других национальностей: корейцев, русских, украинцев, белорусов, калмыков. Согласно его определению: «Трудоармия» — это военизированная форма труда определенных категорий советских граждан в 1941–1945 гг., являющаяся разновидностью трудовых поселений и «политики колонизации»⁵. П. Н. Кнышевский расширил перечень

¹ Курочкин А. Н. «Трудоармия»: историография и источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. Анапа, 4–9 сентября 1996 г. М., 1997. С. 126.

² Там же. С. 127.

³ См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945 гг.). 2-е изд. М., 2000.

⁴ Земсков В. Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 8; Его же. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социс. 1991. № 6. С. 24; и др.

⁵ Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми Крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997; Его же. ГУЛАГ в Коми Крае. 1929–1956. Дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000.

мобилизованных на трудовой фронт: вместе с депортированными народами туда были направлены лица, не годные по состоянию здоровья к строевой службе, демобилизованные из рядов армии, контингент ГУЛАГа и интернированные лица¹. Эту точку зрения разделяет и Н. П. Палецких, полагая, что «трудармия» имела несколько разновидностей — стройбатальоны, рабочие колонны, особые строительномонтажные части, лагеря советских немцев².

Массовость уничтожения евреев в годы Второй мировой войны обусловила появление специальных терминов. Сами нацисты использовали понятия «всеобщее» и «окончательное решение еврейского вопроса». Под первым понималось полное изгнание евреев из Германии, под вторым — их поголовное уничтожение. Решение о путях и средствах воплощения в жизнь «окончательного решения еврейского вопроса» было принято на совещании руководителей Германии, состоявшемся 20 января 1942 г. на озере Ванзее в Берлине, хотя дискриминация и угнетение евреев начались гораздо раньше.

В настоящее время главным понятием для обозначения масштаба трагедии евреев является *Холокост* (американизированный вариант английского слова *holocaust*, происходящего от древнегреческого *ἁλοκάυστος* — «всесожжение», уничтожение огнем, жертвоприношение). Впервые понятие *holocaust* использовали с 1910-х гг. по отношению к уничтожению армян в Османской империи. С 1942 г. Холокостом называют систематическое преследование и массовое уничтожение евреев в нацистской Германии, странах-союзниках и оккупированных странах в 1933–1945 гг. Особенно широкое распространение данное понятие получило в начале 1960-х гг., благодаря книгам писателя Э. Визеля, использовавшего его как метафору, символизирующую сожжение целого народа в нацистских крематориях. В конце 1970-х гг. состоялась всемирная телепремьера многосерийного фильма «Холокост» по одноименному роману Дж. Грина. После этого во многих странах возникли центры и музеи Холокоста.

В СССР данное понятие стало применяться значительно позже, в начале 1980-х гг. Пропагандируя дружбу народов и их боевой союз в годы Великой Отечественной войны, советские историки умалчивали о национальном составе погибших в период немецкой оккупации, фактически не признавая Холокост. Определенные противо-

¹ См.: Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.

² Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 15–30.

речия в использовании термина встречаются и в настоящее время. Отдельные авторы обозначают термином «холокост» (с прописной буквы) различные акты геноцида. Другие полагают, что Холокостом (со строчной буквы, как обозначение конкретного исторического события) следует называть только истребление евреев в годы Второй мировой войны¹.

В израильской историографии для обозначения еврейской трагедии используется термин *Шоа* (на иврите שוא — бедствие, катастрофа). Он получил также широкое распространение во Франции после выхода в 1980-е гг. одноименного фильма К. Ланцмана².

Вскоре после войны и вплоть до начала 1960-х гг. на идише в данном значении использовался другой термин — *дритер хурбм* (на идише דריטער חורבן — третье разрушение). Он подчеркивал специфический характер катастрофических событий в истории еврейского народа (разрушения Первого и Второго Иерусалимских храмов, вавилонское пленение, погромы на Украине в середине XVII в.). Другие авторы указывают, что Холокост XX в. был беспрецедентным по своим масштабам, продолжительности, географии, причем не только в истории еврейского народа³.

Таким образом, указанные понятия имеют религиозный, морально-выраженный характер. Религиозно-моральный характер имеет и термин, которым обозначают местных жителей-неевреев, спасавших от гибели евреев — «*Праведники мира*». К 1 января 2010 г. было установлено 23 226 спасителей, которым присвоено почетное звание «*Праведники мира*». Более всего — в Польше — 6195 чел., в Голландии — 5009 чел., во Франции — 3158 чел. Из бывших республик СССР наибольшее число праведников приходится на Украину — 2272 чел. Эти цифры признаются не окончательными, отображая лишь доступные сведения.

Нередко при исследовании массовых репрессий используется понятие *геноцида* (от греч. γένος — род, племя, лат. caedo — убиваю), означающее действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. В 1943 г. польский юрист Р. Лемкин использовал данный термин применительно к политике нацистов в отношении евреев в годы Второй мировой войны. Но рассматрива-

¹ Басин Я. З. К вопросу о дефинициях Холокоста // Уроки Холокоста: история и современность: Сб. науч. работ. Мн., 2010. Вып. 3. С. 8.

² Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 1035.

³ Там же. С. 1035.

емый термин по своему содержанию значительно шире, чем Холокост. Во-первых, он стал употребляться по отношению к различным народам, во-вторых, включает не только физическое истребление, но и различные формы дискриминации. В 1948 г. согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него данное явление признали тяжчайшим преступлением против человечества. Первая редакция указанного документа включала в определение геноцида и политические убийства, но СССР и некоторые другие страны не согласились с этим. Поэтому по политическим и дипломатическим соображениям политические или социальные группы были исключены из конвенции¹.

К наиболее известным фактам геноцида в XX в. относят истребление и депортацию армян в Османской империи в 1895–1923 гг.; в годы Второй мировой войны — истребление нацистской Германией евреев, цыган, славян, а профашистским хорватским режимом Павелича — сербов; истребление режимом Пол Пота в 1975–1979 гг. в Камбодже до 3 млн чел.; истребление иракскими войсками курдского населения северного Ирака в 1987–1989 гг.; массовую резню в Руанде в 1994 г., в ходе которой представители племени хуту истребили 800 тыс. членов племени тутси и другие события. В ряде современных публикаций сталинские репрессии, прежде всего депортации народов, также называются геноцидом, что вызывает возражения других авторов. Они обращают внимание на отсутствие явных доказательств того, что целью этнических депортаций являлось именно уничтожение данных народов.

Для предотвращения юридических и логических коллизий часть исследователей считают оправданным применение данного термина только по отношению к событиям, происходившим после 1948 г. С другой стороны, ст. 28 Венской конвенции о праве договоров, на которую ссылаются в подтверждение тезиса, что «международное право вообще запрещает ретроактивное применение договоров», вовсе не исключает обратное действие договоров, а обуславливает это желанием сторон договора. Более того, сама Венская конвенция о праве договоров вступила в силу 27 января 1980 г., уже после вступления в силу Конвенции о геноциде, и поэтому не применима к ней как более раннему документу². В любом случае, признание факта геноцида на международном уровне всегда остается проблематичным.

¹ Gellately R., Kiernan B. *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge, 2003. P. 267.

² *Ibid.* P. 406.

Власть, которой инкриминируется акт геноцида, не желает признавать его, и чаще всего акт геноцида признается уже ее преемниками. Нередки случаи, когда геноцид признается отдельными третьими государствами.

В тесной связи с рассмотренными понятиями находится понятие «реабилитация», означающее восстановление в правах, отмену необоснованного обвинения невиновного лица либо группы лиц из-за отсутствия состава преступления. Она отличается от амнистии и помилования полным восстановлением прав и репутации ввиду ложного (неверного) обвинения. Реабилитация производится в отношении жертв необоснованных политических и иных репрессий, массового террора и геноцида со стороны государства, которые выполнялись как в судебном, так и в несудебном (административном) порядке.

Реабилитация жертв политических репрессий в СССР началась в период «оттепели», но затем приостановилась и продолжилась уже в Российской Федерации с 1991 г. Для юридического обеспечения данного процесса принят ряд законодательных актов, среди которых важнейшее место занимает Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Согласно данному законодательному акту подлежат реабилитации:

- репрессированные по решению ВЧК, ГПУ, ОГПУ, УНКВД, НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов;
- подвергнутые ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду и иным ограничениям прав и свобод;
- осужденные за государственные и иные преступления;
- необоснованно помещенные в психиатрические учреждения на принудительное лечение;
- необоснованно привлеченные к уголовной ответственности с прекращенным по нереабилитирующим основаниям делом;
- признанные социально опасными по политическим мотивам и подвергнутые лишению свободы, ссылке, высылке без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления.

Цель заключается в реабилитации всех жертв политических репрессий на территории России с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение компенсации материального ущерба. Право на реабилитацию имеют как граждане Российской Федерации, так и

граждане государств — бывших республик СССР, иностранные граждане и лица без гражданства¹.

26 апреля 1991 г. был издан Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», осудивший «политику произвола и беззакония, практиковавшуюся на государственном уровне, являющуюся противоправной, оскорбляющую достоинство не только репрессированных». Данный законодательный акт реабилитировал репрессированные нации, народности и этнические группы, исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, включая и казачество, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне «политика клеветы и геноцида», сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия². 16 июля 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации издал Постановление «О реабилитации казачества». 14 марта 1996 г. был принят Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».

В настоящее время при Президенте Российской Федерации на постоянной основе функционирует Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий. Она решает вопросы реабилитации репрессированных лиц, групп и общностей, занимается проблемами устранения пробелов и коллизий в российском законодательстве по вопросам реабилитации, изучением, анализом и оценкой политических репрессий. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий в содействии с федеральными и региональными органами власти, прокуратурой и органами местного самоуправления подготавливает печатные и электронные книги памяти жертв политических репрессий, позволяющие определить сам масштаб репрессий.

Всего после смерти И. В. Сталина в СССР было реабилитировано более 4 млн жертв политических репрессий, в том числе, в 1988 — первой половине 1990 г. — около 1 млн чел.³ С 1992 по 2004 г.

¹ Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/10105390> (дата обращения 12.02.2010).

² Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями от 1 июля 1993 г.). URL: <http://femida.info/13/zr26a1991N1107Ip000.htm> (дата обращения 17.06.2009).

³ Комсомольская правда. 1990. 6 июня.

Прокуратура Российской Федерации рассмотрела 978 891 заявление, из них 797 532 было разрешено и 388 412 удовлетворено. В ходе проверки 636 335 дел в отношении 901 127 чел. были реабилитированы 634 165 чел., признаны пострадавшими от политических репрессий более 326 тыс. чел.¹ Только в Краснодарском крае в 1989–2005 гг. было пересмотрено 41 700 дел на 57 950 чел., из них 43 650 чел. реабилитировано, а 14 300 чел. в реабилитации отказано².

1.3. Институционализация исследований

Проблемы определения потерь населения СССР вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны лежат в сфере исследовательских интересов представителей различных научных дисциплин, но прежде всего историков и демографов. Соединение их усилий привело к появлению исторической демографии, но становление данного научного направления в СССР в целом, а изучение людских потерь в 1937–1945 гг. в особенности происходило крайне непросто. Советские руководители не были заинтересованы в появлении объективных исследований о демографической ситуации в стране в рассматриваемый период. С середины 1930-х гг. сворачивались даже проводившиеся демографические исследования. В 1934 г. был закрыт Демографический институт АН СССР, просуществовавший в Ленинграде менее трех лет (с 1930 г.). По официальной причине — в связи с реорганизацией академических институтов вследствие переезда АН СССР в Москву³. Через четыре года, в 1938 г. в связи с окончательным засекречиванием данных демографической статистики и репрессиями, от которых пострадали в той или иной степени практически все известные демографы, был закрыт Институт демографии и санитарной статистики (до 1934 г. — Демографический институт) Академии наук Украинской ССР⁴.

¹ Реабилитация. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 5.03.2011).

² Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар, 2005. С. 11.

³ См.: Типольт А. Н. Из истории Демографического института Академии наук СССР (1930–1934) // Советская статистика за полвека (1917–1967). М., 1972. С. 72–99.

⁴ М. В. Птуха — выдающийся украинский ученый-демограф. URL: http://www.idss.org.ua/index_rus.html (дата обращения 7.04.2011).

Историки также долгое время не имели возможности заниматься проблемами определения масштаба и форм потерь советского населения в 1937–1941 гг. Еще в 1936 г. был создан Институт истории Академии наук СССР на базе Историко-археографического института АН СССР и Института истории Коммунистической академии. Сначала в нем было создано шесть секторов, включая сектор истории СССР, а в 1938 г. из него выделился сектор истории СССР XX в. В 1942 г. при АН СССР и союзных республик были созданы отделы или комиссии по обобщению опыта Великой Отечественной войны, а весной 1944 г. был образован военно-исторический сектор в Институте истории АН СССР. Однако указанные научные структуры в организации своих исследований находились под значительным идеологическим контролем.

В годы Великой Отечественной войны был создан ряд специальных исследовательских структур, призванных обобщить опыт ведения боевых действий. В Генеральном штабе РККА в 1942 г. был создан специальный отдел (затем — управление), а в штабах фронтов и армий — отделения по использованию опыта войны. Указанный отдел Генерального штаба издал 20 сборников, освещавших вопросы использования войск, подготовки и проведения Сталинградской, Курской, Белорусской, Яско-Кишиневской и других операций¹, выпустил 50 информационных бюллетеней². Отдел по использованию опыта войны был создан также в Главном штабе Военно-морского флота. С 1943 г. он также выпускал сборники материалов, обобщавших опыт боевых действий флотов и флотилий. Сборники и информационные бюллетени по опыту партийно-политической работы во фронтовых условиях издавало Главное политическое управление РККА. Свои сборники печатали штабы Военно-воздушных сил, ПВО, артиллерии, бронетанковых и механизированных войск, инженерных войск, войск связи, тыла, штабы и политические органы фронтов, армий, а иногда и отдельных соединений, другие учреждения Вооруженных сил СССР³. Значительный вклад в развитие военно-исторической науки во время Великой Отечественной войны внесли военные академии. В обобщении военного опыта и пропаганде военно-исторических знаний также участвовали «Военная мысль»,

¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. М., 1942–1945. № 1–20.

² Информационный бюллетень отдела (управления) по использованию опыта войны Генерального штаба Красной Армии. М., 1943–1945. № 1–50.

³ Очерки советской военной историографии. М., 1974. С. 37.

«Военный вестник», «Морской сборник», «Военно-исторический журнал» и другие журналы. В указанных материалах содержались отдельные, крайне неполные сведения о потерях, понесенных Вооруженными силами СССР в 1941–1945 гг.

Внимание к вопросам о жертвах массовых политических репрессий в СССР активизировалось в годы «оттепели», когда для их изучения была создана специальная комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК КПСС П. Н. Поспеловым. После XX съезда в целом в стране улучшились общие условия для организации исторических исследований по истории советского общества и Великой Отечественной войны. 12 сентября 1957 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС о создании научной истории Великой Отечественной войны¹. Началось издание новых журналов «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история», возобновилось издание «Военно-исторического журнала», в которых регулярно печатались различные материалы по проблемам Великой Отечественной войны и истории советского общества. Были предприняты и другие меры, обусловившие перемены в развитии советской науки, расширились контакты отечественных историков с зарубежными коллегами, они стали принимать участие в международных научных конференциях по истории Второй мировой войны и движения Сопротивления, на которых затрагивались вопросы военных потерь.

Указанные тенденции продолжились и по завершении «оттепели», способствовавшей расширению научно-исследовательской проблематики отечественной историографии и включению в нее вопросов народонаселения СССР. В 1965 г. был создан специальный научный центр по изучению населения — проблемная лаборатория народонаселения (позже — Центр по изучению проблем народонаселения) на базе экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Проблемная научно-исследовательская лаборатория народонаселения была создана также в Ташкентском государственном университете. В 1968 г. возник Научный совет по социально-экономическим проблемам народонаселения при Отделении экономики АН СССР, в 1980 г. — отдел социально-демографических проблем в Институте социально-политических исследований АН СССР. В Институте экономики АН УССР существовал сектор демографии и воспроизводства трудовых ресурсов. Среди ве-

¹ Вопросы идеологической работы: Сб. важнейших решений КПСС (1954–1961). М., 1961. С. 111.

домственных подразделений наиболее значительную роль в данных вопросах играл отдел демографии НИИ Центрального статистического управления СССР.

В 1970 — начале 1980-х гг. состоялись конференции, симпозиумы и семинары, посвященные проблемам исторической демографии. Первый всесоюзный семинар по исторической демографии прошел в Таллине (1974). Затем подобные научные форумы проводились в Риге (1977), Омске (1979), Кишиневе (1983), Львове (1985) и снова в Таллине (1988). На указанных конференциях разрабатывалась методология и методика изучения историко-демографических процессов в СССР. Материалы работы семинаров и конференций издавались специальными сборниками¹. В этот период вышли и другие работы, посвященные проблемам народонаселения СССР, имевшие методологическое и общетеоретическое значение для разработки рассматриваемой темы². Издавались и специальные исследования, в которых анализировалась численность и половозрастной состав населения СССР, что позволяло обращать внимание на особенности предшествующего этапа демографического развития страны³. В 1983–1986 гг. на бюро Отделения истории АН СССР рассматривался вопрос развития исторической демографии в стране. Его решением в 1984 г. была создана Комиссия по исторической демографии. В 1985 г. она на правах секции вошла в Научный совет по исторической демографии и исторической географии.

Потери СССР в годы Великой Отечественной войны находились в центре внимания советской военной историографии. Еще в 1947 г. на базе военно-исторического отдела было сформировано соответствующее управление Генерального штаба. До этого в феврале 1946 г. был создан исторический отдел Главного штаба ВВС. В штабах родов

¹ Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977; Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.). Таллин, 1979; Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988; и др.

² Ананьева Г. Е., Судоплатов А. П. Историческая демография // Система знаний о народонаселении. М., 1976. С. 225–237; Шелестов Д. К. Демография: История и современность. М., 1983; Его же. Основные этапы развития исторической демографии // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989; и др.

³ См., например: Кваша А. Я. Динамика численности населения СССР за 50 лет // Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12. С. 10–13; Урланис Б. Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и благосостояние. М., 1968. С. 20–43; и др.

войск, тыла, во многих главных управлениях Министерства обороны СССР создавались военно-исторические отделения и группы, занимавшиеся подготовкой трудов по актуальным вопросам истории Великой Отечественной войны. В 1966 г. был создан Институт военной истории Министерства обороны СССР, ставший главным координирующим центром всех военно-исторических исследований.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1957 г. был образован отдел истории Великой Отечественной войны. В 1973 г. соответствующие секторы истории СССР периода Великой Отечественной войны и истории Второй мировой войны были созданы в Институте истории СССР и Институте всеобщей истории АН СССР. Изучением военной проблематики занимались и представители других научных институтов и вузов. В масштабах всей страны исследования по истории Великой Отечественной войны координировались рядом проблемных и научных советов. В частности, при Отделении истории АН СССР действовал Научный совет «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», в котором имела секция «СССР в годы Великой Отечественной войны». Однако в условиях строгой цензуры выводы авторов о масштабах и структуре потерь в 1937–1941 гг. были жестко запрограммированы, не выходя за рамки официальной историографии, а основные источники оставались засекречены.

Кардинальные изменения в разработке рассматриваемой проблемы произошли в годы «перестройки». В связи с кампанией гласности в ноябре 1987 г. было объявлено о создании Комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий. В 1989 г. в Отделении истории АН СССР была создана Комиссия по установлению истинных потерь населения СССР. Ее возглавил член-корреспондент АН СССР (ныне — академик РАН) Ю. А. Поляков. В нее вошли В. Н. Земсков, В. Б. Жиромская и другие историки, получившие допуск к хранящимся в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР, ныне — ГАРФ) документам Секретариата НКВД–МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела спецпоселений НКВД–МВД СССР и другим, прежде засекреченным архивным фондам¹.

В 1992 г. в Институте российской истории РАН под руководством Ю. А. Полякова был создан Центр изучения истории территории и населения России. В его составе действует группа «Население Рос-

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 9.

сии в XX в.» (руководитель В. Б. Жирумская). Данная проблематика исследуется также сотрудниками центров России, СССР в истории XX в. (руководитель А. С. Сеньявский) и военной истории России (руководитель академик Г. А. Куманев, он же возглавляет группу по истории Второй мировой и локальных войн XX в.) ИРИ РАН. В Институте всеобщей истории РАН проблематика потерь, нанесенных Второй мировой войной, разрабатывается в отделе истории войн и геополитики (руководитель М. Ю. Мягков). Значительные структурные изменения произошли с Институтом военной истории. В 2010 г. он был преобразован в Центр (военной истории научно-исследовательский) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, а в 2011 г. вновь стал институтом при том же военно-учебном заведении.

Свой вклад в разработку рассматриваемой проблематики на материалах отдельных регионов вносят региональные исследователи, что привело к созданию ряда специализированных научных подразделений и изданий. Так, по инициативе директора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН И. Л. Жеребцова создана группа исторической демографии и исторической географии, издается научный журнал «Историческая демография», на страницах которого находит постоянное отражение рассматриваемая проблематика, проводятся специализированные научные форумы. Проблемы демографического развития Сибири в период Великой Отечественной войны изучает сектор историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН (заведующий В. А. Исупов)¹, на Урале — сектор экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН (заведующий Г. Е. Корнилов).

Немаловажное значение уделяется политическим репрессиям и потерям населения в 1937–1945 гг. другими научно-исследовательскими учреждениями и вузами Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Краснодара, Перми, Смоленска, Карачаевска, Элисты и других научных центров. Однако, как правило, разра-

¹ Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991; Его же. Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000; Его же. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008; и др.

ботка указанных вопросов является результатом усилий отдельных исследователей, нередко получающих материальную и моральную поддержку, но не сопровождающуюся созданием новых научных институций.

Необходимо отметить и разработки современных российских демографов. Традиционно значимую роль в данной сфере играют Центр демографии и экологии человека при Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. В последние годы появились и новые исследовательские структуры, специализирующиеся на демографической проблематике. В Государственном университете — Высшей школе экономики в 2007 г. создано новое научное подразделение — Институт демографии (директор — А. Г. Вишневский, одновременно являющийся главным редактором информационного бюллетеня «Население и общество» и электронной газеты «Демоскоп Weekly», на страницах которых публикуется немало материалов по рассматриваемой проблеме). Как правило, в центре внимания данных исследовательских центров находятся вопросы современного развития народонаселения России. Тем не менее в поисках причин и факторов, определяющих современные тенденции демографического развития страны, они нередко вынуждены обращаться к опыту 1930–1940-х гг.¹

Вопросы учета советских военных потерь и состояния воинских захоронений относятся к прямой компетенции Министерства обороны. В 1989 г. был создан Координационный центр Министерства обороны СССР по увековечению памяти защитников Родины. В его обязанности входило обеспечение взаимодействия органов военного управления, воинских частей и учреждений с партийными, государственными и общественными организациями по увековечению памяти погибших, а также развитие сотрудничества с государственными учреждениями и общественными организациями зарубежных стран по выявлению, учету и благоустройству советских воинских захоронений за пределами СССР.

Характерной особенностью современной историографической ситуации является активное участие в выработке представлений о масштабе и формах репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. различных общественных объединений. Еще летом 1987 г. в Москве была создана инициативная группа (ИГ) «Памятник», позже получившая название «Мемориал». Активисты ИГ выдвинули идею сооружения в столице мемориала жертвам политических репрессий (впервые она прозвучала в выступлении Н. С. Хрущева на XXII съез-

¹ Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006; и др.

де КПСС) с архивом, исследовательским и просветительским центрами. В январе 1989 г. было учреждено Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал». В 1992 г. к определению «историко-просветительское» добавили слова «и правозащитное», а «всесоюзное» заменили на «международное». Председателем общества был избран А. Сахаров, сопредседателями — Ю. Афанасьев, Ю. Карякин, А. Адамович (четвертого сопредседателя С. Ковалева избрали в 1990 г.).

Рубеж 1980–1990-х гг. стал периодом наиболее массового развития общества, когда его инициативные группы и отделения создавались в различных городах и районах страны. Так, в декабре 1988 г. была создана ИГ «Мемориал» в Кубанском государственном университете. В июле 1990 г. на ее основе было образовано Краснодарское городское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал». Впоследствии численность организаций и их членов стала сокращаться. В настоящее время «Мемориал» представляет собой содружество десятков организаций в России, Казахстане, Латвии, Грузии, Украине, ведущих исследовательскую, правозащитную, просветительскую работу. Одним из важнейших направлений выступает увековечивание памяти о жертвах политических репрессий в СССР. По инициативе «Мемориала» в День политзаключенного 30 октября 1990 г. на Лубянской площади в Москве в память всех жертв тоталитарного режима был установлен Соловецкий камень — гранитный валун, привезенный с территории Соловецкого лагеря особого назначения, а также множество памятников в разных уголках бывшего СССР.

Одно из главных направлений работы «Мемориала» — выявление мест массовых казней и захоронений жертв политических репрессий. В частности, были обследованы захоронения на Донском и Калитниковском кладбищах, в роще близ Алтуфьевского шоссе, где покоятся останки строителей канала «Москва — Волга». На Рогожском кладбище обнаружены захоронения 300 высших командиров РККА, расстрелянных в октябре 1941 г.¹ Впоследствии были выявлены и обследованы захоронения в Москве, Санкт-Петербурге, под Минском (Куропаты), Киеве (Быковня), в Магадане, Норильске, Воркуте, Челябинске, Архангельске, Курске, Хабаровске, в Томской области, других городах и районах. Членам Краснодарского отделения общества «Мемориал» удалось установить захоронения жертв полити-

¹ «Мемориал» — знакомый незнакомец // Перспективы. 1990. № 9. С. 42.

ческих репрессий на Всесвятском историческом и старом еврейском кладбищах.

Еще весной 1988 г. члены «Мемориала» начали сбор сведений о репрессированных, распространяя специальную анкету. В картотеку жертв репрессий вошла и коллекция Д. Юрасова, насчитывавшая 200 тыс. карточек. В газете «Вечерний Ленинград» с января 1990 г. началась публикация списка реабилитированных граждан, осужденных к высшей мере наказания и расстрелянных в Ленинграде. С февраля 1992 г. в газете «Кубанские новости» публиковался список реабилитированных кубанцев.

В настоящее время историко-просветительское направление работы реализуется в разных регионах при координации московского Научно-просветительского центра «Мемориал», в котором созданы архив, музей и библиотека. Кроме того, НПЦ «Мемориал» реализует ряд собственных исследовательских программ, связанных с историей ГУЛАГа, органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ, статистикой политических репрессий в СССР. Результатом архивных исследований стали фундаментальные справочники по структуре ГУЛАГа, руководящим кадрам НКВД–НКГБ СССР и другие книги.

Программа «История политических репрессий» НПЦ «Мемориал» направлена на изучение репрессий 1917–1953 гг. и включает несколько проектов, посвященных их отдельным периодам или направлениям. Одним из главных является проект «Большой террор. 1937–1938 гг.» (участники О. А. Горланов, Н. Г. Охотин, Н. В. Петров, А. Б. Рогинский). В процессе его реализации выявлялись и систематизировались нормативная база репрессий (постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, приказы и распоряжения НКВД, прокуратуры, Верховного суда СССР и других государственных органов), а также документы отчетного характера по статистике репрессий.

Несколько проектов посвящено преследованиям отдельных социальных и этнических групп. Среди них выделяется проект «Репрессии против поляков и польских граждан» (руководитель А. Э. Гурьянов). Он осуществляется в сотрудничестве с польским Центром КАРТА в рамках международного проекта «Восточная Европа — общая судьба». Вышедший сборник научных статей охватил советские репрессивные кампании 1930–1950-х гг., впервые назвав общие масштабы советских репрессий, затронувших поляков и польских граждан: 160–180 тыс. жертв до 1939 г. и 510–540 тыс. чел. после 17 сен-

тября 1939 г.¹ Совместно с Центром КАРТА «Мемориал» участвует в составлении и публикации тематических компьютерных банков данных о польских гражданах, репрессированных в СССР. Первые подпроекты, выполненные совместно с московским Центром хранения историко-документальных коллекций и варшавским Центром КАРТА — «Узники Боровичей» и «Узники Сталиногорска», — охватывают два самых крупных скопления интернированных поляков, содержащихся под стражей на территории СССР с конца 1944 — начала 1945 г. В настоящее время готовятся банки данных поляков — спецпереселенцев и заключенных ГУЛАГа.

В рамках проекта «Преследования за веру» (руководитель И. И. Осипова) осуществляется изучение репрессий против православных, католиков, баптистов и представителей других конфессий. В ходе работы над проектом «Репрессированные востоковеды» был подготовлен специальный словарь с аналогичным названием (авторы-составители А. М. Гришина, Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина), создана его сетевая версия, дополняющаяся за счет вновь найденных материалов². В рамках программы «Российские социалисты и анархисты — участники сопротивления большевистскому режиму. 25 октября 1917 — конец 30-х г. XX в.» (руководитель К. Н. Морозов) составлен общий список социалистов и анархистов — участников антибольшевистского сопротивления в 1917 — конце 1930-х гг., содержащий сведения о 13 164 чел. Вместе с 1,5 тыс. биографических справок он размещен на специализированном историко-биографическом и просветительском сайте³.

С 1999 г. «Мемориал» ежегодно организует всероссийский конкурс исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» при поддержке Союза краеведов России, Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, в котором участвуют тысячи

¹ Репрессии против поляков и польских граждан // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997.

² Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991 гг.). СПб., 2003; URL: <http://memory.pvost.org/pages/index2.html> (дата обращения 2.04.2011).

³ Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. История, идеи, традиции демократического социализма и судьбы участников левого сопротивления большевистскому режиму. URL: <http://socialist.memo.ru> (дата обращения 11.04.2011).

школьников. Темами многих школьных исследований за эти годы являлись вопросы истории Великой Отечественной войны и репрессии 1930-х гг. Посвященные им работы победителей опубликованы в специальных сборниках, выступающих своеобразными свидетельствами значимости указанных сюжетов для исторической памяти современного российского общества¹.

В январе 1990 г. был создан Фонд Сахарова – общественная комиссия по увековечению его памяти (первым председателем фонда стала Е. Боннэр). В 1994 г. Фонд Сахарова открыл Архив Сахарова, а 1996 г. – Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова. Их миссия определена как содействие сохранению исторической памяти о десятках миллионов жертв политических репрессий и преступлениях советского режима, укреплению в современной России ценностей открытого демократического общества и государства, которые отстаивал и разделял А. Д. Сахаров. В настоящее время музейные фонды насчитывают более 8 тыс. единиц хранения, основные фонды по двум главным разделам экспозиции – 1 тыс. единиц хранения, включая фотографии, документы, рукописи и письма, предметы лагерного быта. Постоянная экспозиция «Тоталитарное прошлое» посвящена памяти миллионов людей, «принесенных в жертву коммунистической утопии».

Музей и центр осуществляют ряд исследовательских программ, в частности, «Память о несправии», в рамках которой созданы электронные базы данных: «Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных в Москве и Московской области в период с 1918 по 1953 год»; «Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР»; «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы»; «Репрессированные художники и искусствоведы»². В частности, в электронной базе «Воспоминания о ГУЛАГе», создаваемой с 1997 г., опубликованы 1 510 текстов воспоминаний, 1 514 биобиблиографических справочных сведений, 1 450 фотографий. В 2003 г. Музей и центр выпустили двойной компакт-диск

¹ Цена победы. Российские школьники о войне: Сб. работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». М., 2005; Как наших дедов забирали... Российские школьники о терроре 30-х годов: Сб. работ победителей Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников. М., 2007; и др.

² Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова. URL: <http://www.sakharov-museum.ru> (дата обращения 11.02.2011).

«Память о бесправии», в который вошли «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» и «Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР» (в 2007 г. переиздан с дополнениями). Для учителей истории и обществознания музей проводит ежегодный семинар по теме «Власть и общество. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР» и общероссийский конкурс «Урок по теме “История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР”». Значительный объем материалов по теме политических репрессий содержат библиотека, видеотека и аудиотека музея. Особый интерес представляют неопубликованные воспоминания бывших политзаключенных, их родных и друзей.

В 1992 г. в России создан научно-просветительный центр «Холокост», задачами которого является увековечение памяти о жертвах Холокоста, создание музеев и документальных экспозиций, включение темы в образовательные программы и стандарты школ и вузов, проведение мемориальных вечеров, создание мемориалов погибших, сбор документов, свидетельств и воспоминаний. В 1997 г. был организован Межрегиональный Фонд по созданию Музея Холокоста. Первым президентом НПЦ «Холокост» стал историк и философ М. Я. Гефтер, в настоящее время его возглавляют писатель, журналист и общественный деятель А. Е. Гербер, историк и архивист И. А. Альтман, они же бессменно руководят фондом. В НПЦ и Фонде «Холокост» располагаются специализированная библиотека, видеотека и архив, в котором хранятся личные фонды и коллекции бывших узников гетто, участников Великой Отечественной войны и Сопротивления. В настоящее время НПЦ «Холокост» объединяет около 200 профессиональных исследователей, журналистов, общественных деятелей, педагогов и студентов¹. Отделения находятся в Санкт-Петербурге, Владимире, Ростове-на-Дону, Смоленске, Таганроге и других городах. В серии «Российская библиотека Холокоста» издано более 30 книг. Центр и Фонд «Холокост» организуют международные научные конференции, проводят образовательные семинары, международные конкурсы работ и международные конференции школьников о Холокосте. На официальном сайте размещены не только информация об основных направлениях деятельности НПЦ «Холокост» и его публикации, но и материалы по истории Холокоста, содержащие сведения о количестве жертв².

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 626–627.

² Центр и фонд Холокост. Память и предупреждение. URL: <http://www.holocf.ru> (дата обращения 15.02.2011).

В последние годы возросла озабоченность современных российских властей использованием истории в качестве средства манипулирования общественным мнением. В целях «обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам» 15 мая 2009 г. Указом Президента Российской Федерации была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Председателем комиссии был утвержден руководитель Администрации Президента Российской Федерации С. Е. Нарышкин. В число важнейших вопросов, рассматриваемых комиссией, попали и дискуссионные вопросы советской истории в целом и Великой Отечественной войны в особенности. Позже подобные комиссии стали создаваться и в отдельных регионах России¹. Однако в марте 2012 г. президент Российской Федерации Д. А. Медведев фактически признал работу Комиссии по борьбе против фальсификации истории неудовлетворительной, распустив ее состав².

В ноябре 2008 г. был создан Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» — некоммерческая общественная организация, заявившая одной из своих главных задач «противодействие фальсификации и политически мотивированному искажению истории на постсоветском пространстве»³. Особое внимание уделяется репрессиям оккупантов и местных коллаборационистов против советского населения в Прибалтике и других западных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны. В результате деятельность фонда подвергается резкой критике со стороны официальных властей прибалтийских государств, а его руководители А. Р. Дюков и В. В. Семендей были даже объявлены персонами нон-грата в Латвии.

Фонд «Историческая память» издает исследования, сборники документов⁴, а также «Журнал российских и восточноевропейских

¹ В Москве создана комиссия по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны. URL: <http://www.regnum.ru/news/1278256.html> (дата обращения 3.02.2011).

² Комиссию по борьбе против фальсификации истории распустили. URL: <http://www.iarex.ru/news/24385.html> (дата обращения 7.04.2012).

³ Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». Отчет о деятельности за ноябрь 2008 — ноябрь 2010 г. М., 2010.

⁴ Дюков А. Р. «The Soviet Story»: Механизм лжи (Dyukov A. «The Soviet Story»: Forgery Tissue). М., 2008; Его же. Второстепенный враг. ОУН, УПА

исторических исследований», проводит научные конференции и «круглые столы» по данным проблемам¹. Им посвящен и ряд научно-исследовательских проектов. Так, проект «Повседневность террора» раскрывает деятельность националистических формирований в западных регионах СССР в 1939–1956 гг. путем выпуска серии сборников документов, создания электронной базы жертв националистического террора. В настоящее время в базе данных, размещенной на официальном сайте Фонда, содержится информация на более чем 15 тыс. чел., убитых и раненых бандеровцами и прибалтийскими «лесными братьями»². Проект «Сожженные деревни» посвящен сохранению памяти о геноциде на оккупированной территории СССР и его жертвах. В рамках проекта проведено две международные научные конференции, издано пять книг.

Существенный вклад не только в установлении судеб отдельных погибших солдат, но и в уточнении сведений о потерях в войне вносит деятельность поисковиков. История поискового движения в России насчитывает уже несколько десятилетий, однако между отдельными отрядами и объединениями нередко отсутствует координация. Советское руководство, поддерживая и стимулируя различные формы патриотического воспитания молодежи, неоднозначно относилось к деятельности поисковиков. Только в 1988 г. в Калуге состоялся первый Всесоюзный сбор представителей поисковых отрядов Советского Союза, на котором было принято решение о создании Всесоюзного

и решение «еврейского вопроса». М., 2009; Его же. Милость к павшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009; Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: Документы и исследования. М., 2008; Общая трагедия. Блокада. Холокост. М., 2009; Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1. Западная Украина, февраль–июнь 1945 года. М., 2009; «Уничтожить как можно больше...». Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг.: Сб. документов. М., 2009; Забытый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. М., 2010; и др.

¹ Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: Материалы международ. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010; Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект: Материалы международ. науч. конф. (Псков, 10–11 декабря 2009 года). М., 2010; и др.

² Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». URL: [http // historyfoundation.ru](http://historyfoundation.ru) (дата обращения 27.01.2011).

координационного Совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. Основной формой работы поисковиков стали Вахты памяти по розыску и перезахоронению павших защитников Отечества. В мае 1989 г. у деревни Мясной Бор Новгородской области на месте гибели 2-й ударной армии была проведена первая Всесоюзная Вахта памяти при поддержке Министерства обороны СССР и ЦК ВЛКСМ. В 1990 г. состоялась Вахта памяти в Смоленской области, а затем они стали проводиться во многих регионах СССР.

В 1991 г. была создана Ассоциация поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества». Но распад СССР привел к фактической ликвидации только созданных общесоюзных структур. В настоящее время самым многочисленным объединением поисковиков в Российской Федерации и ближнем зарубежье считается Союз поисковых отрядов России (председатель правления — Ю. А. Смирнов). Он включает 5 межрегиональных, 50 республиканских, краевых и областных объединений — всего более 600 поисковых отрядов общей численностью более 40 тыс. чел. Активные поисковые работы проводятся практически каждый год на территории 32 субъектов Российской Федерации¹.

Существуют и другие поисковые объединения. Так, в феврале 2011 г. 114 представителями 47 регионов России была создана Всероссийская общественная организация «Поиск», цели которой включают сохранение и увековечение памяти о гражданах Российской Федерации, погибших в разные годы при защите Отечества, выполнении воинского и служебного долга, жертв политических репрессий (председатель Т. С. Кутявин). К сожалению, в действиях различных поисковых объединений и отрядов, даже в рамках одного региона, нередко существует рассогласованность, создающая серьезные трудности в их работе. Несмотря на официальную поддержку государства, у поисковиков возникает немало и других проблем, во многом вследствие отсутствия необходимой правовой регламентации их деятельности. Этим и объясняется стремление поисковиков к консолидации на различном уровне².

¹ Союз поисковых отрядов России. Все только говорят — мы делаем! URL: <http://www.sporf.ru> (дата обращения 2.04.2012).

² Николаева Е. Урок патриотизма для 10 000 ребят. URL: <http://www.rostof.ru/article.php?chapter=1&id=20121513> (дата обращения 20.04.2012) и др.

1.4. Современные формы представления исторических знаний

Традиционной формой обмена научной информацией и становления нового исторического знания выступает проведение научных и научно-практических конференций. Рассматриваемая проблематика находит свое отражение как на общих, так и на специальных научных форумах. Так, депортациям советских народов были посвящены международные, всероссийские и региональные конференции в Элисте (1992, 1993, 2003), Карачаевске (1993, 2003) и Нальчике (1994)¹. Их опубликованные материалы представляют собой немаловажные историографические факты в разработке рассматриваемой проблемы. В 1993–2000-х гг. в Москве, Анапе, Екатеринбурге, Оренбурге состоялись научные конференции, посвященные истории советских немцев². На них данные вопросы неизменно приобрели важнейшее значение, как и на конференциях по истории курдов (1991, 1992) и греков (1996) в Москве, других репрессированных народов, что во многом объясняется той ролью, которую сыграли принудительные переселения в их драматической судьбе в XX в.

¹ Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. конф., 28–29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений III Всерос. науч. конф., 6–7 марта 1994 г. Нальчик, 1994; Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: Материалы Международ. науч. конф. 23–24 октября 2003 г. Элиста, 2003; Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003.

² См.: Немецкий российский этнос: вехи истории: Материалы науч. конф. М., 1994; Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международ. науч. конф. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996; Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международ. науч. конф., Анапа, 26–30 сентября 1997. М., 1998; Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М., 1999; Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международ. науч.-практ. конф. Оренбург, 2000; Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (03–09.09.1999 г.). Екатеринбург, 2001.

Не раз проблемы депортаций и реабилитации поднимались и на других научных форумах различного уровня, научных и научно-практических конференциях и круглых столах, даже если их тематика и не касалась прямо рассматриваемых событий. В данной связи необходимо отметить создание и деятельность Конфедерации репрессированных народов РСФСР, первый съезд которой состоялся в Москве 1–3 июля 1991 г. На нем и последующих съездах обсуждались проблемы народов, подвергшихся принудительному переселению, пути их решения.

В декабре 2007 г. состоялась международная научная конференция в Париже на тему «1937–1938: Апогей Большого Сталинского террора». Она собрала десятки исследователей из Франции, России, Украины, США, Германии, Швеции, изучающих различные аспекты сталинского «большого террора». Доминировали на конференции ученые из России¹.

Конференции по истории «большого террора», судьбах заключенных ГУЛАГа, депортированных народов, спецпоселенцев и других категорий репрессированных советских граждан в 1990-е гг. широко проводились в ряде регионов России — на Урале², в Сибири³, Дальнем Востоке⁴. Но в 2000-е гг. их количество стало сокращаться, а роль главного центра по изучению данной проблемы закрепились за Республикой Коми⁵. Это стало возможным благодаря значи-

¹ Кропачев С. А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // Российская история. 2009. № 1. С. 206–212.

² История репрессий на Урале в годы Советской власти. Тезисы науч. конф. Екатеринбург, 1994; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг.: Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», проход. в Нижнем Тагиле 10–12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997.

³ 60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий: Материалы науч. конф. (Омск, 21 октября 1997 г.). Омск, 1998; Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е годы). Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане. Абакан, 2001; и др.

⁴ Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы. Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток, 1997.

⁵ Политические репрессии в России. XX век (Материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). Сыктывкар, 2001; Политические репрессии в Коми и на севере России: организаторы и жертвы (Материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 28–29 октября 2005 г.). Сыктывкар, 2006; Человеческий век в ГУЛАГе: Изгнанные и заключенные: Сб. материалов 2-й Всерос. науч.

тельной поддержке региональных властей, активной издательской и научно-популяризаторской деятельности Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». В 2005–2012 гг. Сыктывкар стал также местом проведения шести всероссийских и одной международной конференций и симпозиумов по исторической демографии, на которых немало места занимают рассматриваемые вопросы¹.

Обращает на себя внимание региональное распределение в проведении научных форумов, посвященных массовым политическим репрессиям в СССР — как правило, это места массового отбытия наказания (Сибирь, Север) или современного проживания депортированных народов (республики Северного Кавказа и Калмыкия). Одним из немногих исключений выступает Краснодар, где в 2002–2011 гг. состоялось семь конференций под общим названием «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» по инициативе Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал»².

Вопросы, связанные с политическими репрессиями в 1936–1945 гг., также рассматриваются на более общих конференциях, связанных с осмыслением сталинизма как определенного исторического явления. Среди них, в частности, международные научные конференции из цикла «История сталинизма». Первая из них состоялась в 2008 г. в Москве и носила название «Итоги и проблемы изучения», вторая — в 2009 г. в Смоленске — «Репрессированная российская

конф. студентов и аспирантов «История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е гг.» (30–31 марта 2007). Сыктывкар, 2009; и др.

¹ Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 2–4: Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2005–2007; и др.

² Проблемы истории массовых политических репрессий. Материалы I регион. науч. конф., г. Краснодар. Краснодар, 2003; Проблемы истории массовых политических репрессий. К 70-летию голода 1932–1933 годов: Материалы II регион. науч. конф., г. Краснодар. Краснодар, 2004; Проблемы истории массовых политических репрессий. К 70-летию начала «Большого террора»: Материалы III Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006; Проблемы истории массовых политических репрессий. Роль СССР во Второй мировой войне — неизвестные и малоизученные страницы: Материалы IV Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006; Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всерос. науч. конф. Краснодар, 2008; Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010; и др.

провинция»¹, третья — в 2010 г. в Екатеринбурге — «История сталинизма: крестьянство и власть»².

Конференции, посвященные истории Великой Отечественной войны, проводятся в России значительно чаще, чем научные мероприятия о политических репрессиях, особенно в годы празднования очередных юбилеев Победы или освобождения отдельных регионов страны от фашистской оккупации³. Это свидетельствует об особом статусе данной темы в исторической памяти и массовом общественном сознании россиян. Но проблемы потерь советского населения в 1941–1945 гг. и цены Победы не часто выступают в качестве самостоятельных исследовательских направлений на этих научных форумах. Тем не менее, демографические процессы в тех или иных регионах СССР нередко рассматриваются на них в отдельных докладах⁴.

¹ «История сталинизма. Репрессированная российская провинция». Международ. науч. конф. URL: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/1043-1----.html> (дата обращения 24.02.2011).

² «История сталинизма: крестьянство и власть». Международ. науч. конф. URL: <http://www.rosspen.su/files/ru/news/Programmai.htm> (дата обращения 14.03.2011).

³ 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Материалы регион. науч.-практ. конф. Ставрополь, 1995; 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Материалы Международ. науч. конф., Москва, 27–30 сент. 1995 г. Смоленск, 1995; 50 лет Великой Победы: Материалы науч.-практ. конф., состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп, 1996; 55 лет Великой Победы: история и современность: Материалы межвузов. науч. конф. Карачаевск, 2000; Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы социальной истории: Материалы Международ. науч. конф. 28–31 мая 2002 г. Майкоп, 2002; Россия в войнах XX века: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 60-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков (Адлер, 1–4 октября 2003 г.). Краснодар, 2003; Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы Рос. науч.-практ. конф. 21–22 апреля 2010 г. Элиста, 2010; Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный, 2010; и др.

⁴ См.: Базалева А. В. Демографическая ситуация на Кубани накануне и в годы Великой Отечественной войны // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы международ. науч.-практ. XIV Адлерские чтения — 2008. Краснодар, 2008. С. 20–21; Кринко Е. Ф. Динамика численности и этнический состав населения Адыгеи в 1941–1945 гг. // Патриотизм и интернационализм как источники Победы советского народа

Современный этап в развитии историографии отличает появление новых форм презентации исторических знаний о массовых потерях советского населения в 1937–1945 гг., связанных с развитием технических средств. Поскольку в настоящее время возрастает значимость виртуального пространства как источника информации для все более широких социальных слоев российского общества, в рамках данного исследования был осуществлен анализ его возможностей в освещении проблем массовых репрессий и потерь населения СССР в 1936–1945 гг. При этом, поскольку объектом изучения данной работы выступает отечественная историография, объектом анализа выступает только русскоязычный сегмент Интернета.

О значительном объеме сведений по теме репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. в Интернете свидетельствует уже само количество электронных документов, выявленных при помощи трех основных поисковых систем (Google, Yandex, Rambler). С целью получить более достоверную картину анализ данных проводился дважды, с перерывом в полтора месяца, 2 февраля и 17 марта 2011 г. Использовались как общие понятия (террор, репрессии, политические репрессии, государственный террор), так и специальные термины (ГУЛАГ, депортации народов в СССР, репрессии в РККА), отражающие различные виды репрессий. В ряде случаев данные полностью совпали, в других возник разрыв в количественных показателях, отражающий быстроту смены виртуальной информации. Чтобы достичь более высокой степени достоверности, был выведен средний арифметический показатель, использовавшийся в качестве базового для анализа (см. таблицу 1).

в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм народов Адыгеи в годы Великой Отечественной войны: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 27–29 ноября 2008 года. СПб.; Майкоп, 2008. С. 376–388; Бушуева О. Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): опыт создания электронной базы данных // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы международ. науч.-практ. конф. XVII Адлерские чтения. 21–25 мая 2010 г. Краснодар, 2010. С. 84–87; Вшивцева Ю. В. Демографические процессы на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 105–109; и др.

Количество документов в русскоязычном сегменте Интернета (в тыс.)

Понятия	Google		Yandex		Rambler		Средний показатель
	4.02.2011	17.03.2011	4.02.2011	17.03.2011	4.02.2011	17.03.2011	
Репрессии	9 470	19 300	4 000	4 000	5 000	5 000	7 795
Террор	5 070	7 850	4 000	3 000	6 000	6 000	5 320
«Большой террор»	29,2	20 100	3 000	43	3 000	3 000	4 862
Государственный террор	24,9	19 700	2 000	2 000	1 000	1 000	4 287,5
Депортации	4 350	7 130	953	1 000	1 000	1 000	2 572,2
Политические репрессии	457	1 160	3 000	4 000	3 000	3 000	2 435,5
Террор в СССР	1 440	5 290	1 000	2 000	1 000	1 000	1 955
Репрессии в СССР	817	1 410	2 000	2 000	1 000	1 000	1 371,2
Потери в Великой Отечественной войне	268	499	1 000	3 000	548	1 000	1 052,5
ГУЛАГ	727	1 350	1 000	1 000	1 000	1 000	1 012,8
Сталинизм	1 250	1 030	630	780	713	742	858
Сталинские репрессии	58,6	108	1 000	1 000	691	691	591,4
Депортации народов в СССР	70,6	399	436	568	119	116	401,4
Коммунистический террор в СССР	59,4	89,6	374	395	95	94	184,5
Репрессии в РККА	29,2	186	155	166	69	67	112
Спецпоселенцы	29,4	345	20	22	8	8	72

Проведенный анализ подтверждает, что в наибольшей степени в русскоязычном Интернете представлены общие понятия (репрессии, террор, государственный террор, депортации). Их востребованность объясняется уже актуальностью данных понятий и их содержания для современного пользователя. Среди специальных терминов наиболее высокий показатель (и одновременно наименее устойчивый, т. е. различающийся по времени) оказался у «большого террора». Другие специальные термины, имеющие более частный характер,

означающие отдельные виды репрессий или группы репрессированных, представлены значительно меньше. Тем не менее, в целом, полученные результаты позволяют считать, что в Интернете достаточно полно и широко представлены материалы о репрессиях и потерях СССР в 1937–1945 гг.

Особенно существенное значение для представлений сведений по рассматриваемой проблематике имеют сайты специализированных научных и архивных учреждений, а также общественных организаций. Так, помимо изданий Международного фонда «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева» содержит более 8 тыс. архивных документов по истории России XX в., многие из которых характеризуют сталинские репрессии и события Великой Отечественной войны¹.

Красноречивое наименование «Греческий мартиролог» получил проект Ассоциации греческих общественных объединений России, который создал известный исследователь репрессий против греков И. Г. Джуха. На сайте размещены электронные списки самих репрессированных, снабженные поисковой системой. Кроме того, он содержит сведения о конференциях и книгах, документы, фотографии и другие материалы о репрессиях против греков.

Виртуальное пространство предоставляет совершенно новые возможности для обобщения и представления данных о репрессиях и потерях советского населения в 1937–1945 гг. Особенно следует отметить создание Министерством обороны Российской Федерации Обобщенного компьютерного банка данных, содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (ОБД Мемориал). Главная цель проекта — дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения.

К настоящему времени в ОБД введено 11,8 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях периода Великой Отечественной войны из 35 980 архивных дел Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ), Центрального военно-морского архива, Российского государственного военного архива, ГАРФ, региональных архивов, а также 31 590 паспортов существующих мест воинских захоронений в Российской

¹ Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org> (дата обращения 11.01.2011).

Федерации и за ее пределами, хранящихся в Военно-мемориальном центре Вооруженных сил Российской Федерации. Всего в ОБД содержится около 26 млн записей. Основной массив документов представляет собой донесения боевых частей о безвозвратных потерях, другие архивные документы, уточняющие потери (похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, трофейные карточки советских военнопленных и т. д.).

На сайте можно найти информацию о звании погибшего, части, в которой он служил, дате и причине смерти (убит, умер от ран, пропал без вести) и месте захоронения. Более того, на сайте выложены отсканированные копии всех обработанных документов-первоисточников, содержащих информацию о персоналиях, позволяющие идентифицировать павших, поскольку в них часто содержится дополнительная информация, в частности имена и адреса родственников, которым отсылались «похоронки». С 2007 г. ОБД «Мемориал» появилась в свободном доступе в сети Интернет¹.

В отличие от базы данных по потерям СССР в годы Великой Отечественной войны создание базы данных жертв политических репрессий остается полностью прерогативой общественных организаций. В мае 2000 г. по инициативе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в г. Нижний Тагил была проведена научно-практическая конференция «Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР». По итогам конференции представители общественных организаций России, Украины, Казахстана и Беларуси приняли решение о создании единой электронной Книги памяти. Проект был поддержан Фондом Форда, Фондом «Точка опоры» и получил название «Возвращенные имена». Его главная цель заключается в предоставлении через Интернет всеобщего открытого доступа к систематизированной информации по истории репрессий.

Координационные центры проекта возникли в Нижнем Тагиле, Красноярске, Алматы, Одессе, Москве и Петербурге. Активное участие в проекте приняла Российская национальная библиотека, на сайте которой «Возвращенные имена. Северо-Запад» разместились Книги памяти Санкт-Петербурга, Архангельской, Вологодской, Калининградской, Костромской, Мурманской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской областей, Республики Карелия и Рес-

¹ ОБД «Мемориал». URL: www.obd-memorial.ru (дата обращения 24.03.2012).

публики Коми¹. Сайт востребован широкой аудиторией (см. таблицу 2). Она также издала Книгу памяти «Ленинградский мартиролог, 1937–1938» о репрессиях в Ленинграде и Ленинградской области, в состав которой входили в то время Новгородская, Псковская, Мурманская и часть Вологодской областей².

Таблица 2

Обращения пользователей к сайту «Возвращенные имена. Северо-Запад России» (на 28 января 2011 г.)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Количество обращений к страницам	512 506	1 212 012	1 871 556	2 061 171	2 389 957	2 617 767	2 996 561	3 904 346
Количество визитов	66967	141741	195839	342646	459265	367536	554641	622956

Свой собственный сайт также создали Уральский координационный центр данного проекта и лаборатория исторической информатики Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Он содержит, помимо публикаций, описание баз данных «Репрессированные тагильчане» и «Немцы – трудармейцы Тагиллага», карты спецпоселений Свердловской области, ИТЛ, УИТЛК, комендатур отдела спецпоселений. Пилотная версия банка данных «Возвращенные имена» стала доступна пользователям с 2002 г. Она содержит справки о репрессированных из баз данных отдельных регионов – Москвы, Ярославля, Красноярска, Томска, Владивостока (всего – 104,7 тыс. записей). Поиск осуществляется по запросу: фамилия, имя, отчество, пол, дата и место рождения, дата и место смерти, а также в любой комбинации указанных полей.

За десять прошедших лет создана единая база данных, составленная из материалов региональных книг памяти, в том числе тех, которые только подготовлены к изданию. Результаты этой работы, дополненные информацией из ряда других источников, составили основное содержание электронного издания Международного общества

¹ Возвращенные имена. Северо-Запад России. URL: <http://vizz.nlr.ru> (дата обращения 7.02.2011).

² Ленинградский мартиролог. 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1: Август–сентябрь 1937 года. СПб., 1995. Т. 2: Октябрь 1937 года. СПб., 1996. Т. 3: Ноябрь 1937 года. СПб., 1998. Т. 4: 1937 год. СПб., 1999. Т. 5: 1937 год.

«Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР». В 2007 г. вышла четвертая версия, которая содержит 2 614 978 имен репрессированных жителей России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины. Количество тех из них, кто был арестован и осужден по политическим мотивам на территории РСФСР в разные годы, составляет примерно 1,6 млн чел.

Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий разрабатывает собственный проект «Общероссийский гуманитарный центр истории политических репрессий и памяти жертв тоталитаризма» для создания общероссийского электронного банка данных¹. Однако в настоящее время на ее сайте размещены только сведения о других информационных ресурсах по рассматриваемой проблеме. Информация о политических репрессиях и жертвах государственного террора в СССР представлена и на целом ряде других сайтов².

Необходимо отметить, что сайты, как и другие виды историографических источников, нередко отражают и популяризируют определенную идеологию. Наряду с порталами организаций, стремящихся увековечить память о жертвах репрессий, существуют сайты сталинистской ориентации. Например, один из самых объемных и разноплановых сайтов — «За Сталина» — имеет рубрику «Правда о репрессиях»³. Публикуемые в ней материалы призваны убедить пользователей в том, что масштабы репрессий завышаются, чтобы дискредитировать советский строй и личность И. В. Сталина.

¹ Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов-жертв политрепрессий «Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий». URL: <http://rosagr.natm.ru> (дата обращения 25.11.2010).

² Ассоциация жертв политических репрессий Восточной Сибири и города Иркутска. URL: <http://www.memory.irk.ru> (дата обращения 15.01.2011); Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области «Забвению не подлежит» URL: <http://www.memo.infomsk.ru> (дата обращения 13.01.2011); Карлаг НКВД URL: <http://www.karlag.kz> (дата обращения 14.01.2011); Красноярское общество «Мемориал». URL: <http://www.memorial.krsk.ru> (дата обращения 11.02.2011); «Не предать забвению». Сайт Ярославского общества «Мемориал» и областной Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. URL: <http://www.memorial.yaroslavl.ru> (дата обращения 9.02.2011); Пензенское общество «Мемориал». URL: <http://www.memorialpenza.sura.ru> (дата обращения 15.02.2011); Фонд «Покаяние». URL: www.pokayanie-komi.narod.ru (дата обращения 4.03.2011); и др.

³ За Сталина! URL: <http://stalinism.narod.ru> (дата обращения 15.02.2011).

Как правило, сайты содержат ссылки на другие информационные материалы, создавая единый исторический гипертекст. Поэтому представляется оправданным обращение к основным русскоязычным зарубежным сайтам и базам данных, содержащим информацию по данному вопросу. Среди них, в частности, необходимо отметить базу данных, созданную польским Центром КАРТА в рамках специальной программы «Индекс репрессированных», направленной на поименную документацию судебных польских граждан, репрессированных в СССР, реализуемую с января 1988 г. Эту базу данных составили личные анкеты репрессированных и архивные документы. В настоящее время она насчитывает 950 тыс. биограмм. Каждая информация, основанная на разных источниках, вводится в базу отдельно, вследствие чего один человек может значиться в ней несколько раз. Обработка и сопоставление данных проводились в тесном сотрудничестве с «Мемориалом», прошедшая сверку информация о репрессированных публикуется в книгах издательской серии «Индекс репрессированных». Опубликованные биограммы содержат личные данные, информацию о форме репрессии в СССР и шифр архивных источников, в которых значатся эти лица.

С сентября 2001 г. эти биограммы доступны также в Интернет-центре «Индекса репрессированных». С 2008 г. здесь также размещаются биограммы, которые не значатся в комплексных именных списках, основанных на постсоветской документации, а были получены из других достоверных источников: анкет «Индекса», архивных справок, полученных благодаря посредничеству «Мемориала», материалов, скопированных Военной архивной комиссией, документации Союза польских патриотов, Бюро информации и розыска Польского Красного Креста, Главного управления союза сибиряков и т. д. В настоящее время в Интернет-центре «Индекса репрессированных» значится свыше 275 тыс. биограмм. Среди них и биограммы, составленные по списку архивных и следственных дел органов НКВД Западной Украины и Западной Белоруссии, который содержит сведения о лицах, арестованных в 1939–1941 гг.¹

Заслуживает внимания и деятельность созданного в 1999 г. Центра документации истории сопротивления и репрессий в национал-социалистической Германии и в советской зоне оккупации / Германской Демократической Республике (ЦД) при объединении «Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора» (Дрезден).

¹ Карта. Индекс репрессированных. URL: <http://www.indeks.karta.org.pl/> ru (дата обращения 25.01.2011).

Научная, документационная и справочная работа ЦД развивается по нескольким направлениям. С 2000 г. один из важнейших исследовательских проектов посвящен выяснению судеб бывших советских военнопленных и других советских граждан, умерших в лагерях и рабочих командах на территории Третьего рейха, оказанию помощи их родственникам в получении об этом информации. В рамках этого проекта были заключены соответствующие соглашения с архивными службами Российской Федерации (2000), Республики Беларусь (2002), Республики Украины (2004). С 2003 г. ведется выяснение судеб немецких военнопленных и интернированных. В том же году оба этих проекта были объединены под одним названием «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода».

В ЦД ведутся базы данных советских военнопленных и захоронений советских граждан на территории Вольной земли Саксония. Сведения для них поступают из нескольких источников. Во-первых, это документы из бывших советских архивов — материалы бывшей Справочной службы вермахта, протоколы допросов немецких военнослужащих, во время войны составлявших персонал лагерей для советских военнопленных. Во-вторых, это материалы из архивов Федеративной Республики Германии — документы вермахта, отчеты немецких строительных фирм, медицинская документация, опросы немецких граждан об иностранных рабочих, которые после Второй мировой войны проводились оккупационными властями и немецкими органами управления, документы общин, на территории которых были похоронены советские граждане¹.

Материалы о потерях населения СССР в 1937–1941 гг. размещают на своих информационных ресурсах и учебные заведения. Например, в качестве образовательного проекта школы № 689 г. Москвы, участвующей в программе International Education and Resource Network (Международная образовательная и ресурсная сеть), создан сайт «Холокост», на котором представлены исторические документы, фотографии, а также курс по истории Холокоста, состоящий из 34 часов факультативных занятий. Авторы-разработчики сайта рассчитывают на то, что учителя истории смогут использовать его для проведения различных по форме занятий с учащимися основных и средних школ, гимназий, лицеев, колледжей².

¹ Центр документации. URL: <http://www.dokst.ru/content/o-tsentre/tsentr-dokumentatsii> (дата обращения 25.01.2011).

² Холокост. URL: <http://Holocaust.ioso.ru> (дата обращения 19.01.2011).

1.5. Проблемы периодизации и общая характеристика выделяемых этапов

Периодизация является одним из ключевых способов историографического анализа, заключающимся в рассмотрении процесса формирования и развития исторического знания при помощи его разделения на определенные этапы или периоды. Разработка периодизации отражает потребность исследователей в систематизации накопленных знаний. В исторической науке существует определенный опыт разработки периодизации отечественной историографии советской истории, представляющий несомненный интерес для анализа рассматриваемой проблемы.

Большинство исследователей традиционно выделяют несколько этапов и периодов в развитии советской историографии, начало которых также обычно связывается не только с особенностями развития самой исторической науки, но и СССР в целом. Это же отличает и специальные периодизации отечественной историографии отдельных проблем советской истории. Особенно показательной в данном отношении является разработка периодизации историографии Великой Отечественной войны.

Первая периодизация советской историографии темы войны была разработана в начале 1960-х гг. А. В. Карасев в статье, опубликованной сначала в журнале «Вопросы истории»¹, а затем в специальном сборнике, посвященном советской исторической науке, выделил три периода в развитии историографии Великой Отечественной войны. Первый из них охватывал время самой войны, 1941–1945 гг., второй – первое послевоенное десятилетие, 1945–1955 гг., начало третьего датировалось 1956 г.² А. В. Карасев проанализировал особенности каждого из этапов, отметив, что изучение истории Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. «было связано с непосредственными практическими потребностями страны»³. После войны развитию историографии, по мнению автора, мешали, во-первых, отрицательное влияние культа личности И. В. Сталина, сказывавшееся в догматическом характере многих исследований, во-вторых, продолжение

¹ Карасев А. В. Краткий обзор литературы по истории Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1961. № 6.

² Карасев А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: Сб. ст. М., 1962. С. 511.

³ Там же. С. 511–512.

процесса сбора, систематизации и обработки документальных материалов, доступ к которым был затруднен для исследователей¹. Начало третьего этапа связывалось с решениями XX съезда КПСС, созданием 6-томного труда по истории Великой Отечественной войны и других работ советских историков².

В середине 1960-х гг. был предложен другой вариант периодизации советской историографии военной темы, согласно которому она разделялась на два основных этапа. Первый включал 1941–1956 гг., начало второго связывалось с XX съездом КПСС. Впервые данную периодизацию обосновал А. П. Беляков, затем она нашла отражение в историографическом разделе завершающего тома фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны³. Таким образом, XX съезд рассматривался в качестве единственного решающего рубежа в развитии советской историографии войны. В этом сказывалось влияние политической конъюнктуры, хотя объединение литературы военного и послевоенного периодов в рамках единого этапа в развитии советской историографии, с одной стороны, и их отделение от исследований последующего времени, с другой, находило свое подтверждение и в обстоятельствах собственного развития науки. Однако в историографических исследованиях второй половины 1960-х гг. эти положения не получили дальнейшей разработки, т. к. в условиях завершения «оттепели» значению XX съезда стало уделяться меньше внимания.

Большинство исследователей второй половины 1960–1980-х гг. выделяли три основных периода в развитии советской историографии Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг., 1945–1956 гг., с 1956 г. и далее. Данная периодизация получила аргументированное обоснование в работах П. А. Жилина, Г. А. Куманева, М. И. Лихоманова, А. В. Митрофановой, Г. Г. Морехиной, И. В. Ставицкого и других историков⁴. Свою роль играло и то, что она совпадала с общей

¹ Карасев А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны. С. 513.

² Там же. С. 517, 522.

³ Беляков А. П. Историография трудового подвига советского рабочего класса в период Великой Отечественной войны // Некоторые проблемы истории советского общества (историография). М., 1964. С. 203; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М., 1965. Т. 6. С. 403.

⁴ Жилин П. А., Куманев Г. А., Ставицкий И. В. Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне // Очерки по историографии советского общества. М., 1967; Мутов-

периодизацией развития советской исторической науки¹. Ряд исследователей позже предлагал вернуться к периодизации, разделявшей историографию данной темы на два этапа: 1940 — первая половина 1950-х гг., конец 1950 — начало 1980-х гг.² Но эта идея не нашла поддержки у значительной части советских историков. В рамках последнего этапа некоторые исследователи позже предлагали выделять несколько периодов. Так, М. К. Козыбаев, а за ним и другие историки разделяли последний этап на два периода, границей между которыми считался октябрь 1964 г.³ Однако указанные положения также оказались во многом невостребованными в силу перемен, начавшихся со второй половины 1980-х гг., на фоне которых предыдущие трансформации в науке утратили свое значение.

С середины 1990-х гг., когда перемены в развитии исторической науки приобрели все более очевидный и необратимый характер, исследователи стали предлагать новые варианты периодизации историографии Великой Отечественной войны. При этом большинство авторов выделяют в качестве точки отсчета современного этапа начало «перестройки». Так, М. С. Плетушков и А. С. Якушевский считают, что в отечественной историографии минувшей войны выделяется «два сильно отличающихся друг от друга периода. Первый, продолжающийся до второй половины 80-х годов, — это период советской

кин Н. С., Селяничев А. К. Великая Отечественная война в советской историографии // Очерки истории советского общества. М., 1967; Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; Её же. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография советского тыла Великой Отечественной войны. М., 1976; Юденков А. Ф. Коммунистическая партия — организатор и руководитель партизанского движения (Историография вопроса) // Историография Великой Отечественной войны. М., 1980; и др.

¹ В развитии исторической науки в СССР рассматриваемого времени так же выделялись три этапа: канун и годы Великой Отечественной войны, первое послевоенное десятилетие, вторая половина 1950–1960-е гг. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V, ч. 1. Гл. 1. С. 5–41.

² См.: Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск. М., 1985. С. 101; и др.

³ См.: Козыбаев М. К. Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941–1945 гг.). Автореф. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 13; Евланова М. Н. Рабочий класс СССР периода Великой Отечественной войны в историко-партийной историографии. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 11; Маркусенко И. С. Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1977. С. 7; и др.

историографии. Второй, начавшийся в нашей стране с «перестройки» и гласности, — это постсоветский или посткоммунистический период». При этом в первом периоде исследователи выделяют «несколько этапов, различие между которыми обусловлено главным образом некоторыми изменениями курса КПСС в связи со сменой первых руководителей партии, а также возникавшими потребностями в изучении тех или иных проблем советско-германской войны»¹.

В основе указанного варианта периодизации лежит понимание того, что современный этап представляет собой совершенно иной, особый период в развитии отечественной исторической науки. В то же время выделение времени начала «перестройки» в качестве его точки отсчета во многом отражает традицию связывать любые изменения в развитии науки с крупными общественно-политическими событиями в жизни страны. Между тем работы исследователей второй половины 1980-х гг. по истории Великой Отечественной войны в содержательном отношении мало отличались от трудов историков предыдущих лет. Более обоснованной представляется позиция тех историков, которые относят наступление современного этапа с началом 1990-х гг., связывая его с открытостью архивов и другими, собственно научными обстоятельствами, инициированными преобразованиями в обществе².

Анализ разных вариантов периодизации историографии Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что на их появление влияла и продолжает влиять общественно-политическая конъюнктура. Это отражается в использовании в качестве главных критериев политических событий и недостаточном внимании к собственно научным факторам в развитии историографии.

До настоящего времени не было разработано специальной периодизации историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг. Анализ существующих историографических источников и учет уже имеющегося опыта позволяет предложить такую периодизацию, вы-

¹ Плетушков М. С., Якушевский А. С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная войны (историография): Сб. обзоров. М., 1995. С. 8, 11.

² См., например: Гракина Э. И. Проблемы организации советской науки в постановлениях и распоряжениях ГКО. 1941–1945 // Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа — по архивным документам. М., 1995. С. 82, 84; Баликов Т. М. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2003. С. 10; и др.

делив два основных этапа в разработке рассматриваемой проблемы. Первый из них условно можно назвать советским, он охватывает вторую половину 1930 — середину 1980-х гг., второй — современный (постсоветский) — начинается в конце 1980-х гг. и продолжается по настоящее время.

В рамках первого этапа, в свою очередь, выделяется три периода. Первый охватывает вторую половину 1930 — середину 1950-х гг. — время зарождения советской историографии данной проблемы в условиях сталинизма. Хронологические рамки второго этапа совпадают с периодом «оттепели» — второй половиной 1950 — серединой 1960-х гг. Третий начинается со второй половины 1960-х гг. и продолжается до середины 1980-х гг. В рамках второго этапа, в свою очередь, выделяется два периода. Первый, переходный, охватывает конец 1980-х гг., второй приходится на 1990–2000-е гг.

Существенным фактором для разработки любой периодизации выступает выбор ее критериев. В качестве основных критериев для выделения этапов и периодов в развитии исторического знания по проблемам потерь советского населения в 1937–1945 гг. выступают:

- степень изученности и уровень теоретического осмысления проблем;
- сам круг изучаемых проблем и сюжетов;
- отражение темы в обобщающих трудах, общее количество и содержание специальных исследований;
- развитие источниковой базы, степень доступности, общее количество, видовое и содержательное разнообразие вводимых в научный оборот документов;
- принципы и методы обработки и осмысления исторической информации, исследовательская методология и методика подсчетов, используемая научная терминология;
- влияние внешних условий, общественно-политической атмосферы на развитие историографии;
- численность и уровень профессиональной подготовки исследователей проблемы.

Таким образом, развитие отечественной историографии проблемы рассматривается сквозь призму совокупности внутренних и внешних факторов. В то же время не все из указанных критериев имели одинаковое значение в разные периоды развития исторической науки, и не по всем указанным направлениям происходили изменения в каждом из рассматриваемых этапов и периодов. Так, внешние условия развития науки играли и продолжают играть существенную роль в разработке рассматриваемой проблематики на протяжении всего раз-

вития советской и современной российской историографии. Каждый выделяемый этап характеризуется приращением исторических знаний, увеличением количества исследований, дальнейшим развитием источниковой базы, для большинства из них присуще и расширение круга изучаемых вопросов. В то же время значительных изменений в методологии и методике проведения исследований, используемом понятийном аппарате в советской историографии, практически не происходило, что и позволяет объединить ее в один этап.

Серьезным вопросом также является проблема перехода от одного периода к другому: совершается ли он в форме одномоментного скачка, решительного перехода к новому и разрыва с предыдущей стадией в развитии исторических знаний или носит плавный характер, занимая относительно длительный временной промежуток. Многие отечественные исследователи склонны придерживаться четкой фиксации отдельных этапов в развитии историографии¹. Например, М. Х. Шебзухов утверждал, что «у истоков новых периодов, как правило, стоят рельефные, поворотные события в деятельности государственных и общественных организаций, которые оказывают сильное влияние на реальную и научную жизнь». Поэтому он считал, что «периоды историографии имеют право существовать в твердо обозначенных рамках, а не в “расплывчатой” широкой полосе времени»².

Напротив, М. Н. Евланова указывала: «Нельзя с чрезмерной “точностью” фиксировать рубежи периодов, естественно, ни в днях, ни в месяцах. Даже точное указание года может оказаться излишне узкой хронологической гранью — скорее надо говорить о более широкой “полосе” времени, разделяющей соответствующие этапы развития науки»³. Свою позицию М. Н. Евланова аргументировала на примере начала третьего этапа в развитии советской историографии, считая не совсем обоснованным связывать его только с решениями XX съезда КПСС: «Ими заложена лишь основа создания благоприятных условий для коренного улучшения научно-исследовательской работы». В дальнейшем было издано постановление о подготовке фундамен-

¹ Карасев А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны. С. 511; Беляков А. П. Указ. соч.; История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. С. 404; Козыбаев М. К. Указ. соч. и др.

² Шебзухов М. Х. Ретроспективный взгляд на историю Великой Отечественной войны (методологические и историографические аспекты) // 50 лет Великой Победы. Материалы науч.-практ. конф., состоявшейся в апреле 1985 года. Майкоп, 1996. С. 19.

³ Евланова М. Н. Рабочий класс — фронту. Челябинск, 1984. С. 16.

тального обобщающего труда по истории войны, приняты меры по улучшению режима хранения и использования документальных материалов и другие шаги, способствовавшие переменам в развитии советской исторической науки. По словам данного исследователя, «результаты научно-исследовательской работы сказались не сразу после XX съезда партии, а несколько позже, к концу 50-х годов»¹.

Мнение о том, что переход от одного этапа к другому занимает достаточно длительный промежуток, постепенно находит все большее количество сторонников. В частности, таганрогский историк В. А. Селюнин указывает на то, что «состояние общественности не может изменяться всякий раз на следующий день после принятия решения определенным управленческим форумом или органом, для этого требуются годы». В то же время он отмечает, что изменения, происходившие в политической жизни страны, «сказывались на содержании научных статей, книг, выступлений ученых на научных конференциях... Достаточно сильно просматривается в стремлении историков обнаруживать в исследуемых явлениях то, что хотелось бы видеть лидерам правящей партии»².

Опыт изучения рассматриваемой проблемы также позволяет отказать от жестких хронологических рамок при обозначении границ отдельных этапов и периодов. Разумеется, историческая наука испытывала и продолжает испытывать влияние со стороны общественно-политической конъюнктуры, однако оно приобретает в большинстве случаев не прямой, а опосредованный характер и не исключает собственных эволюционных возможностей историографии как определенного духовного процесса.

Первоначальное обобщение сведений по проблемам репрессий советских граждан в 1937–1945 гг. осуществлялось органами, непосредственно за них отвечавшими. Секретные данные о количестве репрессированных приводились в документах НКВД–НКГБ–МГБ–МВД СССР и периодически докладывались высшему руководству страны. О том, какая именно информация и в каком объеме поступала к высшим советским руководителям, свидетельствуют, в частности, документы «особых папок» И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, Г. М. Маленкова, Л. П. Бѣрии — документов, регулярно готовившихся для них секретариатом НКВД–МВД СССР. Только в последние годы данные материалы были рассекречены и

¹ Евланова М. Н. Указ. соч. С. 5–6.

² Селюнин В. А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д, 1997. С. 7–8.

стали доступны исследователям¹. Определить общую численность советского населения и масштаб потерь, понесенных в ходе различных демографических катастроф, позволяло проведение переписей населения, но подведение их итогов испытывало сильное воздействие идеологии и политики².

В годы Великой Отечественной войны велась только текущая статистика потерь. Сведения о потерях действующей армии систематически поступали в Генеральный штаб РККА. Однако ответить на вопрос о том, насколько советское руководство представляло себе реальную численность советских потерь, достаточно сложно: значительная часть бойцов и командиров оказались в окружении, и сведениями об их судьбе вышестоящее командование просто не располагало. Публичные выступления И. В. Сталина и других советских руководителей имели очевидную пропагандистскую направленность. Например, в знаменитой речи 3 июля 1941 г. И. В. Сталин умолчал о колоссальных потерях РККА, заявив о том, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты»³. Это совершенно не соответствовало действительности в тот момент.

Возможности изучения данной проблемы историками во второй половине 1930 — середине 1950-х гг. были крайне ограничены вследствие чрезвычайно жесткой цензуры и недоступности источников. Теоретической основой для исследований советского общества в рассматриваемый период времени выступали высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и, особенно, И. В. Сталина, а также других советских и партийных руководителей. Основы концепции советской истории были заложены в «Кратком курсе» истории ВКП(б), включая положения о необходимости подавления со-

¹ «Особая папка» В. М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1944–1956 гг.: Каталог документов. М., 1994; «Особая папка» И. В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1944–1953 гг.: Каталог документов. М., 1994; и др.

² См.: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; и др.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.

противления свергнутых классов¹. Свой вклад в обоснование массовых репрессий внесли советские юристы². Отечественные авторы неоднократно подчеркивали, что советская система исправительно-трудовых лагерей была гораздо гуманнее, чем дореволюционная и зарубежная пенитенциарные системы, а репрессии были необходимы вследствие обострения борьбы с внешними и внутренними «врагами» социалистического государства. Апология действий советского руководства была присуща и исследованиям Великой Отечественной войны, опиравшимся на речи и приказы И. В. Сталина военного времени. Иные точки зрения были представлены только в работах, написанных за рубежом Л. Д. Троицким и другими эмигрантами из СССР³.

Хрущевская «оттепель» внесла перемены в разработку данной проблемы. В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев впервые на официальном уровне подверг критике культ личности И. В. Сталина, осудив, в первую очередь, массовые политические репрессии второй половины 1930 — начала 1950-х гг. В то же время эта критика имела ограниченный характер, провозглашалась необходимость возвращения к ленинским нормам в управлении партией и страной. Серьезным стимулом к активизации демографических исследований в стране стало проведение и издание материалов Всесоюзной переписи 1959 г.⁴

В годы «оттепели» значительно расширился доступ исследователей к архивам, увеличилось общее количество публикаций по теме в открытой печати, в том числе переводных изданий, мемуаров. В результате в первой половине 1960-х гг. был подготовлен первый фундаментальный обобщающий труд по истории Великой Отечественной войны⁵. Особенно важным для развития историографии

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938.

² Герцензон А. А. Развитие понятия контрреволюционного преступления в истории социалистического уголовного законодательства // Советская юстиция. 1938. № 1. С. 29–33; Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. 3-е изд., доп. М., 1950; Его же. Судебные речи. М., 1955; и др.

³ Троицкий Л. Д. Сталин: в 2 т. Т. II. М., 1990; Его же. Преступления Сталина. М., 1994; и др.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: в 17 т. М., 1962–1963.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 1–6. М., 1961–1965; и др.

проблемы стало появление работ Б. Ц. Урланиса, посвященных анализу людских потерь в войнах XVII–XX вв., а также вопросам рождаемости и продолжительности жизни населения СССР¹.

Однако в 1970-е гг. возобладала тенденция к умолчанию о людских потерях СССР в 1937–1945 гг. и их причинах, а работы периода «оттепели» подверглись резкой критике. Так, в 1981 г. Историко-архивный институт выпустил сборник лекций «Вопросы историографии истории СССР», охватывавший период с 1938 по 1945 г. В нем отмечалось, что в работах, написанных до середины 1960-х гг., «в ущерб исторической правде слишком сильно выпячивались негативные моменты в развитии экономики и подготовке страны к отражению фашистской агрессии»².

Публикации статистических изданий фактически замалчивали урон, нанесенный СССР массовыми политическими репрессиями. В них приводились исключительно данные официальной статистики³. Отмечалось, что к 1939 г. численность населения СССР в прежних государственных границах возросла до 170,6 млн чел. (на 16 %): «Этот рост объясняется почти повсеместным и в целом устойчивым снижением смертности за счет улучшения работы органов здравоохранения»⁴. Массовые политические репрессии, судебный произвол, насилие, беззаконие превратились на страницах справочника в заботу органов здравоохранения о народе.

Обращает на себя внимание и то, что в работах Б. Ц. Урланиса и других авторов, характеризующих данные проблемы, описания людских потерь СССР в годы Второй мировой войны выглядят гораздо менее проработанными и фундированными источниками, чем анализ потерь других стран, являвшихся ее участницами. Содержавшие альтернативные мнения и оценки работы А. И. Солженицына и других авторов по-прежнему могли издаваться только за рубежом.

¹ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери в вооруженных силах в войнах XVII–XX вв. М., 1960; Его же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

² Вопросы историографии истории СССР. М., 1981. С. 10.

³ Страна Советов за 50 лет: Сб. статист. материалов. М., 1967; 60 победных лет. Цифры и факты. М., 1978; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984; Этнодемографическое развитие СССР. М., 1985; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статист. ежегодник. М., 1987; и др.

⁴ Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1978. С. 11.

Первые публикации, в которых назывались конкретные цифры потерь советского государства в период сталинских репрессий, появились в конце 1980-х гг.¹ Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одними из главных аргументов в спорах сторонников и противников дальнейших преобразований.

С конца 1980-х гг. для российской историографии народонаселения начался благоприятный период интенсивного развития, характеризующийся введением в научный оборот недоступных ранее широкому кругу исследователей документов. В связи с открытием засекреченных архивных материалов и снятием запрета со многих тем демографические исследования стали носить более разносторонний характер. Институт российской истории РАН впервые полностью опубликовал материалы Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г.², что дало возможность исследовать масштаб потерь, нанесенных массовыми политическими репрессиями предвоенного времени³.

Переходным временем в развитии историографии проблемы стал период «перестройки», а одним из его наиболее показательных авторов был известный военный историк Д. А. Волкогонов. Занимавший в 1988–1991 гг. должность начальника Института военной истории Министерства обороны СССР, Д. А. Волкогонов одним из первых ввел в научный оборот обобщающие данные о потерях советского населения в результате демографических катастроф 1930–1950-х гг.

¹ Медведев Р. А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989; Земсков В. Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Его же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 40; Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // Вопросы истории. 1989. № 6; и др.

² Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: [СССР]. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги [Россия]. СПб., 1999.

³ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

По его мнению, «революция» на селе в 1929–1933 гг. обошлась крестьянству в 8,5–9 млн жертв. В 1937–1938 гг. репрессии коснулись 4,5–5,5 млн советских граждан. Между этими двумя большими «волнами» было арестовано еще примерно около 1 млн чел. После войны, особенно в конце 1940-х гг., заметно увеличилось количество лагерей, численность ссыльных, высланных, которые составили «третью» волну. В ней оказалось 5,5–6,5 млн чел. При этом до самой смерти Сталина в лагерях, по данным Берии, содержалось 25–30 % осужденных «за контрреволюционную деятельность». Всего же, по подсчетам Д. А. Волкогонова, «с 1929 по 1953 год жертвами сталинских репрессий стали 19,5–22 млн советских граждан (исключая годы войны). Из них не менее трети были приговорены к смертной казни или погибли в лагерях и ссылке»¹.

Из работ, опубликованных в 1990–2000-е гг., особенно выделяется монография В. Б. Жиромской, которая пришла к выводу о том, что определяющим фактором естественного движения населения в 1930-е гг. была сверхсмертность, сохранявшаяся на протяжении всего десятилетия. Впоследствии данный автор, опираясь на материалы переписей 1937 и 1939 гг., провел анализ социального состава и занятости населения России в конце 1930-х гг. и констатировал, что «стараниями статистиков социальный состав населения и структура его занятости во всей их сложности и многообразии были отражены... и не уложились в прокрустово ложе официальной схемы»². В монографии В. А. Исупова характеризуется глубокое негативное воздействие демографических катастроф и кризисов на динамику населения, рассматриваются последствия, обусловленные данными процессами³.

Вопросы масштабов государственного террора, статистики жертв сталинизма наиболее активно дебатировались в первой половине 1990-х гг.⁴ В 1990-е гг. в изучение сталинских репрессий

¹ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. Кн. II, ч. 2. М., 1989. С. 70.

² Жиромская В. Б. Социальный состав и занятия населения России в конце 1930-х гг. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: Материалы VI Международ. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 35.

³ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России. Новосибирск, 2000.

⁴ См.: Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181; Дугин А. Н. Неизвестные документы о репрессиях 30–50-х годов (по фондам ЦГАОР) // Административно-коман-

наряду с историками активно включились и правове­ды. Вопросам организации и функционирования исправительно-трудовых учреждений, анализу работы органов исполнения наказаний в советский период посвящены исследования М. Г. Деткова и других авторов¹. Механизм политических репрессий, деятельность аппарата «политической юстиции» раскрыты в трудах Ю. И. Стецовского, В. Н. Кудрявцева, А. И. Трусова². История советской прокуратуры представлена в серии биографических очерков А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова, которые на основе малоизвестных архивных документов и воспоминаний современников описали жизнь и деятельность российских и советских прокуроров, раскрыли механизм функционирования системы прокурорского надзора в РСФСР и СССР³.

Современный этап изучения потерь советского населения в годы Великой Отечественной войны характеризуется острыми научными дискуссиями⁴, свободной публикацией работ А. И. Солженицына, Р. А. Медведева, Р. Конквеста и других ранее запрещенных авторов, появлением новых исторических источников⁵. После 1992 г. вышли

дная система управления: проблемы и факты: Межвузов. сб. науч. работ. М., 1992. С. 69–87; Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–31; Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. №1/2. С. 107–124; и др.

¹ См.: Ивашов Л., Емелин А. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14–24; Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово, 1992.

² См.: Стецовский Ю. И. История советских репрессий: в 2 т. М., 1997; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М., 2000; и др.

³ См.: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятые революцией: Российские и советские прокуроры. XX век. 1922–1936 гг. М., 1998; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем: российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М., 2001.

⁴ Максудов С. О фронтовых потерях советской армии в годы Второй мировой войны // Свободная мысль. 1993. № 10; Поляков Ю. А. Великая война: дискуссии продолжаются // Свободная мысль. 2000. № 5; и др.

⁵ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992; Полвека назад: Великая Отечественная война: цифры и факты. М., 1995; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно». М., 1996; Население России за 100 лет: Стат. сб. М., 1998; и др.

коллективные труды¹, монографии² и статьи, в которых различные аспекты проблемы исследуются на общесоюзном и региональном уровнях.

Опыт осмысления проблемы в 1990-е гг. позволил назвать первые обобщающие цифры репрессий и потерь советского населения. По мнению председателя Комиссии при Президенте России по реабилитации жертв политических репрессий А. Н. Яковлева, всего в ходе репрессий и во время Великой Отечественной войны в СССР погибли около 62 млн чел. При этом жертвами политических репрессий стали около 32 млн чел., в том числе 13 млн чел. в период Гражданской войны. С учетом неродившихся детей, начиная с 1917 г., народы СССР лишились более 100 млн чел.³ Однако эти цифры вызывают возражение других авторов. Тем не менее практически все сходятся на том, что большая часть потерь советского населения приходится на период 1937–1945 гг.

Для исчисления всей полноты людских потерь СССР в 1937–1945 гг. применяются современные демографические методы, используется классификация различных категорий потерь, достоверно,

¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993; Население России в 1920-е – 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Народонаселение: Демографический энциклопедический словарь. М., 1994; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; Население и общество: Информационный бюллетень. 1995. № 5; Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. М., 1997; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1927–1959. М., 1998; Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; и др.

² Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993; Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995; Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск, 1998; Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Шабает А. А., Михалев С. Н. Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне. М., 2002; и др.

³ Глава комиссии по реабилитации: за время сталинских репрессий народы СССР лишились 100 миллионов человек. URL: <http://www.lenta.ru/russia/2001/10/29/yakovlev> (дата обращения 21.12.2010).

опираясь на архивные и опубликованные документы, освещаются реальные масштабы смертности заключенных ГУЛАГа, депортированных, военнослужащих в плену и т. д. Однако и в серьезных публикациях существуют недостатки и противоречия.

Используя метод демографического баланса, современные исследователи приводят следующие оценки численности населения СССР в годы Великой Отечественной войны: к середине 1941 г. — 196 716 тыс. чел.; к началу 1946 г. — 170 548 тыс. чел., из которых 159 456 тыс. чел. родилось до середины 1941 г. Вычитание из первой цифры третьей позволяет получить итог в 37,2 млн чел. При этом признается, что вся эта численность не может быть отнесена к людским потерям, т. к. и в мирное время за 4,5 года умерла бы некоторая часть живших. Если бы возрастные коэффициенты смертности населения СССР в 1941–1945 гг. оставались такими же, как в предвоенном 1940 г., то численность умерших за 4,5 года составила бы 11,9 млн чел. При вычитании этой цифры из 37,2 млн чел. получается общая численность людских потерь в 25,3 млн чел.¹

Однако перед этим авторы рассматриваемой работы приводят совершенно другую цифру естественной смертности населения СССР в 1940 г. — 4,2 млн чел.² Следовательно, число умерших за 4,5 года должно быть значительно выше, чем 11,9 млн чел. К тому же цифра в 25,3 млн чел. не соответствует официальной оценке погибших в СССР — 26,6 млн чел. Чтобы получить желаемый результат, авторы прибавляют к ней потери вследствие более высокой, чем перед войной, смертности детей, родившихся в годы войны, которая, по их расчетам, как раз и составила 1,3 млн чел. В результате получается необходимый итог в 26,6 млн чел.³

Таким образом, в современной историографии сложилось два основных подхода к изучению проблематики потерь населения вследствие массовых репрессий и Великой Отечественной войны: конкретно-исторический (учетно-статистический) и метод баланса (историко-демографический). Оба подхода имеют свои недостатки, используемая и в том, и в другом случае методика подсчетов несовершенна, а источниковая база отличается неполнотой, что ограничивает возможности исследователей в определении масштабов потерь советского населения в

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. С. 131.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 131; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. С. 74–77.

1937–1945 гг. Проведенный анализ свидетельствует и о значительном несовершенстве используемого терминологического аппарата.

На протяжении нескольких десятилетий существенно трансформировались научно-организационные формы изучения масштабов репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. Эти трансформации отражали пристальное внимание власти к рассматриваемой проблеме. В настоящее время все более активную роль в выработке новых исторических знаний играют новые структуры, действующие за рамками традиционных академических, военно-исторических и вузовских научно-исследовательских центров, не раз подвергавшихся организационным пертурбациям. Особенно значимое место в формировании исторических представлений по данной проблеме занимают «Мемориал», «Холокост» и другие общественные организации. Благодаря Интернету формируется новое виртуальное пространство, данные о потерях советского населения в 1937–1945 гг. получают в нем новую форму презентации, которая оказывается более доступной, особенно для молодого поколения.

В развитии отечественной историографии масштабов и форм репрессий и потерь в СССР в 1937–1945 гг. выделяется два основных этапа: советской и современной российской историографии. В свою очередь, советская историография подразделяется на три периода. Первый охватывает вторую половину 1930 — середину 1950-х гг. — время зарождения советской историографии данной проблемы в условиях сталинизма. Хронологические рамки второго этапа совпадают с периодом «оттепели» — второй половиной 1950 — серединой 1960-х гг. Третий — начинается со второй половины 1960-х гг. и продолжается до второй половины 1980-х гг. Оценки советских историков в определенной степени менялись, но в целом их работы находились под жестким контролем цензуры, а значительная часть источников оставалась засекречена.

Современная историография, в свою очередь, подразделяется на два периода. Первый — переходный — пришелся на период «перестройки» — вторую половину 1980-х гг., ставшую временем отказа от прежних догматизированных положений. В то же время появившиеся в эти годы новые оценки не опирались на глубокий анализ источников, поскольку архивные фонды оставались недоступны исследователям. Второй период хронологически охватывает 1990–2000-е гг., для него характерно широкое введение в научный оборот целых комплексов источников и появление новых подходов в их осмыслении. Несмотря на всю условность предлагаемой периодизации и используемых в ней обозначений они позволяют определить господствовавшие тенденции и подходы на каждом из выделяемых этапов и периодов.

Глава 2. СОВЕТСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ О МАСШТАБАХ И ФОРМАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В 1937–1945 гг.

2.1. Общая оценка сталинских репрессий

Первые оценки сталинским репрессиям были даны непосредственно во время их осуществления, а их первыми историками стали И. В. Сталин, В. М. Молотов, М. И. Калинин, Н. И. Ежов и другие советские руководители и пропагандисты, которые обосновывали необходимость борьбы с «врагами народа» и их физического уничтожения. Однако данные о планируемом масштабе удара по «врагам народа» и количестве подвергавшихся репрессиям граждан встречаются в их работах в самом обобщающем виде, в них назывались ориентировочные цифры, в большинстве своем не отражавшие реальные события. Точные сведения о сталинских репрессиях в СССР в советское время не публиковались.

К тому же официальные документы камуфлировали реальные причины карательных действий лозунгами борьбы с «врагами народа», «контрреволюционерами» и «оппозиционерами». Например, в заключительном слове на февральско-мартовском пленуме 1937 г. И. В. Сталин упомянул о 1,5 млн чел., исключенных из партии с 1922 г. Опираясь на результаты партийной дискуссии 1927 г., он также назвал конкретное количество «врагов» — 30 тыс. троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры: правые и прочие...» Поскольку к этому моменту уже было арестовано 18 тыс. чел., то, следовательно, оставалось привлечь к ответственности еще 12 тыс. «врагов народа»¹. Однако в реальности репрессированных оказалось намного больше.

¹ Сталин И. В. Заключительное слово на Пленуме Центрального Комитета ВКП(б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант) // Соч. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 204–205.

М. И. Калинин в июле 1937 г. утверждал, что «фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц»¹. Н. И. Ежов в декабре того же года считал, что «оголтелая свора фашиствующей буржуазии» засылает «пачками шпионов, диверсантов и вредителей»². Приведенные высказывания свидетельствуют, что речь шла о сотнях тысяч людей, попавших «под подозрение».

17 августа 1937 г. «Правда» опубликовала передовую статью «Смелее выдвигать молодые партийные кадры», в которой говорилось: «В общей цепи всех мероприятий партии по выдвижению и воспитанию партийных кадров особое значение имеет реализация предложения товарища Сталина о подборе и выдвижении вторых и третьих секретарей райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, заместителей секретарей парткомов первичных организаций и партторгов. Стоит лишь напомнить, что речь идет о выдвижении несколько сот тысяч партийных руководителей, чтобы оценить все огромное значение этого мероприятия»³. Очевидно, что часть прежних партийных руководителей пошла на повышение, но основная масса была репрессирована после «антикулацкой операции».

Однако приводимые сведения лишь косвенно указывает на то, о каком именно количестве репрессированных идет речь. Выступая на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 г. И. В. Сталин привел более определенные данные. К XVII съезду партии в декабре 1934 г. в ней состояло 1 874 488 членов, к XVIII съезду — только около 1,6 млн чел. Следовательно, в результате партийных «чисток» 1933–1936 гг. партия уменьшилась примерно на 270 тыс. чел. (около 15 %) ⁴. Многие «вычищенные», хоть и не все, были арестованы, осуждены или расстреляны.

Значительные перемены в осмыслении данной проблемы произошли в период «оттепели». После смерти И. В. Сталина Президиум ЦК КПСС затребовал от правоохранительных органов СССР данные о численности осужденных за «контрреволюционные преступления». В феврале 1954 г. на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева была подготовлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Н. Кругловым и министром юстиции СССР К. П. Горшениным. В ней на-

¹ Правда. 1937. 28 июля.

² Правда. 1937. 11 декабря.

³ Правда. 1937. 17 августа.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М., 1939. С. 28.

зывалось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Согласно данному документу, всего за указанный период коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами было осуждено 3 777 380 чел., в том числе к высшей мере наказания 642 980 чел., к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок до 25 лет 2 369 220 чел., в ссылку и высылку 765 180 чел.¹ При этом около 2,9 млн чел. были осуждены внесудебными органами (коллегией ОГПУ, «тройками» и Особым совещанием), около 900 тыс. чел. — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией Верховного Суда. Справка предназначалась только для советского руководства и приводимые в ней сведения стали доступны исследователям уже в начале 1990-х гг.

После ареста Л. П. Берии началась реабилитация репрессированных. Только в 1954–1955 гг. из лагерей и колоний ГУЛАГа было досрочно освобождено 32 798 политических заключенных². По воспоминаниям Н. С. Хрущева, у него «возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста, и что показало потом следствие по этим арестам?»³

Несмотря на то, что в политическом руководстве СССР в тот момент шла острая борьба по данному вопросу, Н. С. Хрущев решил на обнародование данных о массовых политических репрессиях. 25 февраля 1956 г. он выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС. Основное его содержание было сосредоточено на перечислении многочисленных злоупотреблений Сталина в 1930–1940-х гг. Все негативные стороны в деятельности советского государства Хрущев персонифицировал со Сталиным, возложив на него ответственность за многочисленные незаконные аресты, пытки, расстрелы. Остановился Н. С. Хрущев и на конвейерной процедуре осуждения «врагов народа»⁴.

Историки подчеркивают ограниченность решений, принятых в период «оттепели», а также сохранение не только в кадровом, но и в руководящем составе правоохранительных отдельных лиц, участвовавших в организации и проведении репрессий после смерти Ста-

¹ История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

² Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. С. 192.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 289.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 140. 143.

лина¹. Тем не менее «оттепель» ускорила массовую реабилитацию и освобождение из заключения граждан, осужденных по обвинениям в политических преступлениях. Для большинства из них реабилитация стала посмертной. Всего с 1953 по 1961 г. было реабилитировано 737 182 чел. репрессированных за контрреволюционные преступления. Резко снизилась численность политических заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа. Если в 1952 г. их насчитывалось 579 757 чел., то в 1956 г. — 113 735 чел. Особенно интенсивно реабилитация пошла после XX съезда КПСС. К 1 января 1959 г. количество политических заключенных в лагерях и колониях сократилось до 11 059 чел.² Массовый характер приобрело освобождение многочисленных контингентов ссыльных и спецпоселенцев, включая репрессированные народы. С июля 1954 по июль 1957 г. было освобождено 2,5 млн чел. К началу 1959 г. на учете осталось менее 50 тыс. спецпоселенцев, а в 1965 г. спецпоселения были окончательно ликвидированы³.

Обретая свободу, бывшие политзаключенные становились носителями новых знаний о массовых репрессиях. Существенное значение в эти годы имело творчество А. Солженицына, О. Волкова, В. Шаламова и других авторов, прошедших через ГУЛАГ. Но с середины 1960-х вплоть до середины 1980-х гг. обращение к проблемам массовых политических репрессий, истокам, проявлениям и последствиям сталинизма в СССР стало вновь невозможным.

В то же время проблема сталинских репрессий активно изучалась в эмигрантской историографии. Эмигрантские издания систематически публиковали материалы о сталинизме и массовых политических репрессиях С. Максудова (А. П. Бабенышева), И. Курганова, Б. Николаевского, Б. Яковлева (Н. А. Троицкого), М. Агурского, Ю. Фельштинского, Д. Вересова, А. Авторханова и других выходцев из СССР. Многие из них носили откровенно пропагандистский характер. Так, в середине 1960-х гг. И. Курганов опубликовал сенсационные данные о гибели в СССР в довоенный период 55 млн чел.⁴ В данном случае он смешал прямые потери с косвенными (снижением рождаемости).

Более основательный характер носят исследования историка и демографа С. Максудова, опубликовавшего за рубежом более двух

¹ Петров Н. В. Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5. С. 23–43 и др.

² Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 193.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 274, 279.

⁴ Курганов И. Три цифры // Новое русское слово. 1964. 12 апреля.

десятков работ о потерях населения СССР в результате голода и репрессий¹. Максудов разработал собственную методику расчетов повышенной убыли населения СССР в 1918–1940-х гг., дифференцировал потери населения в зависимости от вызвавших их причин (голод, массовые политические репрессии, снижение уровня жизни и т. д.).

В СССР под непосредственным влиянием идей XX съезда КПСС разработкой темы репрессий занялся Р. А. Медведев, опубликовавший за рубежом ряд работ, включая книгу «К суду истории», начатую еще в 1962 г. Она была издана в Нью-Йорке и Лондоне на русском языке. Автор утверждал, что в годы сталинской диктатуры (прежде всего, в середине 1930-х гг.) в СССР было репрессировано 4–5 млн чел., в том числе расстреляно 500 тыс. чел.²

Масштабы политических репрессий в СССР также осмысливалась в рамках диссидентского движения и самиздата. Набранные и размноженные, как правило, при помощи пишущих машинок, самиздатовские альманахи, журналы и бюллетени публиковали материалы о политических заключенных и репрессиях, включая их собственные воспоминания, печатали А. Солженицына, Г. Владимова, А. Зиновьева, Л. Копелева и других запрещенных в СССР авторов. Так, с 1976 по 1981 г. в Ленинграде вышли пять выпусков исторического сборника «Память», в которых публиковались материалы по истории массовых репрессий в 1920–1930-х гг. Выход сборника прекратился после ареста А. Б. Рогинского³.

В 1980 г. был осужден И. Г. Дядькин, проанализировавший в распространявшейся в самиздате статье «Статисты» потери населения СССР в период коллективизации и массовых политических репрессий. В 1983 г. его книга, посвященная «неестественной смертности» в СССР в 1928–1954 гг., вышла за рубежом и получила высокую оценку за построенную автором математическую модель нормального развития советского населения. По мнению И. Г. Дядькина, количество погибших в СССР в 1937–1940 гг. составляло от 3 до 3,4 млн чел., в 1941–1949 гг. — от 31 до 34 млн чел.⁴ Недостатки работы были обусловлены неточностями официальной советской статистики, положенной в основу расчетов.

¹ Максудов С. Потери населения СССР в 1931–38 гг. // СССР: Внутренние противоречия. Н.-Й., 1982. № 5. С. 104–191; и др.

² Медведев Р. А. К суду истории. Н.-Й.; Л., 1974. С. 460.

³ Самиздат. СПб., 1993. С. 13.

⁴ Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 71, 107, 111.

Следующий этап в осмыслении проблемы был связан с эпохой «перестройки». К теме сталинских репрессий Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев впервые обратился в юбилейном докладе, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Его основные положения оказались близки оценкам периода «оттепели». Положительно оценив «неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний», докладчик подверг критике «вождя народов» за «нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов». Он оценил их как «настоящие преступления на почве злоупотребления властью», т. к. репрессиям подверглись «многие тысячи членов партии и беспартийных». При этом М. С. Горбачев отмечал: «Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непротерпима. Это урок для всех поколений»¹.

В то же время М. С. Горбачев полагал, что культ личности «чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов», подчеркивал, что «на XX и XXII съездах партия сурово осудила и сам культ Сталина, и его последствия... Тысячи безвинно пострадавших полностью реабилитированы. Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и фактически приостановлен в середине 60-х годов»². Все это свидетельствовало о преемственности идеологии «перестройки» и «оттепели». Необходимость переосмыслить «больные» вопросы советского прошлого во имя исторической правды и памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола, стремление «извлечь уроки истории из событий, которые уходят далеко в 30-е годы» отмечались и в других выступлениях и публикациях М. С. Горбачева³.

С 1987 г. периодические издания стали публиковать разнообразные материалы по теме политических репрессий и их последствий, формирования и функционирования ГУЛАГа, системы спецпоселений. При этом первыми обратились к ней не профессиональные историки, а журналисты и писатели, социологи, философы, экономисты, политологи. В условиях провозглашенной XIX Всесоюзной партий-

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 21.

² Там же. С. 21–22.

³ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 39.

ной конференции в 1988 г. политики «гласности» стали публиковать произведения ранее запрещенных писателей, посвященные политическим репрессиям — «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Колымские рассказы» В. Шаламова и другие. Особенно сильное воздействие на развитие общественного мнения по данному вопросу оказала публикация книг А. И. Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», «В круге первом».

Становление новой картины знаний сопровождалось обновлением используемой историками, а также экономистами, социологами, политологами и философами терминологии. Так, Г. Х. Попов назвал сталинскую модель управления экономикой «административно-командной системой»¹. Этот термин наряду с такими понятиями, как «лагерная экономика», «репрессивно-принудительный способ организации производства», «государственно-бюрократическая ответственность», «тоталитарный строй», «авторитарная идеология» и другими широко вошел в научный оборот.

В 1988–1990 гг. были изданы сборники статей, посвященные сталинизму, в которых получила дальнейшее осмысление проблема потерь населения СССР вследствие репрессий². Ю. Афанасьев, Ф. Бурлацкий, М. Гефтер, Ю. Карякин, А. Сахаров, В. Сироткин и другие авторы писали об уничтожении человеческого потенциала страны в годы сталинской диктатуры, о депортациях советских народов. Они также отмечали несовершенство советской статистики, фальсификации в период проведения переписи населения 1939 г.³ А. Кваша назвал приблизительную цифру погибших от голода и репрессий с 1928 по 1953 г. — более 40 млн чел.⁴

Формированию представлений о массовом характере репрессий способствовала и публикация сведений, систематизированных по данной теме отдельными исследователями по различным источникам. Уникальную собственную картотеку, в которой насчитывалось

¹ Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 57.

² Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Диалог историка с читателем. М., 1988; Иного не дано. М., 1988; В человеческом измерении. М., 1989; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Драма обновления. М., 1990; СССР: демографический диагноз. М., 1990; Через тернии. М., 1990; и др.

³ Вишневецкий А., Кузнецова Л. Люди или население? // В человеческом измерении. С. 207–212.

⁴ Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. С. 244.

несколько сотен тысяч карточек со сведениями о жертвах сталинских репрессий, создал архивист Д. Юрасов. Журналист Э. Белтов в течение нескольких десятилетий также собирал материалы о незаконно репрессированных в 1930–1950-е гг. революционерах, ученых, военных, деятелях литературы и искусства. В его картотеке к концу 1980-х гг. набралось 17 тыс. имен, включая примерно 1 тыс. имен погибших писателей и примерно такое же количество имен выживших в заключении литераторов¹.

Состоявшаяся в июне–июле 1988 г. XIX Всесоюзная партконференция вынесла решение о сооружении памятника жертвам сталинских репрессий. В следующем 1989 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»². Как отмечает Г. М. Иванова, хотя данный документ еще не называл репрессии «политическими» и ограничивал их период сталинскими десятилетиями, он сразу был воспринят обществом как сигнал: «Тема репрессий, лагерей окончательно вышла из-под запрета»³. В августе 1990 г. вышли указы Президента СССР о реабилитации жертв политических репрессий и возвращении советского гражданства всем, кто был его лишен с 1966 по 1988 г., т. е. в период борьбы с диссидентским движением в СССР.

С конца 1980-х гг. в отечественной историографии наметились две тенденции в оценке масштабов массовых политических репрессий. Первую представляли историки и писатели Ю. Алексеев, А. Антонов-Овсеенко, М. Геллер, И. Курганов, Р. Медведев, А. Некрич, В. Рапопорт, А. Солженицын, Л. Разгон и другие авторы. Они сами пережили репрессии или пострадали от советской системы. Однако не только личная память побуждала их писать на тему государственного террора в СССР. По образному выражению А. И. Солженицына, это был их «общий дружный памятник всем замученным и убитым»⁴. Исследуя массовые политические репрессии в СССР, данные авторы не располагали необходимыми документами, опирались, прежде всего, на свой лагерный, а если его не было — жизненный опыт, источ-

¹ Белтов Э., Нехорошев Г. Это нужно не мертвым — живым // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. 2-е изд. М., 1989. С. 538.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19.

³ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 4.

⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 1. Ч. 1. С. 9.

ники личного происхождения, в том числе воспоминания бывших политзэков, эмигрантскую литературу. Искреннее желание «сказать правду» о подлинных масштабах сталинских преступлений не подкреплялось историческими источниками, знанием лагерной статистики. Отсюда появлялись завышенные цифры о десятках миллионах заключенных, миллионах расстрелянных советских гражданах.

Так, по данным О. Г. Шатуновской, которую в 1960 г. назначили членом комиссии Президиума ЦК КПСС по расследованию судебных процессов 1930-х гг., с 1935 г. до июля 1941 г., т. е. за шесть с половиной лет было арестовано 19 840 тыс. чел., из них расстреляно 7 млн чел.¹ Р. А. Медведев без всяких ссылок на источники увеличил названую им прежде цифру репрессированных советских граждан до 7 млн чел., а расстрелянных — до 1 млн чел.² Масштабы голода начала 1930-х гг. он оценил в 6 млн чел., также не подтвердив данную цифру никакими документами³. Общие потери населения СССР от политических репрессий он оценил в 40 млн чел.⁴

В конце 1989 — начале 1990 г. А. Н. Дугин опубликовал несколько статей, в которых указывал, что численность жертв политических репрессий следует скорректировать по сравнению с приводимой Р. А. Медведевым статистикой, по крайней мере, в 10 раз⁵. Ссылаясь на данные ЦГАОР, он утверждал, что в период сталинизма по политическим мотивам было репрессировано 3,6–3,7 млн чел.⁶ Тем не менее сведения о масштабах сталинских репрессий, опубликованные Р. Медведевым, А. Антоновым-Овсеенко, И. Кургановым и другими публицистами, широко пропагандировались в это время средствами массовой информации, способствуя формированию определенных представлений в обществе по данному вопросу.

Первоначально профессиональные историки практически ничего не могли возразить по этому поводу, поскольку вплоть до нача-

¹ Померанц Г. С. Государственная тайна пенсионерки // Новый мир. 2002. № 5. С. 142–143.

² Аргументы и факты. 1989. № 5.

³ Вопросы истории. 1988. № 3. С. 120; Московские новости. 1988. 27 ноября.

⁴ Медведев Р. Трагическая статистика // Аргументы и факты. 1989. 4–10 февраля. № 5. С. 7.

⁵ Дугин А. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; Его же. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 90–101; и др.

⁶ Дугин А. Н. Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7. С. 26.

ла 1990-х гг. архивные фонды, содержавшие документы о массовых репрессиях, оставались для них закрыты. Только на рубеже 1980–1990-х гг. вышли первые статьи в периодической печати¹, затем книги², в которых приводились оценки численности репрессированных по политическим мотивам, расстрелянных, депортированных, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, а также заключенных лагерей, колоний, тюрем и спецтюрем в 1930 — начале 1950-х гг., опиравшиеся на архивные документы. С этого времени стала формироваться вторая тенденция, которую представляли историки и юристы Н. Бугай, Д. Волкогонов, А. Дугин, В. Земсков, В. Курицын, С. Максудов, О. Хлевнюк, В. Цаплин и другие авторы.

Д. А. Волкогонов, получивший раньше других исследователей доступ к ранее закрытым архивным фондам, в конце 1980-х гг. в своей книге «Триумф и трагедия», посвященной И. В. Сталину, дал общую оценку масштабам массовых репрессий. По его расчетам, в результате сталинского террора пострадало 4,5–5,5 млн чел.³ Однако автор не детализировал эти цифры, не указав, сколько именно из них было осуждено и расстреляно, а сколько отбывало наказание в тюрьмах, лагерях и ссылке.

Фактически незамеченными остались публикации в СССР работ С. Максудова в конце 1980 — начале 1990-х гг.⁴ По его мнению, избыточные потери населения СССР в 1927–1938 гг. составили 9,8 млн чел.⁵

¹ Цаплин В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4; Дугин А. ГУЛАГ: открывая архивы // На боевом посту. 1989. 27 декабря; Земсков В. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Его же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Там же. 1989. № 40; Бугай Н. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; Парсаданова В. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; и др.

² Урок дает история. М., 1989; Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1989; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989; Обратного хода нет. М., 1989; Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989; Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди. М., 1989; Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989; и др.

³ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 2. М., 1989. С. 239–240.

⁴ Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989; и др.

⁵ Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 65.

Его расчеты, хотя и неточные, резко отличались от данных публицистов. Напротив, широкое общественное внимание в это время вызвали публикации работ Р. Конквеста, С. Коэна, И. Дейчера, А. Кестлера, Б. Николаевского, Ю. Хаксли, Ю. Фельштинского и других зарубежных и эмигрантских авторов, содержавшие значительно менее обобщенные данные о масштабах репрессий и демографических потерь советского населения.

Полемика между представителями двух указанных тенденций нередко выходила далеко за пределы строго научной дискуссии, вызывая заметный общественный резонанс. Так, публикация в 1989–1990 гг. в «Аргументах и фактах», вышедших в то время миллионными тиражами, серии статей В. Н. Земскова, представившего статистику заключенных ГУЛАГа, противоречившую сведениям Р. А. Медведева, А. И. Солженицына, А. В. Антонова-Овсеенко, О. Г. Шатуновской и других авторов, вызвала значительное количество читательских откликов¹. Негативная реакция части читателей была вызвана главным образом тем, что они, поверив в десятки миллионов репрессированных, сомневались в подлинности приводимых В. Н. Земсковым цифр. Не только журналисты, но и историки безапелляционно заявляли о фальсификациях приводимой статистики.

Особенно острая полемика на страницах печати в эти годы развернулась между В. Н. Земсковым и А. В. Антоновым-Овсеенко. В 1991 г. А. В. Антонов-Овсеенко прямо обвинил В. Н. Земскова в научной недобросовестности, заявив о фальшивом происхождении используемых оппонентом документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых там цифр. Он утверждал, что по данным Управления общего снабжения ГУЛАГа на довольствии в местах заключения состояло «без малого 16 миллионов — по числу пайкодач в первые послевоенные годы»². Всего же, по его мнению, репрессиям подверглись 19 840 тыс. чел., из них 7 млн чел. были расстреляны в тюрьмах³. Позицию А. В. Антонова-Овсеенко поддержал известный писатель и бывший узник ГУЛАГа Л. Э. Разгон⁴.

¹ Аргументы и факты. 1989. № 39, 40, 45. 1990. № 5, 35; и др.

² Антонов-Овсеенко А. Противостояние // Литературная газета. 1991. 3 апреля; Его же. Карьера палача // Звезда. 1988. № 9; Его же. Сталин без маски. М., 1990; Его же. Враги народа. М., 1996; и др.

³ Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. М., 1994. С. 272.

⁴ Разгон Л. Ложь под видом статистики: Об одной публикации в журнале «Социологические исследования» // Столица. 1992. № 8.

В ответ В. Н. Земсков возразил, что вопрос о подлоге можно было бы рассматривать, если бы его исследования опирались на один или несколько разрозненных документов: «Однако нельзя подделать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы — фальшивые, можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное делопроизводство, а вторую — неподлинное)». В. Н. Земсков утверждал, что подверг тщательному источниковедческому анализу весь массив архивных документов, установив их подлинность. При этом первичные данные о количестве заключенных и спецпоселенцев в 1930–1950-е гг. в итоге совпали со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках его руководства Н. И. Ежову, Л. П. Берии, С. Н. Круглову, а также в докладных записках последних на имя И. В. Сталина. Земсков также отмечал, что в листе использования цитируемого Антоновым-Овсеенко архивного документа из фонда ЦГАОР СССР его фамилия вообще отсутствовала. На этом основании он сделал вывод, что А. В. Антонов-Овсеенко приводил его с чьих-то слов, с грубейшими искажениями, «не заметив» запятой. По словам В. Н. Земскова, осенью 1945 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа, где содержались основные контингенты заключенных, находилось не 16, а 1,6 млн чел.¹

Специфика развития современной российской историографии массовых политических репрессий во многом определяется тем, что разработка данной темы крайне редко поддерживается государством и зависящими от него в той или иной форме средствами массовой информации. По мнению Г. М. Ивановой: «Одна из причин кроется в нежелании общества и государства нести моральную и материальную ответственность “за грехи отцов”. Лагерная тематика как “неприятная” практически полностью вытеснена из публичного пространства». Между тем проблемы истории политических репрессий эпохи сталинизма сохраняют актуальность и не утратили своего социального и политического звучания: «В общественную жизнь регулярно вступают новые поколения молодых людей, и нетрудно заметить, что многие из них обнаруживают явную склонность к тоталитарным идеологиям. По этой причине нельзя допустить, чтобы ужасы лагерного прошлого были преданы забвению»².

¹ Земсков В. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151.

² Иванова Г. М. Указ. соч. С. 43.

Отсутствие государственной помощи в разработке указанной проблемы в течение ряда лет компенсировалось широким участием зарубежных фондов и институтов в финансировании проектов, посвященных истории политических репрессий, «большого террора» и ГУЛАГа. Так, в 2004–2005 гг. при финансовой поддержке Гуверовского института войны, революции и мира был реализован крупномасштабный издательский проект «История сталинского ГУЛАГа»¹. В рамках этого фундаментального издания опубликовано 1,5 тыс. архивных документов из фондов ГАРФ. Каждый том имеет определенную тематическую направленность: массовые репрессии, структура и кадры карательной системы, экономика ГУЛАГа, численность и условия содержания лагерного населения, спецпереселенцы; восстания, бунты и забастовки заключенных. В седьмом томе содержится аннотированный указатель архивных дел. Опубликованные в этом издании документы и материалы позволяют придать разработке темы репрессий научную достоверность, объективность, открытость, значительно расширить лагерную проблематику.

За последние годы исследователи существенно продвинулись вперед в изучении различных видов террора и категорий репрессированных, механизмов осуществления массовых репрессивных акций², динамики численности заключенных в местах лишения свободы³, общего количества ссыльных и спецпоселенцев⁴. Глубиной анализа и

¹ История сталинского Гулага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР; Т. 2: Карательная система: структура и кадры; Т. 3: Экономика Гулага; Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР; Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2005. Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации: аннотированный указатель дел.

² Кропачев С. А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Краснодар, 2006; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; и др.

³ Население России в XX веке. Т. 1; Иванова Г. М. Указ. соч.; и др.

⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960; Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России; Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008; и др.

новизной вводимых данных отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в разрезе исправительно-трудовых колоний (далее — ИТК) и исправительно-трудовых лагерей (далее — ИТЛ), а также по регионам СССР, их качественным характеристикам, причинам и масштабам смертности в 1930–1940-е гг. В перестроечные и постперестроечные годы изданы сотни воспоминаний и художественных произведений бывших политзаключенных¹. Мемуары тех, кто прошел через ГУЛАГ, позволили воссоздать картину государственного произвола периода «большого террора».

В «битве за цифры» (Ж. Котек, П. Ригуло) существенную роль сыграли публикации материалов всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., в ходе которых в особом порядке переписывались граждане, обозначенные как «контингент НКВД». Впервые опубликованные данные спецпереписей НКВД позволяли проследить динамику количественного роста данных «спецконтингентов»². Так, спецперепись, проведенная в январе 1937 г., зафиксировала 2 660 300 чел., находившихся в ведении НКВД. В это число вошли военнослужащие внутренних войск НКВД, личный состав оперативных управлений, служащие центрального и местных аппаратов тюрем, лагерей и колоний, все категории заключенных, спецпоселенцев и другие так называемые спецконтингенты. В 1939 г. аналогичную перепись по линии НКВД прошли 3 742 434 чел. Рассекреченные данные спецпереписей убедительно опровергали публиковавшиеся ранее за рубежом сведения, многократно преувеличивавшие численность заключенных в СССР.

Широкое использование документальных данных с начала 1990-х гг. позволило подтвердить факты личного участия Сталина и его окружения в проведении репрессий. Исследователи указывают

¹ Дьяков Б. Пережитое. М., 1987; Гинзбург Е. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности // Даугава. 1988. № 7–10; Гнедин Е. Себя не потерять // Новый мир. 1988. № 7; Доднесь тяготееет. Записки вашей современницы. М., 1989; Волков О. Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М., 1990; Шаламов В. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М., 1996; Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997; За что? Проза. Поэзия. Документы. М., 1999; Адамова-Слиозберг О. Путь. М., 2009; и др.

² См.: Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 30–52; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992; и др.

на контроль областных комитетов ВКП(б) над деятельностью управлений НКВД и в период «большого террора»¹. Продолжают публиковаться воспоминания узников ГУЛАГа и исследования об их жизни, издаются книги и статьи, анализирующие деятельность НКВД в 1930 — начале 1950-х гг.² Историки подчеркивали роль ОГПУ — НКВД в создании и охране создаваемой в СССР командно-административной системы управления, усилении личной власти Сталина.

Тем не менее общие цифры сталинских репрессий продолжали вызывать дискуссии. А. Н. Яковлев, являвшийся председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации, считал, что по неполным данным с 1921 по 1953 г. было арестовано 5 951 364 чел., из них осуждено судебными и внесудебными («тройками», «двойками», «особыми совещаниями») к различным наказаниям 4 060 306 чел. По национальному признаку с 1936 по 1961 г. было репрессировано более 3,5 млн чел. Всего на территории Российской Федерации подверглись депортации 11 народов полностью и 48 народов частично. По подсчетам Яковлева, число казненных по политическим мотивам, умерших в тюрьмах и лагерях за годы советской власти в целом в СССР достигает 20–25 млн чел. К ним относятся и умершие от голода: более 5,5 млн чел. во время Гражданской войны и более 5 млн чел. в 1930-е гг. Только в Российской Федерации с 1923 по 1953 г. по неполным данным, общая численность осужденных, как уголовных, так и политических, составляла более 41 млн чел.

Главную ответственность за репрессии А. Н. Яковлев возложил на большевизм и его лидеров — В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Г. М. Маленкова, А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, А. А. Андреева, С. В. Косиора, М. А. Сулова, а также Г. Г. Ягоду, Н. И. Ежова, Л. П. Берия, В. С. Абакумова, А. Я. Вышинского, В. В. Ульриха. Он считал, что партийная и чекистская элиты вместе творили преступления. При этом Яковлев признался, что не может ответить на вопрос, почему и зачем Сталин уничтожил миллионы невинных лю-

¹ Муранов А., Звягинцев В. Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993; Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1997; и др.

² Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998; Спецслужбы и человеческие судьбы. М., 2000; Поживши в ГУЛАГе. М., 2001; Последний Рюрикович. Магадан, 2001; и др.

дей: кроме ненависти к людям и жажды власти, «есть во всем этом нечто мистическое, непостижимое, дьявольское, садистское»¹.

В. Н. Земсков, опираясь на рассекреченные архивные документы, приводит иные данные. Всего с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. в стране судебными и внесудебными органами за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 тыс. чел., в том числе к высшей мере наказания 643 тыс. чел.² Это без учета раскулаченных, депортированных и других категорий незаконно репрессированных граждан.

В работах современных исследователей освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х гг., но и судьбы самих репрессированных, смертность заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы в стране накануне Второй мировой войны. Согласно современным авторам, всего в 1920–1950-е гг. через лагеря, колонии, тюрьмы и иные места лишения свободы прошли десятки миллионов человек³. Только в 1930-х гг. в места заключения, ссылку и высылку было направлено около 2 млн чел., осужденных по политическим мотивам⁴. За 1940–1952 гг. умерло почти 500 тыс. чел., подвергавшихся насильственным выселениям и находившихся на спецпоселении и в ссылке⁵.

В своем докладе на международной научной конференции «1937–1938: Апогей Большого Сталинского террора» А. Б. Рогинский указал, что с 1921 по 1953 г. в СССР на репрессированных по политическим мотивам было заведено 5 млн уголовных дел. Однако многие из репрессированных были осуждены несколько раз, поэтому с учетом поправки в 10 % получится 4,5 млн жертв политического террора в СССР. К ним следует прибавить примерно 7 млн депортированных. Всего, по его словам, от политических репрессий в СССР пострадало 11,5–12,5 млн чел. без учета жертв голода 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг., раскулаченных, расказаченных, политических эмигрантов и иных категорий граждан, подвергшихся политическим, социальным, этническим, религиозным и иным дискриминациям после 1917 г.⁶

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003. С. 26, 217–222.

² Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

³ Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. С. 311–330; Т. 2. С. 182–196.

⁴ Там же. Т. 1. С. 317–318.

⁵ Там же. Т. 2. С. 180–182.

⁶ См. подробнее: Кропачев С. А. Научная конференция в Париже о сталинском терроре // Кропачев С. А. Масштабы демографических потерь СССР.

Проблемы демографических потерь вследствие репрессий получают отражение и в региональной историографии. В последние годы вышли монографии, сборники, статьи исследователей, посвященные репрессиям в отдельных регионах страны. Так, К. Н. Максимов охарактеризовал проведение репрессий в Калмыкии¹. Репрессии в Республике Коми исследуют М. Б. Рогачев и другие авторы, отметившие, что данная автономия стала одним из основных регионов размещения ИТЛ и спецпоселенцев в 1930-е гг.² В результате репрессии в республике проходили параллельно среди населения и спецпоселенцев, а также в лагерях. В 1990–2000-е гг. были опубликованы исследования, посвященные массовым политическим репрессиям на Урале³, в Сибири⁴, на Дальнем Востоке⁵, в Татарстане⁶ и других регионах.

Введение в научный оборот региональных материалов позволило выявить несоответствия и противоречия в используемой источниковой базе. В частности, кемеровская исследовательница Л. И. Гвоз-

Начало 1930-х — середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: Сб. науч. ст. Краснодар, 2010. С. 61–62.

¹ Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004.

² Полешиков В. М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995; Покаяние: Мартиролог. История массовых политических репрессий на территории Коми края в 20–50-е годы XX века. Сыктывкар, 1998. Т. 1; и др.

³ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920–1950 годы. Нижний Тагил, 1996. Т. 1: Репрессии в 1920–1930 гг.; Славко Т. И. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920–1950 годы. Нижний Тагил, 1996. Т. 2: Тагиллаг 1940-е — нач. 50-х гг.; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников научной конференции «История репрессий на Урале», 10–12 ноября. Нижний Тагил, 1997; и др.

⁴ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997; Яковлев Н. М. Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 122–128; и др.

⁵ См.: Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: материалы первой Дальневосточной науч.-практ. конф.: Сб. Владивосток, 1997; Кузьмина М. А. Последний вагон на Север. Комсомольск-на-Амуре, 2001; Ее же. «Я помню тот Бакинский порт...». Комсомольск-на-Амуре, 2001; и др.

⁶ Фролов Н. С. Трагедия народа (из истории Черемшанского района Татарстана). Казань, 1999; Багавиева С. С. Политические репрессии в советском Татарстане (1918 — начале 1950-х гг.). Анализ и характеристика источников. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003; и др.

дкова указывает на то, что данные о численности заключенных, приводимые В. Н. Земсковым и другими авторами только на основе использования отчетов ГУЛАГа, «не могут быть истиной в последней инстанции». Она утверждает: «Думать, что цифры, посылаемые в центр, всегда объективны и единственно верны, по меньшей мере, ненаучно. Отчеты и статистика, сохранившиеся по лагерной теме в местных управлениях внутренних дел, доказывают, что на местах имелись две канцелярии: официальная и неофициальная. Знакомство с местными материалами дает нам право утверждать, что в центр отправлялись откорректированные сведения, часто не совпадавшие с теми, что оставались на месте». Кроме того, Л. И. Гвоздкова считает, что В. Н. Земсков «неправомерно отстаивает свою позицию по поводу того, что выгодно, а что не выгодно было органам НКВД. Нельзя забывать, что на местах бывали случаи (и нередко), когда органы НКВД расправлялись с гражданами не по инструкции, а по личной инициативе. Массовые аресты, расстрелы, отправка в местные лагеря, издевательства над подследственными, вплоть до летального исхода и так далее могли осуществляться без специальной отчетности»¹.

В свою очередь, В. Н. Земсков допускает, «что указанное очковтирательство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключенных или спецпоселенцев — это должностное преступление, на которое большинство соответствующих должностных лиц, конечно же, не могло пойти из чувства осторожности и самосохранения». К тому же, по его мнению, «по степени достоверности содержание документов центральных и местных архивов примерно равноценное, и поэтому для их гипертрофированного противопоставления, как это сделала Л. И. Гвоздкова, нет абсолютно никаких оснований»².

Однако позицию Л. И. Гвоздковой разделяют и другие авторы, изучавшие документы региональных архивов. В частности, А. С. Смыкалин утверждает, что приводимые В. Н. Земсковым показатели «иногда расходятся с данными региональных архивов страны»³. В то же время А. К. Соколов, выделяя несколько видов данных о масштабе репрессий («лагерная статистика», данные двух

¹ Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 370–372.

² Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 14.

³ Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России 1917 — начала 60-х гг. (историко-юридическое исследование). Автореф. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 10–11.

переписей населения 1937 и 1939 гг., текущая демографическая статистика), считает, что «данные этих разных по происхождению источников, практически совпадают»¹. Все это свидетельствует о необходимости продолжения работы по сопоставлению различных источников по данному вопросу.

Важнейшим фактором, повлиявшим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнаружению имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата уже в последние годы существования СССР, сначала в периодической печати, а затем и в виде специальных книг памяти. В начале 1990-х гг. вышли первые Книги памяти, содержащие расстрельные списки по отдельным местам захоронений жертв массовых политических репрессий². В настоящее время в разных субъектах Российской Федерации итоги работы по подготовке и изданию Книг памяти жертв политических репрессий существенно различаются. В Самарской области издана 21 книга, в Республике Татарстан — 18, в Псковской области — 15, в Ставропольском крае — 13³. Особенно серьезный характер приобрела работа по изданию Книг памяти в Республике Коми, где ей был придан статус специальной государственной программы, в рамках которой изданы 8 фундаментальных томов «Покаяние». В них приводятся не только списки тех, кто был репрессирован на территории республики, находился здесь в заключении или на спецпоселении, но и результаты современных исследований по данным проблемам. Но примерно в полутора десятках субъектах книги еще не изданы. Всего к апрелю 2009 г. в различных регионах России было издано около 300 томов книг памяти жертв политических репрессий⁴.

В последние годы широко изучалась история сталинских репрессий в отношении крестьянства, творческой интеллигенции, военной элиты, партийного руководства, а также членов семей «изменников

¹ Соколов А. К. «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М., 1999. С. 266.

² Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995; и др.

³ Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Ставрополь, 1995–2003. Т. 1–13.

⁴ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Родины»¹. «Выжимание из крестьян “дани” стало сердцевиной политики в деревне на протяжении всей сталинской эпохи», — писал В. П. Данилов, ссылаясь не только на насильственную коллективизацию и «раскулачивание», но и на массовые аресты крестьян. По его мнению, сталинская диктатура была направлена главным образом против деревни, где проживала основная масса населения, чтобы превратить ее в «человеческий материал» для построения будущего общества согласно представлениям вождя². И. Е. Зеленин называет кульминацией «большого террора» в деревне 1937–1938 гг. Форсирование репрессий на основе сталинских директив в июле–августе 1937 г. привело к аресту 248,3 тыс. чел., из которых 108,1 тыс. (43 %) приходилась на бывших «кулаков». Основная их часть (83,6 тыс. чел.) была приговорена к расстрелу³.

Одновременно с репрессиями против крестьянства карательные действия властей обрушились на интеллигенцию, представители которой составляли большинство обвиняемых на проходивших судебных процессах. В настоящее время вышли исследования, посвященные репрессиям над различными группами интеллигенции, трагической судьбе историков, биологов, писателей, физиков, артистов⁴. Отдельные работы рассказывают о судьбе режиссера В. Мейерхольда, поэта О. Мандельштама, писателя И. Бабеля, журналиста М. Кольцова и многих других⁵.

Современные исследователи обратили внимание на еще одну группу советских граждан, подвергшихся массовому государственному террору вслед за «врагами народа». Это так называемые члены семей изменников Родины (ЧСИР) — жены и дети репрессирован-

¹ Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены...» // Узницы «АЛЖИРа». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.

² Данилов В. П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 171–173; и др.

³ Зеленин И. Е. Кульминация «Большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937–1938 гг.) // Отечественная история. 2004. № 1. С. 176–177.

⁴ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Репрессированная наука. Л., 1991; Литвин А. Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994; Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР. М., 1995; Сойфер В. Н. Власть и наука: разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002; и др.

⁵ См.: Фрадкин В. Дело Кольцова. М., 2002; Гейзер М. Михоэлс. М., 2004; и др.

ных¹. Менее чем за полтора года по неполным данным по стране было арестовано более 43 тыс. жен и детей «шпионов» и «диверсантов»².

Обсуждению подвергается и вопрос о национальном составе лиц, подвергшихся сталинским репрессиям. Так, писатель-фронтовик В. В. Карпов в апологетической книге о И. В. Сталине, опираясь на «признательные показания» обвиняемых как достоверные источники, утверждал, что репрессии были вполне обоснованы, а среди «врагов народа» на 90 % преобладали евреи³. Близкие позиции по данному вопросу занимают и другие авторы⁴.

Однако В. П. Данилов убедительно показал, что приводимые писателем В. В. Карповым документы без всяких ссылок на их место нахождения являются плодом его художественного воображения. Он справедливо утверждал, что данные В. В. Карпова о количестве жертв репрессий в 1930–1940-х гг. и их национальном составе являются фальшивкой, «имя которой личный антисемитизм автора». В качестве подтверждения В. П. Данилов привел таблицу национального состава 1 420 711 арестованных с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г., т. е. в самый апогей сталинского террора. Согласно этим данным русские составляли 657 799 чел. (46,3 %), украинцы – 189 410 чел. (13,3 %), поляки – 105 485 чел. (7,4 %), немцы – 75 331 чел. (5,3 %), белорусы – 58 702 чел. (4,1 %), евреи – 30 542 чел. (2,1 %)⁵.

К данному вопросу обратился и Г. В. Костырченко, утверждающий, что из 1 602 тыс. чел., арестованных в 1937–1939 гг. по политическим статьям, 346 тыс. чел. были представителями нацменьшинств, причем 247 тыс. чел. расстреляли как иностранных шпионов. Согласно приводимым им данным, из арестованных чаще других казнили греков (81 %) и финнов (80 %). В то же время евреи в «трагической череде уничтожавшихся нацменьшинств» занимали одно из последних мест, всего в 1937–1938 гг. НКВД арестовал 29 тыс. евреев, что составило 1 % от их общей численности, при этом «такой же процент репрессированных был характерен для русских, украинцев и других основных народов СССР». Между тем в заключении оказалось 16 %

¹ Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены...» // Узницы «АЛЖИРа». С. 6–30.

² Там же. С. 22, 24.

³ Карпов В. В. Генералиссимус. М., 2003. Кн. 1. С. 148–149.

⁴ Платонов О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997. С. 29; Север А. Тайная история сталинских преступлений. М., 2007; и др.

⁵ Данилов В. П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 173–175.

всех проживавших в стране поляков и 30 % латышей. Расходясь в конкретных цифрах с В. П. Даниловым, Г. В. Костырченко солидаризируется с ним в главном, считая, что говорить о «большом терроре» как «антиеврейской операции» не приходится¹. С другой стороны, Л. Л. Рыбаковский утверждает, что точно установить, какая из национальностей больше всего пострадала во время «большого террора», вообще невозможно².

В современной историографии нашел свое отражение и экономический аспект политического террора. Исследователи отмечают, что все крупные промышленные объекты первых пятилеток сооружались с использованием дешевого, принудительного труда заключенных, в том числе и политических. Без применения рабской силы невозможно было вводить в среднем 700 предприятий в год³.

В то же время во второй половине 1990–2000-х гг. был издан ряд исследований, посвященных истории советских правоохранительных учреждений, осуществлявших массовые политические репрессии. Нередко они прославляли успехи советских чекистов, разведчиков и контрразведчиков⁴. В них почти не затрагивалась проблема участия чекистов в проведении красного и массового террора против населения страны, но подчеркивалась пагубность чистки НКВД в 1930-е гг.⁵

¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 132.

² Рыбаковский Л. Л. Роковые — тридцать седьмые // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 130.

³ Трус Л. С. Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 5; Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13; Его же. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Его же. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002. С. 43–68; Еланцева О. А. БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103; Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188–190; Кропачев С. А. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар, 1996; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы. М., 1998; и др.

⁴ Подробнее см.: Литвин А. Л. ВЧК в современной исторической литературе // Архив ВЧК: Сб. документов. М., 2007. С. 51–70.

⁵ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М., 1997; Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел

Таким образом, представления о сталинских политических репрессиях значительно эволюционировали в советской и современной российской историографии: от первых пропагандистских публикаций к серьезным фундаментальным трудам, опирающимся на широкий круг рассекреченных документов. Выходу исследований проблемы на новый качественный уровень особенно способствовало формирование Единой базы данных «Жертвы политического террора в СССР», издание Книг памяти в субъектах Российской Федерации, осуществляемое благодаря совместным усилиям государственных органов власти и органов местного самоуправления, профессиональных исследователей и общественных организаций.

Однако в настоящее время в России не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий, и это остается в значительной степени общественной инициативой. Нет и федерального нормативного акта, предписывающего готовить и издавать Книги памяти, не разработана единая методика и общие критерии отбора сведений. Поэтому само качество этих книг существенно различается. Тем не менее они способствуют формированию представлений об истинных масштабах общих потерь советского населения в годы массовых политических репрессий и их дифференциации по отдельным видам и регионам страны.

2.2. Феномен «большого террора» и его масштаб

В репрессивной политике советского государства особое место занимает «большой террор», а его осмысление сыграло важнейшую роль в становлении современной историографии сталинизма. Однако само формирование представлений о данном историческом явлении происходило достаточно непросто, их истоки берут свое начало в работах советских руководителей и пропагандистов конца 1930-х гг., а также в официальных партийных и советских документах, обосновывавших необходимость сурового наказания «врагов народа».

22 января 1937 г. было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б), регулировавшее освещение в средствах массо-

лы о моем отце. М., 1998. Кн. 1–2; Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999; Папчинский А. А., Тумшис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001; Млечин Л. М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999; Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002; Бережков В. И., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. М., 2003; Соколов Б. Наркомы террора. Они творили историю кровью. М., 2005; Наумов Л. Сталин и НКВД. М., 2007; и др.

вой информации процесса по делу «Антисоветского троцкистского центра» с целью показать советской и мировой общественности масштаб действий «врагов народа» и подготовить политическую почву для развязывания массовых репрессий¹. С начала процесса, проходившего с 23 по 30 января 1937 г. в Москве, советские газеты печатали отклики о нем рабочих и колхозников. Обвиняемые именовались «обезумевшими извергами», «предателями», «двурушниками», «шпионами», «подлыми изменниками», объединившимися с «представителями фашистских охранок для осуществления своего грязного дела реставрации капитализма в нашей стране»².

Выступавшие на митингах граждане призывали суд вынести им «беспощадный приговор», выражая даже готовность при необходимости привести его в исполнение³. Объявленный приговор, по которому из 17 обвиняемых 13 чел. приговаривались к расстрелу, остальные — к длительным срокам лишения свободы, был воспринят с чувством «глубокого удовлетворения». Журнал «Большевик», материалы которого И. В. Сталин предлагал рассматривать как «руководящие» или, во всяком случае, «глубоко поучительные»⁴, посвятил процессу, кроме передовой, специальную статью профессионального историка и пропагандиста заместителя директора Центрального музея В. И. Ленина Н. Л. Рубинштейна с красноречивым названием «Подлые предатели родины и наемники фашизма»⁵.

С 23 февраля по 5 марта 1937 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), принявший ключевые решения для развязывания «большого террора». 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, обосновавший вывод об обострении классовой борьбы: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству,

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 54.

² Правда. 1937. 27 января.

³ Известия. 1937. 25 января.

⁴ Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Соч. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 18, 23.

⁵ Рубинштейн Н. Л. Подлые предатели родины и наемники фашизма // Большевик. 1937. № 3. С. 34–46.

тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»¹. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся «в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов». И. В. Сталин призвал в борьбе с «современным троцкизмом» применять «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»². Фактически это была четко сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение «врагов народа». В резолюции пленума, принятой 3 марта 1937 г. по докладу Н. И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников». Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма»³.

По окончании пленума продолжились аресты «троцкистов», «зиновьевцев», «правых», «шляпниковцев» и других «врагов». С 14 по 29 мая 1937 г. были произведены аресты высшего военного командования (М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других) по делу так называемого военно-фашистского заговора. 23 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, по которому всех исключенных из ВКП(б) за принадлежность к «антисоветским формированиям» было решено выселить в административном порядке из Москвы, Ленинграда, Киева в непромышленные районы СССР «и прикрепить для жительства к определенным пунктам»⁴. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 июня 1937 г. было решено «поручить НКВД произвести выселение из пределов Азово-Черноморского края в один из районов Казахстана семей арестованных троцкистов и правых»⁵. «Враги народа» выявлялись и в массовом порядке арестовывались, члены их семей высылались в окраинные

¹ Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников // Соч. Т. 14. Март 1934–1940. С. 166.

² Там же. С. 164.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. С. 112.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же. С. 216.

районы страны, НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организацию.

2 июля 1937 г. вышло постановление Политбюро с типичным для этого периода «конвейерным» названием «Об антисоветских элементах». Секретарям областных и краевых организаций, руководителям областных, краевых и республиканских управлений НКВД предлагалось «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД». Им также предлагалось «в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке»¹. С 5 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своими постановлениями утверждало персональные составы «троек» по проверке антисоветских элементов в ряде краев, областей и республик СССР, а также цифры намеченных к расстрелу и высылке в них «кулаков и уголовников»².

Реализуя постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., НКВД направил на места директиву № 266 о проведении учета «кулаков и уголовных элементов», согласовании окончательных цифр с партийным руководством краев, областей и республик. 30 июля 1937 г. народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов³. Если выступления И. В. Сталина о нарастании классово-борьбы в 1930-х гг. можно расценить как постановку политической задачи, решения Политбюро ЦК ВКП(б) об «антисоветских элементах» — как ее конкретизацию, то данный приказ стал прямым руководством к действию. Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий «антисоветских элементов». Все репресслируемые разделялись на две категории по мерам наказания. К первой относились наиболее враждебные «антисоветские элементы», подлежавшие немедленному аресту и «по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу». Ко второй категории — «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 234–235.

² Там же. С. 239, 241, 242.

³ Там же. С. 273–281.

8 до 10 лет, а «наиболее злостные и социально опасные из них» — заключению на те же сроки в тюрьмы¹. Был определен перечень контингентов, подлежащих репрессиям: «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты» и др.

В приказе было утверждено конкретное количество лиц, подлежащих репрессиям по первой и второй категории в каждой республике, крае или области. Всего в СССР «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категории 268 950 чел.², в том числе в лагерях НКВД по первой категории — 10 тыс. чел. Данные цифры являлись «ориентировочными». Наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имели права самостоятельно их превышать. Разрешалось уменьшать цифры и переводить лиц из одной категории в другую. При необходимости увеличения утвержденных цифр наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД были обязаны предоставить «соответствующие мотивированные ходатайства»³. По таким ходатайствам с мест с конца октября по декабрь 1937 г. Н. И. Ежов дополнительно утвердил репрессирование 68 тыс. чел. по первой категории и 47 тыс. чел. по второй категории⁴. Таким образом, в 1937 г. должны были оказаться репрессированными около 380 тыс. чел.⁵, а фактически — в два раза больше⁶. Дополнительно к разнарядкам 1937 г. с 31 января по 29 августа 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило лимиты на репрессирование еще почти 150 тыс. чел. по обеим категориям⁷.

Уже 8 сентября 1937 г. Н. И. Ежов проинформировал И. В. Сталина о первых итогах операции по репрессированию «антисоветских элементов». Менее чем за месяц, к 1 сентября 1937 г. было аресто-

¹ Там же. С. 273–281.

² Там же. С. 275–276 (расчет авторов).

³ Там же. С. 276–277.

⁴ Там же. С. 651.

⁵ Там же. С. 275, 276, 651 (расчет авторов).

⁶ Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 316 (расчет авторов).

⁷ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 190–191.

вано 146 225 чел.¹, или 54,37 % от общего числа лиц, подлежащих репрессиям². Из них «тройки» осудили 31 530 чел. к расстрелу, 13 669 чел. — к заключению в лагеря и тюрьмы³. С 5 августа 1937 г. и до середины ноября 1938 г. «тройки» НКВД — УНКВД осудили не менее 800 тыс. чел., половину из них — к расстрелу⁴. Это составило почти 60 % от общего числа репрессированных в те годы по политическим мотивам⁵. Остальные были осуждены другими внесудебными органами (Особым совещанием при НКВД СССР, военными трибуналами и судами)⁶. Только Военная коллегия Верховного Суда СССР (которой поручали дела в отношении наиболее известных и в прошлом авторитетных «врагов народа») и ее выездные сессии в 60 городах СССР с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 г. осудили 36 157 чел., из них к расстрелу 30 514 чел., или 84,39 %⁷.

5 июля 1937 г. было принято постановление, по которому подвергались заключению в лагеря на 5–8 лет все жены «осужденных изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации». Детей-сирот до 15-летнего возраста следовало взять на государственное обеспечение и разместить в «сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик»⁸. Согласно оперативному приказу НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. члены семей, признававшиеся способными «к активным антисоветским действиям, подлежали водворению в лагеря или трудпоселки, а семьи лиц, репрессированных по первой категории и проживавшие в пограничной полосе, — переселению за ее пределы внутри республик, краев и областей. Все семьи лиц, репрессированных по первой

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 337.

² Там же. С. 275, 276, 337 (расчет авторов).

³ Там же. С. 337.

⁴ Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены». С. 9.

⁵ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318 (расчет авторов).

⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 229, 230, 238, 239, 252; Попов В. П. Государственный террор в Советской России, 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; Муранов А., Звягинцев В. Суд над судьями (особая папка Ульриха). Казань, 1993; и др.

⁷ См.: Кропачев С. А. Хроники коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 48.

⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 238–239.

и второй категориям, следовало «взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение»¹.

15 августа 1937 г. вышел специальный приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»². 5 октября 1938 г. нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов и его заместитель Л. П. Берия сообщили И. В. Сталину о том, что всего на основании приказа № 00486 по неполным данным было репрессировано свыше 18 тыс. жен «арестованных предателей», в том числе свыше 3 тыс. чел. в Москве и около 1,5 тыс. чел. в Ленинграде³. К 29 января 1939 г. было «изъято» 25 342 ребенка⁴. Таким образом, менее чем за полтора года по стране было репрессировано не менее 43 тыс. жен и детей «изменников Родины».

В 1937–1938 гг. было проведено несколько «национальных» операций НКВД СССР. Наиболее крупные из них — «польская» и «немецкая» — в 1990-е гг. были достаточно изучены отечественными историками⁵. К исследованию других ученые только приступили («латышская»⁶), а некоторые «национальные» операции, например репрессии против «харбинцев» — бывших служащих КВЖД — остаются пока не изученными. И. Г. Джуха пришел к выводу, что в ходе осуществления «греческой операции» было репрессировано от 21,2 тыс. до 25,2 тыс. чел., из них от 17 тыс. до 21,2 тыс. чел. (более 80 % от всех репрессированных) расстреляно. В масштабах всей страны «греческая операция» вышла (вместе с «финской» и «эстонской») в «лидеры» с самым высоким процентом расстрелянных⁷. Всего по «национальным» операциям НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, по дан-

¹ Там же. С. 277.

² Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены». С. 12–30.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 22.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Ченцов В. В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Пермские поляки. Пермь, 2001; Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Дель О., Мусиенко Н. Между Гитлером и Сталиным // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М., 2004. С. 291–314; и др.

⁶ Штраус В. Латышский дневник // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. С. 261–290.

⁷ Джуха И. Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006. С. 396–397.

ным Н. Охотина, было осуждено около 350 тыс. чел., 71 % из них — к смертной казни¹.

Остановило «большой террор» постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., подвергшее критике деятельность НКВД. Тем не менее в условиях массовых политических репрессий главным героем публикаций в печати стал именно сотрудник НКВД (а не партработник, как ранее), его антиподом — двуличный, хитрый, коварный шпион, вредитель, диверсант, которого И. В. Сталин призывал «громить» и «выкорчевывать» в марте 1937 г. Разоблачение сотен тысяч неожиданно появившихся «врагов народа» проходило на фоне нараставшего массового политического психоза, истерии и народного негодования, умело направлявшихся партийными органами всех уровней.

Важную роль в обосновании новых способов борьбы с «врагами народа» сыграл Генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский. Он не только лично выступал государственным обвинителем на всех крупных «показательных» процессах середины 1930-х гг., но и писал гневные разоблачительные статьи в газеты и журналы, инициировал принятие соответствующих новаций в советском уголовном и уголовно-процессуальном праве². А. Я. Вышинский обвинял «шпионско-диверсионное и террористическое подполье в СССР» в использовании таких методов, как «клевета, саботаж, вредительство, диверсии, шпионаж, террор, измена родине». Он призывал систематически и последовательно разоблачать приемы и методы «троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений»³.

В конце 1930 — начале 1940-х гг. появились и первые критики «большого террора», в первую очередь, среди эмигрантов из СССР. Уже в июле 1937 г. во французских газетах выступил с открытым письмом, обличавшим политику Сталина (прежде всего массовые расстрелы) решивший не возвращаться в СССР советский разведчик И. С. Рейсс (Н. М. Порецкий). Он писал: «Только победа социализма освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма»⁴.

¹ Российская история. 2009. № 1. С. 212.

² Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. М., 1937; Его же. Судебные речи. М., 1938; и др.

³ Вышинский А. Я. Методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков // Большевик. 1937. № 10. С. 30.

⁴ См.: Залесский К. А. Империя Сталина. М., 2003. С. 387.

Одним из первых подверг критике «большой террор» и главный политический противник И. В. Сталина в партии большевиков Л. Д. Троцкий. Первоначально Л. Д. Троцкий, приводя в издаваемом им «Бюллетене оппозиции» четырех- и пятизначные цифры исключенных в ходе партийных чисток, арестованных и сосланных, раскладывая их по категориям, с некоторым удовлетворением воспринимал то, что на первом месте среди них находились «троцкисты». В 1933 г. он писал: «Даже официальная советская пресса последних месяцев свидетельствует о том, что наши единомышленники мужественно и не без успеха ведут свою работу»¹. Троцкий полагал, что репрессии вызовут ответное сопротивление и приведут к перерождению ВКП(б) и свержению власти Сталина.

Но московские процессы, на которых Троцкий был заклеен в качестве главного «убийцы», организатора и идейного вдохновителя «террористических банд», заставили и его ощутить прямую опасность. В так и оставшемся незавершенном втором томе своей работы о Сталине он характеризовал их как высший пункт «политики обмана и насилия», негативно оценивая истребление лучших партийных кадров. Особенно остро Троцкий критиковал расправу над военачальниками, прямо сравнивая в этом случае Сталина с Гитлером, причем не в пользу первого. Вместе с тем Троцкий сохранил уверенность в том, что репрессии «открывают период сползания. Сталин начинает явственно чувствовать, как почва осыпается и сдвигается под его ногами». Для Троцкого это было еще одним подтверждением «русского термидора» как перерождения российской революции в бюрократическую диктатуру, по аналогии с событиями Великой французской революцией конца XVIII в.²

26 июля 1938 г. Ф. Ф. Раскольников, решивший не возвращаться в Москву под влиянием начавшихся репрессий, опубликовал в парижской эмигрантской газете «Последние новости» письмо «Как меня сделали «врагом народа»». 17 августа 1939 г. он опубликовал в парижском журнале «Новая Россия» свое знаменитое «Открытое письмо Сталину». Оно стало наиболее резким и в то же время обоснованным обвинением Сталина в массовых репрессиях: «Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие во время Гражданской

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 54.

² Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. Т. II. М., 1990. С. 276 – 277.

войны и вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали истребление комсомола»¹.

С критикой сталинских репрессий выступил и высокопоставленный сотрудник иностранного отдела НКВД В. Г. Кривицкий, также оказавшийся «невозвращенцем». Он связал массовые репрессии с возникновением в СССР оппозиции Сталину в лице огромной массы крестьян, командного и политического состава армии, директоров заводов, партийного аппарата: «Это была уже сила. Следовало перетряхнуть всю структуру Советской власти. Как это сделать? Дискредитировать, запятнать, заклеить позором и расстрелять старую гвардию большевиков и провести массовые аресты их последователей. Назвать их “троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами, саботажниками, злоумышленниками, диверсантами, немецкими, японскими, британскими агентами” — как угодно, но арестовывать как участников гигантского государственного заговора каждого, стоящего в оппозиции сталинскому единовластию». По мнению В. Г. Кривицкого: «Западный мир так до конца и не понял, что советские показательные суды были вовсе не судами, а орудием политической войны»².

В целом, эмигранты-выходцы из СССР и «невозвращенцы» акцентировали внимание на показательных московских процессах, по которым осуждались видные советские государственные и партийные деятели, и вовсе не стремились к пересмотру оценок справедливости других репрессивных и карательных акций, например в отношении раскулаченных. Даже Раскольников, обличая диктатуру Сталина, сосредоточился лишь на обвинениях в репрессиях против большевиков, колхозников, рабочих. Он совершенно не касался массовых расстрелов «классовых врагов», огромных масс населения, не имевших никакого отношения к партийной номенклатуре. Давая московским процессам резко негативную оценку, жестко критикуя «судебные подлоги» и «хорошо отрепетированные покаяния», авторы не приводили конкретных цифр, позволивших оценить количественные масштабы «большого террора», которыми, естественно, просто не располагали, несмотря на их прежние должности и посты. Пожалуй, только В. Г. Кривицкий отметил то, на что не обращали внимания другие авторы: «Таких судов, приводивших в удивление

¹ Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 313–320.

² Кривицкий В. «Я был агентом Сталина»: записки советского разведчика / пер. с англ. М., 1991. С. 207–208.

весь мир, было много и раньше, однако прежде большевистские лидеры никогда не участвовали в них в качестве жертв»¹.

Сам факт публикации указанных работ нередко имел трагическое значение для дальнейшей судьбы их авторов. Так, убийство Троцкого исследователи связывают не только с продолжением его политической деятельности, но и с прямым стремлением Сталина помешать завершению его труда, содержавшего жесткую критику сталинизма². В начале сентября 1937 г. И. С. Рейсс был убит специальным агентом НКВД³. При невыясненных обстоятельствах скончался в 1939 г. в Марселе Ф. Ф. Раскольников. Р. А. Медведев полагает, что он был убит агентами НКВД, впрочем, не приводя никаких документальных доказательств. В феврале 1941 г. в Вашингтоне погиб В. Г. Кривицкий, смерть которого также связывают с действиями советских агентов⁴. Сбежавший в США в 1938 г. еще один резидент НКВД А. М. Орлов только в 1953 г. опубликовал в журнале «Лайф» серию статей, составивших затем книгу «Тайная история сталинских преступлений»⁵. По словам автора, до этого он опасался за жизнь своих родственников и близких, остававшихся в СССР. Вскоре книга А. М. Орлова была переведена на многие языки, на русский — в 1983 г., а в СССР вышла уже в 1991 г. Автор отмечал в ней: «Сталин уничтожил больше революционеров, чем все русские цари, вместе взятые»⁶.

Кардинальные изменения в осмыслении «большого террора» в СССР произошли в связи с «оттепелью». В своем докладе «О культуре личности и его последствиях» на закрытом заседании XX съезда КПСС Н. С. Хрущев заявил, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 чел., т. е. 70 %. Трагическая судьба постигла и большинство других делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 чел.: «Уже один этот факт

¹ Там же.

² Козлов В., Ненароков А. Лев Троцкий о Сталине и «российском термидоре». Некоторые исторические параллели // Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. Т. I. М., 1990. С. III.

³ Залесский К. А. Империя Сталина. М., 2003. С. 387.

⁴ Старков Б. Судьба Вальтера Кривицкого // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 82–93.

⁵ Orlov A. The Secret History of Stalin's Crimes. N. Y., 1953.

⁶ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.

говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях»¹. Особенно подробно Н. С. Хрущев остановился на массовых репрессиях 1936–1938 гг. и их жертвах, известных партийных деятелях. Согласно докладу, количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 г. по сравнению с 1936 г. более чем в десять раз².

Критика сталинских репрессий была продолжена на XXII съезде КПСС, где Н. С. Хрущев обратился к так называемому делу военных, заявив: «Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и другие. Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами. А позже были репрессированы Блюхер и другие видные военачальники». Н. С. Хрущев также заявил, что основанием для репрессий советских военачальников послужил сфабрикованный немцами документ, переданный Сталину через президента Чехословакии Бенеша³.

Огромную работу по сбору и анализу материалов о репрессированных полководцах Красной армии в 1937–1938 гг. проделал генерал-лейтенант А. И. Тодорский, проведший в лагерях и ссылке семнадцать лет и реабилитированный в 1955 г.⁴ Он приложил массу усилий для их политической и общественной реабилитации, опубликовав статьи о И. Э. Якире, В. К. Путне и других советских военачальниках, книгу о М. Н. Тухачевском⁵, активно поддерживал других авторов, исследовавших эти сложные темы⁶. В 1959 г. в издательстве «Военная литература» начала выходить новая серия «Военные мемуары». Авторы книг, изданных в этой серии в конце 1950 — первой половине 1960-х гг., писали о репрессиях в армии накануне войны⁷. Самой откровенной книгой в этом ряду стали мемуары Героя Советского Союза, генерала армии А. В. Горбатова «Годы и войны»⁸.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

² Там же. С. 140. 143.

³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II. М., 1962. С. 585–586.

⁴ Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1986. С. 42.

⁵ Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М., 1963.

⁶ См.: Дубинский И. В. Наперекор ветрам. М., 1964; и др.

⁷ Пухов Н. П. Годы испытаний. М., 1959; Сандалов Л. М. Пережитое. М., 1961; Дьяков Б. Повесть о пережитом. М., 1966; и др.

⁸ Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1965.

В заключительном томе фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны, который был сдан в набор в августе 1964 г., т. е. до октябрьского пленума, а вышел уже после отставки Н. С. Хрущева, впервые в советской историографии были обнаружены данные о масштабах репрессий в РККА. Здесь отмечалось, что значительная часть военных кадров «стала жертвой сталинского произвола. С мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений». В итоге накануне Великой Отечественной войны армия оказалась обезглавлена. В срочном порядке на вышестоящие должности пришлось выдвигать неподготовленных офицеров. К началу войны только 7 % офицеров имели высшее военное образование, а 37 % даже не прошли полного курса обучения в средних военно-учебных заведениях. Большинство командиров и политработников к лету 1941 г. имели стаж работы в занимаемых должностях до одного года¹.

Но уже с середины 1960-х гг. из историографии исчезли упоминания о «большом терроре», судьбах миллионов репрессированных. Советские историки фактически вернулись к апологии сталинизма. В новом фундаментальном труде по истории Второй мировой войны по поводу массовых репрессий в Красной армии лишь кратко сообщалось: «В 1937–1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников»². Публикации мемуаров со второй половины 1960-х гг. также подвергались жесткой цензуре.

С началом «перестройки» внимание к событиям «большого террора» активизировалось. Уже в феврале 1988 г. Верховный Суд СССР реабилитировал десятерых обвиняемых, осужденных в марте 1938 г. на процессе по делу «Антисоветского правотроцкистского блока»³, включая Н. Бухарина, А. Рыкова и Х. Раковского. В июне 1988 г. последовала реабилитация Г. Зиновьева, Л. Каменева, Ю. Пятакова, К. Радека, а ЦК КПСС посмертно восстановил в партии Н. Бухарина и А. Рыкова.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 6. М., 1965. С. 124–125.

² История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 2. М., 1973. С. 206.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–85.

В начале 2000-х гг. вышло несколько крупных трудов по демографической истории России первой половины XX в., которые отличает академизм, последовательность, широкий охват рассматриваемой проблематики. Прежде всего необходимо отметить коллективную работу «Население России в XX веке»¹, монографии В. Б. Жиромской² и В. А. Исупова³. Впервые в отечественной историографии в них названы достоверные масштабы «большого террора» на основе рассекреченных документов федеральных архивов. Согласно приводимым в указанных исследованиях данным, всего в 1937–1938 гг. в СССР подверглись аресту 3 141 444 чел., из них 1 575 259 чел. — по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 чел. — в уголовных. Всего осудили по политическим мотивам 1 344 923 чел., из них 681 692 чел., или 50,7 %, приговорили к расстрелу⁴. Эти цифры приводятся в работах В. В. Кожинова, О. Б. Мозохина, Л. А. Наумова, В. П. Попова, Л. Л. Рыбаковского и других авторов, хотя их взгляды и общие оценки массовых репрессий нередко различаются⁵.

Однако в публикациях в журнале «Мемориал» приводится другая цифра — более 750 тыс. чел., казненных в 1937–1938 гг.⁶ Кроме того, исследователи указывают на то, что в исправительно-трудовых лагерях (далее — ИТЛ), исправительно-трудовых колониях (далее — ИТК) и тюрьмах (без учета контингента спецпоселений) в эти годы по различным причинам умерло 160 084 заключенных⁷, часть

¹ Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000.

² Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

³ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁴ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

⁵ Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 29; Кожинов В. Россия. Век XX-й (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. С. 197; Рыбаковский Л. Л. Указ. соч. С. 128; Мозохин О. Б. Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК–ОГПУ (1934–1940) // Военно-исторический архив. 2005. № 4. С. 182; Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М., 2007. С. 14.

⁶ Мемориал. 2004. № 28. С. 36.

⁷ Население России в XX веке. Т. 1. С. 320; Исупов В. А. Указ. соч. С. 118; Голотик С. И., Минаев В. В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

которых была осуждена по политическим мотивам¹. К двум последним группам необходимо добавить политических арестантов, осужденных и расстрелянных по уголовным статьям или умерших в эти годы в ГУЛАГе. В итоге в 1937–1938 гг. «в результате карательной деятельности государства» страна потеряла около 1 млн чел. погибшими². По словам В. П. Данилова: «Жертвами сталинских репрессий стала наиболее трудоспособная и наиболее социально-активная часть населения, люди с самостоятельным суждением и стремлением его открыто высказывать, наконец, способные оказать сопротивление несправедливости, насилию. В массе своей они не были врагами советского общества. Напротив, их уничтожение нанесло сильнейший удар по способности общества к развитию и обороне»³.

Одним из самых первых специальных исследований о «большом терроре» стала книга О. В. Хлевнюка, изданная в начале 1992 г. беспрецедентным для исторической монографии тиражом в 100 тыс. экземпляров. О. В. Хлевнюк проанализировал предпосылки 1937 г. и создание системы ГУЛАГа, впервые обратив внимание на огромную роль лагерей и колоний в экономике страны. Он предложил отнести к категории осужденных по политическим мотивам не только тех, кто проходил по графе «за контрреволюционные преступления», но и по графам «социально вредные» и «социально опасные». По этим двум категориям в 1937–1939 гг. было осуждено 549 759 чел. Кроме того, О. В. Хлевнюк отнес к жертвам террора умерших от голода, холода и болезней во время транспортировки к местам отбытия наказаний, не включенных в статистику смертности по пенитенциарным учреждениям. В целом, автор сделал вывод о миллионах репрессированных за два года «большого террора»⁴. В дальнейшем он опубликовал десятки работ по рассматриваемой проблеме, став одним из самых авторитетных российских исследователей истории сталинизма⁵.

¹ Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

² Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. С. 118.

³ Данилов В. П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 323.

⁴ Хлевнюк О. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 155–156.

⁵ Хлевнюк О. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1995; Его же. Политбюро. Механизмы политической власти в

Современные авторы подсчитали, что в 1937–1938 гг. по политическим мотивам было репрессировано 0,8 % общей численности населения СССР, или 1,3 % его взрослого населения¹. Исследователи отмечают, что были репрессированы преимущественно мужчины и женщины трудоспособного возраста, многие из которых имели высокую квалификацию, опыт профессиональной деятельности в значимых сегментах экономики, армии, сфере хозяйственного и политического управления. Так, на 1 марта 1940 г. среди заключенных ГУЛАГа преобладали мужчины (93 %) в возрасте 22–40 лет (63,6 %)².

В. Н. Хаустов выделил следующие уровни проведенных репрессивных кампаний: а) против высшего эшелона власти; б) политический террор в отношении среднего звена руководителей; в) осуществление массовых операций. Хаустов оценил именно события 1937 г. как апогей политических репрессий в связи с резким увеличением их масштабов, но полагал при этом, что все явления «большого террора» в том или ином виде присутствовали и ранее в советской действительности³.

И. В. Павлова связывает начало «большого террора» с убийством Кирова 1 декабря 1934 г., но этапными в его развязывании считает Пленумы ЦК ВКП(б) в феврале–марте и июне 1937 г., принявшие решения об активизации репрессивной политики⁴. В. М. Курицын проследил юридический механизм осуществления «большого террора», отметив, что репрессивный механизм «в основном сложился уже в процессе проведения сплошной “коллективизации”, массового раскулачивания, когда, по существу, искусственно разжигалась классовая борьба». Но окончательно его реорганизация завершилась

1930-е годы. М., 1996; Его же. История сталинского Гулага. От коллективизации до большого террора. Нью-Хейвен, 2004; Его же. Холодный мир. Сталин и советский правящий круг, 1945–1953 гг. Н.-Й., 2004; Его же. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; и др.

¹ Земсков В. Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60; Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. С. 318 (расчет авторов).

² Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. С. 189.

³ См.: Кропачев С. А. Научная конференция в Париже о сталинском терроре. С. 65.

⁴ Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 267, 287, 290, 301, 310, 317–324, 330.

10 июля 1934 г., «когда ОГПУ было преобразовано в НКВД СССР, а при нем образован внесудебный орган — Особое совещание». Исследователь опроверг утверждения о том, что «именно в 1934 г. был впервые создан такой внесудебный орган и впервые стали применяться репрессии во внесудебном порядке». Он справедливо отмечал, что внесудебные репрессии широко применялись еще в годы Гражданской войны, когда чрезвычайными функциями была наделена ВЧК. Но в условиях «перехода к мирному социалистическому строительству внесудебные полномочия ВЧК (а затем и ОГПУ) были резко сокращены»¹. Только с конца 1920–1930-х гг. внесудебные репрессии вновь стали широко применяться на местах по решению «троек» и Судебной коллегии ОГПУ, которую и заменило Особое совещание².

Определенные дискуссии в историографии вызывает вопрос о роли Сталина в организации «большого террора». О. В. Хлевнюк утверждает, что деятельность Н. И. Ежова во время «большого террора» прямо контролировал и направлял непосредственно И. В. Сталин. Именно он редактировал основные карательные документы, регулировал ход следствия и определял сценарии политических процессов. Как следует из журнала записей посетителей кабинета Сталина в 1937–1938 гг., Ежов побывал у вождя более 270 раз и провел у него более 840 часов. Известно, что Политбюро утверждало все приказы НКВД, касающиеся проведения массовых репрессивных акций и наиболее крупных судебных процессов³.

Среди репрессированных советских граждан в 1930-е гг. было по разным подсчетам от 116 885 до 1,2 млн большевиков⁴. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии в 1934 г., до следующего съезда в 1939 г. не дожили 98 чел.; из 1966 делегатов съезда были репрессированы 1108 чел. В. З. Роговин увидел в терроре 1937 г. «превентивную гражданскую войну против большевиков-ленинцев»⁵. Однако другие исследователи подчеркивают, что ВКП(б) нельзя назвать «партией расстрелянных». Репрессированные коммунисты не только не сопротивлялись сталинскому режиму,

¹ Борисов Ю. С., Курицын В. М., Хван Ю. С. Политическая система конца 20–30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. 13 бесед. М., 1988. С. 285.

² Там же. С. 286.

³ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 207–208.

⁴ Роговин В. З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 487–488.

⁵ Роговин В. З. 1937 год. М., 1996. С. 17–18.

но и, напротив, были ревностными создателями и исполнителями преступных приказов. Секретари обкомов партии П. П. Постышев, Р. И. Эйхе и другие партийные руководители до своего ареста руководили репрессиями на местах как против коммунистов, так и против остального населения.

Значительное внимание в современной историографии уделяется репрессиям в РККА. С 1929 г. почти ежегодно чекисты «обнаруживали» в РККА различные «контрреволюционные организации», участниками которых были, как правило, офицеры, служившие еще в царской армии, а затем доказавшие свою лояльность советским властям, что не спасло их от репрессий. Особенно трагические последствия для армии имели решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. и программная речь Сталина 5 марта, в которых формулировалось физическое уничтожение всех, кто, по мнению руководства, мог выглядеть потенциальным противником режима. Тогда была арестована и расстреляна группа руководящих военных деятелей СССР во главе с маршалом М. Н. Тухачевским. О. Ф. Сувениров рассказал о ходе расправы с руководящим составом армии, ее отрицательных результатов для боеспособности, представив мартиролог погибших от маршалов до рядовых и членов семей военачальников¹. Историки отмечают стремление Сталина с помощью репрессий полностью подчинить себе армию.

Одним из главных предметов дискуссий является вопрос о том, существовал ли на самом деле «заговор военных», направленный на свержение Сталина, или он являлся результатом фальсификации, а также общая численность жертв репрессий в армии. Большинство исследователей склоняется к тому, что никакого «заговора Тухачевского» не было².

В связи с этим в отечественной историографии широко обсуждался вопрос о влиянии германских документов о сотрудничестве осужденных советских военачальников с рейхсвером на возникновение и ис-

¹ Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.

² Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–121; Плимак Е. Г., Антонов В. С. Тайна «заговора Тухачевского» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 123–138; Так был ли «заговор Тухачевского»? // Отечественная история. 1999. № 1. С. 176–186; Тумшис М. А., Папчинский А. А. Правда и ложь А. Орлова // Отечественная история. 1999. № 6. С. 179–182; Гольдфин И. И. Двусмысленные числа // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 170–173; Печенкин А. А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление. М., 2003; и др.

ход данного «дела». Большинство авторов склоняется к одной из двух основных версий: «Германская ли это интрига против руководства Красной Армии, или это сталинская интрига, организованная внешней разведкой НКВД»¹. Так, Ф. Сергеев и С. Случ считают, что германские материалы не являлись причиной репрессий и даже не фигурировали при разбирательстве «дела о заговоре»², а П. А. Судоплатов вообще отрицает их существование³. Д. А. Волкогонов полагает, что на решение Сталина начать репрессии в армии повлияли циркулировавшие за рубежом слухи о подготовке антисталинского заговора среди военных. Поскольку подобных сигналов было много (включая и германские документы), Сталин дал указание НКВД присмотреться к М. Н. Тухачевскому. Одновременно в аппарате НКВД у арестованных военачальников выбивали показания о заговоре в армии, которые также докладывались в Кремль. Определенное влияние на решение вождя оказала и статья Л. Д. Троцкого в «Бюллетене оппозиции» о недовольстве военных диктатом Сталина. Все это вместе и подтолкнуло его к решительным действиям, причем именно борьба с Троцким предопределила дальнейший размах репрессий среди армейской верхушки⁴.

В работе В. М. Иванова отмечается, что все сведения об «антисоветской» деятельности будущих обвиняемых концентрировались в НКВД, а само дело было построено на оговорах и признаниях без приведения каких-либо доказательств⁵. О. Ф. Сувениров считает, что «самым страшным преступлением НКВД перед Советскими Вооруженными Силами стала сознательная фабрикация его аппаратом заведомо ложной версии о существовании в РККА антисоветской военной заговорщической организации»⁶.

¹ См.: Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–110.

² Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: «дело» Тухачевского, операция «Цеппелин» // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 114–132; Случ С. З. «Дело Тухачевского»: велика ли заслуга СД? (По поводу новой книги немецкого историка) // Советское славяноведение. 1992. № 1. С. 27–29.

³ Судоплатов П. А. «Остаюсь единственным живым свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 25; Его же. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 100–108.

⁴ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. М., 1989. Кн. 1, ч. 2. С. 254–271.

⁵ Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский. М., 1990. С. 295–318.

⁶ Сувениров О. Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 28; Его же. Трагедия первых командармов // Отечественная история. 1996. № 4. С. 172–173.

В. З. Роговин называет несколько причин репрессий в РККА. Он считает, что, во-первых, офицерский корпус был более самостоятельным и независимым от политических структур, чем гражданские учреждения. Во-вторых, в армии оставалось много сторонников и сослуживцев Троцкого. В-третьих, она отражала недовольство крестьян коллективизацией. В-четвертых, Тухачевский спорил со Сталиным по вопросам советской военной доктрины и проблемам развития вооруженных сил. В-пятых, Тухачевский боролся с Ворошиловым за влияние в Наркомате обороны. В-шестых, Сталин завидовал популярности военачальников. В-седьмых, военные позволяли себе дискуссии о роли Сталина в Гражданской войне. Кроме того, разведка докладывала Сталину фабрикуемые на Западе версии о подготовке военного переворота, что усиливало его подозрительность. Получив германские документы, составленные при содействии НКВД, он смог расправиться с Тухачевским. Вместе с тем, автор не исключает того, что заговор военных действительно существовал. В подтверждение этого он ссылается на гипотезу А. Орлова, согласно которой Сталин был агентом царской охранки. Узнав об этом, оппозиция стала готовить заговор с целью его отстранения от власти, в котором участвовали военные, но Сталин сумел их опередить¹.

К сожалению, обсуждение вопросов, связанных с «делом Тухачевского», не сопровождалось дальнейшим углублением исследований проблемы репрессий в РККА в целом. По мнению М. И. Мельтюхова, в российской историографии в 1990-е гг. четко выделялось две основные тенденции по данной проблеме. Одну из них он условно назвал «проармейской», т. к. в ней довольно четко проводилась «мысль о том, что офицерский корпус — элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны», являются «самым страшным» преступлением органов. Другая тенденция имела явную «антисталинскую» направленность, поскольку в ней акцентировалось внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса. М. И. Мельтюхов полагает, что «подлинно научное изучение этих трагических событий возможно лишь за рамками вышеуказанных тенденций» и тесно связано с расширением корпуса источников и рассматриваемых вопросов: «Не только не решены, но зачастую даже не поставлены вопросы о целях чисток офицерского корпуса, о межведомственных трениях в те годы, о наличии и взаи-

¹ Роговин В. З. 1937 год. С. 363–448.

моотношениях различных группировок в Красной Армии, о месте и роли офицерского корпуса в тоталитарном государстве»¹.

Значительные разногласия вызывал и масштаб репрессий в РККА. Если вначале исследователи обходились общими фразами об «обезглавленной армии», то затем стали повторять данные А. И. Тодорского, опубликованные еще в начале 1960-х гг. Л. А. Киршнер полагает, что были репрессированы 50 % офицеров². Наиболее часто встречается цифра в 40 тыс. репрессированных, ее приводят Д. А. Волкогонов, Д. М. Проэктор и другие авторы³. А. М. Самсонов назвал 43 тыс. чел.⁴, Н. М. Раманичев — 44 тыс. чел.⁵, Г. А. Куманев — 50 тыс. чел.⁶ Ю. А. Горьков утверждает, что в 1936–1939 гг. были репрессированы 48 773 чел.⁷ В книге В. Н. Рапопорта и Ю. А. Геллера говорится примерно о 100 тыс. офицеров, репрессированных в 1937–1938 гг., однако при этом авторы приводят сведения лишь о 651 чел. (64,8 % высшего комсостава) на 1 января 1937 г.⁸ В. Д. Данилов приводит цифру в 24 574 офицеров, репрессированных в 1937–1939 гг., из которых 9 579 чел. было арестовано, 14 968 чел. уволено из армии, а 11 178 чел. возвращено в армию⁹.

Согласно Ф. Б. Комалу, в 1937–1939 гг. из сухопутных войск и ВВС было уволено 42 514 офицера, из них возвращено в армию 12 070 чел., т. е. всего уволено 30 444 чел., из которых 9 579 арестованы. Автор справедливо указывает на недопустимость смешивать понятия «уволенные» и «репрессированные», к которым следует относить лишь арестованных и уволенных по политическим мотивам¹⁰.

¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 118.

² Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991. С. 31–32.

³ Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2, ч. 1. С. 51; Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 304; Стецовский Ю. И. История советских репрессий: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 77.

⁴ Самсонов А. М. Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1990. С. 102.

⁵ Раманичев Н. М. «Красная Армия всех сильнее?» // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 3.

⁶ Куманев Г. А. 22-го, на рассвете... // Правда. 1989. 22 июня.

⁷ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 16, 47.

⁸ Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине. М., 1995. С. 289, 291, 407–415, 417–437.

⁹ Данилов В. Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 5.

¹⁰ Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 24–25.

Д. Б. Лошков отмечает, что причиной увольнений из рядов РККА мог быть «не только арест, но и смерть, инвалидность, болезнь, выслуга лет, а арестовывали не только за политические взгляды, но и за пьянство, моральное разложение, мародерства, хищения и т. п.»¹ Данную позицию разделяют О. Ф. Сувениров и другие историки².

По мнению А. Филиппова, всего в рассматриваемый период было уволено 38 тыс. офицеров, причем 9 тыс. увольнений пришлось на естественную убыль, а 12 тыс. офицеров были восстановлены в кадрах. Следовательно, фактически уволено было 17 тыс. чел., из них 9,5 тыс. чел. арестовано³. А. Т. Уколов и В. И. Ивкин на основе данных судебных органов РККА отмечают, что в 1937–1939 гг. было осуждено за политические преступления примерно 8 624 чел., при этом указывая, что вряд ли стоит причислять к репрессированным осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления⁴. О. Ф. Сувениров приводит 5 316 офицеров репрессированных в 1936–1941 гг.⁵

Кроме того, одновременно с увольнением офицеров из армии шел процесс восстановления в кадрах РККА несправедливо уволенных. Ф. Б. Комал показал, что только в 1937–1939 гг. в армию было возвращено 12 070 уволенных, и этот процесс продолжался⁶. Только в сухопутные войска из уволенных в 1937–1939 гг. к 1 мая 1940 г. был возвращен 12 461 офицер⁷. По мнению В. П. Бородина, к 1 января 1941 г. в армию вернулось свыше 13 тыс. офицеров, а из почти 16 тыс. уволенных было арестовано от 6 до 8 тыс. человек⁸. Н. И. Кузнецов

¹ Лошков Д. Б. Командные кадры Красной армии накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 17.

² Сувениров О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 136; и др.

³ Филиппов А. О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года // Военный вестник АПН. 1992. № 9. С. 6.

⁴ Уколов А. Т., Ивкин В. И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 56–59.

⁵ Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 302–308.

⁶ Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24–25.

⁷ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 116.

⁸ Бородин В. Репрессии 30-х годов и реальное состояние офицерских кадров Красной Армии накануне Второй мировой войны // Военный вестник АПН. 1988. № 20. С. 9–12.

считает, что до начала войны в кадры вновь было принято 25 % от числа уволенных офицеров¹.

Многие исследователи полагают, что репрессии подрывали дисциплину в Красной армии, дезорганизовали управление войсками. О. Ф. Сувениров отмечает, что за 1418 дней Великой Отечественной войны РККА потеряла 180 чел. высшего состава от командира дивизии и выше, а за несколько предвоенных лет (в основном в 1937–1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным политическим обвинениям арестовано более 500 командиров в звании от комбрига до Маршала Советского Союза, из них 29 чел. умерли под стражей, а 412 чел. были расстреляны².

Немало исследований посвящено и другим категориям репрессированных во время «большого террора». А. Н. Яковлев приводит данные о расстрелах представителей православного духовенства: в 1937 г. было арестовано 136,9 тыс. священников, из них расстреляно 85,3 тыс. чел.³ Со своей стороны, М. Г. Степанов полагает, что «говорить о конкретном адресате “большого террора” не приходится», т. к. массовые политические репрессии 1937–1938 гг. «носили именно универсальный и безличный характер»⁴.

А. Ю. Ватлин рассмотрел механизм осуществления «большого террора» на примере Кунцевского района Московской области. Он представил особый взгляд на историю сталинских репрессий — «взгляд снизу», с точки зрения их конкретных исполнителей на местах. По мнению автора доклада, сеть низовых структур НКВД по всей стране оказалась ключевым звеном, позволившим «вытянуть» контрольные цифры арестов и расстрелов, одобренные на самой вершине власти. Объектом исследования стала «маленькая Лубянка» в Московской области — отдел НКВД Кунцевского района. Именно здесь абсурдность государственного террора достигла своего абсолюта, торжествовал анкетный принцип и произвол слепого случая⁵.

Н. В. Петров обратил внимание на алогичность массовых чисток среди самих чекистов, т. к. НКВД был непосредственным «рабочим

¹ Кузнецов Н. И. Генералы 1940 года // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 29.

² Сувениров О. Ф. Указ. соч. С. 317.

³ Яковлев А. Н. Сумерки. С. 185.

⁴ Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008. С. 72.

⁵ Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004.

органом» Сталина. Казалось, систему НКВД необходимо было укреплять, а не ослаблять репрессиями. Сталинский метод заключался в том, что чистки среди сотрудников НКВД создали необходимую атмосферу страха, весомые стимулы для каждого сотрудника, готового к выполнению любых, даже самых чудовищных приказов, доказывая преданность системе. Тем самым Сталин сделал НКВД более управляемым, а его сотрудников превратил в послушное орудие террора. Н. В. Петров обратил внимание на шаткость положения чекистов в эпоху «большого террора». Осознание собственной обреченности делало их особо циничными, и при этом вполне последовательными проводниками сталинских репрессий. Поэтому среди сотрудников НКВД практически не было сопротивления или недовольства террору. Обращаясь к высказыванию Н. И. Ежова о том, что из НКВД в 1937–1938 гг. было «вычищено» 14 тыс. сотрудников, Петров уточнил, что эти данные относятся ко всем категориям репрессированных — сотрудникам милиции, военнослужащим внутренних и пограничных войск и т. д. Собственно чекистов, служивших в органах госбезопасности, было репрессировано около 1,8 тыс. чел. из 25 тыс. сотрудников¹.

В поисках ответа на вопрос о причинах «большого террора» различные исследователи отмечают: стремление вождя к неограниченной власти, приобретение дешевой рабочей силы для проведения модернизации экономики страны, использование в качестве объяснения тяжелого материального положения жупела «происков врагов народа», опасение противодействия на выборах в Верховный Совет СССР, проведение социальной селекции в стране перед надвигавшейся войной, обеспечение повышенной управляемости страны и т. д. Между тем, в 1937 г. у Сталина уже была неограниченная власть в стране, которую он широко использовал, в том числе и для проведения массового террора. Г. Х. Попов полагает, что «большой террор» был организован для утверждения «советского государственного социализма». Поскольку он оказался ошибочным и потерпел поражение, «большой террор» также нельзя оправдать².

И. В. Павлова отмечает, что сталинский террор нельзя объяснить прагматикой решения революционных задач, он проводился в мирное время в отличие от «красного террора» в годы Гражданской

¹ См.: Кропачев С. А. Научная конференция в Париже о сталинском терроре. С. 69–70.

² Попов Г. Х. Тридцать седьмой год, или материализация призрака // Московский комсомолец. 2002. 2 августа.

войны. По ее мнению, смыслом «большого террора» было завершение операции сталинского «плана построения социализма». Поэтому она оценивает «большой террор» 1930-х гг. как кульминацию репрессий, охвативших армию и партию, проходивших среди интеллигенции, рабочих и крестьян¹. Автор признает, что объяснить репрессии во время правления И. В. Сталина невозможно ни с позиций общих закономерностей мирового развития, ни результатом исторического развития, характеризующегося чередованием наступления и отступления «чрезвычайщины». Она полагает, что репрессии способствовали укреплению сталинской власти, ликвидации какой-либо оппозиции. Все достижения в СССР связывались с именем Сталина, а неудачи с происками врагов социализма. И. В. Павлова отмечала, что репрессии происходили под аккомпанемент массовой лживой информации «о самом свободном и демократическом советском обществе». Сталинскому режиму тогда не только удалось увлечь огромные массы населения идеей «большого скачка», но и сделать их активными участниками репрессий через одобрения на многих заранее срепетированных собраниях и выступлениях².

Таким образом, историография «большого террора» существенно эволюционировала от первых пропагандистских работ к появлению серьезных фундаментальных научных исследований. Публикации 1990–2000-х гг. позволили определить достоверное количество репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора». Уровень развития современной отечественной исторической науки позволил назвать истинные масштабы политических репрессий в 1937–1938 гг., благодаря рассекречиванию архивных документов. Однако необходимо продолжение работы по сравнению исторических источников различного типа.

В историографии отмечается, что «большой террор» в 1937–1938 гг. был направлен против лиц, отдельных категорий и групп граждан, которые могли представлять гипотетическую угрозу для И. В. Сталина или его строя. Истребление потенциальной «пятой колонны» стало важным условием подготовки страны к предстоящей войне. Массовые политические репрессии образца 1937–1938 гг. завершили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики решали сложные политические,

¹ Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. С. 269, 308.

² Там же. С. 267, 287, 290, 301, 310, 317–324, 330.

экономические, социальные, национальные, культурные и иные проблемы. Он стал инструментом нагнетания в обществе страха, который держал людей в повиновении, исключил возможность организации сопротивления. Террор и страх явились методами конструирования нового советского человека.

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг. имели для советского общества и государства серьезные негативные последствия, некоторые из которых проявляются до сих пор. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Репрессии обезглавили промышленность, армию, образование, науку, культуру. Пострадали партийные, комсомольские, советские, правоохранительные органы, Красная армия и Военно-морской флот. Террор нанес огромный урон всем сферам жизни общества.

2.3. Численность заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев

В самостоятельное направление исследований в отечественной историографии превратилось изучение проблем истории ГУЛАГа и спецпоселений. Если во второй половине 1990-х гг. отдельные авторы утверждали, что «об историографии истории сталинских лагерей на сегодняшний день говорить не приходится»¹, то к настоящему времени появилось значительное количество обобщающих и специальных исследований, вносящих существенный вклад в разработку рассматриваемой проблемы и ее отдельных аспектов, включая численность заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев.

В ряде работ, особенно вышедших в период «перестройки», ГУЛАГу придавалось расширительное значение, нередко под ним подразумевался весь репрессивный аппарат советской эпохи. Данное понятие стало своеобразным символом сталинских репрессий, что порой сопровождалось мифологизацией ГУЛАГа как института, существовавшего в контексте определенной исторической эпохи. Это порождает необходимость локализации данного учреждения в его хронологических, содержательных и организационно-правовых рамках, тем более что они, как и само название, не раз менялись.

Еще 25 апреля 1930 г. приказом ОГПУ № 130/63 было создано Управление лагерями ОГПУ (сокращенно УЛАГ)². С ноября 1930 г. в документах впервые появляется название ГУЛАГ (Главное управ-

¹ Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. С. 73.

² Собрание узаконений СССР. 1930. № 22. С. 248.

ление исправительно-трудовых лагерей) ОГПУ. 10 июля 1934 г. был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР, в состав которого вошли пять главных управлений. Одним из них стало Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений. В октябре того же года его переименовали в Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР. 27 октября 1934 г. в ГУЛАГ передали все исправительно-трудовые учреждения Наркомата юстиции РСФСР. В дальнейшем ГУЛАГ еще дважды переименовывался и в феврале 1941 г. получил название Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР. В официальном делопроизводстве того времени вне зависимости от существовавшего в тот или иной момент точного названия чаще всего употреблялась аббревиатура ГУЛАГ. Сложившаяся практика употребления данного термина в документах 1930–1950-х гг., перенесенная затем в исторические исследования, позволяет использовать его подобным образом и в настоящей работе без дополнительных оговорок в каждом конкретном случае.

После Великой Отечественной войны, в связи с реорганизацией наркоматов в министерства, ГУЛАГ в марте 1946 г. оказался в составе Министерства внутренних дел СССР. В марте 1953 г. он был передан в ведение Министерства юстиции СССР, но в январе 1954 г. вновь возвращен в МВД СССР. В октябре 1956 г. было создано Главное управление исправительно-трудовых колоний, переименованное в марте 1959 г. в Главное управление мест заключения МВД СССР. Его расформировали в соответствии с приказом МВД СССР № 020 от 25 января 1960 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР № 44-16 от 13 января 1960 г. и в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. «Об упразднении МВД СССР».

Неоднократно реформировалось и специальное подразделение ГУЛАГа, созданное для управления спецпоселениями, меняя при этом свою ведомственную принадлежность. С июня 1931 г. оно называлось отделом по спецпереселенцам, с 1940 г. — управлением исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений, с февраля 1941 г. — отделом трудовых и социальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР. 24 марта 1944 г. отдел спецпоселений НКВД СССР был выделен в самостоятельную структуру. 14 июня 1950 г. отдел спецпоселений МВД СССР передали в МГБ СССР, в составе которого для организации работы со спецпоселенцами было создано 9-е управление. В 1953 г. в связи с объединением МГБ с МВД СССР в составе МВД СССР был создан отдел «II», в 1954 г. переименованный в 4-й спе-

цотдел МВД СССР для осуществления административного надзора за спецпереселенцами, ссыльнопоселенцами и ссыльными, расселенными на территории РСФСР, Казахстана, Киргизии, Карело-Финской ССР, Таджикистана, Туркмении и Узбекской ССР. 4-й спецотдел МВД СССР был окончательно ликвидирован 27 марта 1959 г.

За время своего существования система ГУЛАГа объединяла 53 лагеря, тысячи лагерных отделений и пунктов, 425 колоний, а также более 2 тыс. спецкомендатур. Наиболее известными исправительно-трудовыми лагерями являлись: Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР), Байкало-Амурский ИТЛ (Бамлаг), Береговой ИТЛ (Берлаг), Воркутинский (Воркуто-Печорский) ИТЛ (Воркутлаг, Воркутпечлаг), Вятский ИТЛ (Вятлаг), Дальневосточный ИТЛ (Дальлаг), Интинский ИТЛ (Инталаг), Карагандинский ИТЛ (Карлаг), Котласский ИТЛ (Котлаг), Норильский ИТЛ (Норильсклаг), Устьвымский ИТЛ (Устьвымлаг), Ухтинско-Печорский ИТЛ (Ухтпечлаг), Ухто-Ижемский ИТЛ (Ухтижемлаг) и др. Каждый из них включал целый ряд лагерных пунктов (т. е. собственно лагерей). Всего в систему ГУЛАГа входило свыше 30 тыс. мест заключения¹.

Следует отметить, что в структуру НКВД, а затем и МВД СССР наряду с ГУЛАГом входили и другие главные управления лагерей, большинство из которых были образованы на базе производственных отделов ГУЛАГа. В состав Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главного управления лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) Главное управление строительства Дальнего Севера (Дальстрой), Главного управления строительства шоссейных дорог (ГУШОСДОР) и других специализированных лагерно-производственных управлений входили десятки лагерных подразделений с сотнями тысяч заключенных. Используя преимущественно принудительный труд заключенных, они осуществляли крупные экономические проекты, чаще всего военно-промышленного характера. По сравнению с ними производственная база самого ГУЛАГа была относительно невелика, но именно от него зависело выполнение плановых заданий всех лагерно-производственных управлений. Именно ГУЛАГ руководил учетом, распределением и перераспределением заключенных всех ИТЛ НКВД-МВД СССР, в его функции входило комплектование остальных лагерей

¹ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960: Справочник. М., 1998.

рабочей силой, обеспечение режима содержания и охраны заключенных, снабжение лагерей продуктовым и вещевым довольствием. Эти функции делали ГУЛАГ ключевым звеном в организационной структуре органов исполнения наказания, ориентированных на трудовое использование заключенных¹.

В первой половине 1930-х гг. вопросы функционирования исправительно-трудовых учреждений в СССР активно обсуждались в открытой печати, разумеется, под определенным партийно-классовым углом зрения. Публиковались работы по исправительно-трудовому праву, издавались материалы съездов работников пенитенциарных учреждений, анализировались перспективы и проблемы развития данной сферы, ставились вопросы ликвидации преступности и исправления преступников². Серьезное внимание вызывала проблема принудительного труда в СССР. А. Я. Вышинский писал, что труд в советских исправительно-трудовых учреждениях «в сочетании с особенностями советской власти и социалистического строительства является тем чародеем, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев»³. Особенно широко пропагандировался «первый в мире опыт перековки трудом самых закоренелых преступников-рецидивистов и политических врагов» на строительстве Беломорско-Балтийского канала⁴.

Во второй половине 1930-х гг. публикация работ о советских исправительно-трудовых учреждениях практически прекратилась. Следует согласиться с современным исследователем в том, что почти все выходявшие в СССР публикации по этой тематике «были тенденциозными по своей сути и малоинформативными по содержанию»⁵. Внимание авторов, как правило, привлекали общие места заключе-

¹ Иванова Г. М. Указ. соч. С. 10–11.

² Утевский Б. С. Как советская власть исправляет преступников. М., 1930; Его же. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934; Авербах И. Л. От преступления к труду (опыт анализа и обобщения методики работ в области «перековки» в Дмитровском и других исправительно-трудовых лагерях). М., 1936; и др.

³ От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. ст. М., 1934. С. 10.

⁴ См., например: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. М., 1934; Инсаров А. С. Балтийско-Беломорский водный путь. М., 1934; Рыкачев Як. Инженеры Беломорстроя. М., 1934; Фирин С. Итоги Беломорстроя: доклад на президиуме Комакадемии. М., 1934; Пруссак А. Из истории Беломорканала // Вопросы истории. 1945. № 2. С. 138–144; и др.

⁵ Иванова Г. М. Указ. соч. С. 20.

ния, а не лагеря ОГПУ, деятельность которых, если и освещалась в печати, то крайне поверхностно и всегда позитивно. Это обуславливалось требованиями «Краткой инструкции-перечня по охране государственных тайн в печати для районных органов Главлита», утвержденный в августе 1930 г. В ней указывалось, что «нельзя печатать сведения об административных высылках социально-опасного элемента как массовых, так и единичных... и отрицательные сведения о состоянии мест заключения. Сведения о деятельности концлагерей ОГПУ и о жизни заключенных в них можно опубликовывать только с разрешения ОГПУ». Документ категорически предписывал «не помещать никаких сведений, касающихся структуры и деятельности органов ОГПУ, без согласия с последними»¹. Поэтому выходявшие впоследствии юбилейные издания по истории органов ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР практически не содержат каких-либо сведений по рассматриваемой проблеме².

Первые публикации о ГУЛАГе за рубежом принадлежали бывшим советским заключенным, которым удалось бежать за границу³. Особенно широко они издавались после Второй мировой войны⁴. Большинство указанных работ не имело научного характера, отражая личные впечатления авторов, и часто носило откровенно пропагандистский, антисоветский характер. Как писал И. Л. Солоневич в своей известной работе «Россия в концлагере», впервые изданной в Софии в 1936 г., «тема о концентрационных лагерях в Советской России уже достаточно использована... преимущественно как тема “ужасов” и как тема личных переживаний людей, попавших в концлагерь более или менее безвинно». Он сам рассматривал лагерь не как «место страданий и гибели миллионных масс», а как зеркальное отражение советской действительности: «В лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы»⁵. Эту позицию разделяли и многие другие авторы.

¹ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 284–286.

² К 20-летию ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 1937; 20 лет ВЧК–ОГПУ–НКВД. М., 1938.

³ Зайцева И. М. Соловки. Шанхай, 1931; Киселев-Громов Н. И. Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936; Никонова-Смородина М. З. Красная каторга. София, 1938.

⁴ Розанов М. Завоеватели белых пятен. Лимбург, 1951; Марголин Ю. Путешествие в страну ЗЭКА. Н.-Й., 1952; Иванов-Разумник Р. В. Тюрьмы и ссылки. Н.-Й., 1953; и др.

⁵ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. М., 1999. С. 7–8.

Строгий режим секретности вокруг деятельности советских органов государственной безопасности привел к тому, что в выходивших и в самом СССР и за рубежом работах приводимые данные о численности заключенных ГУЛАГа, ссыльных и спецпоселенцах оказывались крайне далеки от действительности. Бежавший из советского лагеря И. Л. Солоневич писал: «Эпоха коллективизации довела количество лагерей и лагерного населения до неслыханных раньше цифр. Именно в связи с этим лагерь перестал быть местом заключения и истребления нескольких десятков тысяч контрреволюционеров, какими были Соловки, и превратился в гигантское предприятие по эксплуатации даровой рабочей силы, находящейся в ведении Главного управления лагерями ГПУ — ГУЛАГа». Характеризуя на основе своих личных воспоминаний одно из «королевств» обширной «империи ГУЛАГа» — Беломорско-Балтийский комбинат (далее — ББК), автор утверждал, что его «лагерное население» в июне 1934 г. исчислялось в 286 тыс. чел.¹, хотя «работы по сооружению Беломорско-Балтийского канала были уже закончены, и огромное число заключенных... было отправлено на БАМ». Численность, по его собственным словам, небольшого Свирьского лагеря автор оценил в 78 тыс. заключенных². Ссылаясь на опыт работы в учетно-распределительной части ББК, И. Л. Солоневич «с очень грубой приблизительностью» определил численность всех заключенных ГУЛАГа в 5 млн чел., без учета спецпереселенцев и ссыльных, поскольку о количестве этих категорий, как и заключенных в тюрьмах, он не имел «никакого, даже и приблизительного представления»³.

В 1945 г. в Риме польские офицеры С. Мора и П. Зверняк издали на французском языке книгу «Советское правосудие», основанную на личном опыте, наблюдениях и большом количестве свидетельских показаний. В ней сообщалось, со ссылкой на бывших заключенных, что во времена Н. И. Ежова было более 40 млн арестованных, хотя сами польские авторы считали эту цифру преувеличенной⁴. Приводимые ими сведения широко использовались другими исследовате-

¹ По оценкам современных исследователей — не более 108 тыс. чел. в момент строительства Беломорско-Балтийского канала. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М., 1998.

² По оценкам современных исследователей — от 22,7 до 47,4 тыс. чел. в разное время существования в 1931–1937 гг. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР.

³ Солоневич И. Л. Указ. соч.

⁴ Иванова Г. М. Указ. соч. С. 23.

лями, порой приходившими к другим итоговым цифрам. Например, Б. Николаевский, опираясь на список лагерей из книги С. Мора и П. Зверняка, в совместной с Д. Даллиным книге «Принудительный труд в Советской России», вышедшей в США в 1947 г., оценил численность советских заключенных в 1940–1942 гг. в 15 млн чел. Другие авторы, как правило, оперировали цифрами от 3–5 до 12–15 и даже 20 млн чел., реже указывая 30–40 млн чел.¹

Первым серьезным исследовательским трудом на Западе о советской лагерной системе стала книга основателя Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР Б. А. Яковлева (Н. А. Троицкого) «Концентрационные лагеря СССР». Она впервые вышла в 1955 г. и была переиздана в 1983 г. На основе свидетельских показаний автор попытался осветить аппарат ГУЛАГа, дал краткое описание 165 отдельных лагерей, указал их расположение, климатические условия, производственную направленность деятельности. Приведя данные о численности заключенных по отдельным лагерям, он критически оценил степень информированности бывших заключенных: «Вполне понятно, что к этим цифрам нужно относиться осторожно, ибо ни одному заключенному, за редким исключением, никогда не было известно точно число заключенных, находящихся в его лагерном пункте, лагере или лагерной группе, как не было известно и число самих лагерных пунктов»².

В СССР первые публикации о ГУЛАГе вышли только в период «оттепели», при этом их авторами являлись не историки, а писатели. В 1962 г. главный редактор журнала «Новый мир» поэт А. Т. Твардовский добился публикации повести тогда еще неизвестного автора А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». М. Геллер так охарактеризовал ее значение: «Публикация повести Солженицына как бы прорвала брешь в плотине, преграждавшей проникновение информации о лагерях в общество. В 1963 г., а в особенности в 1964 г., в печати появляются книги, подтверждающие все самое страшное, что когда-либо и кто-либо писал о советских лагерях. После падения Хрущева брешь в плотине была немедленно замурована»³.

Действительно, с завершением «оттепели» публикации на лагерную тему в СССР оказались вновь под запретом. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын смог опубликовать только в Париже, где его вы-

¹ Иванова Г. М. Указ. соч. С. 25, 28.

² Яковлев Б. А. Концентрационные лагеря СССР. Лондон, 1983. С. 8.

³ Геллер М. Я. Концентрационный мир и советская литература. М., 1996. С. 232.

ход произвел грандиозное впечатление. Сам термин «ГУЛАГ» вошел в научный оборот во многом вследствие данной работы, став наименованием «удивительной страны ГУЛАГ, географией раздробленной в архипелаг, но психологией скованной в континент, — почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ эзков»¹. Именно благодаря А. И. Солженицыну ГУЛАГ превратился в символ «массового беззакония, каторжного труда, преступного нарушения прав человека, насильственной деформации российского общества»². Сама книга начинается с перечисления 227 фамилий бывших заключенных, предоставивших автору свои рассказы, воспоминания и письма³. В то же время в данном произведении приводятся многократно преувеличенные количественные показатели ГУЛАГа, которые опровергаются современными документальными публикациями и исследованиями. Вследствие этого современные авторы прямо обвинили А. И. Солженицына во лжи⁴. Разумеется, писатель, когда работал над книгой, не имел доступа к рассекреченным в настоящее время архивным документам.

Вновь к лагерной теме в СССР обратились только в годы «перестройки». При этом первые публикации на данную тему, в основном представлявшие собой переводы ранее запрещенных в СССР зарубежных работ, содержали значительно преувеличенные данные о численности советских заключенных. Например, С. Коэн (со ссылкой на Р. Конквеста) утверждал, что к концу 1939 г. число заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях выросло до 9 млн чел. (по сравнению с 30 тыс. чел. в 1928 г. и 5 млн чел. в 1933–1935 гг.)⁵. Схожие данные привела философ и публицист В. А. Чаликова. Она писала: «Основанные на различных данных расчеты показывают, что в 1937–1950 годах в лагерях, занимавших огромные пространства, находилось 8–12 млн чел.»⁶ В опубликованных уже в период «перестройки» мемуарах Н. С. Хрущева также говорилось: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн чел.»⁷

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. М., 1990. С. 8.

² Иванова Г. М. Указ. соч. С. 32.

³ Солженицын А. И. Указ. соч. С. 9.

⁴ Дугин А. Н., Малыгин А. Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 65–73.

⁵ Коэн С. Бухарин: политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 407.

⁶ Чаликова В. А. Архивный юноша // Нева. 1988. № 10. С. 158.

⁷ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 82.

Существенное значение для разработки рассматриваемой проблемы имели рассекречивание и публикация архивных документов, включая прежде всего документы органов НКВД–НКГБ–МВД–МГБ СССР из фондов ГАРФ, содержащие лагерную статистику. В 1990–2000-е гг. появились фундаментальные документальные публикации, раскрывающие особенности функционирования ГУЛАГа, системы спецпоселений и ссылки¹. Они позволили прояснить географию расположения «Архипелага ГУЛАГа» и численность его «населения».

Особенно ценные сведения о судьбе заключенных, ссыльных и спецпоселенцев ввел в научный оборот В. Н. Земсков. В 1989 г. ему как члену Комиссии Отделения истории АН СССР по установлению истинных потерь населения СССР был разрешен допуск к документам НКВД–МВД СССР, хранящимся в спецхране ГАРФ. В ряде статей, а затем и в монографии, обобщившей положения его предыдущих работ, В. Н. Земсков впервые опубликовал статистические данные, характеризующие численность и состав различных категорий репрессированных советских граждан².

Так, в статье, специально посвященной статистике заключенных ГУЛАГа, В. Н. Земсков отмечал, что в январе 1940 г. в лагерях содержалось 1 334 408 чел., в колониях — 315 584 чел. и в тюрьмах — 190 266 чел. Всего в лагерях, колониях и тюрьмах ГУЛАГа к этому времени находилось 1 850 258 заключенных, или в пять раз меньше, чем утверждали Р. Конквест и С. Коэн³. В. Н. Земсков указал, что максимальное число заключенных в ГУЛАГе за период 1934–1953 гг.,

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири: Сб. документов в 4 кн. Кн. 3. 1933–1938 гг.; Кн. 4. 1939–1945 гг. Новосибирск, 1994–1996; Нарымская хроника. 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев: Документы и воспоминания. М., 1997; ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000; Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002; История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М., 2004–2005; и др.

² Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11; Его же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Там же. 1991. № 1; Его же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960; и др.

³ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10

пришедшееся на 1 января 1950 г., составило 2 561 351 чел. Отсюда он сделал вывод, что и В. Чаликова, вслед за Р. Конквестом и С. Коэном, примерно в пять раз преувеличила численность заключенных ГУЛАГа. 1 января 1953 г. в ГУЛАГе содержалось 2 468 524 заключенных: 1 727 970 чел. — в лагерях и 740 554 чел. — в колониях. В. Н. Земсков также писал, что в ЦГАОР СССР хранятся копии докладных записок руководства МВД СССР на имя Н. С. Хрущева с указанием точного числа заключенных, в том числе и на момент смерти И. В. Сталина. Поэтому он полагал, что Н. С. Хрущев был прекрасно информирован о подлинной численности гулаговских заключенных и преувеличил ее в четыре раза преднамеренно, «видимо, с целью помасштабнее представить собственную роль освободителя жертв сталинских репрессий»¹.

Современные исследователи приводят подробную характеристику развития системы ГУЛАГа, показывая, что количество ИТК, ИТЛ и тюрем в 1930-е гг. постоянно росло. Если в 1932 г. в СССР насчитывалось 11, в начале 1935 г. — 15, то в начале 1939 г. — уже 42 ИТЛ². Быстро росла и численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах, а условия их содержания, напротив, ухудшались. В январе 1939 г. в ИТК, ИТЛ и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных³. По мнению ряда авторов, ГУЛАГ с середины 1930-х гг. фактически превратился в фабрику постепенного уничтожения заключенных. Тяжелый труд, болезни, сложные климатические и бытовые условия, издевательства конвоя, плохое питание и другие негативные факторы привели к массовому истощению и всплеску смертности «населения» ИТЛ, ИТК и тюрем⁴. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937 г. В ИТЛ в этом году смертность была в 3,6 раз выше предыдущего года⁵.

Э. Ю. Соловьев выделил три этапа в истории ГУЛАГа. Первый — подготовительный, «беломорканальский», когда закладывались основы «государственного лагерного рабовладения». Второй — предвоенное пятилетие, когда ГУЛАГ работал «в режиме суперкаторги», а заключенные превращались в «пожизненных узников». Третий

¹ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект).

² Население России в XX веке. Т. 1. С. 311.

³ См. подробнее: Кропачев С. А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов: Сб. науч. ст. Краснодар, 2006. С. 21.

⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 428–431.

⁵ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318, 319, 321.

этап в жизни ГУЛАГа наступил в последние годы Великой Отечественной войны, когда это учреждение превратилось в «гигантский рабочий дом» и сформировалось «современное доходное рабство, прочно включенное в плановую экономику» (в этом, по его мнению, заключалась «основная примета бериевщины и ее основное отличие от ежовщины»)¹. Несмотря на присутствие в этой периодизации значительной доли эмоциональной публицистичности, она во многом отражает изменение смысла функционирования, а вместе с тем и численности ГУЛАГа.

Социально-экономические и политико-правовые аспекты ГУЛАГа проанализировала Г. М. Иванова. Она раскрыла нормативные и институциональные основы осуществления репрессивной политики, эволюцию советской лагерной системы от «школ труда» к лагерно-промышленному комплексу, показала особенности ГУЛАГа как карательной системы нового типа². Работы О. В. Хлевнюка³ и других исследователей⁴ посвящены экономической деятельности лагерей и колоний. Раскрывая характер и значение принудительного труда в СССР, авторы пришли к выводу о его неэффективности и экономической бесполезности, а причину перманентного кризиса лагерной экономики связали с низким уровнем производительности труда заключенных.

Вслед за зарубежной историографией немало российских авторов, особенно в конце 1980 – начале 1990-х гг., рассматривали создание и функционирование системы ГУЛАГа в рамках тоталитарной концепции, акцентируя внимание на его репрессивной функ-

¹ Соловьев Э. Ю. Переосмысление Талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм // Новый мир. 2004. № 1. С. 132–134.

² Иванова Г. М. ГУЛАГ языком документов // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 149–154; Ее же. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты и др.

³ Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84; Его же. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1950-е годы XX в.: проблемы и источники // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5; Его же. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005; и др.

⁴ Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 188–190; Папков С. А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929–1941 гг. // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Новосибирск, 1997. Вып. 3. С. 37–68; Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М., 2011; и др.

ции¹. Данная тенденция сопровождалась резко негативными оценками ГУЛАГа как карательного учреждения. Сторонники данной точки зрения, в частности, указывают, что осмысление ГУЛАГа не может вестись в категориях экономической целесообразности или эффективности, указывая на необходимость его морального осуждения².

Однако в середине 1990-х гг. в российской историографии стала проявляться и обратная, прямо противоположная тенденция — представить ГУЛАГ всего лишь системой исправительных учреждений, где содержались преимущественно уголовные преступники. Возобновились попытки связать необходимость существования ГУЛАГа с внешнеполитическими обстоятельствами, наличием значительного количества внутренних и внешних врагов у советского государства, разделить ГУЛАГ и советский строй. Так, С. И. Кузьмин писал: «Сегодня нам с удивительной настойчивостью вдалбливают, что самое злое учреждение — ГУЛАГ. Однако если присмотреться попристальнее, то можно обнаружить в этом понятии всего лишь систему управления местами лишения свободы... Система ГУЛАГа развивалась и совершенствовалась по мере усложнения задач социально-экономического созидания и политических обстоятельств. Но, пожалуй, главным фактором, “стимулятором” функционирования ГУЛАГа, было то, что наша страна находилась во враждебном окружении... В таких условиях существование ГУЛАГа было логично и необходимо»³.

Данную позицию разделяет и А. С. Смыкалин. Он пишет, что в стране имелись группировки, поддерживавшие контакты с Л. Д. Троцким, «который, даже находясь за границей, всеми доступными методами и способами вел борьбу за захват власти в государстве... Индустриализация страны, привлечение рабочих и специалистов из-за рубежа предоставили иностранным разведкам уникальную возможность для сбора стратегической информации и вербовки граждан». По мнению А. С. Смыкалина, «чтобы сохранить и укрепить позиции социализма, новому тоталитарному режиму необходима была система изоляции инакомыслящих. Так появились массовые репрессии и ГУЛАГ»⁴.

¹ Хлусов М. И. Система ГУЛАГа как элемент власти // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.): Сб. ст. М., 1999. С. 192–215; и др.

² См.: Павлова И. В. Указ. соч.; Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005; и др.

³ Кузьмин С. И. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // Молодая гвардия. 1993. № 3. С. 144, 146.

⁴ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 23–24.

Подобная позиция опирается на формализованный подход к источникам, некритичное использование материалов судебных процессов конца 1930-х гг. и других документов органов НКВД–НКГБ СССР. В результате формируется упрощенная и тенденциозная трактовка ГУЛАГа.

Существенное значение для осмысления рассматриваемой проблемы вносят региональные исследователи, раскрывающие создание и функционирование отдельных «островов» «Архипелага ГУЛАГа». Так, В. М. Кириллов опубликовал фундаментальное исследование, посвященное репрессиям в Нижнем Тагиле. В центре внимания автора находились история создания и этапы развития Тагиллага НКВД СССР¹. Функционирование системы ГУЛАГа в Кузбассе раскрывает в своих монографиях Л. И. Гвоздкова², в Коми крае — Л. А. Максимова, Н. А. Морозов, М. Б. Рогачев³. В 1990–2000-е гг. были опубликованы и другие исследования по истории лагерей на Дальнем Востоке, Колыме и в ряде других регионов⁴.

Находят свое отражение в современной российской историографии и вопросы создания и функционирования отдельных лагерных комплексов и лагерныхстроек. Специальные работы отечественных исследователей посвящены Соловецкому лагерю особого назначения (в 1937–1939 гг. — Соловецкая тюрьма особого назначения Главного управления государственной безопасности НКВД СССР)⁵, строи-

¹ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920-е — начало 50-х гг. Нижний Тагил, 1996.

² См.: Гвоздкова Л. И. Принудительный труд: исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.). Кемерово, 1994; Ее же. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30–40-е годы). Кемерово, 1994; и др.

³ Морозов Н. А., Рогачев М. Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история. 1995. № 2. С. 182–187; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997; Максимова Л. А. Лагеря и индустриальное освоение Севера (на примере республики Коми) // Вестник Сыктывкарского университета. 1997. Сер. 8. Вып. 2. С. 70–80; и др.

⁴ Бацаев И. Д. Колымская гряда Архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан, 1996. С. 46–72; Кузьмина М. А. Строительство № 15: нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре, 2000; Ее же. Последний вагон на Север. Комсомольск-на-Амуре, 2001; Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001; и др.

⁵ Резникова И. Православие на Соловках. Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1994; Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002; и др.

тельству Байкало-Амурской магистрали¹, Дальстрою², другим лагерным объектам и отдельным категориям заключенных — женщинам и детям, партийным деятелям и представителям интеллигенции и др.³

Приводимые в данных публикациях конкретные сведения позволяют создать более достоверную картину численности заключенных ГУЛАГа. Так, М. А. Кузьмина на основе документов Государственного архива Магаданской области уточнила численность заключенных, прошедших через Ванинскую перевалочную базу Дальстроя. По ее сведениям, всего с 1947 по 1954 г. через нее на Колыму и в Заполярье прошло не более 350 тыс. заключенных. Эти данные существенно меньше ранее указывавшихся в литературе цифр (около 1,5 млн чел.)⁴.

Среди работ, посвященных отдельным лагерям, выделяется монография В. А. Бердинских — фундаментальное исследование, посвященное формированию и функционированию Вятского ИТЛ, действовавшего с 1938 г. до 1960-х гг.⁵ Однако современные авторы указывают на то, что она не избежала фактических ошибок, поскольку

¹ См.: Еланцева О. П. Обреченная дорога. БАМ (1932–1941). Владивосток, 1994; Ее же. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск — Советская Гавань (1930–1940 гг.). Владивосток, 1995.

² См.: Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах: в 2 ч. Ч. 1 (1931–1941). Магадан, 2002; Мельников С. М. Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД–МВД СССР. 1932–1953 годы. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя. Магадан, 2004; и др.

³ Конева А. Н. Ухтпечлаг. 1929–1938 // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 331–354; Добровольский А. «Мертвая дорога» // Отечество. М., 1994. Вып. 5. С. 193–210; Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. К. Ученые — узники Печорских лагерей ГУЛАГа // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 19–45; Кызьюров Л. А. Колония смертельного режима (из истории Верхне-Човской исправительно-трудовой колонии // Покаяние: Мартиролог. Т. 3. Сыктывкар, 2000. С. 325–344; Рогачев М. Б. УСЕВЛОН и история «мертвой дороги» // Там же. С. 345–373; Азаров О. И. История одного лагеря // Там же. С. 374–450; Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск, 2000. Вып. 1; Митин В. А. Кулойский ИТЛ НКВД (1937–1960 гг.) // Поморский летописец: альманах. Архангельск, 2002. Вып. 1; и др.

⁴ См.: Кузьмина М. А. «Я помню тот Ванинский порт...». Комсомольск-на-Амуре, 2001. С. 16–17, 121.

⁵ См.: Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998.

ку история Вятского ИТЛ раскрывается в отрыве от общей истории ГУЛАГа. Так, Г. М. Иванова отмечает, что Бердинских, описывая биографию начальника управления Вятского ИТЛ Ивана Ивановича Долгих, перепутал его с Иваном Ильичем Долгих, занимавшим пост министра внутренних дел Казахской ССР, а в 1951 г. назначенным начальником ГУЛАГа¹.

Значительным вкладом в становление историографии ГУЛАГа стал справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960», выпущенный обществом «Мемориал» совместно с ГАРФ. В него вошли более 500 статей обо всех лагерях сталинского периода, а также о соответствующих управлениях центрального аппарата ОГПУ–НКВД–МВД СССР. Самостоятельную ценность представляют обобщающие очерки «Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930» и «Система мест заключения в СССР. 1929–1960», предваряющие справочный материал². В других справочных изданиях, подготовленных А. И. Кокуриным, Ю. Н. Моруковым, Н. В. Петровым, К. В. Скоркиным, а также отдельных публикациях указанных авторов нашли отражение административное устройство и структура аппарата ГУЛАГа и других главных производственных управлений, использовавших труд заключенных. В них подробно рассматривается кадровый состав ГУЛАГа, описываются служебные биографии его руководителей³.

Постепенно происходит расширение самого круга рассматриваемых вопросов рассматриваемой темы. Появляются работы, посвященные различным аспектам жизни заключенных ГУЛАГа, условиям их содержания. Так, А. Ю. Горчева исследовала историю лагерной прессы⁴, а Б. А. Нахапетов изучил условия и характер медицинского

¹ Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 40.

² См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник.

³ Кокурин А. И., Петров Н. В. НКВД–МВД–МГБ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 6–9, 11, 12; 1998. № 1, 2, 4; Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник. М., 1997; Кокурин А. И., Моруков Ю. Н., Петров Н. В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8, 9, 11, 12; 2000. № 1–3, 5–12; 2001. № 1, 3–7, 9–12; Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999.

⁴ См.: Горчева А. Ю. Будни «великих строек» // Литературная Россия. 1991. № 13. 29 марта. С. 26–27; Ее же. «Не подлежит распространению...» //

обслуживания заключенных в местах лишения свободы¹. Появились и первые исследования, посвященные проблеме сопротивления в ГУЛАГе и восстаниям заключенных, вся информация о которых в советское время была засекречена².

Система ссылки и спецпоселений получила широкое отражение в современной российской историографии, ей посвящен целый ряд общих и специальных исследований, авторы которых предлагают собственную трактовку данных явлений. Российские историки рассматривают спецпоселение как метод социальной изоляции целых групп населения и народов с их насильственным переселением в отдаленные регионы страны, лишением имущества и «поражением в правах» или политическими ограничениями. В частности, Н. Ф. Бугай дает следующее определение данного понятия: «Спецпоселение — ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных — по новому месту жительства), прежде всего, права на свободное передвижение»³. По мнению М. Г. Степанова, данное определение не раскрывает сущности системы спецпоселения, не показывает специфику спецпоселения как социально-правовой категории⁴.

А. А. Шадт предлагает рассматривать спецпоселение одновременно в качестве процесса, достаточно длительного во времени, и в качестве явления, содержащего элементы государственного аппарата (отдел спецпоселения, спецкомендатуры, нормативно-правовая документация и пр.). Исследователь отмечает: «В первом случае мы определяем “спецпоселение” как систему расселения депортированных лиц с последующим установлением административного надзора со стороны специально уполномоченных органов. Во втором “спец-

Советская библиография. 1991. № 5. С. 56–79; Ее же. Пресса ГУЛАГа (1918–1955). М., 1996.

¹ См.: Нахапетов Б. А. К истории санитарной службы ГУЛАГа // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 126–136.

² Дугин А. Восставший ГУЛАГ (о массовом неповиновении заключенных в Особом горном лагере МВД СССР в 1953 г.) // Криминал. 1991. № 2. С. 193–203; Макарова А. Норильское восстание // Воля: журнал узников тоталитарных систем. М., 1993. № 1. С. 68–108; Рогачев М. Б. «Мы вынуждены прибегнуть к борьбе»: голодовка политзаключенных в Воркуте в 1936 году // Покаяние: Мартиролог. Т. 7. Сыктывкар, 2005. С. 95–106; Его же. Усинское восстание: Документы и комментарии // Там же. С. 165–207; и др.

³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы). М., 1998. С. 8.

⁴ Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. С. 34.

поселение” выступает как комплекс мер административно-принудительного характера, направленных на размещение и установление контроля за депортированными и эффективное экономическое применение их рабочей силы»¹.

Немало внимания современные исследователи уделяют выяснению статуса и состава спецпоселенцев. В связи с этим необходимо выделить работу Л. П. Белковец, посвященную административно-правовому положению российских немцев на спецпоселении². Использование правового подхода позволило ей квалифицировать спецпоселение как специальный административно-правовой режим, введенный советским государством для российских немцев. Он достигался при помощи административно-правовых средств, в том числе введения множества дополнительных запретов, не только ограничивавших свободное поведение, но и предусматривавших превентивный контроль над исполнением этих требований³. Отличительными особенностями экстраординарного режима спецпоселения Л. П. Белковец считает: ограничение конституционных прав и свобод граждан и организаций; введение дополнительных административно-правовых обязанностей и запретов; введение форм особого управления территорий, на которых был установлен экстраординарный режим, включая создание специальных органов; предоставление чрезвычайных полномочий органам власти для поддержания данного режима; перераспределение компетенции, приостановление деятельности отдельных органов государственной власти и местного самоуправления⁴.

Н. М. Игнатова отмечает, что правовое положение спецпереселенцев позволяло их в любой момент «по производственным соображениям» перебросить с одного места на другое. При этом труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего на тяжелых, мало оплачиваемых и низко квалифицированных работах⁵.

¹ Шадт А. А. Указ. соч. С. 16.

² Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008. С. 4.

³ Там же. С. 298–299.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. Т. 4, ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 21.

Ввод новых источников позволил исследователям прийти к выводам о масштабах системы спецпоселений. Согласно М. Г. Степанову, к 1 июля 1938 г. в СССР имелось 1 441 трудпоселков, где было расселено 997 329 трудпоселенцев¹. И. В. Бердинских отмечал, что к 1 октября 1940 г. в системе спецпоселений имелось 1 654 поселка, в которых проживало 959 472 чел. (258 448 семей)². По данным В. М. Курицына, общая численность спецпоселенцев на 1 декабря 1940 г. составляла 930 тыс. чел.³ Все указанные авторы при определении численности спецпереселенцев ссылаются на рассекреченные архивные документы из фондов ГАРФ, а разночтения в приводимых данных объясняются использованием разных документов, относящихся к различным периодам времени.

Глубокий анализ системы спецпоселений в СССР содержат монографии В. Н. Земскова и В. А. Бердинских, существенно различающиеся в своих подходах и самом стиле изложения. Бердинских в качестве основы использует источники личного происхождения, в его работе отсутствуют последовательность и системность в анализе судеб отдельных личностей и целых народов на спецпоселениях⁴. Напротив, Земсков предлагает системный анализ системы спецпоселений в СССР, опирающийся на официальные документы органов НКВД–НКГБ–МГБ–МВД СССР. Он вводит в научный оборот важнейшие количественные показатели спецпоселений, представляющие несомненный интерес в рамках настоящего исследования. Всего, по данным, которые В. Н. Земсков привел на 15 сентября 1941 г., в ссылку на поселение поступили 85 716 чел. депортированного «антисоветского элемента»: 27 887 чел. были выселены из Западной Белоруссии, 22 648 чел. — из Молдавии, 12 682 чел. — из Литвы, 9 595 чел. — из Западной Украины, 9 236 чел. — из Латвии и 3 668 чел. — из Эстонии. Ввиду «повышенной социальной опасности», указанный «антисоветский элемент» был поставлен в условия более жесткого режима, чем трудпоселенцы и спецпоселенцы — ссыльнопоселенческого. В стату-

¹ Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. С. 21.

² Бердинских И. В. Спецпоселенцы в начале Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 153.

³ Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940 гг.: Учеб. пособие для высшей школы. М., 1998. С. 113.

⁴ Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России.

се ссыльнопоселенцев эти лица находились до конца 1952 г., а затем были переведены на положение спецпоселенцев¹.

По мнению отечественных исследователей, подтверждением переноса приоритетов в репрессивной политике с «трудовой ссылки» (или трудпоселений, где размещалось репрессированное крестьянство) на «спецссылку» служит то, что на высшем партийно-государственном уровне рассмотрение вопросов и принятие решений, касавшихся этнической депортации, стало полностью доминировать над проблемами «кулацких» трудпоселений². В 1939–1940 гг. ряды спецпереселенцев пополняли «осадники», «беженцы», «административно-ссылные» и другие жители Западной Украины, Бессарабии, Прибалтики. В конце 1940 г. в составе трудпоселенцев 888 449 чел., или 90,9 %, являлись раскулаченными крестьянами с их семьями, а 88 661 чел. (9,1 %) были высланными из крупных городов, погранзон и др. (включая выселенных в течение 1935–1937 гг. финнов, поляков, часть курдов)³. Во время Великой Отечественной войны состав лиц, находившихся на спецпоселении, существенно изменился, поскольку их численность продолжала постоянно расти за счет новых депортированных народов. Так, 1 января 1944 г. она составила 1 938 539 чел., а 1 января 1945 г. — 2 094 562 чел.⁴

В. Н. Земсков проанализировал процесс уголовного преследования «трудпоселенцев» по политическим мотивам. Исследователь отмечал, что за 1937–1938 гг. из «кулацкой ссылки» в лагеря, колонии и тюрьмы (включая приговоренных к высшей мере) было направлено в общей сложности примерно 4 % трудпоселенцев. Всплеск репрессивной политики в 1937–1938 гг. коснулся трудпоселенцев во всех регионах, но в разной степени: «Если, например, на Северном Кавказе в 1937–1938 гг., по сравнению с 1935–1936 гг., число осужденных трудпоселенцев возросло в 1,5 раза, то в Свердловской и Пермской областях — в 18 раз»⁵. К сожалению, автор не объяснил, чем были обусловлены указанные региональные различия.

В. Н. Земсков отмечал, что польские «осадники» и «беженцы» стали первым контингентом, имевшим спецпоселенческий статус и не включенным в состав трудпоселенцев (бывших «кулаков»). Впро-

¹ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 90–91.

² Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 255.

³ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 79.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 59.

чем, принципиальных отличий в режиме, административном обслуживании и надзоре у этих двух контингентов не было. Спецпоселенческий режим польских граждан практически был идентичен режиму «кулацкой ссылки», хотя надзор над поляками был строже¹. Важные выводы о дифференцированном характере властей к различным категориям депортированных лиц сделала В. В. Сарнова. По ее мнению, к «осадникам» они относились как к врагам, а к «беженцам» — как к интернированным эмигрантам. Поэтому неслучайно, что смертность именно у «осадников» была самой высокой, в 3,5 раза превышая смертность у «беженцев»².

Многие исследователи признают, что спецпоселенцы внесли значительный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. В частности, В. Бруль отмечал, что в Сибири труд спецпереселенцев широко использовался в колхозах и совхозах, на лесозаготовках, в шахтах и рудниках, на ловле рыбы, строительстве дорог и заводов. Несмотря на декларировавшееся формальное равенство условий труда и оплаты в реальности спецпереселенцы получали зарплату меньше, а налогов платили больше, чем местные жители. Они интересовали власть только как дешевая рабочая сила³. Однако В. А. Бердинских считает, что достоверно выяснить экономический эффект спецпоселений невозможно. Во-первых, применение труда ссыльных происходило путем заключения договоров между карательно-исполнительными структурами и различными хозяйственными ведомствами и организациями. В большинстве своем эти организации создавались кратковременно, лишь на определенный период — для решения конкретной хозяйственной задачи. Во-вторых, организация спецпоселков в начале 1930-х гг. носила непродуманный, стихийный характер, само их существование было явлением временным, связанным с определенной хозяйственной потребностью в «рабсиле» именно в это время и в этом месте⁴.

В. Бруль также отметил, что уровень смертности спецпереселенцев в 1940–1941 гг. превысил уровень смертности местного сибирс-

¹ Там же. С. 87–88.

² Сарнова В. В. Указ. соч. С. 293.

³ Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ: По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 108.

⁴ Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов России. С. 21.

кого населения. По неполным данным, с мая 1940 по июль 1941 г. среди польских спецпереселенцев родилось 4 211 чел., а умерло 12 319 чел., в том числе у «осадников», соответственно, 2 694 чел. и 10 557 чел., у «беженцев» 1 517 чел. и 1 762 чел. Среди «осадников» умерло 7,7 % от общего числа, уровень смертности у них был в 3,5 раза выше, чем у «беженцев». Объяснить это можно тем, что у «беженцев» было меньше детей, наиболее подверженных болезням¹. На большой процент смертности среди депортированного населения указывал и Н. Ф. Бугай².

А. А. Шадт выделил три основных этапа в истории формирования режима спецпоселения российских немцев. Первый охватывает 1941–1943 гг., когда происходило выселение и вхождение немцев в существующую систему спецпоселений. Он отличался отсутствием четкой регламентации правового положения спецпереселенцев-немцев. Второй этап — с 1944 по 1949 г. — сопровождался оформлением нормативно-правовой и организационной базы системы спецпоселений, юридическим закреплением статуса спецпереселенцев-немцев, ужесточением режима их проживания и превращением системы спецпоселений в обособленный механизм с единым экономическим и правовым пространством. В это время были определены и нормативно закреплены основные задачи и принципы деятельности системы спецпоселений. Третий этап, включавший начало — середину 1950-х гг., характеризовался постепенным ослаблением и последующим снятием режима спецпоселения вследствие его экономической, политической и социальной несостоятельности³.

Существенное значение в разработку проблемы положения спецпереселенцев — бывших «кулаков» в Коми АССР, их правового статуса, использования их труда, социально-бытового обустройства, условий жизни и форм протеста вносят работы Н. М. Игнатовой⁴. На

¹ Бердинских В. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов России. С. 115.

² Бугай Н. Ф. Указ соч. С. 79.

³ Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.). С. 23.

⁴ Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев-«бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х — 1950-е гг. // Покаяние. Мартиролог. Т. 4, ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 59–72; Ее же. Правовое положение спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х — 1950-е гг. // Там же. С. 224–238; Ее же. Развитие сельского хозяйства в спецпоселках в середине 1930-х — 1950-е гг. // Там же. С. 103–110; Ее же. Социально-бытовое обустройство спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х — 1950-е гг. // Там же. С. 159–173; Ее же. Формы протеста

основе рассекреченных документов ей удалось показать изменение в составе и численности данной группы спецпереселенцев¹. На материалах отдельных регионов рассматриваются судьбы спецпереселенцев и в работах других авторов.

На протяжении десятилетий вопрос о численности и составе заключенных занимал ключевое место в историографии. Поскольку в советской исторической науке дискуссии на данную тему были невозможны, главные споры по этому поводу велись между западными и эмигрантскими авторами. В настоящее время в российской историографии вопрос о численности репрессированных и осужденных выступает одним из главных предметов дискуссии между теми, кто пытается фактически оправдать ГУЛАГ или представить его всего лишь системой исправительных учреждений, где содержались преимущественно уголовные преступники, и их оппонентами, которые видят в ГУЛАГе систему жестокого подавления личности и принудительного труда.

Открытие архивов не прекратило споры на данную тему, поскольку официальная статистика содержит многочисленные противоречия, ошибки и расхождения. Так, В. А. Бердинских, исследуя лагерную статистику, пришел в процессе изучения Вятлага к выводу, что «не всем этим цифрам можно доверять. Многие лагеря выводили отчетность, ориентируясь на плановые цифры, искусно сводя в бумагах концы с концами»². Порой ошибки в статистике являлись результатом элементарной неграмотности сотрудников ГУЛАГа. Например, выборочная проверка данных Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа об общей численности той или иной группы заключенных, проведенная авторами справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», показала, что суммирование выполнено с ошибками более чем в половине случаев, а «исполнители на местах были не более квалифицированными, чем сотрудники центрального аппарата»³.

спецпереселенцев // Там же. С. 255–265; Ее же. Школы и культурно-просветительское обслуживание в спецпоселках в середине 1930-х — 1950-е гг. // Там же. С. 197–205; и др.

¹ Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев в середине 1930-х — 1950-е гг. // Там же. 19–31.

² Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998. С. 8.

³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. С. 90.

Один из ведущих специалистов по данной проблеме Г. М. Иванова отмечает, что ей встречались документы, в которых учетчик путал численность работавших заключенных с общим количеством отработанных человеко-дней. О таком невероятном искажении отчетности удалось догадаться, только когда встретила запись, что «в декабре вне лагеря работало 1312 ½ мужчин». Встречались и деловые бумаги, в которых некорректно смешивались понятия «годовой» и «среднемесячный». Например, в одной из секретных справок за подписью начальника ГУЛАГа Наседкина сообщалось, в частности, что в 1942 г. умерло 352 560 чел., или 2,08 %, в 1943 г. — 267 807 чел., или 1,87 %. Эти сведения в том виде, как они представлены в архивном документе, позволяют сделать вывод, что в 1942 г. в ГУЛАГе было около 17 млн заключенных, а в 1943 г. — 14,3 млн чел.¹ На самом деле в справке указывается общее количество заключенных, умерших за год, и одновременно приводится среднемесячный процент смертности (а не процент от среднегодовой численности заключенных, как логично было бы предположить)².

Г. М. Иванова обращает внимание на саму методику подсчета в ГУЛАГе. В 1931–1942 гг. уровень смертности рассчитывался путем деления числа умерших за год на среднегодовую численность заключенных. С 1943 г. число умерших за год представлялось как сумма умерших за каждый месяц, которая делилась теперь на сумму среднемесячных показателей численности заключенных. По старой методике расчет строился следующим образом: число умерших в 1942 г. (352 560 чел.) следовало разделить на среднегодовую численность заключенных (1 412 500 чел.) и умножить на 100, получался уровень смертности в 24,96 %. Новая методика предписывала сумму умерших за год заключенных (352 560 чел.) разделить на сумму среднемесячных показателей численности заключенных в 1942 г. (16 950 000 чел.) и умножить на 100, получался уровень смертности в 2,08 % — т. е. ровно в 12 раз меньше, чем при существовавшей ранее методике подсчета³.

Стремление проверить гулаговскую статистику приводит к поиску других источников информации. Длительное время исследовате-

¹ Именно к такому выводу и пришел А. В. Антонов-Овсенко, анализируя этот документ.

² Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. С. 52.

³ Там же. С. 52–53.

для ГУЛАГа были доступны преимущественно документы личного происхождения — мемуары, свидетельства и воспоминания очевидцев и участников событий, письма. Они позволяют представить данную проблему с другой стороны, посмотреть на условия содержания заключенных их собственными глазами. Но источники личного происхождения практически не позволяют прояснить численность заключенных ГУЛАГа. Многие авторы мемуаров утверждали, что в ГУЛАГе находилось свыше 10 млн чел., в то время как официальные документы, в том числе финансово-бухгалтерского делопроизводства, доказывают, что одновременно численность заключенных во всех местах лишения свободы никогда не превышала 3 млн чел., не считая спецпоселенцев.

Современные исследования позволяют рассмотреть формирование и функционирование в СССР системы исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений как мощного лагерно-промышленного комплекса, основанного на использовании принудительного труда и игравшего значительную роль в жизни страны. Достаточно перспективным представляется расширение самого круга рассматриваемых проблем и ее дальнейшая концептуализация, осмысление ГУЛАГа и системы спецпоселений в тесной взаимосвязи с советской общественно-политической и государственно-правовой системой в целом, как многомерных объектов изучения, имеющих политический, экономический и социокультурный аспекты. В связи с этим вопросы определения численности заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев приобретают ведущее значение как важнейшие показатели сталинских репрессий.

* * *

Публикации, появившиеся в конце 1930-х гг. по проблемам политических репрессий, носили исключительно пропагандистский, прикладной характер. Они имели задачей обоснование необходимости преследования и уничтожения многочисленных «врагов народа», появившихся в СССР спустя 20 лет после большевистского переворота. Главными «историографами», идеологами и организаторами «большого террора» были Сталин и его приближенные — Молотов, Ежов, Вышинский, Каганович, Крыленко, Берия и др. Их работы и выступления о нарастании классовой борьбы и ожесточенном сопротивлении поверженных классов можно расценивать как социальный заказ, последовательную политическую задачу, направленную на расширение террора.

Первые шаги к научному осмыслению рассматриваемой проблемы были сделаны в годы «оттепели», но затем разработка темы массовых политических репрессий вновь оказалась под фактическим запретом. В то же время к теме сталинских репрессий не раз обращались эмигранты. Однако они могли использовать преимущественно источники личного происхождения, поэтому их работы, проникнутые духом протеста против массовых репрессий в СССР, содержали значительно преувеличенные данные о масштабе террора.

Только в конце 1980 — начале 1990-х гг. начинается активное изучение темы сталинских репрессий в советской, а затем и в современной российской историографии. При этом авторы первых публикаций на указанную тему называли миллионы и даже десятки миллионов арестованных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам в СССР, следуя в данном вопросе заложенной эмигрантами традиции.

В то же время именно бурный период начала 1990-х гг. подготовил почву для «урожая» серьезных публикаций последующего этапа. Период «жонглирования» цифр, многократного преувеличения масштабов демографических потерь советского общества вследствие репрессий в 1930–1950-е гг., закончился в 2000-е гг., когда отечественная историография массовых политических репрессий пополнилась рядом фундаментальных работ. Их отличают академизм, широкий охват проблем, стремление к систематизации и глубокому анализу исторических источников, прежде всего, рассекреченных документов российских архивов.

Точная численность жертв сталинских репрессий все еще вызывает дискуссии, обусловленные в значительной мере ограниченными возможностями источниковой базы, а также идеологическими разногласиями авторов. Это обуславливает необходимость продолжения исследований в данном направлении. Однако очевидно, что общий порядок цифр вряд ли серьезно изменится по сравнению с последними публикациями ведущих российских историков проблемы.

Глава 3. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Причины и характер этнических депортаций в СССР

Проблемы депортаций народов СССР в последние годы вызывают повышенный научный и общественный интерес. Это во многом обосновано не только современной историографической ситуацией, активным переосмыслением прежних положений, вводом в научный оборот новых источников, но и этнополитическими процессами 1990–2000-х гг., истоки которых нередко связывают с событиями военного времени. Исследователи прямо связывают современные негативные процессы в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента»¹.

Первые официальные оценки причин депортаций содержались в советских государственных документах, определявших их проведение. Как правило, депортации оправдывались при этом «государственными интересами» или «интересами советского народа». Так, в совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» депортация корейцев определялась как превентивная мера, вызванная необходимостью «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край»². Корейцам не доверяли, считая их потенциальными японскими тайными агентами. Однако современные исследователи подчеркивают, что в реальности корейцы и японцы были прямыми антагонистами, что и побудило первых переселиться сначала в Российскую империю, а затем и в

¹ См.: Бугай Н. Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке. Проблема национальных отношений. М., 1999. С. 311.

² Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М., 1992. Кн. 1. С. 64.

СССР¹. Более того, в 1937 г. Япония, рассматривая корейцев как советских сторонников, сама выслала их из пограничных с СССР районов вглубь страны и на Сахалин².

Вышедшие еще в довоенное время немногочисленные работы, упоминавшие о депортациях советских народов, носили откровенно пропагандистский характер. В большинстве своем, их авторы обосновывали справедливость и обоснованность осуществлявшихся в 1939–1941 гг. принудительных выселений из западных регионов СССР. В данных публикациях отмечалось, что репрессивные акции советского руководства против части бывших польских граждан носили вынужденный характер из-за сопротивления советизации Западной Украины и Западной Белоруссии со стороны «польской шляхты». Неоднократно подчеркивалась поддержка населением Западной Украины и Западной Белоруссии советской власти, оказание им помощи частям РККА в борьбе против польских «офицерско-осаднических банд»³. Таким образом, создавалось представление о крайней немногочисленности выселенных граждан, понесших «заслуженное наказание» за выступление против советской власти.

В годы Великой Отечественной войны принудительное выселение народов СССР в официальных документах объяснялось стремлением наказать их за измену Родине, пособничество противнику и массовые выступления против советской власти. При этом прямо использовались такие средства, как фальсификация и подлог. Так, в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., указывалось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районе Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья». Поскольку же немецкое население Поволжья не сообщало властям о наличии «такого большого количества диверсантов и шпионов», оно прямо обвинялось в сокрытии «в своей среде врагов советского народа и советской власти». В этих условиях депортации немецкого населения приписывалось гуманное содержание, поскольку ее альтернативой выступали карательные меры «по

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 80.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995. С. 18.

³ Минаев В. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939. С. 45–46.

законам военного времени»¹. Однако указанные факты появления «десятков тысяч диверсантов и шпионов» не получили ни тогда, ни впоследствии никакого документального подтверждения.

Обоснование вины двух вайнахских народов содержалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г. В данном документе говорилось о том, что «в период Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против Советской власти и в течение продолжительного времени, будучи заняты не честным трудом, совершают бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабят и убивают советских людей»².

Подобные обвинения выдвигались и в отношении других народов, подвергшихся принудительному переселению. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» от 8 апреля 1944 г. отмечалось, что «многие балкарцы изменили Родине, вступили в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве подрывников на Кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армии с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против советской власти»³. Характеристика высланных на восток страны граждан как «немецких ставленников, предателей и изменников Родины» содержалась и в других нормативно-правовых и делопроизводственных документах⁴. По словам Н. Ф. Бугая: «В правительственных актах даже не предпринимались попытки дать ответ на вопросы, почему отдельные группы тех или иных народов выступали против советской власти, что лежало в основе их недовольства, и как можно было бы избежать подобных эксцессов в будущем»⁵.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213–214.

² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С. 76–77.

³ «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. С. 500.

⁴ Там же. С. 477, 509; и др.

⁵ Бугай Н. Ф. Что это было? // Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 3.

В то же время на советскую пропаганду в период Великой Отечественной войны возлагались задачи показать единство действий всех народов СССР в борьбе за Победу. Поскольку этому явно противоречили утверждения о массовом переходе отдельных социальных и этнических общностей на сторону противника, в публикациях военного времени депортации практически не упоминались. Зато в них уделялось значительное место пропаганде дружбы народов СССР, которая, как считалось, получила настоящую боевую проверку именно в годы Великой Отечественной войны¹. Тема дружбы народов активно разрабатывалась на материалах различных регионов СССР, включая и те, где проживали депортированные народы. Так, широко пропагандировались «замечательные успехи ленинско-сталинской национальной политики» на Кавказе, отмечалось стремление кавказских народов отстаивать независимость в борьбе против захватчиков, подчеркивались их героические традиции². Но по мере выселения тех или иных народов любые упоминания об их вкладе в Победу исчезали из органов печати, а в конце войны стала все чаще подчеркиваться ведущая роль русского народа в борьбе с врагом.

В послевоенные годы «сюжеты о совместной борьбе с врагом народов СССР стали в советской исторической литературе традиционными» и разрабатывались «во всех без исключения регионах Советского Союза»³. При этом почти ничего не говорилось о депортациях советских немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, греков и других народов и национальных групп. Более того, из открытых фондов библиотек вообще исчезли все работы о судьбе сосланных народов и их вкладе в Победу в Великой Отечественной войне. В соответствии с требованиями цензуры в спецхран были переведены не только сами книги, но и каталоги, содержащие сведения о публикациях, посвященных чечено-ингушской, крымской, карача-

¹ См.: В боях с врагом закаляется и крепнет дружба народов СССР. М., 1942; Калинин М. И. К двадцатилетию образования СССР (1922–1942 гг.). М., 1942; Корнеев М. Дружба народов СССР — залог нашей победы. М., 1942; Горкин А. Красная Армия — армия братства и боевого единства народов СССР. М., 1943; и др.

² Азизян А. Народы Кавказа никогда не будут рабами // Большевик. 1942. № 15. С. 28–37; Шмонин А. Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943; Эмиров Н. Кавказ в захватнических планах немецких империалистов. Махачкала, 1943; и др.

³ Кирсанов Н. А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война (историография). М., 1995. С. 176.

евской, балкарской и калмыцкой автономиям¹. Лишь в отдельных исследованиях, вышедших уже после смерти И. В. Сталина, встречаются редкие упоминания о том, что и среди кавказских народностей нашлись люди, «которые в 1942 г. изменили союзу с великим русским народом»: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие народы².

Впервые негативная оценка депортаций была дана в докладе Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС. «Массовое выселение со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений» он охарактеризовал как «грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства». По словам Хрущева: «В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям». Автор доклада перечислил несколько депортированных народов — карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев — и упразднение их автономий в 1943–1944 гг., отметив, что «такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями», поскольку в это время «определился прочный перелом в ходе войны в пользу СССР». Хрущев также упомянул о потенциальной возможности депортации украинцев: «Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил»³.

В докладе Н. С. Хрущева не упоминались депортации, осуществившиеся в СССР до 1943 г., а приведенные сведения носили крайне фрагментарный характер. Тем не менее общая переоценка принудительных переселений советских народов имела серьезные последствия. Начались реабилитация и возвращение на родину карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев. Были сняты ограничения и освобождены из-под административного надзора и некоторые другие категории спецпоселенцев, позволившие им вернуться из мест прину-

¹ История советской цензуры: Документы и материалы. М., 1997. С. 506.

² Мнацаканян А. Н. Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. С. 6.

³ «О культуре личности и его последствиях»: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

дательной ссылки¹. При этом упраздненные в годы войны автономии немцев Поволжья и крымских татар так и не были восстановлены. Депортации в целом не была дана соответствующая политическая и правовая оценка, а реабилитация оказалась незавершенной.

XX съезд КПСС и критика культа личности вызвали существенные изменения в становлении историографии рассматриваемой проблемы. В период «оттепели» советские историки стали противопоставлять ленинский и сталинский подходы в национальной политике СССР². Принудительные переселения советских народов оценивались как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», а их причины связывались лично с И. В. Сталиным и особенно с Л. П. Берией. Данный подход получил отражение в 6-томном фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны³.

Определенные особенности сохранялись в освещении вопросов принудительного выселения жителей западных регионов СССР. Граждане, обвиненные в антисоветских действиях и высланные на восток страны, как и прежде, именовались «врагами народа», «бандитами» и «националистами». Репрессии в отношении поляков, латышей, литовцев, эстонцев, как и раньше, оправдывались, поскольку считалось, что в их основе «лежит стремление защитить завоевания советской власти»⁴.

Уже по завершению «оттепели» Х. И. Хутуев защитил кандидатскую диссертацию о депортации и реабилитации балкарцев, ставшую первым в советской историографии специальным исследованием на данную тему. Историк, в детстве лично переживший драматические события депортации, писал, что, «по указанию Берии», репрессиям подвергся весь народ, включая активных участников Гражданской и Великой Отечественной войн, инвалидов, жен и детей фронтовиков, коммунистов и комсомольцев, руководителей партийных и советских организаций, депутатов советов всех уровней. Х. И. Хутуев подчеркнул неправовой характер депортации, отметив, что «упразднение на-

¹ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». С. 280–281.

² Метелица Л. В. Торжество ленинской национальной политики в СССР. М., 1962; и др.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1965. Т. 6. С. 105.

⁴ Голдманис Ю. И. Борьба Коммунистической партии Латвии против буржуазного национализма. Рига, 1962. С. 127.

циональной автономии и выселение балкарского народа шло в разрез с основами Конституции СССР, приводило к прямому отступлению от ее норм и положений, к грубейшему нарушению социалистической законности»¹.

В кандидатской диссертации Ч. С. Кулаева впервые специально рассматривалась депортация карачаевцев. В соответствии со сложившимися к этому времени в советской историографии подходами он писал, что «в условиях культа личности к карачаевскому народу были допущены произвол и насилие. Берия и его сообщники сфабриковали ложный обвинительный материал по отношению к карачаевскому народу». Автор возложил персональную ответственность за депортацию на Л. П. Берия, обвинив его в сознательном стремлении «посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР», создании «обстановки недоверия и подозрительности к отдельным народам», противопоставлении друг другу народов Кавказа. Это стало «прямым нарушением основ ленинской национальной политики — политики равноправия и дружбы народов, суверенитета и свободного самоопределения всех наций нашей страны», «грубейшим нарушением социалистической законности».

В свою очередь, начало реабилитации карачаевцев Ч. С. Кулаев связал с «разоблачением» Л. П. Берии, после чего «раскрылись факты грубейших нарушений социалистической законности»². При этом исследователь не отрицал, что «среди карачаевцев, как и у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления», но полагал, что не эти «единичные факты характеризуют карачаевский народ». По его словам: «Наоборот, большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя победы над врагом»³.

Проблемы депортации немцев Поволжья впервые затронул в своей докторской диссертации Д. П. Ванчинов⁴. Однако в целом спе-

¹ Хутуев Х. И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965. С. 99–100.

² Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1968. С. 186.

³ Там же. С. 179–180.

⁴ Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1973.

циальных исследований на данную тему в рассматриваемый период развития советской историографии вышло немного. Депортациям не было посвящено специальных разделов или статей в новых фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории советского общества, Второй мировой и Великой Отечественной войн, а в обобщающих региональных работах, как правило, приводилась достаточно краткая информация.

Так, в обобщающем труде по истории Ставропольского края, в состав которого входила Карачаево-Черкесская автономная область, высказывалось сожаление о том, что «в условиях культа личности антисоветские действия националистического отребья были приписаны целым народностям Северного Кавказа, в том числе и карачаевцам, в результате чего в ноябре 1943 г. они были лишены национальной автономии и выселены из родных мест». При этом подчеркивалась роль партии в восстановлении справедливости в отношении карачаевцев, отмечалось, что «по инициативе ЦК КПСС ошибочное решение в отношении карачаевцев и некоторых других народностей Северного Кавказа было отменено, а их автономия восстановлена»¹. В других обобщающих трудах упоминалось лишь восстановление автономии репрессированных народов после реабилитации².

В обобщающей работе по истории Кабардино-Балкарской АССР указывалось на «несправедливость», допущенную в отношении балкарцев «в условиях культа личности» и выразившуюся в отмене их автономии и переселении в восточные районы страны. В то же время эта «несправедливость» не могла рассматриваться как основание для сомнений в правоте советского общественного строя. Поэтому, несмотря ни на что, «балкарцы показали высокое чувство патриотизма. Они активно включились в трудовую жизнь. Подавляющее большинство их работало честно и добросовестно»³.

В очерках истории Чечено-Ингушской АССР говорилось: «В 1944 г. в результате некоторых нарушений ленинских принципов национально-государственного строительства и социалистической законности Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. XX съезд КПСС устранил эти нарушения». В другой главе сообща-

¹ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь. 1970. С. 382.

² Очерки истории Ставропольского края: в 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 2: С 1917 г. до наших дней. С. 312.

³ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. С. 286–287.

дось о восстановлении Чечено-Ингушской АССР 9 января 1957 г., огромной работе по трудоустройству возвращавшегося населения, предоставлению ему жилья, оказанию помощи и т. п. Здесь же говорилось о том, как трудящиеся республики «с большим политическим и трудовым подъемом включились во всенародное дело по созданию материально-технической базы коммунизма»¹.

Наиболее полные сведения приводились в очерках по истории Карачаево-Черкесской автономной области, но материал в них также интерпретировался в соответствии с идеологическими требованиями эпохи. Ликвидация автономии Карачая в 1943 г. рассматривалась как «нарушение национальной политики», но «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов». Приводились многочисленные примеры трудового героизма карачаевцев в 1943–1945 гг., которые «на новых местах жительства» добились высоких урожаев в сельском хозяйстве, научившись выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры (сахарную свеклу, хлопок и др.), упорно трудились в промышленности, на транспорте, строительстве². При характеристике реабилитационных процессов периода «оттепели» упоминалось восстановление автономии карачаевцев как результат выполнения решений XX съезда КПСС, отмечались проявления дружбы народов при их возвращении³.

Вопросы депортации обсуждались и на областной научно-практической конференции в Карачаево-Черкесии в 1977 г. Ее участники отметили, что карачаевцы были необоснованно обвинены и несправедливо выселены в восточные районы страны, «ибо нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После устранения извращений «ленинской национальной политики» карачаевцев реабилитировали и вернули, заслуга в этом приписывалась партии⁴.

¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 годы. Грозный, 1972. Т. II. С. 260, 284.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. Черкесск, 1972. Т. 2: Советский период. С. 282–283.

³ Там же. С. 342–343.

⁴ Боташев М. А. Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Материалы обл. науч.-теорет. конф. 1977 года. Черкесск, 1982. С. 31, 34.

Таким образом, в советской историографии проблема этнических депортаций оставалась недостаточно разработанной, что объясняется как господствовавшими идеологическими стереотипами, так и недоступностью для исследователей большинства источников. Напротив, немало внимания депортациям уделили эмигранты, подход которых кардинально отличался от того, что писали советские историки. Первой работой на данную тему стала книга А. Авторханова¹. Охарактеризовав СССР как своеобразную «империю зла», автор в качестве наиболее страшного государственного преступления выделил массовые депортации советских народов. Авторханов одним из первых прямо сопоставил коммунизм и нацизм, назвав депортации «практикой геноцида гитлеровского типа, когда целый народ, включая стариков, женщин, детей, только по одному расовому признаку объявлялся “вражеским народом”»². При этом отверг любые обвинения в сотрудничестве народов Северного Кавказа с оккупантами, как и «разговоры о создании банд» на территории данного региона: «Они “появились” в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями».

Причины депортаций он связал с сущностью и характером советского строя, цели которого могли быть реализованы только путем принесения в жертву собственных народов, а ключ к выселению увидел в национально-освободительной борьбе горцев, которые вели «перманентную партизанскую войну в горах Кавказа» против имперской политики России, начиная с Кавказской войны³. А. Авторханов писал: «Не за коллаборацию, не за “террористические банды”, а за продолжение вековой, исторически правомерной политически целеустремленной национально-освободительной борьбы за свободу и независимость, уничтожены физически чеченцы и ингуши, ликвидирована их республика. На маленьком кавказском участке в горах Чечни и Ингушетии столкнулись два мира: колосс полицейского произвола — советская Москва и островок свободы человеческого духа — Чечено-Ингушетия»⁴.

В 1978 г. за рубежом вышла книга А. Н. Некрича, работать над которой он начал в первой половине 1970-х гг., до своей эмиграции

¹ Авторханов А. Народоубийство в СССР. Мюнхен, 1952; и др.

² Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 187.

³ Там же. С. 190–191, 194; Его же. Убийство Чечено-Ингушского народа (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 64–65.

из СССР¹. Еще в 1944 г., освобождая Крым, он стал прямым свидетелем депортации крымских татар. В указанной работе он подверг критике данные действия советского руководства. В общем контексте сталинских репрессий проблемы выселения советских народов рассмотрел в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын². Впрочем, эмигрантская историография развивалась обособленно от советской исторической науки и вплоть до недавнего времени практически не оказывала на нее серьезного влияния. Более того, по мнению С. У. Алиевой, эта историография сыграла негативную роль в положении самих репрессированных народов, «подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и действиях»³.

В 1990-е гг. в развитии отечественной историографии начался новый этап, связанный с общим изменением обстановки в стране, возобновлением реабилитации, появлением новых оценок советского прошлого. Однако публикации рубежа 1980–1990-х гг. в большинстве своем носили эмоциональный характер, нередко опирались на воспоминания самих участников событий и другие источники личного происхождения⁴. Пересмотр оценок в отношении депортаций, характерный для публицистики данного периода, как правило, сводился к повторению сформулированных западными и эмигрантскими авторами эпохи «холодной войны» обвинений коммунистического режима в совершении преступлений против собственного народа.

Это особенно характерно для материалов, издававшихся международными правозащитными организациями. Так, в 1991 г. был опубликован отчет по данной проблеме Хельсинкской группы по правам человека, подготовленный на основе исследований научного сотрудника Русского исследовательского центра Гарвардского университета Дж. Критчлоу⁵. Поскольку автор, не имевший доступа к

¹ Некрич А. Наказанные народы. Н.-Й., 1978.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования // Собр. соч. в 9 т. М., 1999–2000. Т. 4–6.

³ От составителя // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1918–1952 годы. М., 1993. Т. 1. С. 7.

⁴ Алиев К. М. Заведомая ложь // Молодой коммунист. 1990. № 5. С. 74–75; и др.

⁵ Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинкской группы по правам человека. Сентябрь, 1991. М., 1991.

архивным документам, использовал только сведения, полученные во время встреч с жертвами депортаций, он содержал искаженные сведения о принудительном выселении народов, его масштабе и предпринимавшихся мерах по их реабилитации.

Дальнейшее развитие историографии было во многом обусловлено рассекречиванием архивов и введением в научный оборот новых документов. Особенно значительную роль во введении в научный оборот целого комплекса новых источников, включая документы высших органов государственной власти СССР, материалы «особых папок», имевших высшую степень секретности, сыграл Н. Ф. Бугай¹. Он не только плодотворно изучает рассматриваемую проблему на протяжении почти двух десятилетий, но и создал целую научную школу. Ее представители защитили под руководством Н. Ф. Бугая или при его непосредственном участии кандидатские и докторские диссертации, опубликовали широкий круг работ, книг и статей по различным вопросам истории депортации советских народов и их последствиям.

Первые документы, характеризующие депортацию и реабилитацию советских народов, появились в журналах и сборниках научно-популярного характера². Затем были подготовлены и изданы специальные сборники документов, создающие возможности для изучения данной темы в целом³ и ее различных аспектов, судеб карачаевцев⁴

¹ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; Его же. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; Его же. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»; Бугай Н. Ф., Гонов А. М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; Они же. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998; Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002; и др.

² «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» // История СССР. 1991. № 1; 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД–МВД) // Там же. 1992. № 1; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худож.-докум. сб. М., 1993. Т. 1–3; и др.

³ Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1992–1995. Ч. 1, 2; Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»; «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик, 2003; и др.

⁴ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957): Материалы и документы. Черкесск, 1993; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают: Сб. документов. Черкесск, 1997; и др.

и балкарцев¹, чеченцев и ингушей², других депортированных народов³, а также процессов реабилитации⁴. Материалы, отражающие обстоятельства жизни и труда высланных народов на спецпоселении, содержит многотомное издание по истории ГУЛАГа и другие документальные публикации⁵.

Одним из первых исследователей к теме депортаций в современной историографии обратился Х.-М. Ибрагимбеили, эмоционально призвавший других авторов «сказать правду о трагедии народов»⁶. Действительно, в период «перестройки» обращение к вопросам депортаций и их последствий осознавалось как восстановление «исторической справедливости» по отношению к репрессированным народам и получало широкую общественную поддержку.

Рассекречивание архивов, публикация документов, выход значительного количества конкретно-исторических исследований позволил исследователям в 1990–2000-е гг. прийти к новым выводам о причинах и характере депортаций советских народов. Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции. Отдельные авторы используют понятие «геноцида», говоря о принудительном выселении советских народов⁷. Так, Р. М. Кушетеров полагает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства народов СССР» преследовала «одну цель — прекратить существование целых этносов. Это был настоя-

¹ Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии. Нальчик, 2001; Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (документы и материалы). Нальчик, 2001.

² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004.

³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». М., 1998; и др.

⁴ Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; Реабилитация народов России: Сб. документов. М., 2000; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000–2003; и др.

⁵ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. М., 2004; и др.

⁶ Ибрагимбеили Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4.

⁷ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 7–17; и др.

щий геноцид»¹. Пересмотрев свои прежние взгляды по данному вопросу, Ч. С. Кулаев также стал рассматривать депортации северокавказских народов во время войны — карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков — как политику геноцида².

Уральский исследователь А. В. Бакунин полагает, что депортация народов стала чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма, поскольку без официального обвинения, суда и следствия, по одному лишь приказу диктатора миллионы людей были лишены своих родных мест и оказались в ссылке³. В доказательство данного положения он выдвигает несколько аргументов: во-первых, это была «абсолютно незаконная акция, когда без официального обвинения, суда и следствия переселялись с родных мест в новые малообжитые районы целые народы». Во-вторых, они лишались национальной государственности, у них отняли родной язык, обычаи, культуру, образование. В-третьих, депортированные народы оказались в экстремальной обстановке, неблагоприятных климатических условиях, без жилья и нормального материального обеспечения, под надзором НКВД, без права выезда за пределы спецпоселений. В-четвертых, невзирая на возраст и ограниченные возможности, большинство спецпереселенцев было направлено на тяжелые физические работы: в шахты и рудники, на лесоповал, на строительство и освоение новых земель в сельском хозяйстве. В-пятых, они оказались «в условиях социально-психологической блокады со стороны партийных и советских органов, воспитывавших окружающее население в классовой ненависти к депортированным как “врагам народа”»⁴.

П. М. Полян отмечает, что во многих случаях депортации «являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению депортируемых, нередко комбинировались с другими репрессиями (например, поражением в избирательных правах)». Кроме того, по его мнению, депортации стали своеобразной формой учета и обезвреживания государством его групповых политических противников (и не столь уж важно, подлинных или мнимых, важно, что государство решило их нейтрализовать)»⁵.

¹ Куштеров Р. М. Насилие. Черкесск, 1993. С. 169.

² Кулаев Ч. С. Правовое положение репрессированных народов Северного Кавказа в условиях депортации // Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 58.

³ Бакунин А. В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 13.

⁴ Там же. С. 126–137.

⁵ Полян П. М. Депортации и этничность. С. 6.

Причины депортаций получают разное объяснение в современной историографии. Н. Ф. Бугай считает, что принудительное выселение советских народов определялось тремя основными факторами: 1) гипотетической возможностью предательства, которая вылилась в превентивное обвинение народов и групп населения, 2) в измене — выступлении на стороне противника, 3) в принадлежности к конфессии или нации, с которой велась война. Цель депортации Н. Ф. Бугай видит в стремлении советского правительства ослабить этническую напряженность, урегулировать в экстремальной обстановке конфликт, но не между народами, а между отдельными этносами и властью¹.

Практически к тем же самым обстоятельствам сводит главные причины депортаций советских народов В. Н. Земсков, соединяя при этом, по сути, в одну группу первый и третий факторы. В результате он видит в депортациях, во-первых, «акт мести государства за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время фашистской оккупации»; во-вторых, превентивную меру — «за возможное предательство, а по сути — за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война». Исследователь считает, что массовые выселения стали одним из важных компонентов решения многих задач политического, экономического, социального и межнационального характера².

Значительная часть авторов видит корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима. Э. В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. Кроме того, он утверждает, что депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий³. Схожие обстоятельства указывает Н. Ф. Бугай: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения»⁴. Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А. Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма⁵.

¹ Бугай Н. Ф. Депортация с юга России в 40-е гг. Причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 44.

² Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. С. 280.

³ Черняк Э. В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С. 6.

⁴ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 5.

⁵ Койчуев А. Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне как причина де-

И. Г. Джуха полагает, что истинная причина, по которой преследовались целые народы, оставалась той же, что и в годы «большого террора»: она заключалась «в бесчеловечности сталинско-большевистского режима, недалеко ушедшего от средневековых представлений о коллективной вине». Этнические депортации «стали важнейшим элементом сталинской социальной инженерии»¹.

По мнению В. А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». Действительно, депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В. А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований»².

К.-М. И. Алиев объясняет причины депортаций попыткой решения «национального вопроса в СССР путем ассимиляционных процессов, “хирургическим” путем». Он убежден в том, что «постепенное и поэтапное распыление “малых” и “малочисленных” народов на восточных пространствах» И. В. Сталин рассматривал как «возможность создания новой “социалистической нации СССР” — советского народа»³. В. Н. Земсков отмечал: «По всем признакам, И. В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»⁴.

портации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.

¹ Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008. С. 19–20.

² Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы междунаrod. конф. 1993 г. М., 1994. С. 24.

³ Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 59.

⁴ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 107.

Согласно А. В. Бакунину, причинами депортации являлись попытки разрядить социальную напряженность в национальных районах и покрыть дефицит в дешевой рабочей силе¹. По мнению Ю. И. Стецовского, массовые депортации в СССР были обусловлены тенденцией к русификации окраин, наметившейся еще с конца 1920-х гг.² Отдельные авторы связывают депортацию тюрко-язычных мусульман (например, карачаевцев) с внешнеполитическим фактором — угрозой создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции³.

Значительное внимание уделяется поиску причин депортаций отдельных народов. Один из первых авторов, обратившихся к проблеме депортаций немцев, Г. Вормсбехер отметил, что принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР об их принудительном переселении было продиктовано тяжелым положением на фронте, стремлением избежать в условиях войны любого риска⁴. Он считал издание данного указа логическим продолжением сталинской политики репрессий, террора, практики «культы личности», всегда находившего «виновных» за очередную свою неудачу⁵.

А. Н. Кичихин опроверг официальную версию причин депортации советских немцев, приведя в доказательство сведения о том, что с 22 июня по 10 августа 1941 г. в АССР немцев Поволжья было арестовано всего 145 чел. В том числе по обвинению в шпионаже — 2 чел., террористических намерениях — 3 чел., диверсионных намерениях — 4 чел., участия в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях — 36 чел., в распространении пораженческих и повстанческих высказываний — 97 чел.⁶

Т. Чебыкина подтверждает, что объективных причин для выселения немцев из Поволжья не было. Саратовские и сталинградские

¹ Бакунин А. В. Основные этапы политических репрессий в СССР // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», проходившей в Нижнем Тагиле 10–12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 12.

² Стецовский Ю. И. История советских репрессий. М., 1997. Т. 1. С. 476.

³ Буров А. Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С. 59–60.

⁴ Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Кичихин А. Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 34.

немцы, как и немцы Поволжья, к советской власти относились лояльно, большинство из них, особенно молодежь, воспитанная на большевистских идеологических установках, восприняли начало войны как личную трагедию, проявляли чувство патриотизма, готовность защищать свою Родину от агрессора, демонстрировали трудовой порыв¹. По мнению Н. Э. Вашкау, подлинными причинами выселения немцев стали: попытка оправдать первые месяцы поражения на фронтах войны тем, что «внутренние враги» и диверсанты из числа немцев помогают захватчикам, а также ненависть Сталина к немцам вообще. По ее словам, Сталин был убежден, что Петр I и Екатерина II слишком «онемечили» страну, и, ограждая ее от влияния Запада, в российских немцах видел угрозу авторитарному режиму. Депортация также решала проблемы трудового фронта: переселенные немцы стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале².

А. А. Шадт в своем диссертационном исследовании выделил пять основных причин депортации немцев из районов Поволжья: 1) «искусственно раздутые опасения возможных действий “пятой колонны”»; 2) стремление «решить проблемы национальной политики путем устранения несовместимых с теорией классового устройства общества значительных различий в уровне жизни народов (немцы оказались наказаны за зажиточность)»; 3) «ускорение развития восточных регионов страны в условиях войны, когда западная часть была оккупирована фашистской Германией»; 4) «стремление использовать трудовые ресурсы российских немцев»³.

Л. П. Белковец подчеркивает, что депортация немцев была вызвана совокупностью причин, обусловленных как внешними, так и внутренними обстоятельствами. В условиях войны СССР с Германией главную роль сыграли искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны». В лице российских немцев И. В. Сталин увидел этнос, способный стать пособником нацистов⁴. Немаловаж-

¹ Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ: По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 279.

² Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград, 1994. С. 54.

³ Шадт А. А. Указ. соч. С. 14–15.

⁴ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Новосибирск, 2003. С. 30.

ную роль играл и экономический мотив: советское руководство намеревалось заселить малоосвоенные территории Сибири, Казахстана и Средней Азии, а немцы имели прекрасный опыт в этом отношении. Кроме того, депортации рассматриваются как «своеобразный способ реализации особого правового режима, каковым является военное положение, введенное в СССР с началом войны». Он предусматривал ограничения прав граждан, возложение на них дополнительных обязанностей, проведение мобилизации, введение особого порядка деятельности органов государственной власти в целях обеспечения обороноспособности страны и ликвидации агрессии против нее¹. Подобные оценки фактически придают легитимность репрессивным действиям советского правительства.

Л. П. Саганова подчеркивает отличие депортации немцев от других народов, поводом переселения которых послужили уже состоявшиеся факты предательства и пособничества врагу. По отношению к немецкому населению страны указанные причины имели превентивный характер². Т. В. Мухортова отметила, что эта превентивная мера во многом связывалась с этнической идентичностью врага с российскими немцами. В результате сотни тысяч человек были вырваны из привычной для них сферы жизни и деятельности и отстранены от оказания помощи стране в трудное для нее время³.

П. М. Полян также проводит различия между депортациями разных народов. По его мнению, выселения калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар, в отличие от немцев Поволжья, носили не профилактический характер, а представляли собой акции «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства⁴.

Главные причины депортации калмыков К. Н. Максимов видит в стремлении провести не только этническую чистку, но и попытку переложить серьезные промахи советского руководства, обернувшиеся крупными поражениями в первые годы войны, потерями людских и материальных ресурсов на некоторые малочисленные народы. В ука-

¹ Там же. С. 32.

² Саганова Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 21.

³ Мухортова Т. В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев 1941–1955 гг. (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. С. 20.

⁴ Полян П. М. Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 116.

зе о депортации всему народу были выдвинуты вымышленные обвинения во всенародной измене, во вредительстве при эвакуации скота, имущества, при восстановлении разрушенного войной народного хозяйства¹. В. А. Бердинских считает, что депортация была наказанием для калмыков за «сопротивление органам Советской власти», массовое сотрудничество с германскими оккупантами. В то же время исследователь подверг сомнению утверждение о том, что более 30 % взрослого калмыцкого населения «с оружием в руках выступили против Советской власти». По его мнению, «такая массовость — миф, сотворенный самим НКВД, создававшим самому себе новое поле деятельности». Согласно приводимым им данным, на стороне противника против партизан на Украине, в Польше и Хорватии действовал Калмыцкий кавалерийский корпус, насчитывавший более 5 тыс. чел., однако около 8 тыс. калмыков были награждены во время Великой Отечественной войны государственными наградами СССР за подвиги совершенные на фронте и в тылу².

Депортацию народов Северного Кавказа значительная часть исследователей объясняет тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе³.

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии первым высказал Х.-М. Ибрагимбейли⁴. Впоследствии она нашла широкое отражение и в работах других авторов⁵. В качестве одного из аргументов сторонники данной

¹ Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. С. 267–268.

² Бердинских В. Указ. соч. С. 64.

³ Койчужев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 449–453; Алиев К.-М. И. Указ. соч. С. 58; и др.

⁴ Ибрагимбейли Х. М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

⁵ Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 14–15; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Черкесск, 1993. С. 43–44; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993. С. 27; Коновалова О. В. Карачаевцы: трудное возвра-

точки зрения приводят почвенную карту Северного Кавказа, изданную в 1942 г. Академией наук СССР, где административный центр Карачаевской автономной области город Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг.¹ Авторы одной из обобщающих работ по истории карачаевцев и балкарцев, соединяя первые две версии, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок — «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» — руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны)².

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М. А. Суслов»³. К.-М. И. Алиев указывает на то, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть»⁴. Наконец, само перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

шение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность: Тезисы докладов III Международного конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», 18–21 сентября 2001 г. Пятигорск, 2001. С. 36; и др.

¹ Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 260.

² См.: Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.

³ Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 7–8; см. также: Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 39.

⁴ Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». С. 58–59.

Ряд исследователей приводит свидетельства того, что на Северном Кавказе имели место открытые выступления «против идейных установок партийных органов», массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А. М. Гонов связал депортацию части народов Северного Кавказа с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением»¹.

В последние годы ряд исследователей фактически оправдывает проведение депортаций народов СССР накануне и, особенно, во время Великой Отечественной войны. Например, А. Б. Мартиросян прямо считает, что благодаря переселению немцев удалось избежать процесса создания из них «пятой колонны» в тылу СССР². Подобная точка зрения фактически представляет собой изложение официальной точки зрения советского правительства по вопросу о выселении советских народов, высказанной во время войны.

О. А. Платонов также заявляет, что «военная необходимость вынуждала Сталина и советское государство принять решение о насильственном переселении в отдаленные места страны некоторых народов СССР, значительная часть представителей которых активно сотрудничала с оккупантами, а также участвовала в актах массовой резни русских людей на оккупированных территориях. На территории автономной республики немцев Поволжья германскими разведслужбами были завербованы десятки тысяч человек, готовых активно бороться против России на стороне Германии». По словам данного автора, в Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Карачае, Балкарии и на других российских территориях, оказавшихся в оккупации, германские власти сумели склонить в свою пользу и привлечь к сотрудничеству значительную часть населения»³.

Особенно активно данную позицию отстаивает в последние годы И. В. Пыхалов. Он полностью оправдывает репрессии против народов СССР, считая, что эти действия И. В. Сталина были вызваны их массовым переходом на сторону противника. Так, И. В. Пыхалов полагает, что «находясь в составе российского государства, крымские

¹ Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX в. Дисс. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 17.

² Мартиросян А. Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. М., 2007. С. 406.

³ Платонов О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997. С. 231.

татары изменяли нашей стране всякий раз, когда на землю Крыма приходил враг. Их выселение стало вполне заслуженной и адекватной мерой»¹. Автор указывает на переход на сторону противника 20 тыс. крымских татар из 218 тыс. чел., составляющих их общую численность. В результате он приходит к выводу о том, что «практически все крымско-татарское население призывного возраста служило в тех или иных немецких формированиях», в то время как на стороне партизан сражалось всего 598 чел. Более того, он подчеркивает «мягкость» наказания: «Решилась сталинская власть действовать по закону, подавляющее большинство крымско-татарского взрослого мужского населения следовало бы расстрелять, после чего этот народ естественным образом прекратил бы свое существование»².

Еще более серьезный характер носят обвинения И. В. Пыхалова в адрес чеченцев и ингушей. Первое из них — массовое дезертирство и уклонение от призыва в РККА. Пыхалов указывает, что, находясь в рядах Красной армии, погибло и пропало без вести 2,3 тыс. чеченцев и ингушей³. К началу Великой Отечественной войны численность чеченцев и ингушей составляла приблизительно 460 тыс. чел., а значит, обе эти народности должны были выставить примерно 80 тыс. военно-служащих, но в рядах РККА служило не более 10 тыс. чеченцев и ингушей. Следующее обвинение — это бандитизм: за три с половиной года войны, с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1944 г. на территории Чечено-Ингушской АССР, а после депортации — на территории Грозненской области было зарегистрировано 421 бандитское проявление⁴.

Полемика на данную тему вышла далеко за рамки научной дискуссии. Своих оппонентов И. В. Пыхалов называет «защитниками гитлеровских прислужников»⁵. В свою очередь, те прямо обвиняют его в разжигании межнациональной розни. Одна из его статей решением Магасского районного суда Республики Ингушетия от 19 ноября 2009 г. была включена в Федеральный список экстремистских материалов⁶. Ряд авторов считает, что документы НКВД, содержащие сведения о бандитизме на Северном Кавказе, были прямо фаль-

¹ Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. С. 143.

² Там же. С. 94, 110, 139.

³ Там же. С. 267–268.

⁴ Там же. С. 269, 272

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Историк Игорь Пыхалов утверждает, что знает правду о депортации чеченцев и ингушей. URL. www.ingushetiya.ru (дата обращения 14.08.2009).

сифицированы, но не приводит никаких доказательств в пользу этой точки зрения¹.

Разные точки зрения высказаны и по вопросу о том, кто несет личную ответственность за принудительное выселение того или иного народа и депортации в целом. Н. Ф. Бугай полагает, что «вина в проведении мер по депортации должна быть отнесена исключительно к Сталину и его окружению». Остальные участники событий — комиссары, офицеры, солдаты — были лишь рядовыми исполнителями². Напротив, А. М. Некрич указывал на то, что «депортацию нельзя списать на злую волю Сталина — все подготавливалось снизу»³.

Особая ответственность за трагедию депортации, как и в годы «оттепели», возлагается на Л. П. Берия, который, «преследовал в этой чудовищной аванюре и свои корыстные интересы». С одной стороны, «он лишний раз подтверждал вождю свою преданность и незаменимость». С другой стороны, «маршальские погоны давно не давали ему покоя». Поэтому в ряде работ можно встретить утверждения о том, что «вождистские амбиции Сталина и честолюбивые устремления Берии органически слились воедино»⁴.

Современные авторы часто указывают на негативную роль в трагедии карачаевского народа, сыгранную М. А. Сусловым. Р. Медведев и Д. Ермаков отмечают, что, спасая себя, «М. А. Суслов оказывал сильную поддержку ведомству Берии в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против Советской власти»⁵. Карачаевские авторы подчеркивают личную заинтересованность М. А. Суслова в депортации карачаевцев. Корни «звериной неприязни Суслова к народу» И. Алиев, опираясь на воспоминания, увидел в его

¹ Тебуев С. Предисловие // Депортация карачаевцев: Документы рассказывают: Сб. документов. Черкесск, 1997. С. 8–9; Алиева С. К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дисс. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. С. 14–15; и др.

² Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992. С. 158; Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» С. 285.

³ Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. С. 32.

⁴ Саиев У. М. Дороги Сибири или как происходило в 1944 году выселение чеченского народа // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. С. 490.

⁵ Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. М., 1992. С. 70–71.

«обиде» на карачаевцев, возникшей после одной из поездок в горы¹. Напротив, С. И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Суслов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда оно готовилось и осуществлялось, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения»².

Расходятся оценки и в отношении роли руководителей самих автономий в осуществлении депортаций. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У. Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, «вместо того чтобы убедить руководство страны, что руководство Карачаевской автономии само сумеет решить проблему нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся Советской власти, Токаев С.-У. Б., Лайпанов Х. О. и другие, искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной Армии на территорию Карачая». Карачаевским руководителям противопоставляется первый секретарь Дагестанского обкома партии А. Д. Даниялов, который, «рискуя не только своей должностью, но и жизнью», сумел добиться приема у самого И. В. Сталина и «спас народ от насильственной депортации»³.

В целом, приводимые оценки отражают присущий части представителей современной историографии субъективизм: И. В. Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса, даже если бы оно и прозвучало. Другое дело, что поведение указанных руководителей в этой сложной ситуации характеризует их самих как политиков, для которых их собственная жизнь и карьера оказались важнее судьбы своего народа.

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северного Кавказа. Так,

¹ Алиев И. Указ. соч. С. 20.

² Линец С. И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

³ Байрамуков И. Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность: Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. С. 16–17.

в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным “путеводителем” по истории заселения Земли адыгов», а по своему жанру представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины этой «особой» благодарности они видят в следующем: «В начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И. В. Сталин... запретил даже думать об этом. БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ — НЕ КАВКАЗ, — этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны — на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу»¹.

Похожий ответ предлагает и М. М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован черкесский народ, «представители которого также участвовали в повстанческом движении? Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая»². К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными аргументами, а утверждение о том, что Северный Кавказ «стал своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики» ему прямо противоречит, т. к. действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для И. В. Сталина какое-либо решающее значение³. Как отмечает другой исследователь, карачаевцы все равно «были бы депортированы, если бы на фронтах со словами “За Сталина!” погибла половина населения»⁴.

По мнению современных исследователей, версии о том, что «тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно — “по злой воле” Л. П. Берии) и его спасло личное вмешательство

¹ Земля адыгов. Майкоп, 1996. С. 311.

² Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С. 310.

³ Там же. Указ. соч. С. 287.

⁴ Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». С. 61.

И. В. Сталина, который учел его “заслуги” перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания». Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным, уже исходя из того что истинные планы и намерения И. В. Сталина далеко не всегда отражались в документах. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием. В подобных работах ратные подвиги представителей «своих» этносов затмевают все остальные. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще.

Таким образом, оценки причин и характера депортаций народов, осуществлявшихся в СССР, заметно эволюционировали в советской и современной российской историографии: от пропагандистских штампов, нашедших отражение в официальных документах, к научному осмыслению. Сложность выработки объективных знаний по данному вопросу обуславливалась, помимо собственно научных обстоятельств, связанных с отсутствием необходимых источников или трудностями методологического характера, значительным влиянием идеологии. В настоящее время исследователями высказаны различные точки зрения по указанным вопросам, что свидетельствует об определенном развитии историографии проблемы. Однако в ее осмыслении продолжает сказываться политизация, стремление использовать оценки прошлого для оправдания и объяснения сложных и противоречивых процессов современности.

3.2. Этнические депортации 1937–1941 гг. и их значение

Источники, содержащие сведения о конкретной численности советских народов, подвергшихся принудительному выселению, стали доступны широким кругам исследователей только с начала 1990-х гг., в связи с начавшимся рассекречиванием архивов и активизацией публикаторской деятельности. До этого документы органов НКВД–МГБ–МВД СССР, имевшие секретный характер, были доступны лишь высшим советским руководителям. Первые публикации о масштабе сталинских депортаций, появившиеся в открытой печати в конце 1980-х гг., имели оценочный характер и не опирались на документальные свидетельства. Поэтому научная разработка рас-

смаатриваемой проблемы в отечественной историографии приходится на современный период в ее развитии.

Российские исследователи обращают внимание на то, что депортации не являлись специфически советским «изобретением». В различные исторические эпохи депортационные меры по отношению к отдельным народам и национальным группам применялись для решения тех или иных политических или социально-экономических задач. Принудительное переселение широко использовалось и правительствами различных государств в годы Второй мировой войны¹.

Обращаясь к предпосылкам этнических депортаций в СССР, историки обращают внимание на выработку советской модели решения национального вопроса, в частности, предложенное И. В. Сталиным разделение наций «на социалистические и буржуазные»². И. Г. Джуха полагает, что подобные квалификационные признаки «открывали широкие возможности государству в борьбе против собственного народа»³. В тезисах, подготовленных комиссией ЦК накануне X съезда РКП(б), поляки, греки, немцы, болгары, евреи, курды, хемшины и другие народы были отнесены к «текучим национальным группам», в большинстве своем не имеющим определенной классовой структуры и определенной территории⁴. Н. Ф. Бугай акцентирует внимание на выступлении И. В. Сталина в 1923 г. на XII съезде РКП(б), закрепленном затем в партийных решениях, обосновывавшем возможность переселения национальной группы при отсутствии у нее своей исторически сложившейся территории⁵.

Новые исследования и документальные публикации создают достоверную картину сталинских депортаций. Общий анализ государственной политики в отношении репрессированных народов содержат работы И. В. Алферовой, Н. Ф. Бугая и других авторов⁶. Масштаб-

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 4; Джуха И. Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортация 1940-х гг. С. 16; и др.

² Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 340.

³ Джуха И. Г. Указ. соч. С. 14.

⁴ Тайны национальной политики РКП(б). М., 1992.

⁵ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 5.

⁶ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143; Его же. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»; Алферова И. В. Государственная политика в от-

ность массовых принудительных миграций как одну из форм политических репрессий показал П. М. Полян в историко-географическом исследовании¹. Обстоятельства пребывания различных народов на спецпоселении, использования их трудового потенциала рассмотрели В. А. Бердинских, Г. Я. Маламуд и другие авторы².

При этом исследователи расходятся в общем количестве самих депортационных операций и численности народов, подвергавшихся выселению. Н. Ф. Бугай в начале 1990-х гг. писал, что принудительному переселению подверглись более 40 народов СССР, многие — полностью³. По итогам последующего изучения рассматриваемой проблемы в середине 2000-х гг. он привел новые обобщающие данные, превосходящие прежние в полтора раза, указав, что всего только в годы Великой Отечественной войны переселению в СССР подверглись представители 61 национальности⁴.

П. М. Полян выделяет 52 «сквозные» депортационные кампании и около 130 депортационных операций⁵. Из 52 депортационных кампаний 38, или 73 %, являлись этническими⁶. В. А. Бердинских указывает 17 народов, подвергшихся выселению полностью, и 48 народов, депортированных частично⁷. По мнению И. Г. Джухи, с середины 1930-х гг. на протяжении 15 лет в СССР подверглись депортации 15 народов и 40 этнических групп. Он отмечает, что тотальному выселению за этот период подверглись десять народов общей численностью около 2 млн чел. При этом 7 народов (немцы, карачаевцы,

ношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; и др.

¹ Полян П. М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР.

² Маламуд Г. Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпереселенцы на Урале в 1940-х — начале 50-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Бердинских В. Указ. соч.; и др.

³ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». М., 1992. С. 284.

⁴ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века). Книга-мониторинг. М., 2006. С. 92.

⁵ Полян П. М. Депортации и этничность. С. 11.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. С. 15.

калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары) вдобавок лишились и своих национальных автономий¹.

В целом, по разным подсчетам, жертвами насильственных переселений с родных земель, стали от 3,5 до 6 млн чел. При этом свыше 2 млн чел. из них были расселены в Казахстане, более 800 тыс. чел. оказались сосланы в Сибирь. Согласно сведениям, приводимым Н. Ф. Бугаем, на спецпоселение в северные и восточные районы страны с 1940 по 1953 г. «без права возвращения к прежним местам жительства» были выселены из Украинской ССР 570 826 чел., из Литовской ССР — 118 599 чел., из Латвийской ССР — 52 541 чел., из Белорусской ССР — 60 869 чел., из Молдавской ССР — 46 474 чел., из Эстонской ССР — 32 540 чел., из Армянской ССР — около 16 тыс. чел., из Псковской области — 1 604 чел., с Северного Кавказа — около 640 тыс. чел., из Крыма — около 230 тыс. чел.²

Подробное исследование демографических потерь депортированных народов СССР содержит монография Д. М. Эдиева. На основе статистических показателей он оценил общие тенденции в демографическом развитии до и после выселения, прямые людские потери вследствие повышенной смертности, а также потери из-за дефицита рождений в период ссылки, раскрыл краткосрочное и долгосрочное влияние депортации на процесс их воспроизводства. Согласно подсчетам Д. М. Эдиева, «компенсаторные процессы позволили преодолеть примерно половину демографических потерь». Долгосрочные демографические потери населения СССР от депортаций 1920–1950-х гг. «составили около 15 % численности населения депортированных, которая могла бы сложиться в отсутствие депортаций»³.

Российские историки охарактеризовали депортации отдельных народов и национальных групп, указывая, что «по каждой из них принимались специальные решения правительства, составлялись планы, выделялись средства, обеспечивалась секретность проводимых мероприятий». В то же время принятые постановления противоречили действующим в стране законам и, прежде всего, конституциям СССР, РСФСР и других союзных республик⁴.

¹ Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков, в СССР: депортация 1940-х гг. С. 19–20.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 6.

³ Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 303.

⁴ Бугай Н. Ф. Что это было? // Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. С. 4; и др.

В историографии отмечается, что первыми жертвами массовых выселений в Советской России стали казаки, воспринимавшиеся пришедшими к власти большевиками как их политические противники¹. В 1920 г. терских казаков выселили из их станиц в другие местности Северного Кавказа, в Донбасс и на крайний Север, а их землю передали чеченцам и ингушам. В 1921 г. казаков Семиречья выселили из Туркестанского края. С образованием СССР советская власть не раз прибегала к массовым депортациям отдельных народов и национальных групп, они широко использовались как способ осуществления национальной, демографической, социально-экономической политики, средство обеспечения государственной безопасности, решения других вопросов².

В 1930–1933 гг. в ходе сплошной коллективизации миллионы крестьян депортировались в дальние, неосвоенные районы страны. По мнению В. Н. Земскова, уже при проведении коллективизации выселение крестьян из западных регионов приобрело этнический характер: «На Украине и в Белоруссии в период кампании по раскулачиванию местные немцы и поляки рассматривались чуть ли не как поголовные кулаки. Среди отправленных в “кулацкую ссылку” из числа раскулаченных на Украине и в Белоруссии доля поляков была непропорционально высока». Исследователь подчеркивает применение комбинированного социально-классового и этнического принципа выселения, одновременно, по своей направленности, и антикулацкого, и антипольского: «Таким образом, еще в ходе “ликвидации кулачества как класса” в 1930–1933 гг. (при которой национальность человека вроде бы не должна была иметь никакого значения), вызревали симптомы грядущих “чисток” по этническому признаку»³.

В настоящее время в историографии не существует единого мнения о том, выселение какой именно этносоциальной общности следует считать первой специальной принудительной депортацией. В. Н. Земсков рассматривает в качестве таковой выселение в апреле–мае 1935 г. финнов-ингерманландцев из пограничных районов Ленинградской области и Карелии. В результате этой операции было

¹ Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). С. 57–64; Баев Р. Р., Епифанов А. Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 1997. С. 16–19; и др.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 5.

³ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. С. 76.

переселено 5059 финских семей общей численностью 23 217 чел.¹ Позицию В. Н. Земскова по данному вопросу разделяют П. М. Полян² и В. А. Бердинских³.

Н. Ф. Бугай считает, что первыми, «кого затронула депортация, явились поляки»⁴. В качестве первой этнической депортационной операции он выделяет выселение из прилегавших к польской границе районов УССР 15 тыс. польских и немецких семей (45 тыс. чел.) по постановлению СНК СССР от 28 апреля 1936 г. № 776-10сс⁵. Поляки и немцы как политически «неблагонадежные» направлялись в Северо-Казахстанскую и Карагандинскую области. 35 820 поляков и менее 10 тыс. немцев отселялись из 800-метровой пограничной зоны на территории сооружавшихся укрепрайонов. 35 735 чел. направлялись «по государственному заданию» в Алма-Атинскую, Карагандинскую, Кокчетавскую, Северо-Казахстанскую и Талды-Курганскую области Казахской ССР. Немногочисленные группы от 5 до 15 чел. — в РСФСР⁶.

Согласно еще одной точке зрения, первым «наказанным народом» до начала периода массовых политических репрессий в 1937–1938 гг. стали немцы. В. Бруль обратил внимание на «печально-трагическое» постановление ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. «О работе среди немецкого населения», обнаруженное в Государственном архиве Новосибирской области. Этот документ позволил ему прийти к выводу о том, что массовый террор в немецких селах Сибири начался уже в 1934–1935 гг.⁷ — т. е. раньше, чем репрессии против финнов и поляков. Саратовский историк А. А. Герман также указывает на «жестокие репрессии против советских немцев» в 1934–1935 гг. — так называемую «борьбу против фашистов и их пособников», направленную против получения немцами СССР гуманитарной помощи из-за рубежа. По мнению исследователя, эти репрессии были вызваны тем, что

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. С. 78.

² Полян П. М. Депортации и этничность. С. 86.

³ Бердинских В. Указ. соч. С. 23–24.

⁴ Бугай Н. Ф. Что это было? С. 4.

⁵ Бугай Н. Ф. Депортация народов (конец 30-х — начало 40-х годов) // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 479.

⁶ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 11–12; Его же. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века). С. 65; и др.

⁷ Бруль В. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920–1950 гг. // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 285–286.

немцы, становясь, как и другие народы СССР, жертвами социальных экспериментов и попадая в связи с этим в тяжелое положение, пытались найти выход из него, используя свои специфические возможности (возвращение на историческую родину, обращение за помощью к уже эмигрировавшим родственникам и знакомым, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за границы и т. д.)¹. Данный вывод подтверждают и сведения, приводимые Н. Ф. Бугаев, который утверждает, что с 1937 г. «депортировалось группами немецкое население и из отдельных областей Восточной Украины»².

Однако ряд российских авторов выражают свое несогласие с указанной точкой зрения. В. Хаустов, в отличие от В. Бруля и А. Германа, считает, что репрессии в отношении российских немцев в период с 1932 по 1936 г. еще не имели характера «особо жестоких и последовательных преследований» в СССР этой категории населения³. Поэтому их нельзя считать первой депортацией.

К первым депортационным операциям относится и переселение курдов из 40 приграничных районов Закавказья и Средней Азии, примыкавших к территории Ирана, Афганистана, Турции. 17 июля 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации специальных запретных полос (пограничных зон) в указанных районах. В. Н. Земсков полагает, что вопрос о масштабах этой депортации является одним из самых запутанных и неясных в историографии, что объясняется неверной информацией, содержащейся в ряде документов НКВД–МВД–МГБ СССР. Так, в начале 1950-х гг. в документах 4-го управления МГБ СССР указывалось, что из пограничной полосы Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана было выселено 1325 чел., из них 812 чел. — в Киргизскую ССР, 513 чел. — в Казахскую ССР. По мнению В. Н. Земскова, в данном случае 4-е управление МГБ СССР использовало сведения только об одной операции по выселению курдов, а их в 1937 г. было несколько: «Естественно поэтому, что действительная картина этой трагедии оказалась сильно преуменьшенной»⁴.

¹ Герман А. А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 22–23.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 17.

³ Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ. С. 83.

⁴ Земсков В. Н. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 гг. С. 81.

Общая оценка численности курдов, высланных в целях «усиления охраны государственной границы», совпадает у В. Н. Земскова и Н. Ф. Бугая — 1121 семья, или около 4280 чел.¹ В данной связи Н. Ф. Бугай отмечает, что и в западных районах УССР и БССР были дополнительно подготовлены к переселению 1329 чел., однако ничего не сообщает об их дальнейшей судьбе. Он также указывает на переселение в октябре 1938 г. из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР 2 тыс. семей, включавших 6 тыс. чел. «неблагонадежных» иранцев².

«Зачистка» пограничных районов от «антисоветских», «чуждых» и «социально-опасных элементов» продолжалась и далее. В 1939 г. были выселены из Севастополя 1641 грека. По приказу Л. П. Берии от 23 июня 1940 г. из Мурманска и Мурманской области депортировали в Алтайский край 675 семейств (1743 чел.) немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев и других граждан «инонациональностей»³.

Еще одна этническая депортация осуществлялась на основании совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края»⁴. В сентябре 1937 г. 74,5 тыс. корейцев отправили в Казахстан и Среднюю Азию. В октябре была проведена «окончательная зачистка» Дальнего Востока от корейцев, переселенных в Казахскую и Узбекскую ССР. Данные о численности выселенных корейцев отличаются в различных документах и, соответственно, работах российских и зарубежных исследователей. Н. Ф. Бугай отмечает, что в документах НКВД СССР сообщалось о переселении из Дальневосточного края 32,8 тыс. семей, но фактически было депортировано 36 442 семей, в том числе в Казахской ССР расселено 20 170 семей, в Узбекской ССР — 16 272 семьи. Вместе с корейцами оказались депортированы 8 тыс. китайцев. В ходе депортационной операции были арестованы 11 тыс. китайцев, 2,5 тыс. корейцев, 600 поляков. Общую цифру депортированных корейцев Н. Ф. Бугай,

¹ Бугай Н. Ф. О депортации иранцев из Азербайджана и Казахстана // Восток. 1994. № 6. С. 150–153; Земсков В. Н. Указ. соч. С. 81.

² Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 17, 25–26.

³ Коцонис А. Н. Депортация греков Кавказа // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 2 (сентябрь 2000). Краснодар, 2000. С. 8.

⁴ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М., 1992. Кн. 1. С. 64.

ссылаясь на документы НКВД СССР, определил в 173 тыс. чел., воз-
ражая при этом профессору Хельсинкского университета Ко Сунг
Му, который в своей монографии «Корейцы Советской Центральной
Азии», изданной в Хельсинки в 1987 г., называет 180 тыс. чел.¹

В другой своей работе Н. Ф. Бугай подробно раскрыл проблему хо-
зяйственного устройства корейцев на местах ссылки². Он также обра-
тил внимание на противоречия в статусе депортированных корейцев,
иранцев и другого «неблагополучного элемента». Первоначально на
них не распространялся статус спецпоселенцев. В записке заместите-
ля начальника отдела спецпоселений НКВД СССР П. И. Мальце-
ва, подготовленной в январе 1945 г., говорилось о том, что корейцы
«были переселены не в порядке репрессий, а в порядке предупреди-
тельных мер по очищению приграничных с Японией районов». Толь-
ко 2 июля 1945 г. по приказу наркома внутренних дел СССР корейцев
перевели в категорию спецпоселенцев и распространили на них соот-
ветствующий правовой режим в местах проживания. К этому време-
ни в Казахстане проживало 95 256, а в Узбекистане — 76 552 корей-
ца³. Однако и в 1949 г. в документах МВД СССР отмечалось, что «на
учете спецпоселенцев корейцы не состояли». Н. Ф. Бугай, ссылаясь
на переписку НКВД СССР с наркоматами внутренних дел союзных
республик, куда корейцы были депортированы, считает, что на них
все же распространялся режим спецпоселенцев. Он предположил,
что корейцы «чисто автоматически “выпадали” из статистики о спец-
поселенцах за 1940-е гг.»⁴

И. Г. Джуха указывает, что еще до войны в СССР принудитель-
ным переселениям подверглись греки. Выселение «членов семей вра-
гов народа» из пограничной полосы Черноморского побережья — из
Сочи, Новороссийска, Одессы, Севастополя — он предлагает рассма-
тривать как «побочный продукт» греческой операции 1937–1938 гг.
В 1938–1939 гг. в Грецию отправили примерно 10 тыс. греческо-под-
данных, при этом многих из них — насильственно, что стало первой
и единственной крупномасштабной репатриацией греков на истори-

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 19–20, 306.

² Бугай Н. Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация. Опыт корейцев России. М., 1998.

³ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 22–23.

⁴ Бугай Н. Ф. Выселение корейцев с Дальнего Востока // Вопросы исто-
рии. 1994. № 5. С. 147.

ческую родину. По словам исследователя, далеко не все репатрируемые «горели желанием возвращаться в Грецию»¹.

Отмечая, что указанные принудительные миграции не попадали под «классическое определение депортации», И. Г. Джуха тем не менее рассматривает их в комплексе, в сочетании с другими принудительными переселениями греков на протяжении 1930–1940-х гг. и выделяет следующие особенности данных репрессивных акций. Во-первых, им была присуща разнородность — они включали как превентивные выселения «социально опасных» элементов — («членов семей врагов народа» и иностранно-подданных, а также очистку приграничной полосы), так и депортации-наказания. Во-вторых, объектом наказания выступил «народ, который, возможно, как никакой иной, обладал особыми заслугами перед Россией». По словам И. Г. Джухи: «В контексте многовековых отношений между Россией и Грецией решения о наказании греков выглядят абсолютно неадекватными». В-третьих, депортации греков была присуща многофазность: за 14 лет, по мнению данного автора, греки по меньшей мере 9 раз подвергались насильственному выселению из мест своего исторического проживания. Исследователь также отметил, что в депортациях греков важную роль сыграли внешнеполитические импульсы, связанные с эволюцией советско-греческих отношений².

В 1939–1941 гг. в связи с присоединением к СССР ряда западных территорий депортации были подвергнуты отдельные группы населения Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии — представители прежних господствующих и имущественных классов — буржуазии, помещиков, национальной интеллигенции, сотрудники государственного аппарата управления, полиции, жандармерии, священнослужители — все, считавшиеся потенциально недовольными советской властью.

Выселения жителей западных регионов страны вызывают острые дискуссии в современной историографии. В ряду наиболее широко обсуждаемых вопросов — какие именно принудительные перемещения населения с территории Западной Украины, Западной Бело-

¹ Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. С. 65.

² Джуха И. Г. Указ. соч.; Его же. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; Его же. Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан... История репрессий против греков в СССР: греки на Колыме. СПб., 2010.

руссии и Прибалтики считать депортациями, а какие нет, поскольку факт насильственности в них отсутствовал. Так, В. С. Парсаданова не считает депортациями интернирование части польской армии в 1939 г., призыв жителей данных регионов в Красную армию, добровольный переезд безработных в Донбасс, на Урал и в другие места с целью найти работу, отселение из 800-метровой приграничной зоны, а также с территорий будущих укрепрайонов, полигонов и аэродромов, эвакуацию населения с началом Великой Отечественной войны. В данном случае она вступает в противоречие с некоторыми зарубежными и отечественными авторами, использующими расширительный подход к депортациям. В то же время, по мнению В. С. Парсадановой, «очищение городов и сел от враждебных элементов» следует отнести к депортации, т. к. это «мероприятие» распространялось на все категории подозреваемого слоя¹.

В западной, особенно польской историографии, как правило, говорится о четырех депортациях. Первой считают принудительный вывоз основной массы польских государственных служащих, аппарата местного самоуправления и «осадников» 10 февраля 1940 г. (высшие чиновники, офицеры и полицейские, политические деятели, помещики и капиталисты были арестованы еще осенью и зимой 1939 г.). Второй называют аресты и высылку «на трудпоселение» 13 апреля 1940 г. богатых крестьян-кулаков, части населения приграничья, семей уже репрессированных служащих польского государственного аппарата и аппарата местного самоуправления. Третьей — принудительный вывоз в июне–июле 1940 г. из западных областей СССР беженцев из центральной и западной Польши. Под четвертой депортацией — вывоз жителей Литовской ССР в июне 1941 г. Однако В. С. Парсаданова обоснованно возражает: «Иногда четвертой депортацией называют эвакуацию населения в начале Великой Отечественной войны, что абсолютно неверно»². Это мнение разделяют В. Земсков³ и В. Бруль⁴.

Острые разногласия вызывает и вопрос о масштабах репрессий против бывших польских граждан. В первых публикациях на данную

¹ Парсаданова В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 30–31.

² Там же. С. 31–32.

³ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 84.

⁴ Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ. С. 98–100.

тому в периодической печати эпохи «перестройки» назывались цифры, основанные на косвенных свидетельствах, без привлечения документов архивов, доступ к которым еще оставался ограничен. В частности, Р. А. Медведев в 1988 г. заявил о депортации в 1939–1940 гг. 2 млн поляков¹. Никаких ссылок или доказательств этому утверждению он не привел.

Первой серьезной специальной публикацией по рассматриваемому вопросу, основанной на архивных материалах, стала статья В. С. Парсадановой. Опираясь на документы Архива внешней политики СССР (сейчас — Архив внешней политики России), Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (сейчас — Российский государственный архив социально-политической истории) и ЦГАОР, она попыталась выявить численность переселенных бывших польских граждан из западных районов страны. Согласно ее данным, к январю 1941 г. были переселены 157 132 «осадников», 77 920 «беженцев» (всего 215 052 чел.)². Парсаданова также проследила взаимосвязь депортации поляков с советско-польскими взаимоотношениями.

В последующих публикациях приводятся данные о численности депортированных поляков, намного превосходящие указанные цифры. Так, сыктывкарский исследователь М. Б. Рогачев, ссылаясь на данные польских источников, пишет, что в ходе депортаций февраля 1940 — июня 1941 г. было вывезено на спецпоселение 1,1 млн чел., представлявших опасность для режима («осадники», «кулаки», чиновники, мелкие торговцы и ремесленники, интеллигенция), и 336 тыс. беженцев (в основном польских евреев)³.

По мнению А. В. Бакунина, в общей сложности из Западной Украины и Западной Белоруссии было депортировано 1 173 170 чел., из которых 318 564 чел. было направлено на работу в промышленность, и 100 005 чел. — в сельское хозяйство, что составляло около одной трети высланных. Из общего числа депортированных трудпоселенцы составляли 959 482 чел., «осадники» и «лесники» — 137 351 чел., «беженцы» — 76 347 чел.⁴

¹ Медведев Р. А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.

² Парсаданова В. С. Указ. соч. С. 32.

³ Рогачев М. Б. Польские могилы на Коми земле: судьбы депортированных в 1940 г. // Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар, 1993. С. 73.

⁴ Бакунин А. В. История Советского тоталитаризма. Кн. 2. Апогей. С. 125.

По данным В. М. Самосудова, к сентябрю 1941 г. из западных районов Украины и Белоруссии были выселены 389,3 тыс. поляков¹. В соответствии с подсчетами В. В. Сарновой, в результате операций 1940–1941 гг. было депортировано по разным оценкам от 320 до 380 тыс. польских граждан². М. Г. Степанов приводит цифру в 381 220 чел., ссылаясь на справку «О количестве расселенных спецпереселенцев-осадников и беженцев и семей репрессированных (высланных из западных областей УССР и БССР)» по состоянию на 1 августа 1941 г., хранящуюся в ГАРФ. В указанном документе приводятся следующие данные: 1. Бывших военнопленных — 26 160 чел.; 2. «Осадников» и «лесников» — 132 463 чел.; 3. Осужденных и подследственных — 46 597 чел.; 4. Беженцев и членов семей репрессированных — 176 000 чел. Итого: 381 220 чел.³

Н. Ф. Бугай указывает, что к августу 1940 г. с территории Украины были депортированы 88 262 «осадника» и «лесника», 32 314 членов семей репрессированных, 76 246 беженцев, 20 513 хозяйств из 800-метровой пограничной полосы⁴. К началу 1941 г. в двадцати областях и краях СССР проживало 131 938 депортированных «осадников» и «лесников» (по другим данным — 137 351 чел.), из которых поляки составляли 109 223 чел. Всего к этому времени из западных районов страны были вынуждены мигрировать 243 106 чел. (среди них старше 18 лет — 62 702 чел.). В Архангельской области расселилось 40 000 чел., в Иркутской — 11 000 чел., в Свердловской — 13 600 чел., в Молотовской (в настоящее время — в Пермской) — 9 142 чел., в Вологодской — 16 000 чел., в Красноярском крае — 9 243 чел., в Алтайском — 6 047 чел., в лагерях Казахстана — 46 547 чел.⁵ Н. Ф. Бугай также отмечает, что 30 июля 1941 г. амнистии ГКО СССР подлежали все польские граждане. Они получали право свободно проживать на территории, за исключением пограничных районов и запрет-

¹ Самосудов В. М. По сталинской «Владимирке»: Дополнение к книгам памяти жертв политических репрессий. Омск, 2001. С. 16.

² Сарнова В. В. Пребывание депортированных польских граждан на территории Новосибирской области (1940–1941) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX вв.: Материалы четвертой регион. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 293.

³ Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. С. 27.

⁴ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 77–78.

⁵ Бугай Н. Ф. Что это было? С. 5.

ных зон и местностей. Всего было освобождено 389 041 чел., из них 200 828 польских граждан¹.

В. Н. Земсков подверг резкой критике данные, приведенные Р. А. Медведевым. Опираясь на документы ГАРФ, он заявил, что они примерно в пять раз превосходят реальные масштабы трагедии поляков. В. Н. Земсков отмечает, что в 1940–1941 гг. было выселено не более 300 тыс. этнических поляков, остальные являлись евреями, украинцами, белорусами и представителями других национальностей. Всего в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике к 1940 г. проживало не менее 3 млн этнических поляков. Получается, что основная масса польского населения (порядка 90 %) не была депортирована. Поэтому В. Н. Земсков предлагает не рассматривать поляков как депортированный народ, а проведенную карательную акцию квалифицирует как «частичную этническую чистку»².

Возражает В. Н. Земсков и по поводу данных, приведенных В. С. Парсадановой об общем количестве депортированных из присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР западных регионов. Всего, по его мнению, с момента включения в состав СССР Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной и Северной Буковины и до начала Великой Отечественной войны из этих регионов было выслано почти 470 тыс. чел. (порядка 380–385 тыс. поляков и польских граждан и более 85 тыс. «антисоветского элемента» независимо от национальности)³.

Особый интерес вызывает статья А. Э. Гурьянова, посвященная четвертой массовой операции (май–июнь 1941 г.) по выселению в глубь страны больших групп населения с территорий, присоединенных к СССР после начала Второй мировой войны в соответствии с советско-германским пактом от 23 августа 1939 г. и договором от 28 сентября 1939 г. Автор проанализировал численность депортированных в ходе этой операции на основе материалов фонда Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР в ГАРФ, документов различных фондов конвойных войск НКВД СССР в Российском государственном военном архиве. А. Э. Гурьянов считает, что основное отличие рассматриваемой операции от других, проведенных в 1940 г., заключалось в дифференциации правового статуса различных категорий высылаемых, которые подверглись различным видам репрессий. В каждой из операций 1940 г. этот статус был однородным: спецпере-

¹ Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». С. 79.

² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 89.

³ Там же. С. 91.

селенцев-«осадников» и спецпереселенцев-беженцев (первая и третья операции) из западных областей УССР и БССР помещали в изолированные спецпоселки НКВД, а административно-высланных (вторая операция) расселяли под надзор НКВД в казахстанских колхозах, совхозах и рабочих поселках. Для перечисленных категорий высылаемых были предусмотрены три вида репрессий: содержание в ссылке под надзором в качестве ссыльнопоселенцев, содержание в лагерях военнопленных и содержание в исправительно-трудовых лагерях¹.

По подсчетам А. Э. Гурьянова, общее число вывезенных в исправительно-трудовые лагеря в мае–июне 1941 г. составило 105–110 тыс. чел. Наиболее достоверной ему представляется оценка в 106 тыс. чел.: 87 тыс. ссыльнопоселенцев и 19 тыс. заключенных ИТЛ². В результате он считает, что оценки, приводимые польской историографией (от 200 до 300 тыс. чел. и более) оказываются завышенными в пять–восемь раз. Исследователь предполагает, что не все высланные с указанных территорий сами считали себя польскими гражданами, даже если формально и были таковыми до 17 сентября 1939 г.: среди них, например, члены семей участников Организации украинских националистов, составлявшие, по донесениям УНКВД/НКВД регионов расселения, большинство среди ссыльнопоселенцев из западных областей УССР.

Другие исследователи предвоенных депортаций — О. А. Горланов и А. Б. Рогинский — обратили внимание на то, что масштабы репрессий на бывших польских землях в 1939–1941 гг. изучены лишь частично — в отношении массовых высылок населения. В то же время они отметили, что в отношении арестованных органами НКВД польских граждан определенной ясности не было: «Польские авторы в течение последнего полувека чаще всего приводили оценку в 250 тысяч арестованных и помещенных в лагеря ГУЛАГа, однако встречаются и другие оценки — как меньшие, так и большие (от 180 до 440 тысяч). Отечественные историки этой темой специально не занимались»³. О. А. Горланов и А. Б. Рогинский пришли к выводу, что аресты, произведенные НКВД на данных территориях, представляли собой

¹ Гурьянов А. Э. Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае–июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 137–140.

² Там же. С. 159.

³ Горланов О. А., Рогинский А. Б. Об арестах в Западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 77.

массовую операцию, требовавшую прямого контроля центрального руководства НКВД СССР и ВКП(б). Анализируя динамику арестов по «контрреволюционным преступлениям» в СССР, исследователи отметили, что в 1939 г. всего было арестовано 44 731 чел., при этом на долю Западной Украины и Западной Белоруссии приходится не менее 19 382 чел. (без учета арестованных особыми отделами), т. е. 43 %. В 1940 г. из 132 958 арестованных в СССР на Западную Украину и Западную Белоруссию (без арестованных особыми отделами) приходится 75 448 чел., что составляет 56 % всех арестованных¹.

В 1941 г. массовая операция в западных областях Украины и Белоруссии пошла на убыль. Общее число арестованных за первые шесть месяцев 1941 г. по стране составило 43 956 чел. В западных областях Украины и Белоруссии в январе–мае 1941 г. органами НКВД–НКГБ было арестовано 12 310 чел., т. е. 28 % от общего числа. В целом, по подсчетам О. А. Горланова и А. Б. Рогинского, с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. в СССР было арестовано всеми органами безопасности 206 646 чел., а доля Западной Украины и Западной Белоруссии в этом количестве составляет примерно 52 %².

Свое отражение получила и тема депортаций населения Прибалтики и Молдавии в предвоенный период. По подсчетам А. Э. Гурьянова, суммарная «эшелонная» оценка общей численности всех депортированных из Эстонии составила 6 328 чел., из Литвы – 17 501 чел. или 17 эшелонов³. Суммарная «эшелонная» оценка жителей Латвии, высланных в июне 1941 г. в ссылку на поселение, в лагеря военнопленных и непосредственно в исправительно-трудовые лагеря, дает 16,9 тыс. чел.⁴ Общую численность депортированных жителей Прибалтики в предвоенные годы А. Э. Гурьянов определил в 40 729 чел. В. Н. Земсков предлагает рассматривать данную депортационную операцию как частичную этническую чистку от «антисоветского элемента» Литвы, Латвии, Эстонии⁵. Е. Ю. Зубкова считает, что советские репрессии в Прибалтике нельзя рассматривать как проявление геноцида, поскольку здесь существовала другая логика действий, направленная на советизацию данного региона. Цель репрессий заключалась в том, чтобы сделать его политически лояльным, поэтому

¹ Горланов О. А., Рогинский А. Б. Указ. соч. С. 83–84.

² Там же. С. 85–87.

³ Гурьянов А. Э. Указ. соч. С. 149, 151.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 90.

изымались социальные группы, которые воспринимались как фактор, угрожающий устойчивости советского режима¹.

Большинство авторов указывает, что к 15 сентября 1941 г. в ссылку на поселение из Молдавии поступило 22 648 чел.² Иные данные приведены А. Э. Гурьяновым, указавшим, что ссыльнопоселенцы из Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей УССР были высланы в Казахскую ССР, Коми АССР, Красноярский край, Омскую и Новосибирскую области. Общую численность ссыльнопоселенцев из Молдавии во всех регионах расселения он определяет в 25 711 чел. в 29 эшелонах³.

Дискуссию в историографии вызывает вопрос о том, какими именно нормативными документами регламентировалось проведение депортаций в западных регионах СССР. А. Э. Гурьянов одним из первых поставил вопрос о существовании единого постановления, определявшего порядок и принципы выселения жителей Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Молдавии. Он отметил, что в распоряжении исследователей имеются лишь ведомственные документы НКВД, регламентировавшие порядок исполнения остающейся неизвестной директивы советского руководства. Несмотря на все усилия, историки до сих пор так и не обнаружили в архивах специального решения высших органов власти СССР, предписывавшего проведение этой высылки. Единственным исключением является совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР». Однако оно относится только к западным областям Украины и определяет разнообразные меры борьбы против ОУН, лишь вскользь упоминая в одном месте польские организации⁴.

Т. В. Царевская-Дякина указывает, что выселение жителей Прибалтики, «по более позднему признанию сотрудников НКВД–МВД СССР проводилось на основании решений Особого Совещания». Ссылаясь на справку, составленную в 1953 г., она пишет, что основанием для высылки из Прибалтики стало «распоряжение товарища Берии от 14 июня 1941 г., данное им в соответствии с указанием

¹ Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. М., 2008.

² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 90–91; Пассат В. И. Депортации из Молдавии // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 56 и др.

³ Гурьянов А. Э. Указ. соч. С. 153.

⁴ Там же. С. 143.

Правительства»¹. В. М. Самосудов также указывает на утверждение Л. П. Берией 14 июня 1941 г. плана-задания выселений «кулаков» и прочих антисоветских элементов из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР. Согласно этому плану, уже к концу июня 1941 г. из Прибалтийских республик и Молдавии на спецпереселение были вывезены 85,7 тыс. чел.² Однако М. Г. Степанов отмечает, что в настоящий момент известен только проект Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» от 16 мая 1941 г. Когда и кем был он утвержден, остается для исследователей неясным³.

В. Бруль проанализировал факторы, повлиявшие на принудительное выселение жителей западных регионов СССР в 1939–1940 гг. Отметив, что с началом Второй мировой войны депортации приняли «массовый и непрерывный характер», он указал на необходимость учитывать следующие факторы: «1) Мало кто сомневался в неизбежности войны между Германией и СССР. С точки зрения советского руководства, приграничные районы следовало очистить от сомнительных и нелояльных элементов; 2) на проведение традиционного набора мероприятий по советизации населения времени было отведено в несколько раз меньше, чем во внутренних районах в 1920–1930-е гг. Это заставляло торопиться, прибегать к крайностям»⁴.

По мнению В. Н. Земскова, существовала определенная альтернатива «пограничным зачисткам» — образование «буферных» национальных автономий в ряде приграничных районов СССР: польской автономии — на Украине, турецкой — в Грузии, курдской — в Азербайджане, корейской — на Дальнем Востоке и т. д. Такой путь, по мнению исследователя, с любой точки зрения (политической, социальной, гуманитарной и др.), несомненно, принес бы государству больше пользы, нежели «зачистки» с их болезненными последствиями, дающими о себе знать и по сей день⁵.

¹ История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собр. документов в 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 55.

² Самосудов В. М. По сталинской «Владимирке»: Дополнение к книгам памяти жертв политических репрессий. С. 18–19.

³ Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. С. 32.

⁴ Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ. С. 98.

⁵ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 76–77.

Условиям жизни депортированных граждан в местах принудительной ссылки посвящен целый ряд документальных публикаций, а также общих и специальных исследований. Многие из них выполнены на материалах Сибири — региона, ставшего одним из главных мест ссылки репрессированных народов. В связи с этим выделяется сборник документов «1940–1956. Невольные сибиряки», в котором немало внимания уделено не только расселению, трудоустройству и материально-бытовым условиям жизни граждан, депортированных из западных районов СССР, но и их численности, национальному составу, районам расселения. Особый интерес представляет публикация статистических сводок органов внутренних дел по разным районам¹.

С. А. Папков отметил изменения в составе сибирских ссылных под влиянием этнических депортаций довоенного времени: «В 1940–1941 годах Сибирь стала одним из основных регионов страны, куда были заброшены десятки тысяч депортированных граждан Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. С этого периода сибирская ссылка теряет преимущественно крестьянский (“кулацкий”) характер и становится частью этнической ссылки»².

Численность спецпоселенцев и условия их жизни в Томской области рассмотрены в монографии В. Н. Уйманова³. Депортация «неблагонадежного» населения в Омскую область получила отражение в работе Л. В. Алексеевой⁴. Новые данные о депортации поляков в Красноярский край приведены Е. Л. Зберовской⁵. Указав, что в данном регионе на спецпоселении оказалось свыше 22 тыс. выходцев из

¹ 1940–1956. Невольные сибиряки: Сб. документов и материалов. Томск, 2001.

² Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997. С. 247–248.

³ Уйманов В. Н. Репрессии: как это было (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х гг.). Томск, 1995. С. 23.

⁴ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 190.

⁵ Зберовская Е. Л. Польские спецпереселенцы в Красноярском крае (1940–1945 гг.) // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: Материалы науч.-практ. конф., г. Красноярск, 4–5 ноября 2003 года. Красноярск, 2004. С. 185–186.

Западной Украины и Западной Белоруссии, она отметила: «Это был самый высокий показатель размещения спецконтингентов по Сибирскому региону, принявшему в целом около 80 тысяч бывших польских граждан»¹.

Процесс депортации бывших польских граждан в Северо-Западную Сибирь в период Второй мировой войны стал предметом рассмотрения в диссертационном исследовании Л. Ф. Гизатуллиной. Автору удалось проанализировать репрессивную политику партии и государства в отношении отдельных народов; выявить этапы и технологии вынужденных переселений; показать районы расселения депортированных в Северо-Западной Сибири и их содержание в условиях спецкомендатур; реконструировать картину жизни и быта спецпереселенцев².

Таким образом, ввод в научный оборот рассекреченных документов органов НКВД–МГБ–МВД СССР и других архивных материалов позволил исследователям определить масштаб первых этнических депортаций 1937–1941 гг. Существующие разногласия во многом определяются использованием различными исследователями разных документов. Нередко они исходят от одних и тех же инстанций, но отличаются по срокам и, соответственно, содержат разные количественные данные. Наиболее острые дискуссии вызывает определение масштаба депортаций из западных регионов, вошедших в состав СССР в 1939–1941 гг. Поэтому особенно актуальным представляется дальнейшая совместная разработка так называемой польской проблемы, часто превращающейся в предмет политического давления на межгосударственном уровне.

3.3. Принудительное выселение народов СССР в 1941–1945 гг. и его итоги

В годы Великой Отечественной войны в СССР продолжились депортации народов. В начале войны принудительному выселению подверглись компактно проживавшие национальные группы, рассматривавшиеся в качестве возможной «пятой колонны» в советском тылу. 28 августа 1941 г. была ликвидирована Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья. Немецкое население выселялось на восток: в Республику Коми, на Урал, в Казахстан,

¹ Зберовская Е. Л. Указ. соч. С. 186.

² Гизатуллина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

Сибирь и на Алтай, частично немцев отзывали также из действующей армии. В 1942 г. началась мобилизация советских немцев в возрасте с 17 лет в рабочие колонны на строительство заводов, работу на лесозаготовках и в рудниках. Были выселены и представители других народов, страны которых входили в фашистскую коалицию — венгры, болгары, финны. Их также направляли в Сибирь (Алтайский край) и Казахстан.

После освобождения советской территории от нацистской оккупации в 1943–1944 гг. по обвинению в сотрудничестве с противником бессрочной высылке в Казахстан и Среднюю Азию подверглись калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары. Депортации также в годы войны подверглись турки-месхетинцы, понтийские греки, корейцы. Уже по завершению войны в августе–сентябре 1945 г. из Маньчжурии депортировали китайцев, японцев и русских эмигрантов. В конце 1940 — начале 1950-х гг. выселению подвергались жители Прибалтики и Западной Украины за содействие участникам антисоветского сопротивления.

Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны стали предметом изучения многих современных российских историков. Общий взгляд на рассматриваемую проблему представлен в работах Н. Ф. Бугая, М. А. Вылцана и других авторов¹. Р. Р. Баев и А. Е. Епифанов рассмотрели организационные и юридические аспекты депортации из Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма, а также положение спецпоселенцев в 1943–1956 гг.²

Депортация немцев получила осмысление в работах Н. Ф. Бугая, Н. Э. Вашкау, А. А. Германа, А. Н. Кичихина, А. Н. Курочкина и других авторов³. В частности, Н. Ф. Бугай выделил три этапа депортации

¹ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»; Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44; и др.

² Баев Р. Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; Баев Р. Р., Епифанов А. Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007.

³ Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11; Кичихин А. Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; Малиновский Л. В. История немцев в России. Барнаул, 1996; Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы в трудовой армии (1941–1945). М., 1998; Линец С. И. К вопросу о судьбе советских немцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Проблемы этнополитических отноше-

немцев: 1) с 28 августа — по 28 октября 1941 г. — с начала массовой депортации до конца операции; 2) июль 1942 г. — перемещение немцев в регионе, куда они были перевезены; 3) 1945 г. — переселение немцев с территории, освобожденной РККА, а также советских немцев-репатриантов, прибывших из-за рубежа¹.

Особое внимание в историографии уделяется выселению немцев из районов Поволжья в 1941 г. как самой массовой этнической депортации за всю историю советского государства. Современные историки, опираясь на документы ГАРФ, определили масштабы депортации немецкого населения из районов Поволжья. Согласно оценкам Н. Ф. Бугая, количество депортированных составило 446 480 чел.² Аналогичных оценок придерживается и В. Н. Земсков³. По подсчетам А. А. Германа, количество депортированных немцев Поволжья составило 446 112 чел.⁴

Помимо Поволжья немцы выселялись и из других регионов страны: 149 206 чел. — из Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, а также Тульской области; 79 569 чел. — из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей; 46 706 чел. — из Саратовской области; 46 356 чел. — из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР; 38 288 чел. — из Ростовской области; 26 245 чел. — из Сталинградской области; 11 тыс. чел. — из Ленинграда и Ленинградской области; 8 787 чел. — из Куйбышевской области; 8 640 чел. — из Москвы и Московской области; 7 306 чел. — из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР; 5 965 чел. — из Калмыцкой АССР, 5 308 чел. — из Воронежской области, 3 384 чел. — из Днепропетровской области; 3 162 чел. — из Горьковской области; 2 233 — из Крыма. Всего за годы войны на спецпоселение поступило 949 829 советских немцев⁵. Большинство из них оказались в 1941 г. на спецпоселении в Казахстане и Сибири. Приводимые цифры не вызывают разногласий историков.

ний на Северном Кавказе. Сб. науч. ст. Ростов н/Д; Пятигорск, 2001; Плехотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002; и др.

¹ Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 175, 177.

² Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 137.

³ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 94.

⁴ Герман А. А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов, 2004. С. 367.

⁵ Баев Р. Р., Елифанов А. Е. Указ. соч. С. 30.

По данным А. А. Шадта, в Западную Сибирь к 5 ноября 1941 г. прибыло 77 259 немцев из районов Поволжья¹. Т. Б. Смирнова считает, что в 1941–1942 гг. в Западную Сибирь было депортировано 317,9 тыс. чел., что составило 40 % от всех депортированных немцев². Согласно Л. П. Белковец, численность депортированных в Сибирь немцев к 1 января 1942 г. составила 397 086 чел. из общего числа в 749 350 чел., переселенных за Урал³. По мнению В. И. Бруля, всего в Западную Сибирь было депортировано около 400 тыс. немцев: «Их расселили дисперсно, почти всех в сельской местности»⁴.

Процесс депортации немцев из Поволжья в Томскую область получил отражение в работе В. Н. Уйманова⁵, в Омскую область — в монографии Л. В. Алексеевой⁶. Е. Л. Зберовская утверждает, что в сентябре–октябре 1941 г. в Красноярский край из Поволжья прибыло свыше 75 тыс. чел. Также она обратила внимание на вторичную депортацию немецкого населения — переселение в 1942 г. немецких семей на рыбные промыслы в районы Крайнего Севера. Большой опыт проведения подобных акций в предшествующий период позволил властям довольно быстро переместить значительные людские резервы к новым местам жительства. Только с мая по июль 1942 г. в северных районах края оказалось 6 312 поволжских немцев⁷.

¹ Шадт А. А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Материалы междунаrod. науч. конф., Анапа, 26–30 сентября 1997 г.). М., 1998. С. 319.

² Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX — начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы. Автореф. Дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. С. 22.

³ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Новосибирск, 2003. С. 45.

⁴ Бруль В. И. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региoна в 1920–1950 гг. // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 287.

⁵ Уйманов В. Н. Репрессии: как это было (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х гг.). С. 23–24.

⁶ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 145.

⁷ Зберовская Е. Л. Трудармия и вторичная депортация немцев в Красноярском крае в 1940-е годы // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Тезисы междунаrod. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. Красноярск, 2004. С. 32.

Дискуссию вызывает вопрос о том, какой нормативно-правовой акт положил начало депортации российских немцев. В 1991 г. Н. Ф. Бугай назвал в качестве данного документа Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060сс от 12 августа 1941 г., заметив, что оно пока не найдено. Эта точка зрения получила широкое распространение в российской исторической и историко-правовой науке. Например, А. Н. Яковлев выразил твердую уверенность в том, что первое решение о депортации немцев Поволжья было принято именно 12 августа 1941 г.¹ Этой же позиции придерживаются Р. Р. Баев и А. Е. Епифанов². В. Н. Земсков в своей монографии также ссылается на данный документ, отметив, что позже, 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о переселении всего «немецкого населения, проживающего в районах Поволжья»³.

Однако А. А. Герман, изучив протоколы заседаний и «особые папки» Политбюро ЦК ВКП(б) за 1941 г., утверждает, что никакого специального постановления от 12 августа 1941 г. о немцах Поволжья не существовало. Ни в этот день, ни накануне, ни позже, вплоть до 26 августа, вопрос о депортации поволжских немцев на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) вообще не рассматривался. Постановление под указанным номером было принято только через месяц, 12 сентября 1941 г. и называлось «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». Поэтому Герман считает, что первым документом, «поставившим крест на судьбе Республики Немцев Поволжья, стало постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. “О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской, Сталинградской областей в другие края и области”»⁴.

Л. П. Белковец считает, что саму ликвидацию АССР Немцев Поволжья как самостоятельного национально-территориального образования в составе РСФСР и упразднение республиканских органов власти следует признать актом неправового характера. Она обращает внимание на игнорирование не только конституции самой автономии, предусматривавшей возможность изменения территориальной целостности только при получении согласия ее высших органов, но и Конституции РСФСР 1937 г. Противоправным явилось и «лишение граждан СССР немецкой национальности права личной собствен-

¹ Яковлев А. Н. Крестосев. М., 2000. С. 215.

² Баев Р. Р., Епифанов А. Е. Указ. соч. С. 28.

³ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 92.

⁴ Герман А. А. Указ. соч. С. 352.

ности. Большая часть имущества, сданного немцами на местах выселения, не была возвращена, и потеря его списана на войну»¹.

О. Е. Скучаева полагает, что фактически ликвидированная в августе 1941 г. АССР немцев Поволжья юридически не прекратила своего существования, поскольку не было принято специального правового акта об ее ликвидации. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» ничего не говорилось об уничтожении государственности поволжских немцев. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей республики немцев Поволжья» делил территорию АССР немцев Поволжья между Саратовской и Сталинградской областями, но также не говорил об ее окончательной ликвидации. К тому же Президиум Верховного Совета СССР вообще не имел права ликвидировать автономную республику².

Авторами первых работ о депортации калмыков являлись Н. Ф. Бугай и В. Б. Убушаев³. Они раскрыли демографические последствия принудительного переселения калмыков, обстоятельства их жизни в местах ссылки. В указанных работах были впервые приведены данные о численности калмыков-спецпереселенцев. Н. Ф. Бугай писал, что в конце 1943 г. было депортировано 91 919 калмыков⁴. В феврале 1944 г. в Сибири в Казахстане были расселены 92 983 чел.: в Новосибирской области — 16 436, в Томской — 1 848, в Красноярском крае — 24 998, в Алтайском — 22 212, в Казахской ССР — 2 268 калмыков⁵. В марте 1944 г. были выселены калмыки из Ростовской и Астраханской областей, в апреле 1944 г. — из Сталинградской области. Всего, по оценкам К. Н. Максимова, к середине 1944 г. было выселено 99 252 калмыка, а с учетом солдат и офицеров действующей армии депортации подверглось 110 тыс. чел.⁶ В. А. Кышпанакоев приводит

¹ Белковец Л. П. Указ. соч. С. 174–175.

² Скучаева О. Е. «Немецкий вопрос» в Поволжье (1941–1993 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 23–24.

³ Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991; и др.

⁴ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 139.

⁵ Бугай Н. Ф. Что это было? С. 10.

⁶ Максимов К. Н. Указ. соч. С. 267.

данные о численности калмыков, депортированных в Хакасскую автономную область, их расселении и хозяйственном обустройстве¹.

Юридические аспекты проблемы депортации и реабилитации калмыцкого народа раскрыты в кандидатской диссертации К. В. Убушаева. Он изучил законодательную базу, которой руководствовались репрессивные органы при проведении операции, ввел в научный оборот значительное количество документов НКВД, материалы архивно-следственных дел, служебную переписку, воспоминания участников событий. В результате автор пришел к выводу, что в отношении калмыцкого народа осуществлялась политика геноцида².

Первой специальной работой, позволившей оценить демографические последствия депортации народов Северного Кавказа, стала статья В. И. Котова³. Позже данная тема стала предметом диссертационного исследования А. М. Гонова⁴. А. С. Хунагов рассмотрел вопросы депортации народов юга России на материалах Краснодарского и Ставропольского краев⁵. В диссертации В. Е. Мартианова показана роль органов государственной безопасности Кубани в реализации депортационных мероприятий в данном регионе⁶.

Рассматриваемые вопросы нашли отражение в новых обобщающих работах по истории отдельных республик Северного Кавказа⁷,

¹ Кышпанакоев В. А. Изгнанные народы (О депортации советских немцев и калмыков в Хакасскую автономную область в 1941–1945 гг.) // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. Абакан, 1995. С. 55–61.

² Убушаев К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

³ Котов В. И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994.

⁴ Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: Дисс. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998.

⁵ Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов Юга России, 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999; и др.

⁶ Мартианов В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 годы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1998. С. 20.

⁷ История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007; История Чечни с

работах по истории региона в годы Великой Отечественной войны¹, в значительном количестве специальных исследований. К настоящему времени раскрыт масштаб принудительных выселений северокавказских народов, определена их общая численность при отправке в вынужденную ссылку. Согласно опубликованным данным, всего с Северного Кавказа было переселено в восточные районы страны 608 749 ингушей, чеченцев, немцев, карачаевцев, балкарцев и представителей других народов².

Отдельные авторы видят в репрессиях против народов Кавказа продолжение прежней имперской политики России. Так, Б. Б. Закриев отмечает, что репрессии советской власти против народов Северного Кавказа в 30–40-е годы в целом и депортация некоторых из них в Среднюю Азию и Казахстан в особенности «не были порождением только сталинской эпохи». По его словам: «Это изуверское изобретение принадлежит Екатерине II и наместнику Кавказа в 1816–126 гг. А. П. Ермолову»³. Подобный весьма избирательный компаративизм служит обоснованием идеологизированной концепции о постоянном и неизбежном противостоянии России и народов Кавказа.

Депортации карачаевцев были посвящены труды А.-Х. и Р. Кушетеровых, К. Чомаева, коллективная работа И. Шаманова, Б. Тамбиевой и Л. Абрековой, работы З. Борлаковой и других исследователей⁴. Значительное место данной проблеме отводилось в монографии А. Д. Койчуева, посвященной истории Карачаевской автономной

древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008; и др.

¹ Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа); Баликов Т. М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000; Малышева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп, 2000; и др.

² Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. С. 140; Земсков В. Н. Указ. соч. С. 105.

³ Закриев Б. Б. Депортация чеченцев: от А. П. Ермолова до И. В. Сталина // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. С. 261.

⁴ Кушетеров Р. М. Насилие. Черкесск, 1993; Кушетеров Р. М., Кушетеров А.-Х. У. Депортация. Ставрополь, 1994; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999; Борлакова З. М. Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. // Вестник Карачаево-

области в годы Великой Отечественной войны¹. Принудительное выселение балкарцев стало предметом изучения Д. В. Шабаева и Х.-М. А. Сабанчиева². В диссертации Э. А. Аджиевой и ряде других работ рассмотрены в комплексе вопросы депортации карачаевцев и балкарцев, как родственных народов³.

Согласно Н. Ф. Бугаю, ссылающемуся на документы НКВД СССР, в ноябре 1943 г. депортации подверглось 65 842 карачаевцев⁴. В другой своей работе он указывает 68 938 чел. (14 774 семьи)⁵. В. Н. Земсков определяет численность выселенных карачаевцев в 68 327 чел.⁶ Вместе с ними в Казахстан и Среднюю Азию попали 37 тыс. балкарцев.

Начало изучению депортации чеченцев и ингушей в современной отечественной историографии положила статья Н. Ф. Бугая⁷. Затем разработка проблемы прервалась, в основном по политическим причинам, и продолжилась уже в 2000-е гг. в диссертациях Р. С. Агиева и Л. Я. Арапхановой⁸, совместной работе Мусы М. и Мовсура М. Иб-

Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. С. 6–19; и др.

¹ Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998.

² Шабаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994; Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; Его же. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е — начало XXI в.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007; и др.

³ Аджиева Э. А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дисс. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001; Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002; и др.

⁴ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. С. 140.

⁵ Бугай Н. Ф. Что это было? С. 9.

⁶ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 105.

⁷ Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7.

⁸ Агиев Р. С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002; Арапханова Л. Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства (на примере ингушского народа): Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002.

рагимовых, обобщающих трудах¹. Всего выселение должно было затронуть 310 630 чеченцев и 81 100 ингушей². В оценке фактической численности репрессированных чеченцев и ингушей исследователи обычно ссылаются на доклад Л. П. Берия И. В. Сталину, в котором говорилось о выселении 478 479 чел., в том числе 91 250 ингушей³. В Казахскую ССР направили 239 768 чеченцев и 78 470 ингушей, в Киргизскую ССР — 70 097 чеченцев и 2278 ингушей. Небольшие группы чеченцев и ингушей были переселены в Узбекскую ССР, Иркутскую область и другие регионы⁴. Более высокую цифру переселенцев назвал А. А. Аслаханов, оценивший их численность в 700 тыс. чел.⁵ Между тем, согласно имеющимся документам, накануне войны в Чечено-Ингушской АССР проживало всего 731,7 тыс. чел., в том числе 387,8 тыс. чеченцев, 75 тыс. ингушей⁶.

Н. Ф. Бугай указывает, что из Крымской АССР в 1944 г. было переселено 191 088 крымских татар⁷. По данным В. А. Бердинских, из Крыма вывезли 191 014 крымских татар (более 47 тыс. семей), а также несколько тысяч крымских болгар, греков и армян. Основную массу — 151 083 крымских татар — отправили в Ташкентскую, Самаркандскую, Андижанскую и Ферганскую области Узбекской ССР. По плану там следовало расселить 70 тыс. чел., но фактически расселили в два с лишним раза больше⁸.

¹ Чеченцы: история и современность. М., 1996; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003; и др.

² Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. С. 140.

³ Так это было: национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы. Т. 2. С. 82; Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 106; Бурзаканов Я. У., Бегуев С. А. Подготовка и реализации акции по депортации чеченцев и ингушей 1944 г. // Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. С. 133; и др.

⁴ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 107.

⁵ Аслаханов А. А. Чеченская республика в контексте современной национальной политики России // Культура Чечни: история и современность. М., 2002. С. 457.

⁶ Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 90.

⁷ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. С. 138.

⁸ Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов России. С. 650–651.

Депортации греков в период Великой Отечественной войны посвящены работы Н. Ф. Бугая и А. Н. Коцониса¹, а также труды вологодского исследователя И. Г. Джухи, содержащие наиболее полную характеристику рассматриваемой проблемы². Исследователь выделяет следующие «волны» депортаций греков: в 1941 г. — из Крыма — греков, состоявших в родстве с немцами; в 1942 г. — с Черноморского побережья Краснодарского края, из ряда районов и станиц Ростовской области, Керчи и Азербайджана; в 1944 г. — из Крыма³.

В оценке численности депортированных греков разные исследователи существенно расходятся. Так, А. Попов указывает, что в 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской области в Сибирь, Северный Казахстан и на Дальний Восток были выселены 1 402 чел., имевших греческое гражданство. В 1944 г. были высланы еще 8,3 тыс. чел. как «иностранцы без гражданства» в Среднюю Азию⁴.

А. Н. Коцонис писал о невозможности установить точные данные о количестве греков, подвергшихся в СССР репрессиям и депортациям, поскольку в документах НКВД они указывались «в общих цифрах выселенных народов». Например, в октябре 1946 г. в спецпоселениях НКВД СССР числилось «крымских татар, болгар, греков — 193 959 чел.» На основе косвенных оценок имевшихся документов и материалов А. Н. Коцонис предположил, что эта цифра могла достигать 100 тыс. чел., хотя, по его словам, «некоторые лидеры греческого национального общественного движения» считали, что число жертв в 1937–1951 гг. составляло 300 тыс. чел.⁵

И. Г. Джуха называет более точную численность греков, депортированных в 1940-е гг. — 62 тыс. чел. Согласно его подсчетам в 1942 г. было депортировано около 8 тыс. чел., в 1944 г. — еще 15 тыс. чел.

¹ Коцонис А. Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997; Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999; и др.

² Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР; Его же. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг.; Его же. Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан... История репрессий против греков в СССР: греки на Колыме.

³ Джуха И. Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. С. 65.

⁴ Попов А. Понтийские греки // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 2 (сентябрь 2000). Краснодар, 2000. С. 106.

⁵ Коцонис А. Н. Депортация греков Кавказа. С. 10.

После войны, в 1949 г. с Черноморского побережья, Кубани и Азербайджана выслали около 37,5 тыс. чел. Еще примерно 1,5 тыс. чел. были депортированы в разное время с 1937 по 1951 г.¹

Вместе с греками в годы Великой Отечественной войны принудительным переселениям подвергались также болгары и армяне. Как правило, их депортации, как и представителей других, менее крупных этнических общностей в военные годы, упоминаются в общих работах российских историков. Так, Н. Ф. Бугай приводит данные о переселении из Тбилиси в конце марта 1944 г. 606 семей — 3 240 курдов и азербайджанцев. Согласно приводимым сведениям 15 ноября 1944 г. еще три эшелона с 26 591 переселенцем были отправлены на восток страны. За 10 дней из южных районов Грузии вывезли 91 095 чел. Последний эшелон с 605 семьями переселенцев ушел из Тбилиси в Узбекистан 31 января 1945 г. Общую численность данной группы спецпереселенцев Н. Ф. Бугай, ссылаясь на документы ГАРФ, определяет в 94 995 чел., включая 8 694 курда, 1 385 хемшинов, а также военнослужащих, принадлежавших к другим этническим меньшинства Грузии².

Немаловажное внимание в современной историографии уделяется и значению депортаций советских народов. Н. Ф. Бугай в одной из первых публикаций на данную тему отмечал, что, прежде всего, был нанесен заметный удар дружбе народов, интернационализму, всем принципам «ленинской национальной политики». По его словам: «Заметный урон понесла культура народов, возникли сложности в советском и партийном строительстве, падал авторитет Советов как органов государственной власти, были деформированы принципы национально-государственного строительства, попоран суверенитет республик и автономных областей, нарушены права народов на их свободное развитие»³.

Исследователи указывают на такие негативные последствия принудительного переселения народов, как изменение общей численности и этнодемографической структуры населения отдельных регионов СССР. В совокупности с изменением административно-территориальных границ оно заложило основы для новых межнациональных конфликтов, проявившихся на Северном Кавказе уже в 1990-е гг.

¹ Джуха И. Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. С. 499.

² Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века). С. 91–92.

³ Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. С. 142.

В историографии также отмечается, что депортация отрицательно сказалась на развитии советской экономики: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. Исследователи сходятся в том, что вместо экономической выгоды, связанной с приобретением массы дешевых рабочих рук, страна понесла колоссальные потери. По словам В. А. Бердинских: «Иначе как преступным расточительством ресурсов нации это назвать нельзя»¹. По мнению В. А. Исупова, переселение немцев было нецелесообразно ни с экономической, ни с военной точек зрения².

Немало внимания российские историки уделяют и дальнейшей судьбе выселенных народов. Исследователи охарактеризовали трудовую деятельность спецпереселенцев в ссылке, которую они вели, несмотря на тяжелые условия жизни, ограничения в правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Принудительные переселения привели к резким изменениям в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура³. В историографии отмечается, что «насильственное вживание в чужеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип»⁴.

Современные авторы доказывают, что в результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. К. Т. Лайпанов отметил, что почти половина депортированных карачаевцев погибла от голода и болезней⁵. Однако при этом он не привел ссылок на соответствующие источники. З. Х. Текеева также акцентировала внимание на катастрофическом положении депортированных карачаевцев в местах ссылки⁶. Э. А. Аджиева счи-

¹ Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. С. 19.

² Исупов В. А. Третий фронт: спецпереселенцы в годы войны // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 1. Новосибирск, 1991 С. 54.

³ См.: Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г.; и др.

⁴ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 16.

⁵ Лайпанов К. Т. О депортации карачаевцев // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 77.

⁶ Текеева З. Х. О трудовой деятельности карачаевцев-спецпереселенцев // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 105.

тает, что на востоке страны были преднамеренно «созданы условия для вымирания от голода» целых народов¹. Ей возражает И. В. Пыхалов, полагая, что сознательного уничтожения депортированных народов не было, а причины снижения численности спецпоселенцев оказались связаны с послевоенным голодом: «В этих условиях государство должно было в первую очередь заботиться о лояльных гражданах, а чеченцы и прочие поселенцы во многом оказались предоставлены сами себе»².

А. А. Шадт пришел к выводу о том, что никакие экономические, политические и социальные обстоятельства не могут оправдать изоляцию этноса, понижение правового статуса, разрушение национального самосознания, культуры, человеческие потери. Подобная практика является противозаконной и антигуманной и не имеет права на существование³. Л. П. Саганова обратила внимание на то, что условия жизни спецпереселенцев-немцев полностью зависели от местных властей, финансового и хозяйственного положения в регионе, а также от климатических условий⁴. Л. П. Белковец указала на катастрофическое положение с обеспечением переселенцев жильем: «Приходится признать также, что значительное число домов и квартир, подготовленных к вселению в них, значились только на бумаге»⁵.

В. Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей⁶. Он попытался осмыслить

¹ Аджиева Э. А. Указ. соч. С. 60.

² Пыхалов И. За что депортировали народы во время войны? URL: http://www.info-ru.com/ru/news/news_detail.php?ID=24792 (дата обращения 13.06.2009).

³ Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 28.

⁴ Саганова Л. П. Указ. соч. С. 9.

⁵ Белковец Л. П. Указ. соч. С. 76–77.

⁶ Шнайдер В. Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С. 191.

социокультурные основания депортации, ее влияние на менталитет репрессированных народов, формирование у них самоощущения «народов-изгоев». И. Алиев также отмечает, что у карачаевцев сформировался «синдром страха и недоверия к властям», настолько сильный, что, например, многие семьи даже положенную им ссуду после реабилитации не стали брать у государства: «неизвестно, во что это еще потом выльется»¹.

А. А. Шадт, обратившись к проблеме трансформации этнического самосознания российских немцев в условиях ссылки, писал, что они, «существуя в условиях давления массового тоталитарного сознания и будучи его носителями, в результате депортации оказались в состоянии конфликта сознаний — тоталитарного, советского и этнического»². Жизнь в условиях ссылки, «давление инокультурных ценностей снизу и идеологических установок сверху, привели к практически полной трансформации этнического самосознания российских немцев. Часть из них “растворилась” в советском народе, часть, сохранившая этническое самосознание на личном уровне, в дальнейшем выехала за пределы страны»³.

Л. П. Саганова, обратившись к последствиям репрессий для немцев, отметила: «Проживание в режиме спецпоселения не могло не отразиться на численности, национальном самосознании народа, повлекло за собой утрату, в первую очередь, языка и культурного наследия, был нанесен ущерб генофонду». В этих условиях, по ее мнению, этническая идентификация немцев подверглась существенному изменению, что привело «одних к окончательной потере своих этнических корней, других — к их сохранению без владения основами национальной культуры»⁴.

Гендерное измерение депортации калмыков предложила Э.-Б. М. Гучинова. Она пришла к выводу о том, что смена гендерных ролей стала одним из способов выживания калмыцких спецпереселенцев «в экстремальных условиях, когда главой семьи в отсутствие

¹ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев. С. 25.

² Шадт А. А. Трансформация этнического самосознания российских немцев в условиях этнической ссылки (1940–1950-е гг.) // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Материалы междунар. науч. конф., г. Красноярск. 13–16 октября 2004 г. Красноярск, 2005. С. 128.

³ Там же. С. 133–134.

⁴ Саганова Л. П. Указ. соч. С. 23.

мужей-фронтовиков становилась женщина»¹. Дисперсность расселения после депортации и общность экстремального опыта привели к тому, что этническая идентичность стала доминировать над локальными формами самосознания².

А. А. Шадт подчеркнул, что советская национальная политика стала инструментом государственного давления на этнические группы с целью создания однородного советского «суперэтноса» («советского народа»)³. В результате этнических депортаций в 1940-е гг. трансформировалась система спецссылки, что позволяет говорить о формировании нового, особого института спецпоселения — «этнической ссылки». Под этнической ссылкой А. А. Шадт понимает «систему расселения депортированных по этническому принципу народов с установлением административного надзора со стороны специально уполномоченных органов, включающую в себя правовые ограничения с целью наказания и/или предупреждения политических преступлений в их среде. Этническая ссылка предполагала экономическое использование трудовых и демографических ресурсов депортированных, их укрепление на новых местах жительства»⁴. По мнению А. А. Шадта, «этническая ссылка привела к необратимым последствиям в менталитете депортированных этносов, вызвала разрушение национальных самобытных культур, оказалась мощным механизмом деструктивного воздействия на национальное самосознание этносов»⁵.

Более сдержанную оценку депортации немцев содержит работа Л. П. Белковец. Она считает, что насильственная и противоправная депортация немцев Поволжья была организована «профессионально, в целом переселение было проведено в сравнительно короткие сроки. Большинство эшелонов прибыло в пункты назначения в сентябре,

¹ Гучинова Э.-Б. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX веке): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 29.

² Там же. С. 44.

³ Шадт А. А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 225.

⁴ Там же. С. 229–231

⁵ Шадт А. А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004. С. 217–218.

еще при достаточно теплой погоде. Запломбированных вагонов не было, переселенцы выходили на станциях»¹.

В тесной связи с проблемой депортации советских немцев исследователи рассматривают и вопросы создания и деятельности «трудовой армии». По данным В. Н. Земскова, всего за время войны в рабочие колонны или в «трудовую армию» было мобилизовано свыше 400 тыс. чел., в подавляющем большинстве — советских немцев, они содержались в лагерях ГУЛАГа («специальных зонах»), но не в качестве заключенных, а в качестве трудармейцев. Для немцев-мужчин призывных возрастов это была альтернатива воинской службе и отправке на фронт².

В. И. Бруль отметил, что большинство мобилизованных в Сибири направлялись в рабочие колонны далеко за пределы данного региона. В Сибирь же, наоборот, привозили немцев из Казахстана и Средней Азии. Исследователь предположил, что целью этих перемещений являлось сокращение числа побегов из «трудармии»³. Однако, анализируя материалы сибирских архивов, Л. П. Белковец пришла к выводу о том, что никаких признаков социальной активности немецкого населения в связи с мобилизацией в «трудармию» практически не наблюдалось. Даже случаев дезертирства у мобилизованных немцев было гораздо меньше, чем у других категорий мобилизованного на оборонные предприятия населения⁴.

Проблема трудовой мобилизации на Урале получила отражение в диссертационном исследовании В. М. Кириллова. Он показал использование в качестве бесплатной рабочей силы заключенных и проведение массовой принудительной мобилизации населения Узбекистана, Туркмении, Казахстана, Чувашии, Мордовии, депортированных советских немцев и поляков, жителей Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики. Вместе с тем автор подчеркнул, что в строительные колонны направлялись и другие категории населения — лица, имевшие родственников за границей, находившиеся в окружении и плену, уничтожившие военные и партийные документы, находившиеся в

¹ Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Новосибирск, 2003. С. 54.

² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 95.

³ Бруль В. И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Материалы международ. науч. конф., Анапа, 26–30 сентября 1997 г.). М., 1998. С. 341.

⁴ Белковец Л. П. Указ. соч. С. 162.

связи с дезертирами или пытавшиеся дезертировать, спецпоселенцы и репатриированные¹. Г. Я. Маламуд пришел к выводу о том, что в процессе использования труда мобилизованных немцев на Урале была апробирована новая форма организации труда, сочетавшая в себе одновременно черты «трудовой армии» и концентрационного лагеря. Ее характеризует массовое использование в системе ГУЛАГа больших групп лиц, привлеченных к принудительному труду не индивидуально, в порядке уголовного наказания, а в административном порядке, как представителей определенных категорий советских или иностранных граждан².

Мобилизацию в «трудовую армию» на материалах Омской области проанализировал В. М. Самосудов. Он подтвердил, что в нее не только мобилизовали депортированных граждан, но и призывали рабочих, занятых в военном производстве, в том числе и женщин. Более всего их использовали по месту жительства на объектах и в организациях, особо нуждавшихся в рабочей силе³. Вопросы мобилизации советских граждан в «трудоармию» в Пермской области исследовал А. Б. Суслов. Он пришел к выводу: «Трудовая мобилизация советских немцев являлась особой формой репрессий по национальному признаку. С ее помощью политическое руководство обеспечивало промышленность дополнительным рабочим контингентом и создавало режим особой изоляции для потенциальной «пятой колонны». «Трудоармейцы», несмотря на формальное распространение на них норм гражданского и трудового законодательства, фактически оказались лишенными права свободно выбирать место жительства или род занятий»⁴.

¹ Кириллов В. М. История репрессий на Урале. 1920 — начало 50-х гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.

² Маламуд Г. Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х — начале 50-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

³ Самосудов В. М. По сталинской «Владимирке»: Дополнение к книгам памяти жертв политических репрессий. С. 44–45.

⁴ См.: Суслов А. Б. Проблема эффективности принудительного труда в СССР (1929–1953 гг.) (на материалах Урала) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 85–97; Его же. Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134; Его же. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. Дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Трудовую мобилизацию немцев, депортированных в Красноярский край, рассмотрела Е. Л. Зберовская, считающая, что она была обусловлена потребностями социально-экономического развития региона, нуждавшегося в дальнейшей хозяйственной колонизации. Трудовые мобилизации спецконтингента («трудармия») и переселение на рыбные промыслы в районы Крайнего Севера — «позволяли в короткие сроки приступить к осуществлению намеченных народнохозяйственных задач». При этом исследовательница отметила неоднозначность ответа на вопросы об экономической эффективности и оправданности трудовой мобилизации: с одной стороны, она способствовала «дальнейшему социально-экономическому освоению севера. Форсирование развития промысла в 1942–1944 гг. привело к увеличению объемов добычи в два раза». С другой стороны, «создание колхозов рабочих из числа спецконтингента не принесло ожидаемых результатов. Обреченные на самовывживание переселенцы не могли создать экономически сильных хозяйств»¹.

Наиболее жесткую критику депортации немцев содержит работа В. Г. Чеботаревой, охарактеризовавшей ее как геноцид — «искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры»². Возражая ей, А. А. Герман указывает, что «депортация и последовавшие за ней “трудармия” и спецпоселение, несомненно, причинили немцам СССР тяжелый урон, нанесли глубочайшую моральную травму. Однако эти явления нельзя назвать геноцидом». По его мнению, немецкие граждане СССР «стали жертвами перестраховки, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму в условиях суровой и жестокой войны». В качестве доказательств он отметил, что депортации, наряду с немцами, в годы войны подверглись десятки народов, а использование принудительного труда в СССР приняло практически всеобщий характер. В «трудармии» отбывали повинность даже «непровинившиеся» народы, в частности, казахи, узбеки, киргизы и другие, не говоря о десятках миллионов политзаключенных»³. А. А. Герман

¹ Зберовская Е. Л. Трудовые мобилизации немцев-спецпереселенцев в 1940-е гг. на территории Красноярского края // Немцы в Сибири: история, язык, культура. Материалы международ. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. Красноярск, 2005. С. 46–49.

² Чеботарева В. Г. Государственная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999. С. 413.

³ Герман А. А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный на-

также подчеркнул, что депортация — это «типичная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей — жертв этой акции, в расчет не принимались¹.

В последние годы появились специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов. Обобщающий характер носят работы А. Калтахчяна и А. Гонова. Реабилитации карачаевцев посвящены работы Р. С. Тебуева, балкарцев — Б. М. Зумакулова, Х.-М. А. Сабанчиева, А. А. Алафаева и других авторов². Немало исследователей закономерно рассматривают депортацию и реабилитацию в комплексе, как две взаимосвязанных стороны одной проблемы.

Исследователи отмечают половинчатый характер реабилитации конца 1950 — начала 1960-х гг., и в то же время подчеркивают, что им была оказана немалая помощь со стороны государства³. При этом указывается, что так и не была восстановлена «незаконно и преступно ликвидированная национальная государственность карачаевского народа»⁴. Объединение карачаевцев с черкесами в рамках Карачаево-Черкесской автономной области, вошедшей в состав Ставропольского края, рассматривается как форма дискриминации, что свидетельствует об отказе от прежних идей дружбы народов.

Реабилитационные мероприятия 1989–1990-х гг. получили положительную оценку ряда региональных исследователей⁵. Напротив,

род: По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 23–24.

¹ Герман А. А. Депортация советских немцев из Европейской части СССР // История и этнография немцев Сибири. Омск, 2009. С. 404.

² Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // Этнополитический вестник. 1992. № 2; Гонов А. М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы). Нальчик, 1998; Зумакулов Б. М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998; Алафаев А. А., Сабанчиев Х.-М. А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1; и др.

³ Тебуев Р. С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 69.

⁴ Бадахова И. Т. Чужие на своей земле // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции, 30–31 октября 2003 г. С. 13.

⁵ Тебуев Р. С. Указ. соч. С. 70; Аджиева Э. А. Указ. соч. С. 96–132; и др.

В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов¹. Часть авторов говорит о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации депортированных народов, «что означает разрушение государственными органами» их отрицательных стереотипов «в глазах других народов»².

Таким образом, разработка проблемы этнических депортаций в СССР в 1937–1945 гг. из достаточно «маргинального» сюжета отечественной историографии превратилась в одно из ведущих исследовательских направлений. Особенно серьезные изменения в осмыслении данной проблемы произошли за последние годы. В результате сложились различные подходы к объяснению причин и последствий депортаций, определению масштабов принудительных переселений народов и национальных групп. Однако обращение к данной проблематике в последнее десятилетие сохранило присущий ей политизированный характер, выражающийся, в частности, в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу. Политизация проявляется и в стремлении ряда авторов привлечь своих оппонентов не только к моральной, но и к юридической ответственности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что депортации рассматриваются в современной историографии как одна из наиболее массовых форм репрессий в СССР, инструмент советской демографической и национальной политики. Причины депортаций были обусловлены совокупностью внешних и внутренних условий. Среди них и искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны», и «наказание» отдельных народов за «пособничество» противнику и сопротивление советской власти, и решение проблем национальной политики, и освоение восточных регионов страны. Сказывалось в организации принудительных переселений и стремление власти к ассимиляции всех этносов в единый советский народ. Введение в научный оборот рассекреченных документов позволило

¹ Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе — следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С. 122–124.

² Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). С. 5; и др.

современным исследователям прийти к обоснованным выводам о количественных показателях этнических депортаций. В то же время как в определении численности отдельных репрессированных народов, так и в осмыслении масштабов депортаций в целом существует немало разногласий. Все это обуславливает необходимость продолжения исследования данной проблемы.

Глава 4. ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

4.1. Вопрос о цене Победы в советской историографии

Важнейшее значение для подведения итогов любой войны имеет установление ее потерь. Для советского и современного российского общества Победа в Великой Отечественной войне была и остается одним из величайших событий всего миновавшего XX в., основой формирования национальной идентичности¹. Поэтому точное установление потерь советского населения в самом крупном вооруженном конфликте в мировой истории, определение той цены, которую народы СССР заплатили за достижение Победы, неизбежно перерастает значение узкопрофессиональной научной задачи, приобретая высокий нравственный и общественно-политический смысл.

Первые оценки советских потерь появились непосредственно в годы Великой Отечественной войны, а их автором нередко выступал сам И. В. Сталин. Особенности и ход вооруженной борьбы, результаты конкретных боевых операций получали первое обобщение в его приказах и выступлениях. Так, выступая с докладом на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г., И. В. Сталин заявил, что за 4 месяца войны советские потери составили убитыми 350 тыс. чел., пропавшими без вести — 378 тыс. чел., ранеными — 1 020 тыс. чел. За тот же период враг, по его словам, потерял убитыми, ранеными и пленными более 4,5 млн чел.: «Не может быть сомнения, что в результате 4 месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме»².

¹ См.: Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону — Таганрог). Ростов н/Д, 2010; и др.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1952. С. 20.

Современные авторы считают, что И. В. Сталин завысил потери врага в 6,5–6,9 раза, а собственные, наоборот, занизил в 6–8 раз¹. Это стало сознательной фальсификацией данных, предпринятой в пропагандистских целях, поскольку советское руководство не могло не знать общего положения дел. Только пленными РККА в 1941 г. потеряла до 3,9 млн чел.², о чем в докладе не было даже упомянуто.

16 декабря 1941 г. газета «Правда» опубликовала текст выступления Гитлера в рейхстаге от 11 декабря, в котором были названы масштабы потерь Германии на Восточном фронте с 22 июня по 1 декабря. Здесь говорилось о 162 314 убитых, 571 767 раненых, 33 334 пропавших без вести, всего о 767 415 чел.³ Эти цифры были почти в шесть раз меньше названных Сталиным за месяц перед этим, поэтому в СССР они однозначно трактовались как «лживые» сведения.

Вслед за Сталиным на протяжении всех военных и послевоенных лет официальные советские издания многократно преувеличивали масштабы потерь противника, а свои занижали. Так, к первой годовщине начала Великой Отечественной войны 23 июня 1942 г. в «Красной звезде» были опубликованы официальные советские данные о потерях воюющих сторон за двенадцать месяцев. Немецкие потери убитыми, ранеными и пленными оценивались в 10 млн чел., а советские — в 4,5 млн чел.⁴ Эти данные были обнародованы в крайне тяжелое время, когда противник перешел в наступление на южном крыле фронта, стремясь прорваться к Волге и Кавказу. Советские части отступали, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Только в районе Харькова в плен попало 240 тыс. солдат и офицеров⁵. По немецким данным, с 1 июня по 1 сентября 1942 г. количество советских военнопленных, находившихся в лагерях верховного

¹ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб, 1998. С. 249; Первышин В. Г. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004. С. 325.

² Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 143.

³ См.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 198.

⁴ Цит. по: Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 175.

⁵ См. подробнее: Кропачев С. А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 2. 1941–1953 гг. Краснодар, 1998. С. 9.

главнокомандования вооруженных сил Германии и использовавшихся в качестве рабочей силы в немецкой экономике, увеличилось на 1 074 387 чел.¹

Положение было настолько критическим, что Сталин был вынужден признать горькую правду о поражениях Красной армии в приказе № 227 от 28 июля 1942 г. получившем название «Ни шагу назад!» Ответственность за поражения возлагалась на «паникеров и трусов», просчеты советского военного руководства и лично И. В. Сталина в качестве объяснений катастроф РККА в приказе не фигурировали. По приказу вводились жестокие меры против «паникеров и трусов»: создавались штрафные отряды (до 200 чел. в каждом), которым поручалось расстреливать отступавших на месте. На каждом фронте формировались от одного до трех штрафных батальонов для средних и старших командиров, а в каждой армии от пяти до десяти штрафных рот для рядовых бойцов и младших командиров. Солдаты и офицеры штрафных частей обязаны были «кровью смыть свою вину» за нарушения «дисциплины по трусости и неустойчивости»². При этом потери противника все равно оценивались выше советских более чем в два раза. Германия оценивала собственные потери к середине 1942 г. в 337 342 убитых и пропавших без вести. Естественно, что эти оценки подвергались критике³.

1943-й год был объявлен И. В. Сталиным «годом коренного перелома» в Отечественной войне. В условиях советского наступления на Северном Кавказе, под Сталинградом и Курском, начавшихся успехов и побед, потери врага должны были быть больше, а РККА, «перемоловшей наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск» — меньше. Выступая 6 ноября 1943 г. с докладом, посвященным 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин заявил, что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147,2 тыс. немецких солдат и офицеров и 46,7 тыс. советских солдат и офицеров. Сталинград был объявлен «закатом немецко-фашистской армии», после которого «немцы не могли уже оправиться»⁴. Раньше, в апреле 1943 г. газета

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 460 (расчет авторов).

² 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 223–226.

³ См.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 198.

⁴ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 113.

«Правда» назвала еще более фантастические цифры потерь противника за период зимнего наступления РККА с 10 ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. — свыше 850 тыс. чел. только убитыми¹.

В ходе битвы под Курском, как сообщалось в советской печати, завершился коренной перелом в Великой Отечественной войне и был нанесен еще больший урон врагу, чем за время зимнего наступления. С 5 июля по 5 ноября 1943 г. Красная армия, согласно газете «Правда», разбила 144 дивизии противника, потерявшего убитыми до 900 тыс. солдат и офицеров². По оценкам Сталина, с ноября 1942 по ноябрь 1943 г. Германия на советско-немецком фронте потеряла более 4 млн солдат и офицеров, из них не менее 1,8 млн убитыми³. О потерях собственных войск Сталин предпочел не говорить вообще. Подразумевалось, что они были гораздо меньше, чем у врага. За все годы войны в вермахт было призвано 15,8 млн чел.⁴ Получается, что уже к концу 1943 г. все они — и мобилизованные, и пока еще нет — были убиты, ранены, взяты в плен.

Оценки собственных потерь и потерь противника в официальных советских изданиях и выступлениях руководителей СССР не стали более достоверными на завершающем этапе войны. Тональность публикаций становилась все более победной, т. к. приближался долгожданный разгром врага. В приказах, докладах, обращениях, опубликованных в 1944–1945 гг., И. В. Сталин практически не обращался к масштабам потерь, отсылая по данному вопросу слушателей и читателей к сводкам Совинформбюро. Лишь изредка он приводил отдельные цифры. Так, отмечалось, что в 1944 г. «было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников»⁵, а за 40 дней наступления в январе–феврале 1945 г. Германия потеряла свыше 350 тыс. солдат и офицеров пленными и не менее 800 тыс. убитыми⁶.

Во время и сразу после Великой Отечественной войны не ставился и вопрос об ответственности советского режима за цену Победы. Единственным виновником огромного количества жертв признавался фашистский агрессор. Приказы и обращения Верховного Главно-

¹ Правда. 1943. 3 апреля.

² Там же. 5 ноября.

³ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 112.

⁴ Первышин В. Г. Указ. соч. С. 346.

⁵ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 156; и др.

⁶ Там же. С. 178–179.

командующего не раз содержали «дежурную» фразу «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»¹. Только один раз И. В. Сталин сделал попытку признать свои ошибки уже по окончании войны. 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии он предложил тост за здоровье русского народа, заявив: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»². Но и в данном случае И. В. Сталин не сказал прямо о своих собственных ошибках, «переведя» ответственность за поражения начального периода войны на правительство в целом.

Такие приемы откровенной фальсификации, как занижение собственных потерь и преувеличение потерь противника, замалчивание «неудобных» вопросов (количество попавших в плен бойцов и командиров, умерших от голода, погибших в лагерях, численность коллаборационистских формирований и др.) и в дальнейшем широко использовались авторами, писавшими об итогах войны. Огромные жертвы советского общества в Великой Отечественной войне тщательно скрывались. Слава «великого полководца» во многом держалась на умолчании о потерях, мифологизации истории войны. Назвать реальные цифры потерь означало признать неэффективность сталинского руководства армией и страной в военные годы.

Только в феврале 1946 г. И. В. Сталин обнародовал обобщенную численность погибших советских граждан — около 7 млн чел.³ В марте того же 1946 г., отвечая на вопросы корреспондента «Правды» по поводу речи У. Черчилля в Фултоне, он повторил: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 147, 191, 194; и др.

² Там же. С. 196–197.

³ Большевик. 1946. № 5. С. 3.

Штаты Америки, вместе взятые»¹. На встрече с творческой интеллигенцией Сталин уточнил количество боевых потерь среди коммунистов: «Ведь только за первые шесть месяцев войны на фронте в боях погибло более 500 тысяч коммунистов, а всего во время войны — более трех миллионов»². После этого И. В. Сталин больше не возвращался к оценке советских потерь в годы Великой Отечественной войны.

В течение последующих пятнадцати лет цифра в 7 млн погибших доминировала на страницах советской исторической литературы³. Между тем уже к июню 1945 г. Генеральный штаб обобщил имевшиеся в его распоряжении тогда еще неполные данные о потерях в войне и пришел к выводу о том, что Красная армия потеряла свыше 6,3 млн убитыми и умершими от ран, более 3 млн пленными и пропавшими без вести и почти 14 млн ранеными, из которых 2,6 млн чел. стали инвалидами. Но эти сведения не получили огласки⁴.

По словам Д. А. Волкогонова, в январе 1946 г. Н. А. Вознесенский сообщил И. В. Сталину, что общие советские потери превышали 15 млн чел.⁵ Таким образом, Сталин сознательно пошел на уменьшение данных о потерях. Более того, чтобы не трогать «острую» тему, в 1949 г. было запрещено проводить всеобщую перепись населения СССР, результаты которой могли пролить свет на истинные масштабы советских потерь⁶. В условиях нарастания «холодной войны» советский режим предпочел забыть о жертвах Великой Отечественной войны. Подвиги героев фактически были девальвированы, фронтовики-победители лишены и тех немногочисленных льгот, которые они имели.

Задачи авторов послевоенного десятилетия заключались в доказательстве того, что «советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную

¹ Сталин И. В. Ответ корреспонденту «Правды» // Правда. 14 марта 1946 г. Цит. по: Сталин И. В. Соч. Т. 16. 1946–1952. М., 1997. С. 29.

² Сталин И. В. Выступление на встрече с творческой интеллигенцией (1946 год) // Соч. Т. 16. 1946–1952. С. 50.

³ См., например: Голиков С. Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954. С. 275; и др.

⁴ Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск, 2000. С. 13.

⁵ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. М., 1990. С. 418.

⁶ Первышин В. Г. Указ. соч. С. 345.

жизнеспособность»¹. В работах 1940 — первой половины 1950-х гг. не поднимались вопросы о структуре демографических потерь в годы Великой Отечественной войны, численности советских военнопленных. Авторы либо просто повторяли названные И. В. Сталиным цифры, либо вообще обходили вопрос о потерях стороной, предпочитая писать о подвигах и славе советских бойцов и командиров².

Таким образом, еще при Сталине определились пути и способы фальсификаций, направленные на сокрытие истинных масштабов жертв войны — приуменьшение потерь СССР и преувеличение потерь противника, игнорирование таких категорий погибших, как заключенные ГУЛАГа, представители депортированных народов, военнопленные, а также партизаны, подпольщики, «восточные рабочие» и др. Между тем на Западе уже в 1950 г. была опубликована книга сбежавшего советского полковника К. Д. Калинова «Советские маршала имеют слово», где приводились следующие данные о потерях советских войск в войне с Германией: 8,5 млн погибших на поле боя, 2,5 млн умерших от ран и 2,6 млн умерших в плену. Данные Калинова стали разделять и другие западные исследователи³.

Изменения в осмыслении проблемы советской историографии были связаны с хрущевской «оттепелью» середины 1950 — середины 1960-х гг. После смерти Сталина постепенно перестали появляться публикации, исключительно позитивно оценивавшие итоги войны. Началом нового периода в развитии историографии проблемы стал 1956 г. В докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС немало внимания уделялось событиям Великой Отечественной войны. При этом ответственность за поражения в 1941–1942 гг. он прямо возложил на Сталина. Одной из главных причин тяжелого положения на фронте в начальный период Великой Отечественной войны объявлялось истребление военных кадров в 1937–1941 гг., «в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям»⁴.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 16. 1946–1952. М., 1997. С. 7.

² Минц И. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; Анисимов И. В., Кузьмин Г. В. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. М., 1952; Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945 гг. М., 1952; и др.

³ Kalinow K. Sowjetmarschaalle haben das Wort. Hamburg, 1950; Frumkin G. Population Changes in Europe since 1939. N.Y., 1951. P. 161; Итоги второй мировой войны / пер. с нем. М., 1957. С. 600.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148.

В годы «оттепели» на официальном уровне были даны новые оценки масштабах потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. В ноябре 1957 г. в Москве состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, на котором был принят «Манифест мира». Потери во Второй мировой войне в нем определялись цифрой свыше 30 млн чел., не считая раненых и искалеченных¹. Хотя данная цифра была приведена без ссылок на источники, она стала широко использоваться в итоговых расчетах потерь стран-участниц войны. Таким образом, демографические расчеты корректировались под непосредственным влиянием политической конъюнктуры.

В мае 1959 г. Н. С. Хрущев в одной из своих речей сказал об итогах военного периода: «Миллионы людей отдали свою жизнь на полях войны». Он справедливо заметил, что в СССР «трудно найти семью, которой война не принесла бы страданий и жертв»². В ноябре 1961 г. в письме премьер-министру Швеции Т. Эрландеру советский руководитель уточнил, что война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»³.

Указанная цифра погибших — 20 млн чел., половина которых приходилась на гражданских лиц, умерших, замученных и убитых фашистами на оккупированной территории СССР, а вторая — на погибших в боях, умерших от ран, скончавшихся в плену военнослужащих, просуществовала практически без изменений в течение почти тридцати лет. При этом о потерях военнослужащих специальных сведений не публиковалось.

В эти годы вышли обобщающие фундаментальные работы о Великой Отечественной войне⁴ и первые специальные издания⁵, пос-

¹ Правда. 1957. 23 ноября.

² Там же. 1959. 17 мая.

³ Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.

⁴ Развитие тактики Советской армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1958; Вторая мировая война 1939–1945: Военно-исторический очерк. М., 1958; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. М., 1960–1965; Боевой путь Советских Вооруженных сил. М., 1962; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965; и др.

⁵ Урланис Б. Ц. Методы исчисления людских потерь от войн // Проблемы демографической статистики. М., 1959; Его же. Войны и народонаселение Европы; Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960; Подьячих Г. П. Население СССР. М., 1961; Соколов П. В. Война и людские ресурсы. М., 1961; и др.

вященные ее демографическим последствиям, в которых нашли отражение приводимые сведения. Другие официальные и справочные издания старались избегать итоговых оценок о потерях СССР в войне¹. В целом, данные об огромных потерях СССР использовались в качестве инструмента резкой критики деятельности И. В. Сталина. По-прежнему определение масштабов потерь СССР в Великой Отечественной войне оставалось прерогативой не историков, а советских государственных и партийных руководителей. Оценки сохраняли предельно общий характер, не предпринималось серьезных попыток показать, в результате каких конкретно действий наша страна потеряла огромное количество человеческих жизней. Не ставились также вопросы о масштабах смертности в ГУЛАГе, потерях партизан и подпольщиков, гибели советских граждан от голода, жертвах среди военнопленных и «восточных рабочих» и т. д.

После Второй мировой войны в зарубежной историографии приводились различные оценки безвозвратных потерь военнослужащих и гражданского населения стран ее участниц, колебавшиеся от 22–23 до 31 млн чел. и даже доходившие до 50–60 млн чел. В условиях расширения контактов с зарубежными исследователями в период «оттепели» эти оценки стали активно обсуждаться в советской историографии. При этом цифры в 50–60 млн чел. считались преувеличенными². Советские авторы приводили более умеренные оценки, по которым безвозвратные потери в 1939–1945 гг. исчислялись в 28,5 млн военнослужащих и мирных граждан, а общие, включая убитых, раненых и пропавших без вести, в 46–50 млн чел.³ Например, авторитетный демограф Б. Ц. Урланис, ссылаясь на данную цифру, писал: «Часто встречаются указания о том, что число жертв второй мировой войны достигает 50 млн и даже 60 млн, но эти цифры преувеличены»⁴.

В 1965 г. вышел последний, шестой том фундаментальной истории Великой Отечественной войны, сданный в набор еще в августе 1964 г. В следующем году в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прошло обсуждение книги А. М. Некрича «1941, 22 июня»,

¹ История КПСС. Изд. 2-е, доп. М., 1962. С. 596; Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3. С. 109; и др.

² Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960. С. 402–403.

³ Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1956. С. 13.

⁴ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 403.

посвященной трагическому началу войны. Оно завершилось запрещением книги, частичным уничтожением экземпляров, хранившихся в библиотеках, и исключением ее автора из КПСС. Позже он вынужден был эмигрировать из СССР. С этого времени начался новый период и в отечественной историографии рассматриваемой проблемы.

Во второй половине 1960–1980-х гг. многое было сделано по увековечению памяти о Великой Отечественной войне. Создавались мемориальные комплексы и отдельные памятники, музеи и парки Славы. Всего к 1985 г. в СССР было сооружено около 70 тыс. мемориалов и памятников в память о событиях или участниках войны¹. Именами героев войны назывались населенные пункты, улицы, школы, предприятия. Военной теме посвящался широкий пласт научной и научно-популярной литературы. К середине 1980-х гг. общее количество публикаций о событиях военного времени исчислялось в 20 млн работ. Однако официальная цифра советских потерь осталась при этом неизменной. В 1965 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сообщил, что страна потеряла в Великой Отечественной войне свыше 20 млн чел.² В докладе, посвященном следующему, 30-летию юбилею Победы в 1975 г., он, не называя никаких данных, ограничился общей фразой: «Тяжелым был путь к победе. Многих потеряли на этом пути»³.

В целом, исследования второй половины 1960 — первой половины 1980-х гг. отличались крайне сдержанным обращением к «острым», малоизученным, дискуссионным проблемам. Мифологизированная история Великой Отечественной войны стала одним из важнейших элементов идеологии брежневской эпохи. Лишь в отдельных исследованиях ставились проблемы демографического развития СССР в 1941–1945 гг.⁴, но практически никаких новаций в отношении опре-

¹ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 443.

² См.: Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 387.

³ Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1975. С. 19.

⁴ См., например, Урланис Б. Ц. Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние. М., 1968; Его же. История одного поколения. М., 1968; Его же. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; Гозулов А. И., Григорьянц М. С. Народонаселение СССР. М., 1969; Яцунский В. К. Историческая демография в СССР // Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970; Дробижев В. З., Поляков Ю. А. Народонаселение СССР и история советского общества // Вопросы истории. 1974. № 4; Смирнов Е. И. Война и

деления истинных масштабов демографических последствий войны они не вносили.

В то же время изучением потерь советских и немецких войск в Великой Отечественной войне занялись военные исследователи. В 1966 г. в Генеральном штабе Министерства обороны СССР была создана специальная комиссия по определению потерь, которую возглавил генерал армии С. М. Штеменко. Комиссия завершила свою работу в 1968 г.¹ Одним из результатов ее деятельности стал статистический сборник «Боевые потери личного состава Вооруженных сил СССР». Он был подготовлен Главным организационно-мобилизационным управлением Генерального штаба и обобщил сведения за 1918–1945 гг. Однако это издание находилось на особом хранении, и к нему допускался лишь ограниченный круг руководителей Министерства обороны СССР. «Рядовым» исследователям оно было недоступно. Вплоть до начала 1990-х гг. статистические данные о потерях советских войск в Великой Отечественной войне оставались секретными и публиковались «лишь частично по отдельным оборонительным и наступательным операциям... в закрытых трудах по истории Великой Отечественной войны, чтобы скрыть от народа подлинные размеры наших тяжелых потерь»².

Во второй половине 1960 — середине 1980-х гг. было издано значительное количество фундаментальных работ по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн³. В ряде данных трудов поновому трактовались потери стран — участниц войны⁴. Так, в завер-

военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945. М., 1976; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977; Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; Шелестов Д. К. История и демография // Вопросы истории. 1981. № 5; Его же. Демография: история и современность. М., 1983; и др.

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 5.

² Первышин В. Г. Указ. соч. С. 360.

³ Вторая мировая война. Кн. 1–3. М., 1966; Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк. М., 1970; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1971; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 1–12. М., 1973–1982; Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975; История дипломатии. Т. 4. М., 1975; Советская военная энциклопедия. Т. 1–8. М., 1976–1980; Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия; и др.

⁴ См., например: Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945: Исторический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1982. С. 7; Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 42, 43, 87; и др.

шающем томе новой фундаментальной работы по истории Второй мировой войны указывалось на то, что в 1939–1945 гг. в вооруженные силы стран-участниц было мобилизовано более 110 млн чел.: «Многие десятки миллионов были убиты, получили ранения, остались инвалидами». Авторы также отметили резкое увеличение жертв среди гражданского населения, составившее почти половину общих потерь, в то время как в Первую мировую войну они равнялись всего 5 %¹. При этом указывалось, что в годы Второй мировой войны погибло более 50 млн чел. Таким образом, в данной работе, во-первых, была пересмотрена прежняя обобщающая цифра потерь, во-вторых, в самом общем виде, определена их структура.

В рассматриваемом труде были приведены также общие потери СССР и Германии в войне. Авторы писали, что самые большие прямые и косвенные потери населения понесли государства Европы, в которых погибло около 40 млн чел., т. е. значительно больше, чем на других континентах, вместе взятых. При этом половина людских потерь в Европе — свыше 20 млн чел. — приходилось на СССР, «значительная часть из них — гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, болезней и голода, от налетов вражеской авиации». Далее отмечалось, что «война привела к большим потерям самой Германии — свыше 13 млн чел. убитыми, ранеными, пленными, пропавшими без вести»². В то же время в данном труде не содержалось подробных сведений о структуре понесенных потерь, методике их исчисления, величине боевого урона вооруженных сил СССР и Германии.

По расчетам Б. Ц. Урланиса, число погибших немецких солдат и офицеров во Второй мировой войне превышало 4 млн чел., при этом свыше $\frac{4}{5}$ всех убитых и почти $\frac{3}{5}$ пропавших без вести приходилось на советско-германский фронт³. В другой работе — материалах научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы, общие потери на советско-германском фронте сухопутных войск Германии с 22 июня 1941 г. по 31 марта 1945 г. исчислялись в 6256 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести⁴.

Одной из последних значительных работ данного этапа развития историографии стала книга Л. Е. Полякова, в которой были уточне-

¹ История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1982. Т. 12. С. 148, 150.

² Там же. С. 150–151.

³ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. С. 205, 210.

⁴ Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1966. С. 23.

ны некоторые цифры потерь. Во-первых, была названа новая оценка безвозвратных потерь всего населения мира во Второй мировой войне — 55 млн чел. Во-вторых, общие потери Германии в войне, включая убитых, раненых, пропавших без вести и военнопленных, определены в 13,6 млн чел., из которых 10 млн чел., по данным Л. Е. Полякова, приходились на Восточный фронт¹. В-третьих, была предпринята попытка назвать прямые и косвенные потери СССР в Великой Отечественной войне — 46 млн чел., из которых, по мнению автора, 26 млн чел. приходилось на «снижение естественного прироста населения»².

Подводя итоги развития советской историографии демографических потерь Второй мировой и Великой Отечественной войн, следует отметить, что на протяжении всего времени изучение данной проблемы оставалось чрезвычайно политизированным. Героизированная история Великой Отечественной войны считалась одной из идеологических основ советского политического и общественного строя. Поэтому вопрос о цене Победы в войне находился под жестким контролем цензуры, а доступ к источникам оставался крайне ограниченным.

4.2. Современные дискуссии о масштабе и структуре потерь в 1941–1945 гг.

Современная историография проблемы берет свое начало в эпоху «перестройки», но новые оценки потерь появились не сразу. На торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов 8 мая 1985 г., посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, М. С. Горбачев, как и прежде, утверждал, что война унесла жизни 20 млн советских людей, одновременно заявив: «Почти каждая семья потеряла родного или близкого»³. Очевидно, что приведенная конкретная цифра прямо противоречила данным словам.

Только с 1987 г. появились острые публицистические материалы о Великой Отечественной войне и ее результатах в средс-

¹ Поляков Л. Е. Указ. соч. С. 42, 44.

² Там же. С. 87.

³ Бессмертный подвиг советского народа: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева // Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1985. С. 6.

твах массовой информации. К 1991 г. вышли научные статьи и сборники статей, в которых назывались новые цифры прямых и косвенных потерь СССР в 1941–1945 гг.¹ В частности, А. Кваша, обратив внимание на изменения в динамике официальных данных о потерях СССР в годы Великой Отечественной войны, предложил собственную оценку их масштабов. Исходя из имевшихся в его распоряжении данных он предположил, что прямые и косвенные потери населения СССР в Великой Отечественной войне составили 48–50 млн чел., в том числе прямые потери — 26–27 млн чел.²

Д. А. Волкогонов также определил общую численность погибших военнослужащих, партизан, подпольщиков, мирных граждан в годы Великой Отечественной войны в пределах 26–27 млн чел., из них, по его словам, около 10 млн чел. «пали на поле боя и погибли в плену». Особенно трагичной Д. А. Волкогонов полагал судьбу тех, кто входил в состав первого стратегического эшелона, вынеся главные тяготы войны в 1941 г.: «Основная, прежде всего кадровая, часть личного состава соединений и объединений этого эшелона сложила головы». Немногим меньшими он считал и советские потери в 1942 г. Д. А. Волкогонов обратил внимание и на то, что самая «туманная и политически двусмысленная категория — “пропавшие без вести”. Сюда относятся и те, кто пал в бою, но не “вошел” в строевые записки и сводки о потерях, и те, кто оказался в плену, в партизанах, кого судьба занесла в края чужие. Да, были среди этих людей и те, кто дрогнул, поддался на посулы и пошел в РОА, служил в полициях. Но таких было абсолютное меньшинство. Судьба подавляющего большинства пропавших без вести глубоко трагична: безвестная смерть в бою, гибель в плену или, в “лучшем случае”, бесконечные проверки в лагерях НКВД с риском остаться там на долгие годы». По подсчетам Д. А. Волкогонова, соотношение безвозвратных потерь СССР и Германии составляло «3,2:1 не в нашу пользу»³. Другие авторы опре-

¹ Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988; Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988; Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989; СССР: демографический диагноз. М., 1990; Рыбаковский Л. Л. Двадцать миллионов или больше? // Политическое самообразование. 1990. № 10; и др.

² Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 245–246, 249.

³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 1. С. 26–27.

деляли соотношением между погибшими советскими и немецкими солдатами в 5:1¹, 10:1² и даже 14:1³.

Появление новых цифр потерь и их разброс в какой-то степени отражали настроения, царившие в самом обществе, непримиримость взглядов различных политических сил, включившихся в обсуждение данной темы. Общественно-политическая ситуация заставила лидеров государства принять меры к выявлению истинных масштабов потерь СССР в Великой Отечественной войне. В 1988 г. начальник Центрального архива Министерства обороны СССР генерал-майор Н. И. Луцев доложил в Генеральный штаб о том, что в алфавитной картотеке персонального учета безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Красной армии учтено 14 507 296 чел. Он также указал, что данную картотеку можно использовать как вспомогательный источник, т. к. в ней много повторно учтенных, учтенных как без вести пропавших, но вернувшихся домой из плена⁴.

В 1988 г. была создана специальная комиссия Министерства обороны СССР по выявлению и уточнению данных о потерях в 1941–1945 гг. Она работала под руководством заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерала армии М. А. Гареева⁵. По итогам работы комиссии был подготовлен доклад в ЦК КПСС, но Политбюро не приняло решения по данному вопросу. Итоги работы комиссии были утверждены и опубликованы за подписью начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерала армии М. А. Моисеева.

Согласно полученным результатам, Советские Вооруженные силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 668 400 чел.⁶ Члены комиссии утверждали, что «потери фашистской Германии были нисколько не меньшими», чем СССР. Считалось, что безвозвратные потери фашистской Германии составили около 5,5 млн чел.⁷, а общие потери вооруженных сил стран фашистского

¹ Мерцалов А. Н. Цена Победы // Коммунист. 1990. № 6. С. 57.

² Соколов Б. Славный наш маршал // Независимая газета. 1994. 5 марта.

³ Геллер Ю. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9. С. 242.

⁴ Первышин В. Г. Указ. соч. С. 360–361.

⁵ См.: Красная звезда. 1992. 16 июля.

⁶ Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14.

⁷ Там же. С. 16.

блока оценивались в 8 649 500 чел.¹ Получалось, что потери РККА были всего лишь на 18,9 тыс. солдат и офицеров больше, чем у противника. Позже по советским подсчетам безвозвратные потери вермахта определялись в 7 181,1 тыс. чел., а вместе с союзниками — в 8 649,3 тыс. чел.²

Еще одна комплексная государственная комиссия по уточнению числа людских потерь СССР в Великой Отечественной войне работала в 1989–1990 гг. Она состояла из ученых и специалистов Госкомстата СССР, Министерства обороны СССР, АН СССР, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. По ее расчетам и оценкам прямые людские потери в 1941–1945 гг. составили примерно 27 млн чел.³

Опираясь на результаты работы данных комиссий, Президент СССР М. С. Горбачев 8 мая 1990 г. в своем докладе, посвященном 45-летию Победы, привел новые данные о том, что война унесла почти 27 млн жизней советских людей⁴. Таким образом, за сорок пять послевоенных лет официальная оценка цены Победы СССР в Великой Отечественной войне увеличилась на 20 млн чел. или почти в четыре раза. Потери Германии во Второй мировой войне были оценены в 1946 г. в 6,5 млн чел. и, хотя после этого данная цифра не раз уточнялась, большинство поправок не превышает 20 %⁵. Приведенная М. С. Горбачевым цифра в 27 млн чел. стала новой официальной оценкой численности советских потерь в Великой Отечественной войне.

С начала 1990-х гг. вышли исторические, статистические, демографические исследования, посвященные различным аспектам потерь СССР и Германии в Великой Отечественной войне. В 1993 г. издана книга «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Она включила основные результаты комплексного ста-

¹ См.: Туритов Ф. Н. О Великой Победе только правду // 60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. М., 2005. С. 76; Бельков О. А. Помнить войну // Власть. 2005. № 5. С. 4; и др.

² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 514–515.

³ Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. С. 131–132; Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 229.

⁴ Горбачев М. С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

⁵ Рыбаковский Л. Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 85.

тистического исследования, проведенного в 1988–1991 гг. коллективом военных историков под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. В ходе исследования изучались архивные документы и другие материалы, содержавшие сведения о людских потерях в армии и на флоте, пограничных и внутренних войсках НКВД. При этом использовались результаты предыдущей работы комиссии Генерального штаба по определению потерь, возглавляемой генералом армии С. М. Штеменко (1966–1968 гг.) и аналогичной комиссии Министерства обороны СССР под руководством генерала армии М. А. Гареева (1988 г.). Коллектив также был допущен к рассекреченным в конце 1980-х гг. материалам Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, МВД, ФСБ, пограничных войск, а также различных архивных учреждений бывшего СССР.

В результате исследования был сделан вывод о том, что в ходе Великой Отечественной войны, с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену, из строя безвозвратно выбыло 11 444,1 тыс. военнослужащих¹. Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне методом демографического баланса были определены в 26,6 млн чел. Сюда включались все погибшие в результате военных и иных действий противника, умершие вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лица, эмигрировавшие из СССР в годы войны и не вернувшиеся после ее окончания. В рассматриваемой работе были также впервые обнародованы данные о потерях советских войск у озера Хасан, реки Халхин-Гол, в советско-финской войне 1939–1940 гг.²

В 2001 г. тот же коллектив сотрудников Генерального штаба и Военно-мемориального центра Вооруженных сил Российской Федерации подготовил и издал новое обобщающее исследование «Россия и СССР в войнах XX века». В данной работе результаты подсчетов были уточнены и обобщены в форме 229 таблиц на 599 страницах (т. е. одна таблица на неполные три страницы). Здесь были названы новые общие безвозвратные потери Красной армии и Военно-морского флота на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны и в целом в 1941–1945 гг. (с учетом советско-японской

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 129–130.

² Там же. С. 125; и др.

войны) — соответственно, 11 285 057 чел. и 12 400,9 тыс. чел.¹ Приводимые статистические данные позволяют определить суммарные потери непосредственно Красной армии, без Военно-морского флота, в 1941–1945 гг. в 9 302 766 чел.²

Демографы С. Максудов и М. Элман, оценивая результаты работы группы Г. Ф. Кривошеева, пришли к выводу о том, что приведенные данные об общих потерях в 26–27 млн чел. относительно надежны. Однако они указывают на возможность как недооценки потерь за счет неполного учета населения территорий, присоединенных к СССР перед Великой Отечественной войной и после нее, так и их завышения вследствие недоучета эмиграции из СССР в 1941–1945 гг. Кроме того, официальные подсчеты не учитывают падение уровня рождаемости, за счет которого население СССР к концу 1945 г. должно быть больше ориентировочно на 35–36 млн чел., чем при отсутствии войны. Впрочем, эта цифра также признается гипотетической, поскольку базируется на недостаточно строгих допущениях³.

По мнению другого зарубежного исследователя М. Хайнеса, цифра в 26,6 млн чел. задает лишь нижнюю границу общих потерь СССР в войне. Общая убыль советского населения с июня 1941 г. по июнь 1945 г. составила 42,7 млн чел., что соответствует верхнему пределу. Поэтому реальное число военных потерь находится, по его мнению, в промежутке между двумя этими цифрами⁴. Ему возражает М. Харрисон, на основе статистических подсчетов сделавший вывод о том, что, даже учитывая некоторую неопределенность при оценке эмиграции и снижения уровня рождаемости, реальные военные потери СССР должны оцениваться в пределах от 23,9 до 25,8 млн чел.⁵

В России приведенные данные также получили неоднозначную оценку. В одном из своих последних интервью бывший член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев вспоминал, что к очередному юбилею Победы (очевидно, в 1990 г.), министр обороны СССР Д. Т. Язов назвал цифру в 19 млн погибших советских военнoслу-

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 239–240.

² Там же. С. 402, 409 (расчет авторов).

³ Ellman M., Maksudov S. Soviet deaths in the Great Patriotic War: a note // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. No. 4. P. 671–680.

⁴ Haynes M. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: a Note // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No. 2. P. 303–309.

⁵ Harrison M. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: Comment // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No. 6. P. 939–944.

жащих¹. Бывший начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, президент российского фонда «Реквием» генерал армии В. Н. Лобов сообщил, что к началу 1994 г. электронный банк фонда содержал 17 млн имен погибших, при этом ожидалось его пополнение еще 5 млн имен. В свою очередь, генерал-полковник Г. Ф. Кривошеев критически прокомментировал цифру в 17 млн чел., назвав ее «сырьем для последующей статистической работы»². Однако она была опубликована в центральных средствах массовой информации. Так, в мае 1994 г. газета «Известия» писала о 17 млн чел., занесенных в электронный банк данных о погибших и пропавших без вести военнослужащих во время Великой Отечественной войны при Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве³. Таким образом, амплитуда оценок оказывается чрезвычайно широка — от 8,6 млн чел. до 17 млн чел.

Попытки уточнить потери Вооруженных сил СССР и Германии в 1941–1945 гг. были предприняты в последние годы в публикациях в журнале «Военно-исторический архив»⁴. Так, С. Н. Михалев и А. В. Толмачева в своей статье вносят уточнения в методику исчисления и итоговые оценки потерь Советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны⁵. Они подвергают серьезной критике материалы книг «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» и «Россия и СССР в войнах XX века». Указанные авторы широко используют материалы 14 статистических сборников «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», подготовленных Институтом военной истории Ми-

¹ Аргументы и факты. 2005. № 8.

² Красная звезда. 1994. 18 марта.

³ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. С. 208, 260.

⁴ Елисеев В. Т., Михалев С. Н. Потери в войне следует уточнить... // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 2 (17); Сафир В. М. Генерал армии Гареев не приемлет факты... // Там же. Вып. 10 (25); Михалев С. Н., Толмачева А. В. К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Там же. 2004. Вып. 1 (49); Михалев С. Н., Толмачева А. В. К вопросу об исчислении потерь противника на советско-германском фронте 1941–1945 гг. // Там же. 2004. Вып. 3 (51); Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР — РФ // Там же. 2004. Вып. 10 (58), 11 (59); и др.

⁵ Михалев С. Н., Толмачева А. В. К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 116–130.

нистерства обороны Российской Федерации в 1994–1998 гг., а также документы ЦАМО РФ. Это позволило им предложить собственные оценки военно-оперативных и демографических потерь РККА в годы войны. Согласно данным исследованиям, они составляют, соответственно, от 13 698,2 тыс. чел. до 13 896,6 тыс. чел. и от 10 921,9 тыс. чел. до 11 120,3 тыс. чел.¹

Еще одна работа указанных авторов, опубликованная на страницах журнала «Военно-исторический архив», посвящена проблеме исчисления потерь армий фашистского блока на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. В ней также предлагаются важные уточнения по видам безвозвратных потерь советских войск и войск противника и жестко критикуются недобросовестные «манипуляции», с помощью которых некоторые авторы рассматривают соотношения потерь РККА и вермахта с союзниками как 1:5, 1:10 и даже 1:14, «что выходит за рамки здравого смысла»².

Современный этап в развитии историографии проблемы характеризует появление альтернативных исследований, предлагающих совершенно иные, отличные от официальных, данные о людских потерях СССР и Германии во время Великой Отечественной войны³. Среди них особенно выделяются работы Б. В. Соколова, который остается на протяжении почти двадцати лет основным критиком официальных данных о потерях основных противоборствующих сторон в годы Великой Отечественной войны⁴. По его мнению, потери Советских Вооруженных сил в войне составили 8,5 млн чел. убитыми, 2,5 млн чел. умершими от ран и болезней и 3,7 млн чел. скончавшихся в плену. Всего, по мнению Б. В. Соколова, погибло 14,7 млн военнослужащих⁵. «Чистую убыль» советского населения за военные годы

¹ Там же. С. 123–124.

² Михалев С. Н., Толмачева А. В. К вопросу об исчислении потерь противника на советско-германском фронте 1941–1945 гг. С. 99–100.

³ Козлов В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2; Гуркин В. В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3; и др.

⁴ Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9; Его же. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; и др.

⁵ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 11.

данный автор определил в 29,6 млн чел.¹ Действительные и потенциальные потери СССР в Великой Отечественной войне, согласно Б. В. Соколову, составляли около 46 млн чел., из них 16 млн — не родившихся детей². Цифра 46 млн чел. в качестве общей суммы прямых и косвенных потерь СССР уже называлась в советских публикациях, но в совершенно другой пропорции: 20 млн чел. — безвозвратные потери и 26 млн чел. — потенциальные потери³. Иначе Б. В. Соколов определил и потери Германии — 4 млн военнослужащих и 2 млн гражданских лиц⁴.

С течением времени взгляды Б. В. Соколова по рассматриваемому вопросу менялись. В 1998 г. он назвал новые цифры потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Теперь он утверждал, что в рядах Советских Вооруженных сил погибло в общей сложности 26,4 млн чел., а безвозвратные потери мирного населения составили 16,9 млн чел. Суммарную величину военных потерь населения СССР он определил в 43,3 млн чел. Автор привел и другую цифру общих безвозвратных потерь Германии — 5,95 млн чел. Согласно Б. В. Соколову, общие безвозвратные потери Германии были в 7,3 раза меньше советских безвозвратных потерь⁵.

В 2005 г. он уточнил цифру общих людских потерь СССР в 1939–1945 гг., определив ее в 43 448 тыс. чел.⁶ При этом он указал, что потери немецких солдат на советско-германском фронте составили 2,6 млн чел. Общую численность погибших военнослужащих вермахта и СС (включая иностранные формирования) он оценил в 3 950 тыс. чел., сохранив неизменной цифру общих людских потерь Германии в 1939–1945 гг. в 5,95 млн чел. (включая 300 тыс. погибших в концлагерях евреев, цыган и противников нацистов). В этом случае, согласно его расчетом, соотношение советско-германских потерь на фронте достигло 10:1⁷.

¹ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 12, 15.

² Там же. С. 14.

³ Поляков Л. Е. Цена войны. Демографический аспект. С. 87.

⁴ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 18, 19.

⁵ Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб., 1998. С. 208, 225, 230, 231, 257, 310.

⁶ Соколов Б. В. Вторая мировая: факты и версии. М., 2005. С. 340.

⁷ Там же. С. 343.

А. Г. Вишневецкий и другие критики Б. В. Соколова указывают, что он включает в потери СССР демографические потери (т. е. тех, кто мог бы родиться, но не родился), а для Германии нет. К тому же подсчет общих потерь СССР основан на откровенной фальсификации: численность населения СССР на середину 1941 г. указана в 209,3 млн чел., что на 12–17 млн чел. выше реальной, на начало 1946 г. — в 167 млн чел. или на 3,5 млн чел. выше реальной. В результате и возникает разница между его оценками и официальными данными¹. Тем не менее подсчеты Б. В. Соколова активно повторяются во многих изданиях и средствах массовой информации.

Другой жесткий критик сталинизма и официальных цифр потерь СССР в Великой Отечественной войне В. Г. Первышин оценил общие потери населения СССР в 1941–1945 гг. в 38 794 тыс. чел., из которых 17 841,7 тыс. чел. составляли военнослужащие. По его мнению, сухопутные войска Германии (без ВВС и ВМФ) потеряли погибшими 6 332 466 чел., кроме того, жертвами войны стали 2,15 млн мирных граждан².

Серия публикаций по данной теме принадлежит А. Н. и Л. А. Мерцаловым³. Она сочетает обращение к наиболее спорным выводам о потерях РККА и резкую критику сталинизма как «варварского» способа руководства страной и сокрытия непомерных жертв в годы Великой Отечественной войны. Авторы отличают бескомпромиссные оценки работ большинства исследователей, писавших за последние два десятилетия о потерях советских войск и страны в целом в годы войны — от «альтернативных» до «организаторов науки»⁴.

Исследователи связывают определение численности потерь в вооруженных силах с оценкой уровня военного искусства, рассматривая их в качестве показателя качественного состояния армии, обученности ее личного состава, мастерства военачальников вплоть до высшего эшелона военного командования и политического руководства государства⁵. Это предполагает дифференциацию данных о потерях в сравнительном аспекте по периодам, кампаниям, и отдельным бое-

¹ Демографическая модернизация России 1900–2000. М., 2006. С. 440.

² Первышин В. Г. Указ. соч. С. 367–370, 343–344.

³ Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР — РФ // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10 (58). С. 27–44; Вып. 11 (59). С. 14–37.

⁴ Там же. 2004. Вып. 10 (58). С. 41.

⁵ Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистическое исследование. С. 14; и др.

вым операциям Великой Отечественной войны. В данном русле выполнено и исследование коллектива под руководством Г. Ф. Кривошеева¹. Однако при этом ряд боевых операций оказался «растворен» в других, данные о других не учитываются, т. к. они не попали в официальную историю Великой Отечественной войны².

Еще в 1976–1991 гг. бывший начальник Главного военно-санитарного управления Советской армии и Военно-морского флота генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов опубликовал общие данные о количестве раненых и заболевших военнослужащих за годы войны и о результатах работы медицинских учреждений. Согласно этим данным, всего в годы войны насчитывалось 14 246 тыс. чел. раненых, контуженных, обмороженных, обожженных и 7 174 тыс. чел. заболевших бойцов и командиров. Из общего количества в 21 420 тыс. чел. было возвращено в строй 16 800 тыс. чел. (78,4 %), включая 10 300 тыс. (72,3 %) раненых и других пораженных, 6 500 тыс. (90,6 %) больных³.

По данным комиссии Г. Ф. Кривошеева, в годы Великой Отечественной войны 14 685,6 тыс. чел. получили ранения и контузии, а 7 641,3 тыс. чел. заболели. В целом, санитарные потери исчисляются в 22 326,9 тыс. чел. Из них было возвращено в строй 17 157,25 тыс. чел. (76,8 %), включая 10 530,75 тыс. (71,7 %) раненых и контуженных, 6 626,5 тыс. (66,7 %) больных. Умерло в госпиталях 1 371,5 тыс. (6,1 %) чел., включая 1 104,1 тыс. (7,5 %) раненых и контуженных, 267,4 тыс. (3,5 %) больных. Остальные 3 798,2 тыс. чел. (3 050 тыс. раненых и контуженных, а также 747,5 тыс. больных) были уволены со службы по излечении в госпиталях⁴. Количество инвалидов Великой Отечественной войны составило 2 576 тыс. чел., или 23 % от общей численности военнослужащих, получивших ранения, контузии и заболевших в период пребывания в действующей армии⁵.

¹ Гриф секретности снят; Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование.

² См.: Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 г. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; и др.

³ Смирнов Е. И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания 1939–1945 гг. М., 1976. С. 195, 456; Его же. Фронтное милосердие. М., 1991. С. 427.

⁴ Гриф секретности снят... С. 136.

⁵ Там же. С. 140.

Эти данные незначительно отличаются от цифр, приведенных Е. И. Смирновым. Однако они отражают санитарные потери Вооруженных сил в целом. Боевые санитарные потери, согласно донесениям фронтов, составили 18 344,2 тыс. чел., включая 15 296,5 тыс. (83,3 %) раненых и 3 047,7 тыс. (16,6 %) больных¹. От ран и болезней на фронте умерли 1 209,5 тыс. чел.² Приведенная цифра на 520 тыс. чел. превышает численность раненых, контуженных, обожженных и обмороженных. Это объясняется тем, что в донесения фронтов включались сведения о раненых и контуженных, остававшихся для излечения в полковых и дивизионных медицинских учреждениях и не зафиксированных в учетных документах Центрального военно-медицинского управления НКО СССР. С. Н. Михалев также обращает внимание на то, что в приведенных цифрах показана не численность людей, а количество случаев ранений и заболеваний³. Согласно статистическим данным ЦВМУ НКО, к концу войны в строю оставалось 2 668,8 тыс. чел., получивших 4 513 ранений в боях. Из них по одному ранению имели 1 477 тыс. чел., по два и более — 1 191,3 тыс. чел.⁴

Значительно большие цифры санитарных потерь Советских Вооруженных сил в годы войны приводит Б. В. Соколов. Он исчисляет их в 28,7 млн чел., в том числе раненых и контуженных 27,8 млн чел., умерших от ран в госпиталях — в 2,6 млн чел. Приводимые им данные оказываются в 1,5–2,3 раза выше официальных цифр⁵.

Существенную роль в выяснении численности погибших советских граждан в годы Великой Отечественной войны сыграла подготовка Книг памяти. В разное время в различных населенных пунктах, в основном по инициативе ветеранов войны, стали составлять поименные списки жителей, не вернувшихся с фронта или погибших при их освобождении⁶. 17 января 1989 г. ЦК КПСС принял решение о подготовке и издании с 1989 по 1995 г. Всесоюзной Книги Памяти, состоящей из Книг Памяти областей, краев, республик⁷. Издание

¹ Там же. С. 134, 144.

² Там же. С. 130.

³ Михалев С. Н. Указ. соч. С. 25.

⁴ Гриф секретности снят... С. 135.

⁵ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 9.

⁶ Книга-мемориал воинов, погибших при защите Родины в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. и захороненных в городе Калинин. Калинин, 1986; и др.

⁷ О Всесоюзной Книге Памяти // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 37–39.

должно было включать фамилии военнослужащих, партизан и подпольщиков, погибших и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны и в боях против японских милитаристов. Инициаторами и участниками создания книги стали Министерство обороны СССР, Всесоюзный комитет ветеранов войны и труда, ЦК ВЛКСМ, Госкомиздат, Советский фонд мира, другие ведомства и общественные организации.

Своим указом Президент СССР М. С. Горбачев придал созданию Книги Памяти статус важного государственного мероприятия¹. Однако политические и экономические преобразования в стране на рубеже 1980–1990-х гг. не позволили в большинстве регионов своевременно взяться за данную работу. Всероссийский масштаб она приобрела после принятия Постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 1004 «Вопросы подготовки и издания Книг Памяти»² и закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»³.

В алфавитные списки погибших, включая пропавших без вести, умерших от ран и болезней, фамилии заносились по месту их призыва или рождения. В качестве источников использовались документы по персональному учету безвозвратных потерь ЦАМО РФ, Центрального военно-морского архива, Военно-медицинского музея; военкоматские книги (карточки) учета призванных на действительную военную службу и алфавитные книги по учету погибших военнослужащих и назначению пенсий; дворовые книги учета и карточки проживающих в домах городских домоуправлений; книги захоронений; документы региональных и местных органов власти, архивов и музеев; материалы, собранные советами ветеранов войны, отделениями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведами и поисковиками. Существенную помощь рабочим группам по созданию Книг памяти оказали публикации предварительных списков погибших в районных и городских газетах, позволившие

¹ Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг» // Известия. 1991. 9 февраля.

² Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 26. Ст. 2406.

³ Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 245.

внести в них исправления и добавления. Обработкой военных документов и подготовкой материалов занимался Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

К 50-летию Победы в 1995 г. в России было издано более 700 томов поименных Книг памяти¹. В результате было установлено, например, что во время войны погибли 469 255 жителей Краснодарского края, в том числе 2952 женщин². В Ставропольском крае благодаря работе над Книгой памяти удалось создать «своеобразный банк уточненных сведений на 190 тыс. воинов, погибших и пропавших без вести», а всего домой, как выяснилось, не вернулось около 200 тыс. жителей края³. В Адыгее удалось дополнительно выявить 14 785 имен погибших, а также выяснить судьбы 4647 чел., считавшихся ранее пропавшими без вести. Всего же, по уточненным сведениям, с войны не вернулось 30 543 жителей Адыгейской автономной области⁴.

Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания Книг памяти из-за отсутствия необходимых документов. Составители обзорного тома с сожалением констатировали, что «местами в поименных Книгах памяти очень скупо рассказано о погибших, а о некоторых ничего не сказано. На многих ушедших на фронт и погибших в боях, к сожалению, никаких данных пока нет»⁵.

¹ Книга памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 1993–1995. Т. 1–17; Книга памяти Республики Коми: Имена воинов, убитых в боях, умерших от ран в госпиталях, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), земляков коми и призванных военкоматами республики. Сыктывкар, 1993–1995. Т. 1–3; Книга памяти. Ижевск, 1994. Т. 1–2; Книга памяти: Российская Федерация. Краснодарский край. Краснодар, 1994. Т. 1–9; Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Нижний Новгород, 1994–1995. Т. 1–13; Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Российская Федерация. Московская область. М., 1994–1995. Т. 1–2, 4, 19; Книга памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Российская Федерация. Приморский край. Владивосток, 1995. Т. 1–3; и др.

² Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. Краснодар, 2000. С. 6.

³ Книга памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 8–9; 1997. Т. 11. С. 9.

⁴ Книга памяти. Майкоп, 1995. Т. 2. С. 11.

⁵ Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 9.

Погибших нередко хоронили в спешке, под огнем противника: «Случалось и так, что после боя не могли опознать погибшего, установить его имя и фамилию, место рождения и призыва на фронт. А там, где были эти данные, они записывались на фанере и химическим карандашом. Дожди и непогоды стирали эти записи... Порою то, что сохранилось в архивах, трудно разобрать: запись велась со слов бойца, на газетной или оберточной бумаге, на которой со временем невозможно установить текст»¹. Почти половина советских военнослужащих, не вернувшихся с войны, по-прежнему числились пропавшими без вести. Например, в Костромской области их насчитывалось более 45 %², в Тульской области — более 50 %³. По словам авторов обзорного тома Всероссийской книги памяти: «На многих ушедших на фронт и погибших в боях, к сожалению, никаких данных пока нет»⁴.

Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и опiski. Наиболее сложно установить имена военнослужащих, погибших со своими соединениями в «котлах» 1941 г., похороненных за пределами России, а также находившихся в немецком плену. Составители одной из Книг памяти справедливо отмечали необходимость продолжения работы над поименными списками погибших: «Это благородное дело нельзя считать законченным, т. к. половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести»⁵. Редколлегия другой Книги памяти откровенно призналась в том, что не может «поручиться за полную достоверность этих списков», т. к. «слишком формально и часто небрежно были проведены подготовительные и учетные работы и в военкоматах, и в местных (тогда) Советах» во многих населенных пунктах⁶.

Поэтому составление и издание Книг памяти продолжилось, причем не только по административно-территориальному принципу — на материалах отдельных регионов — субъектов Российской Федерации⁷,

¹ Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. С. 6–7.

² Книга памяти Костромской области. Ярославль, 1995. Т. 7. С. 554.

³ Книга памяти 1941–1945. Тульская область. В 15 т. Т. 15. Тула, 2000. С. 57.

⁴ Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 9.

⁵ Книга памяти. Майкоп, 1994. Т. 1. С. 15–16.

⁶ Они не вернулись из боя... Книга памяти. Российская Федерация. Краснодарский край. Мостовской район. Майкоп, 1995. С. 8.

⁷ Книга памяти. Орел, 1997. Т. 6; Книга памяти. Ярославль, 1997. Т. 7; Книга памяти Красноярского края. Красноярск, 1996–1998. Т. 6–8; Книга Памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Н. Новгород, 1996. Т. 14–15. Дополнительные списки по районам г. Ниж-

районов и населенных пунктов¹ — но и по различным социальным критериям: национальным² или профессиональным³. Свои Книги памяти издали также крупные учреждения с большим количеством сотрудников, многие из которых погибли в годы Великой Отечественной войны⁴. Благодаря инициативе отдельных энтузиастов, поисковых отрядов, привлечению родных и близких участников войны удалось уточнить сведения о потерях советского населения в 1941–1945 гг., опубликовать дополнительные и исправленные списки погибших. В ходе дальнейшей работы по увековечиванию памяти о погибших соотечественниках были составлены списки потерь советских граждан в советско-финской и советско-японской войнах, других вооруженных конфликтах предвоенного и послевоенного времени⁵.

него Новгорода и Нижегородской области; Книга памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Калужская область. Калуга, 2000. Т. 6 (дополнительный); Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Российская Федерация. Московская область. М., 2000–2003. Т. 3, 5–18, 20–28; Книга памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996–2002. Т. 4–9; и др.

¹ Книга памяти Хасавюрта. Махачкала, 1994; Книга памяти. Город Обнинск, 1941–1945. Тула, 1995; Книга памяти, 1941–1945: Карачаевский район. Черкесск, 1995; Книга памяти Сосновского района Челябинской области. Челябинск, 2000; Книга памяти Прибайкальского района. Улан-Удэ, 2002; и др.

² Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941–1945: Посвящается 50-летию Победы. М., 1995–1999. Т. 1–6; Книга памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. М., 2000; и др.

³ Книга памяти шахтеров, погибших в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 годы. М., 1995; Книга памяти работников образования Нижегородской области. Н. Новгород, 1995; Книга памяти кировчан — сотрудников органов госбезопасности и контрразведки, воинов пограничных и внутренних войск НКВД СССР, партизан, погибших, умерших от ран и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Киров, 1998; Книга памяти сотрудников органов внутренних дел Омской области, погибших при исполнении служебного долга. Омск, 1999; Книга памяти работников центральных плановых органов, участвовавших в боевых действиях и работавших в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000; и др.

⁴ Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, 1941–1945. СПб., 1995–2000. Вып. 1–2; Книга памяти Российской государственной библиотеки. М., 1995; и др.

⁵ Книга памяти пограничников, погибших и без вести пропавших в войне с Финляндией и при выполнении воинского долга по защите Отечества. М., 1997. Т. 4; Книга памяти. 1939–1940 гг. М., 1999. Т. 2–9; и др.

Всего в России к концу первого десятилетия XXI в. вышло 1,5 тыс. томов Всероссийской книги памяти. Чтобы вывести проводимую работу за рамки государственных границ России, значительно отличающихся от тех, в которых существовал СССР, 21 октября 1994 г. была принята Межгосударственная программа мероприятий по увековечиванию памяти граждан, погибших, защищая Родину, и жертв Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В соответствии с этой программой издаются Книги памяти в республиках СНГ. Например, на Украине было издано 400 томов Книги памяти Украины, в которых содержатся сведения о 10 млн украинцев, погибших в войне. С целью обобщения опубликованных сведений разработан общественный интернет-проект «Электронная Книга памяти Украины»¹. Однако во многих бывших советских республиках эта работа не получает серьезной финансовой и организационной поддержки. К тому же поиск новой национальной идентичности нередко сопровождается активным пересмотром исторических событий, особенно Великой Отечественной войны, приводит к забвению памяти об ее участниках и, напротив, апологии тех, кто воевал с «другой стороны».

В последнее время исследователи стали обращаться к судьбам гражданского населения тыловых районов. Появление исследований, выполненных на материалах отдельных регионов — Сибири, Поволжья, позволяющих проследить резкое уменьшение численности, ухудшение половозрастного состава за счет сокращения трудоспособного населения вследствие мобилизации на фронт. Особенно пострадало сельское население: основную его массу к концу войны составляли женщины, дети и престарелые. Указывается на снижение рождаемости, ухудшение продовольственного снабжения приводило к голоду как в явных, так и в скрытых формах. Так, А. И. Репинецкий отмечает, что в Поволжье общая убыль населения в 1941–1945 гг. составила более 1,2 млн чел., или 10,4 % от общего количества жителей, проживавших в регионе в 1939 г. (с учетом выселения 446,5 тыс. немцев)².

Исследователи обращают внимание и на повышенную смертность в военные годы советских заключенных вследствие снижения норм питания в лагерях. Согласно приводимым В. Н. Земсковым

¹ Электронная Книга памяти Украины. URL: <http://www.memory-book.com.ua> (дата обращения 3.03.2011).

² Репинецкий А. И. Демографическая ситуация в Поволжье после окончания Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 182.

данным, всего в лагерях и колониях ГУЛАГа, а также в тюрьмах в 1941–1945 гг. умерло около 1 млн заключенных¹. В то же время пока не выявлены полные сведения о людских потерях партизан и подпольщиков, частей и соединений народного ополчения, истребительных отрядов и батальонов, создававшихся в прифронтовых городах и районах, военизированных формирований различных ведомств².

В целом, Великая Отечественная война кардинальным образом изменила демографическую ситуацию в СССР. Последствия войны в данной сфере Россия продолжает ощущать до сих пор. Особый статус войны как важнейшего «места памяти» советского и современного российского общества породил и особый контроль над ее изучением. К наиболее идеологизированным вопросам всегда относилась проблема потерь советского населения в годы Великой Отечественной войны. Долгое время определение их масштаба зависело непосредственно от высших руководителей государства. Только в последние годы у исследователей появилась возможность более свободного обсуждения данной проблемы, что привело к возникновению ее различных оценок. Однако политизация военной темы и сегодня затрудняет установление подлинной численности потерь советского населения в 1941–1945 гг.

4.3. Демографические последствия нацистской оккупации и трагедия советских военнопленных

Характерными особенностями Второй мировой войны стали не только общее огромное количество потерь, значительно превосходящее жертвы всех предыдущих вооруженных мировых конфликтов, но и сама их структура. Если в большинстве войн до начала XX в. основные жертвы несли их непосредственные участники, то в 1939–1945 гг. существенно возросла доля потерь гражданского населения. Особенно большие жертвы понесло мирное население СССР, что во многом объясняется жестокой политикой оккупантов.

Массовый характер жертв среди советского гражданского населения потребовал создания уже во время Великой Отечественной войны специального органа для их учета. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненно-

¹ Земсков В. Н. Смертность заключенных в 1941–1945 гг. С. 177.

² Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 408.

го ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — ЧГК). 16 марта 1943 г. было утверждено положение о ЧГК. В нем говорилось, что она собирает документальные данные, проверяет их и по мере необходимости публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе. Председателем комиссии стал секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник, членами комиссии секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, известный советский писатель А. Н. Толстой, академики историк Е. В. Тарле, нейрохирург Н. Н. Бурденко, гидроэнергетик Б. Е. Веденеев, биолог Т. Д. Лысенко, юрист И. П. Трайнин, летчица, Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич)¹.

В освобожденных республиках и областях были созданы местные комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, которые действовали в тесном сотрудничестве и под руководством ЧГК. К началу 1944 г. уже действовало 19 областных и республиканских комиссий. В районах, где не была восстановлена работа местных органов власти, расследования проводились командным составом частей РККА при участии военных врачей. Факты злодеяний документировались актами на основе заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебных экспертиз и осмотра места совершения преступлений. При этом требовалось установить конкретных виновников преступлений — организаторов, подстрекателей, исполнителей, пособников, выяснить их фамилии, названия воинских частей, учреждений, организаций.

Акты составлялись непосредственно на местах совершения преступлений в месячный срок после освобождения советских территорий, в них также указывались фамилии, имена, отчества и места жительства граждан, удостоверивших факты злодеяний. К актам должны были прилагаться относившиеся к делу документы — протоколы опросов, заявления граждан, заключения медицинских экспертов, фотоснимки, письма советских людей, угнанных в Германию, немецкие документы. Члены комиссий производили обследование

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 96–98.

могил и трупов, собирали многочисленные показания свидетелей и освобожденных узников немецких тюрем и концлагерей, допрашивали военнопленных, изучали документы, фотоснимки и другие улики преступлений. Всего ЧГК рассмотрела и изучила 54 тыс. актов, свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях фашистов, около 4 млн актов о материальном ущербе, причиненном немецкими захватчиками. В работе по составлению актов о преступлениях захватчиков и установлению причиненного ими ущерба приняли участие свыше 7 млн чел.

На основании материалов расследований ЧГК составила список руководителей и непосредственных исполнителей преступлений — немецких захватчиков и их пособников из советских граждан. Опираясь на документы и вещественные доказательства, ЧГК опубликовала за время своей работы 27 сообщений о злодеяниях гитлеровцев, совершенных ими на территории СССР и Польши, а после войны вышел специальный сборник документов¹. Собранные материалы позволили уже в 1943 г. провести первые судебные процессы над военными преступниками в Краснодаре и Харькове, а в 1945–1946 гг. в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске и других городах. Они также составили важнейшие доказательства советского обвинения на Нюрнбергском процессе².

Первая критика в адрес ЧГК прозвучала со стороны зарубежных исследователей. Немецкий историк Д. Поль отметил, что на результаты работы ЧГК влияли региональные партийные организации и органы государственной безопасности, и это предопределило сам ход расследования и относительно общие оценки потерь. Д. Поль также считал преждевременным прекращение расследования в 1945 г. Тем не менее он подчеркнул важность материалов, собранных ЧГК, которые включают и немецкие документы³.

В настоящее время работа ЧГК в целом и в отдельных регионах подвергается переосмыслению и российскими исследователями. Так, С. Г. Степаненко раскрыл трудности в работе ЧГК на территории Краснодарского края. Он указал на отсутствие у ее сотрудников необходимых инструкций для подсчета ущерба, нехватку квалифици-

¹ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

² Лебедева Н. С. Подготовка нюрнбергского процесса. М., 1975.

³ Pohl D. Die einheimischen Forschungen und der Mord an Juden in den besetzten Gebieten // Wolf Kaiser. Täter im Vernichtungskrieg. Berlin, 2002. S. 206.

рованных кадров, самоустранение отдельных руководителей на местах, формальное отношение ряда членов к делу. Автор также отметил несогласованность в работе комиссий различного уровня, грубые ошибки при подсчетах, наконец, настороженное отношение самого населения к данной акции. С. Г. Степаненко пришел к обоснованному выводу о том, что название и деятельность комиссии в полной мере соответствовали «политическому и идеологическому моменту военного времени»¹.

Еще в годы Великой Отечественной войны появилось немало работ, рассказывавших о зверствах оккупантов на захваченной территории и носивших пропагандистский характер². В периодической печати и специальных брошюрах широко освещались первые судебные процессы немецких захватчиков и их пособников³, подтверждавшие факты массового террора над мирным советским населением в период нацистской оккупации. Материалы судебных процессов вышли отдельными изданиями⁴. В этих публикациях были представлены данные о потерях советского населения в отдельных регионах СССР, подвергшихся немецкой оккупации. Однако они носили предварительный характер.

Первые обобщающие данные о масштабах уничтоженных и расстрелянных советских граждан на оккупированной фашистами территории СССР были приведены на Нюрнбергском процессе. В опубликованных документах процесса отмечалось, что в семи союзных республиках погибло 9 987 тыс. мирных жителей⁵. Уничтожение гражданского населения проводилось различными способами и средствами. Для этого заранее были отработаны методики массовых расстрелов, использо-

¹ Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 111.

² Варга Е. Фашистский «новый порядок» в Европе. М., 1942; Заславский Д. Гитлеровская армия крепостников и мракобесов. М., 1942; Леонтьев А. «Зеленая папка Геринга». М., 1942; Петросян А. Кто такие «национал-социалисты» и как они обманывают народ. Пятигорск, 1942; и др.

³ Кононенко Е. Перед судом народа. М., 1943; Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944; и др.

⁴ Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Краснодар, 1943; О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М., 1943.

⁵ Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961. С. 307–315.

вания «душегубок», применения газа «циклон» и печей крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвленных людей.

Специальная разработка проблемы оккупационного режима на советских территориях в отечественной историографии началась в период «оттепели» и была продолжена в последующие годы. Расширение контактов советских историков позволило им принять участие в Третьей международной конференции по истории движения Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны, состоявшейся в 1963 г. в Карловых Варах и посвященной теме «Оккупационный режим нацистов в Европе: его формы, методы и развитие». В докладах и сообщениях советских историков, представленных на конференции, а позже изданных в отдельном сборнике¹, раскрывались жестокие репрессии захватчиков, экономическое ограбление территорий СССР, бесправие населения.

В последующие годы данная проблема получила отражение в других общих и специальных трудах². Сущность «нового порядка» на оккупированных территориях СССР «сводилась к тому, чтобы ликвидировать советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, искоренить марксистско-ленинскую идеологию, истребить большую часть населения страны, а оставшихся людей превратить в рабов, грабить как можно больше народного богатства — продовольствия, сырья, готовой продукции»³.

¹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2–3; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. Кн. 1. М., 1970; Сеницына Н. И. Провал аграрной политики на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10; Гутин М. Л. Фашистский «новый порядок»: политика, оккупационный режим // В тылу врага. М., 1974. С. 321–394; Загорюлько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР). 2-е изд. М., 1974; История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975–1976. Т. 4–6; Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944. М., 1976; История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 3; Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1986; и др.

³ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 340.

Одним из результатов фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны стал угон граждан СССР на работу в Третий рейх и захваченные им страны в 1942–1944 г. Уже в ноябре 1941 г., после осознания немецким высшим руководством провала «блицкрига», оно дало указание по использованию «русской рабочей силы» на территории Германии. В январе 1942 г. была поставлена задача вывезти из оккупированных районов на принудительные работы в Германию 15 млн рабочих из СССР. По немецким сведениям, в феврале 1942 г. еженедельно отправлялось в Германию 8–10 тыс. «гражданских русских». Советских граждан в Германии называли остарбайтерами («восточными рабочими») или просто «остовцами». Положение «остовцев» в Германии было крайне тяжелым. Каторжный труд, плохое питание и жестокие наказания за малейшие отклонения от лагерного режима стали причинами высокой смертности среди остарбайтеров, что позволяло отнести их к категории лиц, репрессированных в годы войны.

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что из СССР германские оккупационные власти принудительно вывезли 4 979 тыс. чел. гражданского населения. Позже была опубликована еще большая цифра: всего на принудительные работы с оккупированных территорий СССР было вывезено 5 269 513 чел., из них с территории УССР — 2,4 млн чел., с территории БССР — 400 тыс. чел.¹ После войны было репатриировано на родину 2 654 100 чел. По возвращении в СССР остарбайтеры нередко встречали недоверие со стороны официальных советских властей, подвергались дискриминации при устройстве на работу и поступлении в учебные заведения, часть была репрессирована за сотрудничество с противником: казнена или сослана в лагеря².

Уже в годы Великой Отечественной войны появились первые публикации о тяжелой судьбе советских граждан, оказавшихся за рубежом, их писем³. Помимо статей в периодической печати выходили брошюры с характерными названиями «Домой на Родину», «Они вернулись на родину», «Родина знает о твоих муках», носившие пропагандистский характер⁴. В подобных публикациях рассказывалось

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. С. 738.

² Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

³ Письма из немецкого рабства. М., 1943; и др.

⁴ Брычев Н. Домой на Родину! М., 1945; Вистинецкий М. А. Родина знает о твоих муках. М., 1945; Они вернулись на Родину. Альбом. М., 1948; и др.

о тяжелых условиях труда «остовцев» в Германии¹. «Восточных рабочих» убеждали в необходимости возвращения на родину (часть из них опасалась преследований со стороны советской власти). Данную цель выполнял и специальный сборник документов, включавший тексты интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковника Ф. И. Голикова и другие материалы, ранее опубликованные в печати. В них приводились первые данные о количестве вернувшихся репатриантов, сообщалось о том, что все граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, ожидают своего возвращения на родину, высказывались претензии к союзным властям за срыв репатриации и содержание советских граждан «в совершенно неудовлетворительных условиях»².

В послевоенной советской историографии проблема принудительного труда советских граждан в Германии и на оккупированной территории получила лишь фрагментарное освещение. Только в первом обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны, вышедшем в годы «оттепели», впервые указывалось на незаконные репрессии в отношении репатриированных, ответственность за которые, в соответствии с духом времени, возлагалась на «враждебные действия Берия и его сообщников». В то же время здесь подчеркивалась помощь, оказанная советским правительством, в трудовом и жилищном устройстве репатриантов³. Еще ранее вышла книга воспоминаний бывшего руководителя советской репатриационной миссии в английской оккупационной зоне в Германии и Дании полковника А. И. Брюханова, в которой отмечалось, что возвращение советских граждан стремились сорвать правительства Англия и США, не пускавшие перемещенных лиц на родину⁴.

Прямо противоположный взгляд на судьбу репатриантов содержали воспоминания Н. Н. Краснова (младшего), В. Г. Науменко и

¹ Безденежных П. В родные края. М., 1945; Заславский Д. Смерть и муки советских людей под пятой немецких извергов. М., 1945; Кривицкий А. Как советский народ помогает Красной Армии. М., 1945; Хазанович Ю. Этого нельзя забыть. М., 1945; и др.

² Репатриация советских граждан: Сб. официальных материалов. М., 1945.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1962. Т. 4. С. 638.

⁴ Брюханов А. Как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М., 1958.

других эмигрантов. В них подчеркивалось нежелание многих бывших советских граждан возвращаться в СССР. Авторы, опираясь на собственный жизненный опыт и воспоминания других очевидцев, рассказывали о репрессиях по отношению к ним, осуждали англичан и американцев, выдавших их в «руки НКВД»¹.

Во второй половине 1960 — начале 1980-х гг. разработка темы оstarбайтеров и их возвращения на родину в советской историографии практически прекратилась. Пожалуй, единственным произведением, создавшим в эти годы выразительную картину их трагической судьбы в художественной форме, стала автобиографическая повесть ростовчанина В. Н. Семина «Нагрудный знак “OST”»².

Только в 1990-е гг. стало возможно изучение проблемы принудительного труда советских граждан в Третьем рейхе на основе рассекреченных материалов. Принудительный труд гражданского населения СССР в сельском хозяйстве Германии в исследовании, посвященном анализу основных направлений нацистской аграрной политики, затронул А. А. Аникеев³. В ряду первых публикаций по данной проблеме находится и работа В. И. Андриянова, но вводимый им материал носит фрагментарный характер⁴. Работы Ю. Н. Арзамаскина⁵, В. Н. Земскова⁶, Л. Л. Рыбаковского⁷, А. А. Шевякова⁸ ос-

¹ Краснов Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957; Науменко В. Г. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947): в 2 т. Н.-Й., 1960–1972; и др.

² Семин В. Нагрудный знак «OST»: Роман, повесть, рассказы. М., 1978.

³ Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов н/Д, 1990.

⁴ Андриянов В. И. Память со знаком OST: Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах, письмах и документах. М., 1993.

⁵ Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001; и др.

⁶ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; Его же. Репатриация советских граждан в 1945–1946 гг. Опираясь на документы // Россия. XXI. 1993. № 5. С. 74–81; и др.

⁷ Рыбаковский Л. Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000; Его же. Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 85–95.

⁸ Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 3–11; Его же. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны // Там же. 1992. № 11. С. 3–17; и др.

вещают нацистские планы в отношении экономического использования территории СССР, численность угнанных в Германию советских граждан и проблему их репатриации. Особое место в отечественной историографии данной проблемы занимают работы П. М. Поляна¹. Его обобщающий труд представляет наиболее полное исследование судьбы «восточных рабочих», подготовленное на основе широкого круга различных источников. Обращается внимание и на трудности послевоенной жизни репатриированных граждан².

При этом подходы авторов к данной проблеме во многом отличаются. А. А. Шевяков апологетизирует действия руководства СССР и в соответствии со сложившейся советской историографической традицией критикует англичан и американцев за то, что они не выдали часть репатриантов, способствуя образованию новой антисоветской эмиграции³. Напротив, П. М. Полян рассматривает репатриацию как еще одно преступление сталинского режима и также критикует англичан и американцев, но уже за то, что те слишком много передали советским властям перемещенных лиц, которые не хотели возвращаться в СССР. Более взвешенную позицию по данному вопросу занял В. Н. Земсков, признающий, что «судьба десятков тысяч советских перемещенных лиц (особенно офицеров) сложилась трагически. Однако большинство репатриантов избежало арестов. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали». Поэтому В. Н. Земсков считает: «Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы»⁴.

¹ Полян П. «ОСТ»ы — жертвы двух диктатур // Родина. 1993. № 2. С. 51–58; Его же. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Его же. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002; Его же. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 95–100; и др.

² Репинецкий А. И. Демографическая ситуация в Поволжье после окончания Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 187; и др.

³ Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8; Его же. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.

⁴ Земсков В. Н. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 331–358.

Постепенно появляются работы, посвященные оstarбайтерам в отдельных регионах, но в целом эти вопросы относятся к наименее изученным. Например, М. Р. Стругова рассмотрела динамику возвращения репатриантов в Краснодарский край, их устройство на работу, отношение к ним официальных властей, деятельность приемно-распределительного пункта на станции Кавказская в городе Кропоткине, через который прошли тысячи людей¹. Однако общее количество жителей Краснодарского края, оказавшихся на работе в Третьем рейхе, по-прежнему остается спорным. Советские историки, опиравшиеся на данные краевой комиссии по выявлению злодеяний и учету материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Краснодарскому краю, определили общее количество угнанных с территории края людей в 31 771 чел. Согласно сведениям П. М. Поляна, использовавшего документы фондов ГАРФ, из Краснодарского края было угнано 48 484 чел. Однако в материалах статистического управления Краснодарского края приводится намного превосходящая предыдущие данные цифра в 102 тыс. угнанных гражданских жителей, а в документах переселенческого отдела крайисполкома — 129 335 чел.²

С 1990 г., после публикации первых сведений о предоставлении Германией денежной компенсации советским гражданам за принудительный труд в годы войны, в «Мемориал» поступило около 400 тыс. писем бывших «остовцев», ошибочно полагавших именно здесь получить соответствующее вознаграждение. Эти письма, хранящиеся в архиве «Мемориала», представляют собой ценный источник по рассматриваемой проблеме. Кроме того, под эгидой Международного «Мемориала» и Фонда им. Генриха Белля был осуществлен крупный международный проект «Восточные рабочие в Третьем Рейхе до и после 1945 года», в рамках которого проводилось письменное анкетирование оstarбайтеров³. В настоящее время реализуется целый ряд российских и международных исследовательских проектов, предусматривающих запись рассказов бывших «остовцев». В их числе программа «Документация принудительного труда в национал-со-

¹ Стругова М. Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 47–52.

² Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 407. Л. 4; Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

³ Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. С. 18.

циалистической Германии», реализуемая Центром устной истории и биографии Международного «Мемориала» при содействии фонда «Память, ответственность и будущее» (Берлин) и Института истории биографии (Хаген)¹.

Современные военные исследователи оценили общие потери гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне в 13 684 692 чел. Эта цифра складывается из следующих составляющих: преднамеренно истреблено оккупантами на захваченной территории 7 420 379 чел., умерло и погибло от жестоких условий оккупационного режима (голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи и т. п.) 4,1 млн чел., погибло на принудительных работах в Германии 2 164 313 чел. Еще 451,1 тыс. чел. по разным причинам не возвратились и стали эмигрантами².

Однако мирное население несло также большие потери от боевого воздействия противника в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Полные статистические материалы по рассматриваемым видам потерь гражданского населения отсутствуют. В Сталинграде только в августе 1942 г. во время массированных налетов авиации противника погибло свыше 40 тыс. чел. гражданского населения³. Десятками тысяч жизней исчисляются потери мирных граждан СССР от бомбардировок люфтваффе Севастополя и Одессы, Новороссийска и Смоленска, Минска и Тулы, Харькова и Мурманска, Ростова-на-Дону и многих других советских городов. В последнее время исследователи стали обращать внимание и на негативные последствия для населения от бомбардировок оккупированных городов и советской авиации, стремившейся при этом нанести урон противнику⁴. Однако эти сюжеты нельзя еще считать достаточно проработанными, чтобы сделать какие-то обобщающие выводы.

В Ленинграде, по официальным данным, во время блокады с сентября 1941 по январь 1943 г. умерло от голода 641 тыс., погибло от артиллерийских обстрелов противника 17 тыс. жителей города. Од-

¹ См., например: Кринко Е. Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений: Сб. науч. ст. Краснодар, 2009. С. 48–49.

² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 47.

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. С. 401.

⁴ Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 102–103, 212.

нако эти цифры вызывают дискуссию. А. А. Шевяков привел цифру в 1,4 млн погибших в Ленинграде и Ленинградской области¹. П. М. Полян считает, что в Ленинграде погибло немногим более 700 тыс. чел.² При этом оба автора опираются в своих исследованиях на материалы ЧГК. По мнению же Д. С. Лихачева, во время блокады в городе погибло не менее 2 млн чел., т. к. туда бежали от наступавшего врага многие жители сельских районов, которых никто не учитывал³. По оценкам С. Максудова, на оккупированных территориях и в блокаде Ленинграде погибло около 7 млн чел. (из них 1 млн в блокаде Ленинграде, а 3 млн чел. составили еврей-жертвы Холокоста). Еще около 7 млн чел. погибли в результате повышенной смертности на неоккупированных территориях.

А. А. Шевяков утверждал, что численность мирного населения, преднамеренно истребленного оккупантами, составила приблизительно 6,4 млн чел., еще около 5,5 млн чел. умерло от голода и заразных болезней (из них 4,5 млн чел. на Украине)⁴. Позже он оценил численность погибших мирных жителей и советских военнопленных в 11,3 млн «расстрелянных фашистами в лагерях и по месту жительства», добавив к ним 6,5 млн чел., «погибших от организованного оккупантами голода и внесения эпидемий» и 3 млн чел. гражданского населения, «погибшего на немецкой каторге и в результате ее последствий». Общий итог потерь гражданского населения СССР, согласно А. А. Шевякову, составил 20,8 млн чел.⁵

В последнее время преступления нацистов на оккупированных советских территориях стали подвергаться определенным сомнениям в историографии постсоветских государств. В частности, в прибалтийских республиках приход вермахта рассматривается как «освобождение от советской оккупации». Вследствие этого факты насилия со стороны нацистов и местных коллаборационистов замалчиваются «как несоответствующие новому национальному мифотворчеству и официальной идеологии» или приобретают совершенно новую

¹ Шевяков А. А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны. С. 4.

² Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. С. 369.

³ Рыбаковский Л. Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 85.

⁴ Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР. С. 7.

⁵ Шевяков А. А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны. С. 3–17.

интерпретацию. Например, крупнейший концлагерь в Прибалтике — Саласпилсский, в котором, по данным ЧГК, было уничтожено 53 тыс. чел., а с «филиалами» около 100 тыс. чел., характеризуется как «воспитательно-трудовой лагерь», где людей перевоспитывали трудом. Позже возникло предложение вообще переименовать памятный мемориал в Саласпилсе в «мемориал жертв двух оккупаций — немецкой и русской»¹.

Подобные идеи вызывают несогласие со стороны части российских историков, что привело к появлению ряда публикаций, посвященных нацистской оккупационной политике, уничтожению мирных советских граждан и военнопленных. Существенное внимание уделяется и роли местных коллаборационистов в осуществлявшихся репрессиях, замалчивавшейся в советской историографии, пропагандировавшей принципы «дружбы народов»². Вследствие этого карательные меры советского правосудия против немецких военных преступников и коллаборационистов в ряде современных публикаций рассматриваются как вполне оправданное и обоснованное наказание³.

Во время Великой Отечественной войны советское руководство не располагало данными о численности бойцов и командиров, оказавшихся в плену у противника. Они скрывались за формулировкой «без вести пропавших», количество которых значительно приуменьшалось. За всю войну, по официальным донесениям, в плен попало всего 36 194 советских военнослужащих. Командиры докладывали о пленных только тогда, когда имели этому соответствующие подтверждения, а в остальных случаях указывались «без вести пропавшие»⁴.

¹ Гусев И. Саласпилс. Отрицание преступлений нацизма как основа национального самосознания // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международ. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2011. С. 480–483.

² Алексеев Ю. «Маленькая фабрика смерти» // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. С. 272–286; Кудряшов С. Немецкие айнзатцгруппы в годы войны // Там же. С. 158–175; Молодова И. Массовый голод населения в оккупированных нацистами городах западного региона РСФСР // Там же. С. 176–182; Ковалев Б. История уничтожения мирных граждан у деревни Жестяная Горка в 1942–1943 гг. // Там же. С. 264–271; и др.

³ Дюков А. Р. Милость к павшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

⁴ Кривошеев Г. Ф. Некоторые новые данные анализа сил и потерь на советско-германском фронте // Мир истории. 1999. № 1.

В первые месяцы войны советские военнопленные размещались на оккупированной территории СССР, прямо в прифронтовой зоне, либо в «дулагах» в оперативном тылу вермахта. Затем их перемещали в стационарные лагеря для военнопленных — «шталаги», командный состав в офицерские лагеря — «офлагы». Во всех лагерях условия содержания были крайне тяжелыми. Фронтовые лагеря и «дулагы» размещались в сельскохозяйственных постройках, складских помещениях, но чаще всего в оврагах, карьерах и низинах, огороженных колючей проволокой¹. Только когда экономика Третьего рейха ощутила недостаток рабочих рук, советских военнопленных стали отправлять в лагеря на территории Польши, Германии и других стран. С 1943 г. немецкое командование формировало «рабочие батальоны» и рабочие команды из бывших советских военнослужащих, использовавшиеся в портах и на железнодорожных станциях, на предприятиях угольной и металлургической промышленности и других тяжелых работах.

Следует отметить, что принятые до войны боевые уставы Красной армии не допускали самой возможности сдачи в плен советских военнослужащих. Ст. 193 Уголовного Кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала за «сдачу в плен, не вызывавшуюся боевой обстановкой», такую меру наказания как расстрел с конфискацией имущества². В ст. 22 «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. говорилось, что сдача в плен, не вызванная боевой обстановкой, а также переход на сторону врага предусматривают высшую меру наказания (расстрел) с конфискацией имущества. Однако в комментариях к статье указывалось, что «в известных случаях обстановка на поле боя может сложиться так, что сопротивление по существу представляется невозможным, а уничтожение бойцов бесцельным». В этих случаях сдача в плен признавалась «актом допустимым», не вызывавшим судебных преследований³.

В условиях военного времени советское руководство ужесточило ответственность за сдачу в плен, распространив ее и на членов семей военнослужащих. В соответствии с Приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. № 270, командиры и политработники, срывавшие знаки различия и сдававшие-

¹ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 352–353.

² Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 г. М., 1957. С. 86.

³ Змиев Б. Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г. М., 1928. С. 52.

ся в плен, объявлялись дезертирами, а их семьям грозил арест как семьям лиц, нарушивших присягу и предавших свою Родину. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи, что заметно ухудшало их материальное положение, нередко лишая средств к существованию. Постановление ГКО СССР от 24 июня 1942 г. конкретизировало ответственность членов семьи «изменников Родины». Аресту и ссылке в отдаленные районы СССР на срок до 5 лет подвергались их отцы, матери, жены, мужа, сыновья, дочери, сестры, жившие с ними совместно или находившиеся на иждивении к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Впрочем, на практике эти меры применялись редко, т. к. советское руководство не располагало списками военнопленных.

Советских военнопленных, включая и тех, кто бежал из вражеского плена, на Родине ожидала строгая проверка военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам!»). Существовала и практика заочного осуждения военнослужащих, находившихся за линией фронта, как изменников Родины. Достаточным основанием для такого решения были полученные оперативным путем сведения об их антисоветской деятельности¹. Подозрительное отношение к военнопленным сохранялось и после войны, несмотря на амнистию, объявленную в связи с победой. Только в 1955–1956 гг. бывшие военнопленные и члены их семей были освобождены от ответственности, а в 1995 г. полностью восстановлены в правах как участники войны.

В советской историографии судьба военнопленных разрабатывалась в рамках общей темы участия граждан СССР в антифашистском сопротивлении в странах Европы². При этом сама численность советских военнопленных не указывалась, т. к. она неизбежно порождала вопросы о причинах рассматриваемого явления. Только в 1969 г. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко назвал численность советских военнопленных, уничтоженных на оккупированной территории СССР — 3,9 млн чел.³ Позже эта цифра приводилась и в обобщающих

¹ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91–112.

² Клоков В. И. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей. Киев, 1961; Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941–1945 гг.). М., 1987; и др.

³ Руденко Р. А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта.

работах, но общая численность советских военнопленных по-прежнему не указывалась¹.

Только с конца 1980-х гг. появились первые оценки численности советских военнопленных в открытой печати. В 1988 г. Б. В. Соколов впервые назвал данную цифру, определив ее в 5,8 млн чел.² Д. А. Волкогонов полагал, что только в 1941 г. в плен попало около 3 млн советских военнослужащих³.

В начале 1990-х гг. в России был открыт доступ к ранее секретным материалам и документам, начался диалог между историками разных стран, результатом которого стало проведение крупных международных конференций и издание коллективных трудов по истории военного плена⁴.

Тем не менее количество советских военнопленных, попавших в плен, остается предметом дискуссий в российской и немецкой историографии. Германское командование указывало 5 270 тыс. чел. Ряд исследователей нередко приводят еще большие цифры. Так, в 2001 г. Б. В. Соколов назвал уже 6,3 млн советских военнопленных. При этом он опирался на опубликованную Экономической палатой Рейха цифру в 3,9 млн военнопленных, взятых в 1941 г., добавив к ней 200 тыс. чел., служивших во вспомогательных службах вермахта и 345 тыс. чел., бежавших из плена, а также неизвестное количество военнопленных, умерших в конце 1941 — начале 1942 г.⁵

По данным Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, потери пленными во время войны составили 4 559 тыс. чел.⁶ Разница объясняется учетом немецким командованием в качестве военнопленных военнообязанных советских гражд-

¹ Советский Союз в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1976. С. 369.

² Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1988. № 9.

³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 1. Ч. 1. С. 26.

⁴ Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международ. науч.-практ. конф. 23–25 октября 1997 года в Вологде. Вологда, 1997; и др.

⁵ Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М., 2001. С. 231.

⁶ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91–112.

дан призывного возраста. М. В. Филимошин уточнил, что, помимо приводимой цифры в 4,559 млн советских военнослужащих, во время Великой Отечественной войны попало в плен и пропало без вести 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но еще не зачисленных в списки войск.

Согласно данным комиссии Г. Ф. Кривошеева, во время Великой Отечественной войны пропали без вести и попали в плен 3 396,4 тыс. военнослужащих. Из них вернулись домой 1 836 тыс. военнослужащих, не вернулись (погибли либо эмигрировали) 1 783 тыс. чел. При этом из числа вернувшихся домой 233 400 чел. были осуждены в связи с обвинением в сотрудничестве с противником и отбывали наказание в системе ГУЛАГа¹. А. Н. Яковлев считает, что военными трибуналами за время Великой Отечественной войны было осуждено 994 тыс. советских военнослужащих, из них более 157 тыс. чел. расстреляно, что составляло примерно 15 дивизий полного штатного состава. Большинство из них являлись бежавшими из плена или вышедшими из окружения².

Чрезвычайно высокий масштаб потерь среди советских военнопленных объяснялся в историографии, прежде всего, крайне жестокими условиями их содержания. На Нюрнбергском процессе защита подсудимых заявила, что отказ СССР подписать Гаагскую (1907) и Женевскую (1929) конвенции о военнопленных позволяли Германии не регламентировать условия содержания советских военнопленных данными документами. Однако Международный военный трибунал отклонил довод защиты как несостоятельный. Советские авторы категорически отвергали нацистские претензии. Этой же позиции придерживается и ряд современных российских исследователей, указывающих, что Гаагскую конвенцию в свое время подписала Российская империя, а Женевская конвенция регламентировала отношения к военнопленным вне зависимости от того, подписали

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 453–464.

² Яковлев А. Н. Сумерки. С. 197–201. См. также: Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации советских военнопленных. 1954–1956 гг. // Исторический архив. 1995. № 2. С. 108–125; Полян П. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине; СМЕРШ: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003; Степаков В. Н. Нарком СМЕРШа. СПб., 2003; и др.

ли их страны конвенцию или нет¹. В 1931 г. СССР присоединился к одной из принятых в Женеве конвенций Международного Красного Креста от 27 июля 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных военнопленных»². Основной причиной, по которой СССР не подписал Женевскую конвенцию в целом, было несогласие с разделением пленных по национальному признаку.

Главной причиной огромного количества пленных считается неудачное для СССР начало Великой Отечественной войны, в результате чего целые части и соединения Красной армии были отрезаны от основных ее сил, оказались в окружении. Одной из главных причин этих провалов стали не только объективные причины, но и низкое качество командного состава РККА. Исследователи объясняют низкий уровень подготовки командных кадров, во-первых, массовой эмиграцией русского офицерства после революции 1917 г. и Гражданской войны, удаление из РККА «военспецов» в конце 1920-х гг.; сталинские репрессии в РККА в 1937–1938 гг.; а также расширение армии в 1939–1941 гг., в результате которого она выросла в три раза. При этом 70 % офицеров и 75 % политработников занимало должности менее года, более 1 млн красноармейцев служило менее года³.

Ответы зарубежных исследователей на вопрос о том, почему такое количество советских военнопленных оказалось во вражеском тылу, нередко отличаются от того, что пишут отечественные историки. Так, автор одной из самых известных работ по данной теме А. Шнейер выделяет, помимо военно-стратегических причин, причины социально-политического характера. По его мнению, репрессивная политика советского руководства, выразившаяся в коллективизации и сталинских репрессиях, вызвала значительное недовольство как среди населения СССР, в особенности крестьян, так и вновь присоединенных западных территорий, отказывавшихся оказывать вооруженное сопротивление на стороне СССР и предпочитавших добровольно сдаваться в плен. Имели место также субъективно-психологические факторы — растерянность, паника, вызванные отсутствием адекват-

¹ Дюков А. Р. Интерлюдия (3): Кто на самом деле предал советских военнопленных // За что сражались советские люди: «Русский не должен умереть». М., 2007. С. 345–357.

² Существовавшие до сих пор правила отменяются // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 10.

³ Минаков С. Т. За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999. С. 249–358; Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000. С. 82–202; Черушев Н. С. 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М., 2003; и др.

ного командования и видимым превосходством немецких войск в первый период войны.

Для общей характеристики политики нацистской Германии по отношению к советским военнопленным А. Шнеер использует понятие геноцида, полагая, что она «почти не имеет аналога в военной истории»¹. Данную оценку повторил и П. М. Полян. Однако А. Р. Дюков возразил против такого «расширительного, на его взгляд, толкования термина». Тогда П. М. Полян стал применять другой термин — стратоцид, определив его как «тотальное и систематическое уничтожение тех или иных контингентов силами государственных органов — прежде всего военных или военизированных образований»². При этом он различает две категории военнопленных, «существенно различающиеся друг от друга». Первые — еврей-военнопленные — «стали жертвами политики собственно стратоцидной, то есть тотального и систематического уничтожения евреев силами вермахта, СС, СД и других приданных им парамилитарных образований, в том числе и местных пособников». Вторые — все остальные советские военнопленные — стали «жертвой политики стратоцидальной, то есть такой, когда она практически нигде как таковая не декларируется, но тем не менее, как инструменты ее реализации, так и итоговые ее результаты — оставляют мало сомнений в истинной ее природе». В то же время «ее систематика не тотальна, и далеко не военнопленные как один подвержены ее рискам и угрозам в равной степени»³.

Судьбу первых П. М. Полян характеризует как «военно-полевой Холокост», ставший первой стадией «систематического народоубийства». Но и по отношению ко вторым сказывалось «геноцидальное начало политики вермахта», напомнившее автору «знакомую картину геноцида еврейского». Исследователь также полагает, что по количеству жертв советские военнопленные до осени 1942 г. или даже до начала 1943 г. «опережали» жертвы еврейского геноцида, признавая необходимость дополнительного исследования данного вопроса⁴.

¹ Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2003. Т. 1. С. 6.

² Полян П. М. Стратоцидные и стратоцидальные аспекты политики Третьего рейха по отношению к советским военнопленным // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы междунаро. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 146.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Там же. С. 150, 155–157.

Подводя итоги, необходимо отметить, что первоначальное обращение к вопросам потерь среди советского гражданского населения в период нацистской оккупации, а также трагическим судьбам военнопленных РККА пришло непосредственно на военные годы и носило пропагандистский характер. Первые публикации были призваны возбудить у советских граждан ненависть к противнику, мобилизовать их на борьбу. В дальнейшем разработка данных вопросов продолжала испытывать значительное влияние идеологии. Именно с этим во многом было связано отсутствие точных данных о численности таких групп, как «восточные рабочие» и военнопленные, поскольку их обнародование не «вписывалось» в официальную картину войны.

Только в современной историографии указанные вопросы стали привлекать широкое внимание исследователей. Его вызвали не только собственно научные, но и сугубо практические обстоятельства: изменение российской социально-политической ситуации и активная позиция немецкой стороны в вопросе о компенсационных выплатах бывшим работникам системы принудительного труда в нацистской Германии. В современных исследованиях приводятся обобщающие данные по указанным вопросам, но в их изучении остается еще немало неизвестных аспектов.

4.4. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв

Изучение истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны относится к динамично развивающимся научным направлениям в современной российской историографии, что подтверждают первые историографические обзоры¹. Количество выходящих в последние годы общих и специальных работ, публикаций документов и мемуаров очевидцев, посвященных трагедии евреев в 1941–1945 гг.,

¹ Иоффе Э. Г. Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии // Евреи Белоруссии. История и культура: Сб. ст. Вып. 2. Минск, 1998. С. 99–106; Альтман И. А. Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост – Соппротивление – Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М., 2000. С. 297–323; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2010. С. 358–365; и др.

непрерывно растет. Сложился круг исследователей и исследовательских структур, в центре внимания которых постоянно лежат указанные вопросы, они находят свое отражение на различных научных форумах. Обращение к Холокосту и его последствиям в средствах массовой информации, выпуск учебной и популярной литературы, создание соответствующих электронных ресурсов, а также меры по увековечиванию жертв свидетельствуют, что он занимает существенное место и в историческом сознании российского общества. Особое значение уделяется численности еврейских жертв нацизма, от которой нередко зависит общая оценка Холокоста. При этом она нередко подвергается политизации и становится предметом острых общественных дискуссий.

Следует отметить, что всего два с половиной десятилетия назад истории Холокоста как самостоятельной научной проблемы в советской исторической науке практически не существовало. Умолчание о трагедии евреев началось еще в годы Великой Отечественной войны. В своих официальных выступлениях председатель Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталин, нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов и другие советские руководители не раз осуждали массовые репрессии немецко-фашистских захватчиков против советского населения, многочисленные казни, насилие и грабежи. При этом, как правило, говорилось об уничтожении «мирных жителей» без указания их национальной принадлежности.

Подобным образом поступали и представители ЧГК, комиссий содействия ЧГК и соответствующих комиссий при политических органах РККА. При освобождении советских территорий им открывалась ужасающая картина массового уничтожения, различных форм истязаний и дискриминации советских граждан. Насилию подвергались представители различных народов и национальностей СССР. Славяне рассматривались нацистской пропагандой как «унтерменши» («недочеловеки»), и руководство Германии прямо планировало сокращение их численности по окончании войны. Но евреи обрекались на полное уничтожение как народ, которому вообще не находилось места в нацистских проектах преобразования Европы, «освобожденной от большевизма».

Тем не менее в сообщениях ЧГК о гибели сотен и тысяч советских граждан на оккупированной советской территории их национальность редко указывалась. Например, из семи опубликованных в 1943 г. ЧГК официальных сообщений о гитлеровских зверствах только в одном из них были упомянуты евреи. Лишь в отдельных случаях крайне ограниченная информация о еврейской трагедии на оккупированной территории.

рованной территории попадала на страницы центральной печати¹. Всего несколько публикаций сообщали об уничтожении еврейского населения в крупных городах страны². Только в конце 1944 — начале 1945 г. появились подробные сообщения ЧГК об уничтожениях евреев в Латвийской ССР и Львовской области УССР. Фрагментарные сведения о гибели евреев приводились в документальных публикациях, рассказывавших о зверствах оккупантов на захваченной советской территории³.

В конце 1942 г. знаменитый физик А. Эйнштейн вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом предложил Еврейскому антифашистскому комитету подготовить «Черную книгу» — сборник документов об уничтожении нацистами евреев. После длительных переговоров советское руководство дало согласие на сотрудничество, посчитав, что использование темы еврейских жертв в тот момент могло сыграть положительную роль в укреплении антигитлеровской коалиции. В 1944 г. в США создали исполнительный комитет по изданию «Черной книги», куда должны были войти и материалы о гибели советских евреев.

Примерно в то же время в СССР писатель и военный корреспондент И. Г. Эренбург самостоятельно решил составлять «Черную книгу» трагедии советских евреев в период Великой Отечественной войны из собранных документов, писем, дневников, свидетельских показаний. С 1943 г. он постоянно получал письма от фронтовиков, рассказывавших о тех ужасах, с которыми они сталкивались на освобожденной советской территории. В свою очередь, И. Г. Эренбург не раз писал в ответ своим корреспондентам: «Я работаю над “Черной книгой” — сборником об убийстве немцами еврейского населения.

¹ См.: Правда. 1943. 5 августа, 20 октября и др.

² Шлык-Вышинский П. Как это было. Массовое убийство еврейского населения в Краснодаре // Большевик. 1943. 26 февраля.

³ Зверства германских фашистов. М., 1941; О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М., 1943; Проклятие убийцам! Рассказы очевидцев и пострадавших от зверств немецко-фашистских оккупантов в Воронежской области. Воронеж, 1943; Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Краснодар, 1943; Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. Вып. 7, 12–14. М., 1944–1945; Лагеря смерти: Сб. документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. М., 1944; и др.

Все, что услышите и увидите, запишите и пришлите мне»¹. Часть собранных им свидетельских показаний была опубликована уже в годы войны².

Весной 1944 г. для подготовки «Черной книги» в СССР была создана Литературная комиссия, которую возглавил И. Г. Эренбург, а затем В. С. Гроссман. В 1944–1945 гг. И. Эренбург и В. Гроссман составили два тома книги «Убийство народа» на идише и передали рукопись ЕАК. Материал о трагедии евреев в годы Второй мировой войны по собственной инициативе также собирали Б. Горбатов, В. Инбер, А. Суцкевер и другие военные корреспонденты, писатели и поэты. Уже в самом конце войны, в апреле 1945 г. вышла на латышском языке книга писательницы А. Саксе и поэта Я. Судрабкалнса «*Paг vaacu fassistisko briesmonnu zveeriibaam Padomju Latvijaа*» («О зверствах немецко-фашистских чудовищ в Советской Латвии»)». Авторы на основе документов и лично собранных свидетельств раскрыли трагедию оккупации Латвии, приведя многочисленные факты уничтожения евреев.

Замалчивание трагедии евреев объяснялось опасением власти «подыграть» нацистской пропаганде, утверждавшей, что вермахт воюет за освобождение русского народа от «жидо-большевиков». Наряду с этим сказывался и огромный масштаб общих потерь среди советского мирного населения. По словам современного исследователя, «любой акцент на большие жертвы еврейского населения как бы принижал страдания других народов»⁴. Жертвы еврейского населения просто растворялись на фоне общей демографической катастрофы СССР вследствие Великой Отечественной войны. По мнению других авторов, свою роль играло постепенное нарастание в СССР со второй половины 1942 г. государственного антисемитизма⁵. И. А. Альтман связывает умолчание о Холокосте с нежеланием советского руководства признать за него свою долю ответственности, выразившуюся в отказе принять еврейских беженцев из Германии и других стран в

¹ Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 285.

² Эренбург И. Народоубийцы // Знамя. 1944. № 1–2. С. 183–196.

³ См. переиздание на русском языке: Саксе А., Судрабкалнс Я. Палачи и жертвы. О зверствах гитлеровских нацистов и их пособников в Латвии. Рига, 2007.

⁴ Кудряшов С. Несущие смерть // Родина. 2000. № 6. С. 48–57.

⁵ Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 26.

1939–1940 гг., а также в том, что не все возможное было сделано для спасения евреев — граждан СССР¹.

После войны тема Холокоста так и не стала самостоятельным исследовательским направлением в СССР. В первые послевоенные годы факты гибели евреев на оккупированной советской территории приводились в отдельных статьях в периодической печати, а также в крайне немногочисленных книгах, подчеркивающих сопротивление противнику советских граждан². Документы о трагедии евреев приводились в итоговой публикации сообщений ЧГК, а также в материалах судебных процессов над нацистскими военными преступниками и их пособниками³.

В ходе работы над «Черной книгой» было записано свыше 200 свидетельств очевидцев о преступлениях против евреев на территории СССР. К 1946 г. работа завершилась, рукопись была передана представителю советского обвинения на Нюрнбергском процессе. Однако в 1948 г. издание «Черной книги» было признано нецелесообразным, а ее набор уничтожен. Недовольство вызвали упоминания о том, что в гибели многих евреев повинны советские коллаборационисты, а не сами фашисты, что разрушало представления о «дружбе народов», а также признание «особого» характера политики нацистской Германии в отношении евреев. К тому же в условиях нарастания «холодной войны» негативную роль сыграло участие в ее подготовке международных организаций. После ликвидации ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были переданы в архив МГБ, а затем в Центральный государственный архив Октябрьской революции (в настоящее время — Государственный архив Российской Федерации). Для исследователей они стали доступны только в 1989 г.⁴ С началом кампании по борьбе с «космополитизмом» в

¹ Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 417.

² Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947.

³ Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). Мн., 1946 и др.

⁴ Впервые на русском языке «Черная книга» вышла в Иерусалиме в 1980 г. в издательстве «Тарбут», но, как отмечалось в предисловии, некоторых материалов в ней не оказалось (издание осуществлялось на основе руко-

1948 г. в СССР практически прекратились на десять с лишним лет все публикации о гибели евреев в годы Второй мировой войны.

К данным вопросам советские авторы, в первую очередь писатели и поэты, вновь обратились уже в период «оттепели», в чем сказались не только общие изменения в характере советского режима, но и проводимой им политике памяти, а также месте, отводившемся в ней Великой Отечественной войне. В результате о гибели евреев стали упоминать в «контексте причиненных войной страданий»¹. В октябре 1959 г. В. Некрасов впервые в печати поднял вопрос о том, что память еврейских жертв нацизма в Киеве осталась не увековеченной². Значительный общественный резонанс вызвало стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр» как попытка осмыслить проблемы антисемитизма и его исторические корни³. Вместе с публикацией в 1960 г. «Дневника Анны Франк» с предисловием И. Эренбурга это стихотворение вдохновило других деятелей культуры на создание произведений о Холокосте⁴. А. Кузнецов в романе «Бабий яр» показал участие в уничтожении евреев не только полицейских, но и бывших соседей, одноклассников и сослуживцев⁵. Но после эмиграции автора он фактически оказался под запретом. Законченный в 1960 г. роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», несколько глав которого посвящалось уничтожению евреев в военные годы, был арестован КГБ и опубликован уже в годы «перестройки»⁶.

В советской исторической науке 1960–1980-х гг. тема гибели евреев на оккупированной советской территории освещалась фрагмен-

писи, разосланной в 1946 г. в 10 стран). На постсоветском пространстве книга была впервые издана в 1991 г. в Украине, в 1993 г. — в Литве. См.: Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс, 1993.

¹ Феферман К. Память о войне и Холокосте в советском и постсоветском коллективном сознании // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й междунаро. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» (к 70-летию «Хрустальной ночи»). Калининград, 16–18 ноября 2008 г. М., 2010. С. 78.

² Некрасов В. П. Почему это не сделано? // Литературная газета. 1959. 10 октября.

³ Евтушенко Е. Бабий Яр // Литературная газета. 1961. 19 сентября.

⁴ См.: Русская литература о Холокосте: Хрестоматия. М., 1997.

⁵ Кузнецов А. Бабий Яр: Роман-документ. М., 1967.

⁶ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М., 1988.

тарно, оказавшись «закрытой в первую очередь для официальной академической историографии, присутствуя (в лучшем случае!) на ее периферии — в виде перечислительного ряда жертв нацизма»¹. Советские историки стремились показать, что нацистское руководство осуществляло на захваченной территории СССР единую оккупационную политику, не разделяя население по национальной принадлежности. При этом недостаточно учитывалась специфика действия захватчиков в тех или иных областях СССР. В большинстве работ вопросы уничтожения евреев нацистами не выделялись в самостоятельную проблему, и лишь упоминались в публикациях по истории немецкой оккупации ряда советских регионов. В отдельных случаях в них приводилась и численность уничтоженных евреев.

Наиболее подробно тема гибели евреев освещалась в исследованиях о преступлениях оккупантов на территории Латвии, Литвы, Молдавии, Украины и Белоруссии². В частности, данные об уничтожении евреев в Латвии содержатся в кандидатской диссертации Э. А. Блюмфельда³. В. Ф. Романовский в своей диссертации указал на существование 70 гетто в Белоруссии⁴. Сведения об уничтоженных в период нацистской оккупации евреях приводились и в ряде краеведческих работ⁵.

Изучение Холокоста в СССР находилось под постоянным воздействием международной ситуации, и публикация материалов о гибели евреев в годы Великой Отечественной войны порой зависела от очередных поворотов советской внешней политики. Так, злодеяния, совершенные румынскими войсками на оккупированной территории Молдавии и Южной Украины, уже в конце войны стали замалчиваться из опасений нанести «ущерб» советско-румынской дружбе⁶.

¹ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 5.

² Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). М., 1965; Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. ст. Вильнюс, 1966; Рукшенас К. А. Политика гитлеровцев в Литве в 1941–1944 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1970; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944). Мн., 1984; Першина Т. С. Фашистский геноцид на Украине (1941–1944). Дисс. ... канд. ист. наук. К., 1985; и др.

³ Блюмфельд Э. А. Гитлеровский оккупационный режим в Латвии (1941–1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.

⁴ Романовский В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Мн., 1974.

⁵ Великие Луки: Исторические очерки. Л., 1976; и др.

⁶ Шорников П. Отрицание Холокоста в Молдове // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й междунаро-

Лишь возобновление в середине 1960-х гг. румынской историографией попыток обосновать «права» Румынии на Бессарабию вызвало необходимость дать им «идеологический» отпор. Это позволило И. И. Левиту и другим исследователям раскрыть оккупационную политику румынских войск, показать их роль в истреблении евреев на территории Молдавии¹.

Начавшаяся в конце 1960-х гг. антиссионистская компания ухудшила условия для изучения Холокоста. Одним из ее важнейших постулатов стало объяснение массовой гибели евреев Европы сговором сионистов с нацистами, а также обвинение сионистов в значительном преувеличении числа евреев, уничтоженных нацистами. В то же время именно в работах, критиковавших сионизм, стало впервые употребляться само понятие Холокоста (точнее, «Холокауст», в связи с одноименным американским фильмом). Приводились в них и фрагментарные сведения об уничтожении евреев на оккупированной советской территории².

Документы об уничтожении евреев были представлены в нескольких сборниках, как правило, с серьезными сокращениями, характеризующими в целом публикаторскую деятельность в СССР в этот период. Самой значительной документальной публикацией на рассматриваемую тему стало издание материалов Нюрнбергского процесса³. В них впервые указывались обобщающие данные о численности погибших евреев в Европе в годы Второй мировой войны. Материалы о гибели евреев в СССР также приводились в сборниках документов о подготовке и осуществлении агрессии нацистской Германии⁴, судьбе Белоруссии, Литвы и других советских республик в

конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» (к 70-летию «Хрустальной ночи»). Калининград, 16–18 ноября 2008 г. М., 2010. С. 34.

¹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Кишинев, 1970; Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинев, 1981.

² Корнеев Л. А. Сущность сионизма. К., 1982.

³ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 2 т. М., 1954; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов в 3 т. М., 1965–1966; и др.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967; СС в действии: Документы о преступлениях СС. М., 1968; Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М., 1985;

период немецкой оккупации¹. Введение в научный оборот архивных документов нередко было продиктовано идеологическими задачами, желанием скомпрометировать западные страны, давшие прибежище бывшим коллаборационистам, участвовавшим в убийствах евреев в период оккупации территории СССР².

Своеобразным итогом развития советской историографии к началу «перестройки» стало издание энциклопедии по истории Великой Отечественной войны. В ней отсутствовала специальная статья о Холокосте, однако приводились сведения о наиболее крупных гетто на оккупированной советской территории, уничтожении евреев в крупных городах и лагерях смерти, общем количестве жертв³. Появление этих сведений можно расценивать как фактическое признание темы Холокоста в СССР на завершающем этапе развития советской историографии⁴.

Необходимо отметить, что Холокосту в СССР недостаточно внимания уделяли и ведущие зарубежные исследователи данной проблемы, что объясняется во многом закрытостью для них вплоть до конца 1980-х гг. советских архивов. К тому же в условиях «холодной войны» СССР рассматривался как «виновник преступлений» против народов Восточной Европы, что мешало воспринимать его в качестве одной из основных «жертв нацистских зверств». Память о Холокосте в странах Запада обычно концентрировалась на получившем наибольшую известность опыте лагерей уничтожения, прежде всего Аушвица (Освенцима), «через голоса оставшихся в живых узников»⁵.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987; и др.

¹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: Документы и материалы. Мн., 1965; Мы обвиняем: Документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской советской социалистической республике 1941–1945. Рига, 1967; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов в 2 т. Кишинев, 1976.

² Смирин Г. Тяжкий груз прошлого: Холокост в Латвии в исследованиях последних лет // Даугава. 2002. № 6. С. 131–145.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия.

⁴ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 6.

⁵ Шниир Д. Запечатленная скорбь. Советские фотографии Холокоста на перекрестке истории и памяти // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» (К 70-летию «Хрустальной ночи»). Калининград. 16–18 ноября 2008 г. М., 2010. С. 89.

В результате за пределами исследовательского внимания оставалась гибель евреев на оккупированной советской территории, что не позволяло оценить общие масштабы Холокоста.

Кардинальные изменения в изучении рассматриваемой проблемы произошли на рубеже 1980–1990-х гг., что было связано с общими переменами в жизни страны, ослаблением цензурного контроля над развитием историографии, развитием международного сотрудничества, расширением доступа исследователей к архивным документам. Уже в начале 1990-х гг. вышел ряд публикаций, рассказывавших о массовом уничтожении евреев в отдельных городах и регионах страны¹. В основном они носили публицистический или научно-популярный характер, пробуждая общественный интерес к проблеме и вводя в научный оборот первые сведения.

Главным исследовательским центром изучения еврейской трагедии на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны в современной России стал НПЦ и фонд «Холокост». Она обсуждается на проводимых с 1994 г. международных конференциях «Уроки Холокоста и современная Россия»², ежегодных конференциях Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»³, других научных форумах в России, а также в Латвии, Украине, Белоруссии, Германии и других странах, в которых принимают постоянное участие российские исследователи⁴. С 1995 г. НПЦ «Холокост» издает специализированную книжную серию «Российс-

¹ Елисаветский С. Я. Бердичевская трагедия. К., 1991; Формула скорби. СПб., 1991; и др.

² Уроки Холокоста и современная Россия: Материалы «круглого стола» междунаро. симпозиума. Москва, 6–8 апреля 1994 г. М., 1995; Тень Холокоста: Материалы II Междунаро. симпозиума «Уроки Холокоста и соврем. Россия». М., 1998; Преподавание темы Холокоста в XXI веке. М., 2000; Историческая память. Противоядие отрицанию Холокоста.

³ История еврейского народа. Материалы Шестой ежегод. междунаро. междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. Академическая серия. Вып. 4. М., 1999; Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. Ч. I. Памяти проф. Джона Дойла Клира. М., 2008; Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. Ч. II. Памяти проф. Рашида Мурадовича Капланова. М., 2009; Вопросы еврейской истории. Материалы XVI Ежегод. междунаро. междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. М., 2009; и др.

⁴ Нацистская война на уничтожение на северо-западе СССР: региональный аспект. Материалы междунаро. конф. (Псков, 10–11 декабря 2009 года). М., 2010; и др.

кая библиотека Холокоста», а Фонд «Ковчег» с 2000 г. — серию «Анатомия Холокоста».

Несмотря на открытие архивов, в России пока опубликовано не так много специальных сборников документов, посвященных Холокосту. Первый такой сборник документов об уничтожении евреев на советской оккупированной территории на русском языке был издан в Иерусалиме в 1992 г. В основном в нем представлены документы о Холокосте в Прибалтике, Транснистрии и Украине¹. Ф. Д. Свердлов подготовил сборник документов на основе фондов ЦАМО РФ². Собранные К. Н. Плоткиным воспоминания, показания свидетелей, советские и немецкие документы о гибели евреев в Ленинградской области позволили считать ее территорию, частично оккупированную противником, «северной границей Холокоста»³. Сведения об уничтожении еврейского населения приводятся также в документальных сборниках, посвященных истории ЕАК⁴, оккупации различных регионов СССР⁵. Уже в 1990-е гг. завершилась 8-томная публикация документов Нюрнбергского процесса, начатая в последние годы существования СССР⁶. Подготовленный фондом «Историческая память» сборник документов рассказывает об участии латышских коллаборационистов в уничтожении евреев в Белоруссии⁷. В последние годы широко публикуются источники личного происхождения о гибели евреев, воспоминания и письма участников и очевидцев указанных событий⁸.

¹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим, 1992.

² Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. М., 1996; и др.

³ Плоткин К. Холокост: У стен Ленинграда. СПб., 2005.

⁴ Еврейский антифашистский комитет в СССР в 1941–1948: документированная история. М., 1996.

⁵ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943). Ставрополь, 2000; Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005; и др.

⁶ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. М., 1987–1999. Т. 1–8.

⁷ Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944: Сб. документов. М., 2009.

⁸ Дыскин Е. Солдатский долг. Книга живых. Воспоминания евреев-фронтовиков, узников гетто и концлагерей, бойцов партизанских отрядов, жителей блокадного Ленинграда. Книга первая. СПб., 1995; Тамаркин В. Л. Это было не во сне. Воспоминания. М.; Иерусалим, 2002;

Тема Холокоста на советской оккупированной территории находит все более полное отражение в общих и специальных работах российских и зарубежных авторов. Одной из первых публикаций, изданных массовым тиражом в России, стала книга шведских авторов С. Брухфельда и П. Левина, в которую был включен специальный раздел «Холокост в Советском Союзе», подготовленный И. А. Альтманом¹. О трагедии евреев в СССР рассказывается в новой обобщающей работе по истории Великой Отечественной войны, но в ней не употребляется сам термин Холокост. Сведения об уничтожении советских граждан в «форте смерти» № 9 под Каунасом и в Бабьем Яру, как и прежде, приведены без указания их национальности². Существенное место отводится вопросам уничтожения еврейского населения в годы Великой Отечественной войны в «Российской Еврейской Энциклопедии»³.

Значительный вклад в разработку истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, включая и определение масштаба его жертв, вносит первая крупная обобщающая работа на данную тему — монография И. А. Альтмана «Жертвы ненависти». Опираясь на предыдущие исследования, архивные документы и мемуары очевидцев, автор проанализировал создание и функционирование механизма уничтожения евреев, раскрыл систему антисемитской пропаганды, организацию гетто на оккупированной территории и еврейское сопротивление, а также реакцию общества на Холокост. Новизной особенно отличается материал, посвященный истории Холокоста на территории РСФСР, как наименее изученной проблемы⁴.

Определению численности еврейского населения накануне Великой Отечественной войны и понесенных им потерь способствуют

Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны; Суцкевер А. Из Виленского гетто. Воспоминания. М.; Екатеринбург, 2008; Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2010; и др.

¹ Брухфельд С., Левин П. Передайте об этом детям Вашим... История Холокоста в Европе. 1933–1945. М., 2000.

² Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. Народ и война. С. 123.

³ Российская Еврейская Энциклопедия. М., 2004–2008. Т. 4–6.

⁴ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг.

публикации М. С. Куповецкого¹. Об обретении историей Холокоста статуса научной проблемы в постсоветской историографии свидетельствует защита по данной теме диссертационных исследований². В России первой такой работой стала кандидатская диссертация Е. А. Войтенко, обобщившая данные о масштабах гибели евреев на юге страны³. В ряде работ раскрывается еврейская трагедия в отдельных регионах СССР — в Ростовской, Смоленской и Орловской областях, в Таганроге, Курске и других местах⁴. В то же время в них, наряду с новым фактическим материалом, нередко содержатся неточности. В первую очередь, это касается статистики жертв, порой приводимой без достаточных документальных подтверждений.

Немало внимания в современной историографии уделяется участию военнослужащих вермахта в уничтожении еврейского населения, что позволило опровергнуть распространенные в западногерманской историографии представления о его «невинности» в массовых репрессиях на советской территории⁵. В крупном обобщающем труде М. И. Семиряги о коллаборационизме в Европе в годы Второй мировой войны в рамках главы «Участие коллаборационистов в проведении фашистского террора» выделен специальный раздел «Холокост». Однако Холокосту на территории СССР и участию в нем коллаборационистов уделено недостаточно внимания⁶. Более полно, опираясь на рассекреченные архивные документы, «непопулярные» прежде

¹ Куповецкий М. С. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1995. № 2(9). С. 134–155; и др.

² Подольский А. Ю. Нацистський геноцид щодо євреїв України (1941–1944 рр.). Дисс. ... канд. іст. наук. К., 1996; Левітас Ф. Л. Євреї України в роки другої світової війни. Дисс. ... д-ра іст. наук. К., 1997; Гончаренко О. М. Голокост на території Київщини: загальні тенденції та регіональні особливості (1941 — 1944 рр.). Дисс. ... канд. іст. наук. Черкаси, 2005; и др.

³ Войтенко Е. А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны. 1941–1943 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.

⁴ Дорога без конца: Очерки истории курских евреев. Курск, 2000; Кропоточащая память Холокоста. Калининград, 2001; Бабы Яры Смоленщины: появление, жизнь и катастрофа смоленского еврейств. Смоленск, 2001; Евреи Орловщины. Лабиринты памяти. Орел, 2005; Мовшович Е. В. Очерки истории евреев на Дону. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; и др.

⁵ Ермаков А. А. Вермахт и Холокост. Ярославль, 2006.

⁶ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 563–565.

вопросы участия коллаборационистов в уничтожении евреев на оккупированной советской территории раскрывают работы А. Р. Дюкова¹, Б. Н. Ковалева², Б. В. Соколова³ и других исследователей.

В книге М. Я. Гефтера и других публикациях нашли отражение философские и морально-этические аспекты Холокоста⁴. Отдельные работы посвящены трагическим судьбам евреев — советских военнопленных⁵. Специальные публикации рассказывают о восстании в лагере Собибор⁶. Международные исследовательские и издательские проекты позволяют сопоставить репрессии против евреев в СССР и в других странах⁷. Значительное внимание уделяется установлению имен «праведников народов мира», не являвшихся евреями, но пытавшихся их спасти во время Холокоста⁸. Комплексное исследование сталинской политики по «еврейскому вопросу», основанное на рассекреченных материалах архивов высших партийных и государственных органов, предпринял Г. В. Костырченко. Одна из глав его монографии посвящена взаимоотношениям власти с евреями в годы Великой Отечественной войны и характеризует роль советского государства в постигшей евреев трагедии⁹. Теме Холокоста посвящены и другие работы¹⁰.

Всестороннее осмысление трагедии евреев СССР в годы Великой Отечественной войны позволило создать фундаментальное спра-

¹ Дюков А. Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

² Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). В. Новгород, 2001; и др.

³ Соколов Б. В. Оккупация. Правды и мифы. М., 2002; и др.

⁴ Гефтер М. Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995; Антисемитизм: концептуальная ненависть: Сб., посв. Симону Визенталю. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

⁵ Полян П. М., Шнейер А. Обреченные погибнуть: Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. М., 2006.

⁶ Собибор. М., 2008; и др.

⁷ Холокост в Венгрии и СССР: Сравнительный анализ. М.; Будапешт, 2006.

⁸ Гитлин В. И. Спасший душу одну, спас весь мир. Смоленск, 2003; Книга Праведников. М., 2005; и др.

⁹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд. М., 2003.

¹⁰ Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М., 2010.

вочное издание — энциклопедию «Холокост на территории СССР» (руководитель и главный редактор проекта И. Альтман, почетные сопредседатели Э. Визель и С. Визенталь)¹. В реализации данного масштабного проекта участвовало около 100 историков из России и 11 других государств. Следует отметить, что это не первое подобное издание. Еще в 1990 г. израильский Национальный институт памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления «Яд Вашем» издал 4-томную историю Холокоста, переведенную на многие языки мира. В ней преобладали тематические статьи, а ход Холокоста описывался в статьях, посвященных наиболее крупным гетто и лагерям смерти в Европе. В 2003 г. Институт издал уже 13-томную «Энциклопедию Холокоста и еврейских общин», в которой приводились статьи о численности евреев и их гибели в наиболее крупных населенных пунктах в СССР (в границах на 22 июня 1941 г.). Однако эта информация имела фрагментарный характер и не учитывала новых архивных источников. Еще одна «Энциклопедия Холокоста» была подготовлена и издана в США ведущими исследователями под редакцией У. Лакера. Перевод и издание на русском языке данного труда стали важным событием в развитии российских исследований темы Холокоста². Но судьбы евреев на оккупированной территории СССР не получили в ней должного отражения. Поэтому выход рассматриваемой работы в России позволил восполнить данный пробел, тем более что в начале 2000-х гг. уже появился ряд справочных изданий по истории Холокоста в Белоруссии и Украине³. В энциклопедии содержатся статьи обо всех населенных пунктах на территории СССР в границах на 22 июня 1941 г., в которых уничтожили не менее 100 евреев либо были созданы гетто и рабочие лагеря. Нашли отражение в ней и другие сюжеты, многие из которых раскрываются впервые, другие переосмысливаются на основе современных подходов, с учетом уже опубликованных исследований и новых источников.

В то же время на изучении Холокоста современными исследователями сказывается характерная для всей постсоветской историографии тенденция к национализации и регионализации: историки стали сосредотачиваться на изучении событий в границах современных политических или административных образований. Подобный под-

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия.

² Энциклопедия Холокоста. М., 2005.

³ Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Белоруссии. Мн., 2000; Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста. К., 2000; Его же. Катастрофа украинско-го еврейства в 1941–1944 гг.: Энциклопедический справочник. К., 2001.

ход далеко не всегда целесообразен, уже хотя бы потому, что современные границы порой не совпадают с теми, которые существовали в 1941–1945 гг. (например, Крымская АССР входила в годы Великой Отечественной войны в состав РСФСР). К тому же переоценка ценностей и поиск новых «героев», в том числе из среды лиц, сотрудничавших с оккупантами и рассматриваемых теперь как борцы за национальную независимость, выступающие основой для формирования национальной идентичности в постсоветских государствах, сопровождается очередными «боями за историю», осложняющими создание полной и достоверной картины рассматриваемых событий. В результате многие вопросы истории Холокоста на оккупированных советских территориях не получают в достаточной степени аргументированного ответа, порождая острые споры, порой выходящие далеко за рамки научных дискуссий. В первую очередь, это касается численности погибших евреев.

Первая общая оценка жертв Холокоста в Европе — 6 млн чел. — была названа на Нюрнбергском процессе и закреплена в его приговоре в 1946 г. Судьи опирались при этом на показания самих обвиняемых и их собственные подсчеты численности уничтоженных ими евреев. Однако нацисты к концу войны стремились стереть все следы своих преступлений, вывозя или уничтожая останки казненных и замученных людей. Поскольку еврейские общины во многих населенных пунктах полностью погибли, не осталось и живых свидетелей, которые могли бы сообщить имена погибших. Случайно выжившие евреи также нередко не знали о судьбе своих родственников и не указывали их в числе погибших, надеясь на то, что те остались живы. Поэтому полного списка жертв Холокоста не существует. Наиболее полная база данных в Мемориальном комплексе Катастрофы и героизма еврейского народа «Яд Вашем» в Израиле содержит персональные данные о 3,6 млн чел., считается, что это примерно половина всех жертв¹. М. И. Семиряга считал, что за годы Второй мировой войны и оккупации, по неполным данным, погибло более 7 млн евреев, в том числе в станах Центральной и Восточной Европы — 5,7 млн чел., на Балканах — 0,5 млн чел., в странах Западной и Северной Европы — 0,3 млн чел.² Многие российские и зарубежные исследователи Холокоста определяют численность его жертв в от 5 до 6 млн чел., хотя существуют и другие мнения по данному вопросу.

¹ База данных имен жертв Катастрофы. URL: <http://www1.yadvashem.org/yv/ru/resources/index.asp> (дата обращения 20.01.2012).

² Семиряга М. И. Указ. соч. С. 574.

Определенные расхождения вызывает и численность жертв Холокоста в СССР. Изучение рассматриваемой проблемы в определенной степени ограничивается возможностями имеющихся в распоряжении исследователей источников. Главными источниками выступают акты и иные документы (свидетельские показания, протоколы допросов, заявления, итоговые списки, справки и др.), собранные и составленные ЧГК. Однако в актах ЧГК, особенно составленных на территории оккупированных областей и краев РСФСР, не всегда приводилась национальность жертв нацистского террора, нередко в них фигурировали пресловутые «мирные граждане» без указания национальной принадлежности. Нередко члены ЧГК действительно не могли установить личность и национальность погибших, немало жертв при эксгумации остались неопознанными. Современные исследователи отмечают трудности в работе комиссий различного уровня, грубые ошибки при подсчетах¹, а также воздействие политики при подведении итогов: «Национальный и прежде всего еврейский фактор намеренно затушевывался в сводных документах»². Другие источники — отчетные и делопроизводственные документы немецких и местных оккупационных органов власти — также содержат неполные сведения. К тому же, к части документов, в основном хранящихся в региональных архивах, допуск исследователей остается ограниченным³, а часть документов, которые могли бы пролить свет на рассматриваемые вопросы, вообще не найдены⁴.

Поэтому исследователи при определении масштабов Холокоста обращаются к данным текущей и итоговой статистики, прежде всего, к переписям населения 1939 и 1959 г., позволяющим определить численность евреев в СССР накануне и после войны. В то же время в историографии отмечалась фальсификация итоговых данных Все-

¹ Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 111.

² Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 1061.

³ См. подробнее: Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 218–220.

⁴ Например, в Ростове-на-Дону так и не обнаружены книги регистрации евреев перед их уничтожением в августе 1942 г. См.: Мовшович Е. В. Указ. соч. С. 147.

союзной переписи населения 1939 г.¹ (напротив, перепись 1959 г. отличалась более высокой степенью достоверности). При определении разницы между показателями двух переписей необходимо учитывать влияние естественного прироста и естественной смертности, внешних миграций и ассимиляционных процессов на динамику численности еврейского населения. Не в полной мере статистические данные раскрывают и изменения в его численности, происходившие непосредственно в годы Великой Отечественной войны, вследствие миграций, эвакуации, мобилизации на фронт и других обстоятельств.

Трудности в подсчетах обуславливают целесообразность отдельного учета погибших евреев — советских граждан и беженцев из других стран. Исследователи также разделяют погибших по видам потерь — на жертв массовых расстрелов, погромов, лагерей уничтожения и нацистских рабочих лагерей, а также погибших в гетто от «естественных причин» — голода и болезней; по времени их гибели и другим критериям, однако произвести точные подсчеты не всегда возможно.

Вызывают дискуссию вопросы о том, кого считать или не считать жертвами Холокоста: в зависимости от его решения можно говорить о более «широком» или «узком» понимании рассматриваемой проблемы. Например, отдельные исследователи причисляют к жертвам Холокоста цыган, считая, что политика нацистов по отношению к ним строилась на тех же принципах, что и в отношении евреев, и была направлена на их полное уничтожение. Другие авторы, полагая, что политика нацистов по отношению к цыганам имела определенные отличия, выступают против того, чтобы считать их жертвами Холокоста. Тем не менее в энциклопедии Холокоста на территории СССР представлена отдельная статья о цыганах. Здесь отмечается, что всего на оккупированной территории СССР, по предварительным данным, погибло от 30 до 50 тыс. цыган². Всего же, по мнению М. И. Семиряги, от гитлеровского геноцида, по неполным данным, погибло около 500 тыс. цыган из многих стран Европы. На основании этого он делал вывод о том, что «масштабы физического истребления еврейского населения в Европе... отходят на задний план в сравнении с массовым геноцидом цыган»³.

¹ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001; и др.

² Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 1047–1056.

³ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 574–575.

Дискуссию порождают и казненные, в основном в первый год войны, советские военнопленные, не являвшиеся евреями, но принятые за них по внешним признакам и особенностям речи (кавказцы, крымские татары и др.) или даже сходству фамилий (например, немцы Поволжья). Такие же вопросы связаны с погибшими вместе с евреями членами их семей, имевшими иную национальность (женами, мужьями, вместе с их собственными детьми от других браков и пр.). Ряд авторов предлагает считать их жертвами Холокоста нееврейского происхождения.

Споры идут о погибших евреях-военнопленных: считать их жертвами преступлений нацистов против евреев или против советских военнопленных, судьба которых также была чрезвычайно трагична? Часть авторов сходится в том, что они одновременно испытывали преследования и как евреи, и как красноармейцы. Количество погибших евреев-военнопленных определяется цифрами от 55–70 до 80 тыс. чел. из их общей численности в 60–85 тыс. чел., при этом отмечается, что вторая оценка, «соответствующая 94 % смертности евреев в немецком плену, представляется более реалистичной»¹. В то же время очевидно, что жертвами Холокоста не являются евреи-военнослужащие действующей армии, погибшие в ходе боевых действий в 1941–1945 гг., что порождает необходимость вычитать их из общего количества потерь еврейского населения в годы Великой Отечественной войны.

В советской историографии данные об общем количестве жертв Холокоста принижались во многом для того, чтобы не давать новых поводов нацистской пропаганде. Поэтому при подсчетах рассматривалась советская территория в границах 1939 г., не учитывались евреи, проживавшие на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики и Молдавии, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (около 2 млн чел.). Общие потери еврейского населения в период нацистской оккупации в советской историографии определялись в 0,5–0,8 млн чел.²

В современной историографии получены более полные и достоверные сведения о масштабе Холокоста в СССР. В частности, установлено количество гетто на оккупированной советской территории. И. А. Альтман в своей монографии указал, что на оккупированной

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 168, 170.

² Альтман И. Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противодействие отрицанию Холокоста. С. 20.

советской территории было создано свыше 800 гетто¹. В энциклопедии по истории Холокоста в СССР названы 1 тыс. мест временного содержания евреев. В данной связи ее авторами отмечается: «Такого числа гетто не было ни в одном из оккупированных нацистами европейских государств»².

В обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны численность погибших евреев определена в 1,05 млн чел.³ Однако эта цифра исследователями Холокоста подвергается резкой критике как явно заниженная⁴. В «Российской Еврейской Энциклопедии» говорится, что на оккупированной советской территории оставалось до 3 млн евреев, а погибло около 2 млн чел.⁵ Б. В. Соколов считает, что на советской территории было уничтожено от 2 до 3 млн евреев, включая 0,5 млн иностранных граждан⁶.

И. А. Альтман на основе анализа советской и нацистской статистики и региональных исследований проблемы определил общую численность жертв Холокоста в СССР в 2 805–2 838 тыс. чел. При этом он выделил три этапа уничтожения еврейского населения: 1) с начала войны до конца января 1942 г., времени проведения Ванзейской конференции, — 1 242 тыс. чел. — 1 270 тыс. чел., 2) с февраля 1942 г. по октябрь 1943 г., когда была завершена ликвидация гетто, — 1 512 тыс. чел. — 1 517 тыс. чел., 3) с ноября 1943 г. — до конца войны — 51 тыс. чел.⁷ Суммировав данные о гибели евреев в Ставропольском и Краснодарском краях, Курской, Ростовской, Московской, Тульской, Тверской, Смоленской, Орловской, Волгоградской и других областях, он также впервые назвал обобщающую цифру жертв Холокоста в границах современной России: от 119 210 до 140 350 чел. При этом И. А. Альтман не учитывает данные, приводимые краеведами Смоленска и Ростова-на-Дону, по которым погибло еще свыше 50 тыс. евреев, поскольку они не имеют достаточных документальных подтверждений⁸.

¹ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 104.

² Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 7.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. Народ и война. С. 123.

⁴ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 15.

⁵ Российская Еврейская Энциклопедия. М., 2000. Т. 4. С. 20.

⁶ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. С. 117.

⁷ Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 303–304.

⁸ Там же. С. 286.

Согласно уточненным данным, полученным М. С. Куповецким при помощи метода этнодемографического баланса в сочетании с использованием ведомственной статистики и других источников, численность непосредственных жертв Холокоста на оккупированной территории СССР составила 2 351 тыс. чел. В результате сравнения численности евреев до и после войны он установил, что 2 656 тыс. чел. — потери населения в довоенных границах СССР. Из этой цифры вычитаются 160 тыс. чел. — фактические безвозвратные потери евреев-военнослужащих, ополченцев, партизан и подпольщиков, 50 тыс. чел. — потери мирного еврейского населения в прифронтовой полосе, 80 тыс. чел. — избыточная смертность еврейского населения в советском тылу, 15 тыс. чел. — смертность евреев-узников ГУЛАГа. Разница между оценками М. С. Куповецкого и И. А. Альтмана, опирающегося на документальные источники, составляет 454–487 тыс. чел. Сам М. С. Куповецкий объясняет ее как разницу между теми жертвами, которые фигурировали в официальной статистике как евреи, и непосредственными жертвами Холокоста, включавшими лиц еврейского и частично еврейского происхождения. Они не рассматривались в официальной статистике как евреи, но попали под действие нацистских расистских законов об уничтожении. Кроме того, в нацистской и советской статистике учитывались еврей-беженцы из нацистской зоны оккупации Польши и Румынии. Между тем из 280–435 тыс. евреев-беженцев немногим более 200 тыс. чел. репатриировались после войны из СССР в Польшу и Румынию. Не учитываются также жертвы среди евреев — иностранных граждан, привезенных нацистами и их союзниками из Германии и оккупированных стран Европы в Белоруссию и Украину и там уничтоженные (не менее 80–100 тыс. чел.). В целом, согласно данным подсчетам, на евреев приходится более 10 % от 26,6 млн чел. — всех потерь советского населения в период Великой Отечественной войны, в то время как они составляли только 2,5 % населения СССР до войны¹.

Противоречия в подсчетах и отсутствие всей совокупности необходимых документальных источников породили критическое направление, получившее название «ревизионизма» или отрицания Холокоста. Его сторонники отрицают, что массовая гибель евреев являлась результатом целенаправленной политики официальных властей Третьего рейха, рассматривая «окончательное решение еврейского вопроса» в Германии как депортацию, но не уничтожение. Отрицатели отвергают существование газовых камер и лагерей смер-

¹ Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 780–786.

ти, предназначенных для целенаправленного уничтожения евреев, полагая, что массовые отравления газом и сожжение тел жертв в тех количествах, которые приводятся в общепринятой историографии, были технически и экономически невозможны. Они также оспаривают общую численность жертв евреев в годы Второй мировой войны. В данной связи подчеркивается пересмотр в современной историографии общей оценки жертв Освенцима: если в материалах Нюрнбергского процесса фигурировали 4 млн жертв, то сегодня исследователи говорят примерно о чуть более 1 млн погибших там евреев. Находя отдельные нестыковки, преувеличения и неточности в исследованиях, документах и показаниях свидетелей, отрицатели вообще отвергают имеющиеся источники, считая, что они были фальсифицированы уже после войны сионистами, стремившимися добиться финансовых и прочих преференций для Израиля¹.

По мнению современных исследователей проблемы, в России отрицание Холокоста пока еще не стало самостоятельным идеологическим направлением². Распространение данных представлений первоначально осуществлялось путем активного переиздания работ западных «ревизионистов» и использования их основных постулатов. Особой популярностью среди зарубежных отрицателей Холокоста в России пользовался швейцарский автор Ю. Граф, отрывки из работ которого печатали газеты «Дуэль», «Завтра», «Русский вестник» и другие органы национал-патриотической направленности, а книги переиздавались несколько раз³.

В конце 1990-х гг. появились и первые работы российских авторов, выполненные в рамках отрицания Холокоста. Их методологической и идеологической основой являлась совокупность национал-патриотических, антисемитских и конспирологических идей. Так, В. Кожин в одной из книг привел собственную оценку численности жертв евреев в годы Второй мировой войны. Признавая трагедию евреев, он считал численность их жертв резко завышенной, сделав вывод о том, что сокращение евреев в Европе было «обусловлено, в основном, не потерями, а очень значительным перемещением еврейского населения»⁴. Понятие Холокоста используется также для обозначения

¹ См.: Граф Ю. Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне. М., 1996; и др.

² См.: Альтман М. М. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции. М., 2001.

³ Граф Ю. Миф о Холокосте. М., 1996.

⁴ Кожин В. Россия, век XX. 1939–1964. М., 1999. С. 137–141.

ния «истребления русского народа» и террора большевиков против казачества, в чем обвиняются евреи¹. Популярностью пользуется и так называемая палестинская версия решения еврейского вопроса, согласно которой целью Гитлера являлось не уничтожение, а выселение евреев из Европы в Палестину. По версии российских отрицателей, именно сионисты являются подлинными виновниками Холокоста и создателями мифа о нем. Намного меньше сторонников существует у оправдания Холокоста, выражающегося в стремлении обвинить в трагедии самих евреев. В частности, Ю. Мухин утверждал, что евреи работали на германскую промышленность и служили охранниками в немецких лагерях, поддерживая, таким образом, нацистский режим и способствуя уничтожению других евреев². Активно используются для объяснения всех бед России, начиная с Октябрьской революции, и распространенные антисемитские мифологемы о «всеобщей порочности евреев», пострадавших за «алчность крупных еврейских банков» или «всемирном еврейском заговоре»³.

В начале 2000-х гг. приверженцы отрицания Холокоста стали совершенствовать способы и формы представления своих позиций, активно используя электронные ресурсы. Так, в конце мая 2003 г. был создан специальный Интернет-ресурс «Ревизионизм Холокоста», на котором было размещено около 400 различных работ западных и отечественных отрицателей и «ревизионистов» Ю. Графа, М. Вебера, Р. Харвуда, Р. Дьюка, Э. Саттона, А. Севастьянова, А. Проханова, О. Платонова, Ю. Мухина и других⁴. Подобные материалы содержат сайты праворадикальных, ряда палестинских и исламских, а также некоторых православных организаций.

На официальном уровне отрицание Холокоста отвергается значительной частью стран, особенно тех, которые пострадали от нацизма и фашизма. 26 января 2007 г. накануне Международного дня памяти жертв Холокоста Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию № 61/255 «Отрицание Холокоста», осуждающую данное явление. Документ поддержали 103 государства из 192 членов Генеральной ассамблеи, против выступил только Иран. В ряде стран отрицание

¹ Краснов П. Ритуальное убийство // Я русский. 1998. № 8. С. 3; и др.

² Мухин Ю. Тайны еврейских расистов. М., 2004; и др.

³ Альтман И. Отрицание Холокоста в России // Историческая память. Противоборство отрицанию Холокоста. С. 19–20.

⁴ Автор и владелец Н. В. Саламандров в 2005 г. заявил о консервации проекта, но материалы к этому времени уже широко использовались другими сайтами.

Холокоста является противозаконным. Законы, запрещающие отрицание Холокоста как преступление, совершенное нацистами, приняты в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Люксембурге, Польше, Словении, Франции, Швейцарии, Канаде, Израиле, Лихтенштейне, Португалии и Чехии. В 2010 г. закон, карающий за отрицание преступлений тоталитарных режимов, был принят в Венгрии¹.

Однако в России отрицание Холокоста находит определенную поддержку со стороны части общества. Ряд исследователей полагает не нужным подвергать отрицание Холокоста критике, поскольку оно носит откровенно ненаучный и пропагандистский характер. Другие авторы считают, что такого рода дискуссии служат лишь для дополнительного привлечения внимания к отрицателям. Существует также точка зрения, что отрицание Холокоста приносит пользу науке, поскольку дает повод пересмотреть устоявшиеся положения официальной историографии, переформулировать или дезавуировать неверные утверждения. Наряду с этим есть исследователи, которые считают, что игнорирование отрицателей вредно, поскольку создает ложное впечатление их правоты. В связи с этим обращает на себя внимание специальный сборник, составители которого особое внимание уделили именно демографии Холокоста как наиболее дискутируемой проблеме².

Таким образом, развитие российской историографии Холокоста позволило определить масштабы трагедии евреев в СССР в годы Великой Отечественной войны. В советской историографии практически отсутствовали специальные исследования по этой проблеме. В последние годы в России появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих гибель евреев в 1941–1945 гг. на основе рассекреченных архивных документов, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Предпринимавшиеся нацистами меры секретности при реализации «окончательного решения», недостаток статистических данных и документальных источников усложняют уточнение численности жертв Холокоста. Поэтому перспективной задачей российских исследователей остается дальнейшая разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории

¹ Капинус О. С., Додонов В. Н. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также за другие «преступления ненависти» по уголовному праву зарубежных стран // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. Вып. 8. С. 76–85.

² Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем: Сб. М., 2008.

РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, административных и полицейских органов, коллаборационистов, роли местного населения в гибели и спасении евреев. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

Изучение Холокоста в России было и остается одной из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Отрицание Холокоста как составная часть идеологии современного экстремизма представляет собой серьезную опасность для развития гражданского общества в России. Его широкое распространение является следствием не только длительного замалчивания и недостаточной разработанности данных вопросов, но и современных «болезней роста» российского общества, нарастания социальных проблем и межэтнических противоречий. Преодолению указанных тенденций способствует осмысление Холокоста как не этнической, а наднациональной, общемировой трагедии, выработка в историографии и в историческом сознании современного общества понимание того, что уничтожение евреев представляло собой составную часть общих нацистских планов преобразования мира и их реализации на оккупированной советской территории.

* * *

Историография Великой Отечественной войны и ее демографических последствий прошла сложный и извилистый путь от прямых фальсификаций, продиктованных теми или иными политическими соображениями, до глубоких и объективных исследований. Первоначальный этап в ее развитии, пришедшийся непосредственно на годы войны и первое послевоенное десятилетие, имел откровенно пропагандистский характер, отличался господством официальных оценок и полным отсутствием альтернативных мнений.

Изменения в оценках событий войны и ее демографических последствий стали происходить в середине 1950-х гг. После XX съезда КПСС постепенно стала переосмысливаться роль Сталина в достижении Победы в Великой Отечественной войне и ее итоги. Это позволило назвать новые данные о масштабах потерь советского населения в 1941–1945 гг. В то же время обнародование этих данных на официальном уровне не сопровождалось доказательствами достоверности приводимых цифр, поэтому даже о структуре потерь можно было лишь строить гипотезы.

После распада СССР, упразднения политической цензуры и жесткого идеологического контроля появилась возможность выявить более достоверные масштабы потерь в военный период. В результате за прошедшие десятилетия в отечественной историографии была проделана большая работа по ликвидации «белых пятен» в отношении определения потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. Однако исторические исследования до сих пор не свободны полностью от эмоций и политической конъюнктуры, нередко определяющей позиции тех или иных авторов по столь сложной и актуальной научной проблеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История СССР эпохи сталинизма наполнена трагическими событиями, сыгравшими негативную роль в дальнейшем развитии страны. Настоящими демографическими катастрофами по своим далеко идущим последствиям стали массовые политические репрессии и Великая Отечественная война. Достаточно сложный и противоречивый путь прошла и отечественная историография данной проблемы. Он в полной мере отражает закономерности развития советской и современной российской исторической науки в целом и в то же время имеет свою специфику, связанную с особенностями изучения демографических потерь, используемых исследователями источников и методов.

Основными подходами в изучении масштабов и форм репрессий и потерь в СССР в 1937–1945 гг. являются конкретно-исторический (учетно-статистический) и историко-демографический (балансовый, или метод демографического баланса). Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки, обусловленные ограниченными возможностями используемой исследователями источниковой базы, а также дискуссионностью самих применяемых методов и расчетных методик. Достаточно несовершенной представляется и используемый понятийный аппарат, сформировавшийся во многом под влиянием курса самой сталинской эпохи, языка и стиля исторических документов данного времени, и неоднократно подвергавшийся политизации. Тем не менее исследователи делают определенные шаги в направлении выработки более строгой научной терминологии, классификации и типологии форм репрессий и потерь, что является необходимым условием создания полной и достоверной системы представлений о демографических процессах в советском обществе в целом.

Само формирование структуры научно-исследовательских учреждений, занимавшихся рассматриваемой проблематикой, находилось под значительным воздействием общественно-политической атмосферы. После ликвидации демографических институтов в 1930-е гг. специальные научные учреждения, специализировавшиеся на проблемах народонаселения в СССР, появились только после хрущевской «оттепели». Новый этап трансформации исследовательских

структур, занимающихся изучением потерь советского населения в эпоху сталинизма, начался в конце 1980-х гг. В настоящее время наряду с традиционными академическими, вузовскими и другими научно-исследовательскими структурами в выработке новых исторических знаний активно участвуют различные общественные организации. Все более значимую роль в данном процессе играют и новые формы представлений исторических знаний, связанные с развитием виртуального пространства и электронных средств массовой информации.

В выработке представлений о формах и масштабе политических репрессий в 1937–1945 гг. и потерь в годы Великой Отечественной войны выделяются два основных этапа, получивших в рамках данной работы условные наименования советской и современной российской историографии. В свою очередь, первый этап разделяется на три, а второй — на два периода. Подобная дробность позволяет максимально учесть изменения, происходившие в осмыслении данной проблемы. Условность в выделении и обозначении этапов и периодов вызвана, во-первых, их тесной взаимосвязанностью, во-вторых, наличием определенных различий внутри выделяемых временных отрезков.

Первый период в развитии советской историографии неразрывно связан с господствовавшей в стране идеологией и прежде всего с той ролью, которую играл в это время И. В. Сталин. Именно сталинские оценки и выводы о масштабах «врагов народа» и необходимости их уничтожения, потерях в годы Великой Отечественной войны на долгие годы определили основные векторы советской историографии. Историки и пропагандисты в этих вопросах повторяли основные положения статей и выступлений И. В. Сталина, а также В. М. Молотова, Н. И. Ежова, А. Я. Вышинского, Л. М. Кагановича, Л. П. Берия и других его сподвижников, обосновывая необходимость и справедливость карательных действий советского государства, не называя их подлинного масштаба.

Годы Великой Отечественной войны несколько заслонили «большой террор» 1937–1938 гг. Официальная историография забыла о нем на десятки лет, а другие точки зрения в советской науке не допускались. Самой главной задачей, которая стояла перед советской историографией, был показ неоспоримых преимуществ социалистического общественного и государственного строя, одержавшего победу над буржуазным строем. В связи с этим и потери в Великой Отечественной войне отошли на «второй план», их затмили выводы о победоносном завершении противоборства с врагом, выдающейсяся

роли Коммунистической партии — организаторе и вдохновителе победы в 1941–1945 гг. Историки вслед за лидерами государства повторяли фальсифицированные положения об огромных потерях врага и замалчивали собственные потери. Проблемы структуры потерь, масштабов депортаций, репрессий, жертв ГУЛАГа не ставились и не решались в советской историографии.

Второй период в изучении проблемы начался вместе с преобразованиями в стране после смерти И. В. Сталина. Н. С. Хрущев использовал острую критику деятельности «вождя народов» как средство для достижения и удержания власти. В своем докладе на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» он возложил на Сталина прямую ответственность за произвол и репрессии второй половины 1930-х гг., неподготовленность страны к войне. Но Хрущев не назвал истинные масштабы жертв государственного террора в 1937–1938 гг. и потерь в период Великой Отечественной войны. Тем не менее происшедшие перемены изменили саму атмосферу в обществе. Возможность хотя бы дозировано говорить о «закрытых», «острых» темах привела к настоящему прорыву в науке, литературе и публицистике, появлению новых исторических сюжетов, расширению источниковой базы исследований.

Своеобразным водоразделом между вторым и третьим периодами стала публикация книги А. М. Некрича «1941, 22 июня» в 1965 г. и ее последующий разгром. После этого постепенно прекратилась публикация критических материалов, вновь установился запрет на «острые» темы, события предвоенного и военного времени подверглись героизации и мифологизации. В идеологическом плане Победа в Великой Отечественной войне стала важнейшим объединяющим началом советского общества, поэтому ее цена упоминалась мимоходом, либо не упоминалась совсем.

«Другой» взгляд на проблему реализовывался в самиздате, а также в работах эмигрантов. Однако в эмигрантской и зарубежной литературе приводились крайне завышенные цифры советских заключенных, во-первых, вследствие крайней ограниченности доступных источников, в основном личного происхождения, а также косвенных показателей (например, планов развития народного хозяйства СССР, по которым рассчитывалось количество занятых в нем лиц). Свою роль играло и политико-идеологическое противостояние СССР и стран Запада, усилившееся с началом «холодной войны». Принудительный труд в системе ГУЛАГа подвергался резкой критике зарубежных и эмигрантских авторов, а советские заключенные назывались «рабами», при этом нередко смешивались различные

категории репрессированных. В свою очередь, советские авторы категорически отвергали подобную «ложь и клевету» буржуазных «фальсификаторов».

Новый этап в развитии отечественной историографии проблемы начался со второй половины 1980-х гг. Его первый период продолжался сравнительно недолго, но был очень важен для дальнейшего изучения предвоенной и военной истории. Это было время острых дискуссий, в ходе которых обращение к советскому опыту, прежде всего, к «большому террору» и жертвам войны, активно использовалось противниками в качестве аргументов при доказательстве виновности или невинности коммунистического режима в масштабных преступлениях против народа. Эмоциональные выступления писателей и журналистов затмили первые исследования историков. Особенно показательной стала острая дискуссия в печати В. Н. Земскова с А. В. Антоновым-Овсеенко, другими публицистами и очевидцами событий, отражавшая конфликт двух историографических тенденций. Приводившиеся публицистами данные о миллионах расстрелянных, осужденных и заключенных вызвали значительно больший общественный интерес, чем более «скромные» оценки государственного террора, данные историками на основе документов. Они хорошо «вписывались» в идеологический фон перемен начала 1990-х гг. в СССР, приведших к крушению коммунистического режима в нашей стране.

Современный период в изучении репрессий и потерь СССР в 1937–1945 гг. складывается с начала 1990-х гг. Выработка более достоверных оценок стала возможной благодаря снятию политической цензуры и идеологических «табу», открытию архивов, рассекречиванию документов, свободной публикации ранее запрещенных авторов, появлению новых исторических источников, широкой научной дискуссии по «острым» проблемам 1930–1940-х гг. В 1990–2000-е гг. опубликованы серьезные исследования, содержавшие новые данные о количестве репрессированных и погибших в годы Великой Отечественной войны советских граждан. Вышли фундаментальные труды, посвященные демографическим потерям кануна и периода войны. За последние двадцать лет серьезно продвинулось вперед изучение истории депортаций, спецпоселений, ГУЛАГа, механизмов массовых политических репрессий, «большого террора» 1937–1938 гг., отдельных видов потерь Великой Отечественной войны. Особое значение в осмыслении масштабов демографических потерь играет подготовка книг памяти погибших в годы Великой Отечественной войны и жертв политических репрессий, содержащих обобщающие данные по отдельным регионам страны. Однако дискуссии в средствах массовой информации о советском социа-

лизме, Сталине, репрессиях, войне продолжают носить идеологически ангажированный характер. В последнее время усилились ностальгия по «сильной руке» и «порядку», которые связываются с именем Сталина. Это способствует очередной переоценке «издержек» и «перегибов» его правления, преданию забвению имен миллионов жертв и идеализации достижений социализма.

Указанные тенденции нашли свое отражение и в изучении отдельных сюжетов. Так, публикации второй половины 1930-х гг. не содержали даже относительно достоверных данных о масштабах политических репрессий в целом и «большого террора» в особенности. Истинные размеры трагедии замалчивались, узнать о них можно было только при чтении «между строк», а страницы газет и журналов были наводнены материалами, призывавшими советских граждан к «сверхбдительности», создававшими в обществе атмосферу страха, агрессивности, подозрительности. Но публиковавшиеся в открытой печати данные о количестве репрессированных «врагов народа» намного уступали реальному количеству жертв политических репрессий. Существенные изменения в осмыслении проблемы репрессий произошли в период «оттепели», что было связано с началом критики «культы личности» Сталина. Однако со второй половины 1960-х гг. разработка проблемы вновь оказалась под запретом. Новый этап в развитии историографии репрессий наступил в период «перестройки». Благодаря вводу в научный оборот рассекреченных источников современные авторы сумели установить основные показатели политических репрессий эпохи сталинизма.

Достижением российской исторической науки последних лет стали издания, посвященные институциональным и региональным аспектам проблемы ГУЛАГа и спецпоселений, которые ввели в научный оборот большое количество новых материалов из ведомственных и региональных архивов. Историки охарактеризовали численность и состав заключенных, количество и организацию лагерей и спецпоселений, их экономическое значение. В то же время в последние годы складывается тенденция рассматривать ГУЛАГ как систему исправительно-трудовых учреждений, где отбывали наказание в виде лишения свободы преимущественно уголовные преступники. Многие исследователи подвергают сомнению правомерность подобного рассмотрения ГУЛАГа в качестве пенитенциарной системы, т. е. лагеря, в отличие от традиционных мест лишения свободы, изначально создавались как органы подавления «классово враждебных» элементов, а отнюдь не как исправительно-трудовые учреждения с воспитательными целями.

Проведение этнических депортаций в официальных советских документах оправдывалось «государственной необходимостью» или их «изменой Родине» в годы войны, эти положения разделяли отдельные работы пропагандистского характера. Только в период «оттепели» принудительные выселения советских народов получили негативную оценку как «нарушения социалистической законности», а их проведение стали объяснять «преступной» деятельностью И. В. Сталина и Л. П. Берии. Началась реабилитация, не получившая, впрочем, в данные годы своего завершения. С завершением «оттепели» интерес к данной проблеме вновь снизился.

Новый этап в развитии историографии депортаций советских народов начался уже в 1990-е гг. благодаря рассекречиванию архивных документов, общим переменами в жизни страны и самой исторической науки. Первоначально отечественные историки повторяли высказанные зарубежными авторами и эмигрантами оценки депортаций времен «холодной войны», но постепенно в отечественной историографии стали складываться новые подходы к изучению депортаций советских народов. При этом причины и последствия депортаций продолжают дискутироваться. Большинство авторов связывает их с проявлениями тоталитарного режима, осуждая данные акции как противозаконные и негуманные. В то же время в последние годы наметилась и противоположная тенденция фактического оправдания депортаций, особенно периода Великой Отечественной войны.

Работы современных историков позволяют проследить порядок проведения депортаций, выяснить численность отдельных депортированных народов и общее количество выселенных граждан. По разным подсчетам, жертвами принудительных переселений в 1937–1945 гг. стали от 3,5 до 6 млн чел. Нашли отражение в историографии вопросы выселения финнов, поляков, немцев, курдов, корейцев, греков и других народов во второй половине 1930 — начале 1940-х гг. Широкое внимание уделяется депортациям немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар и других народов СССР в годы Великой Отечественной войны.

В то же время исследователи спорят о количестве самих депортационных операций и численности выселенных народов. Остро дебатуются вопросы о том, какие именно принудительные перемещения населения с территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики считать депортациями, а какие нет, поскольку, с одной стороны, в них отсутствовала насильственность, с другой — переселялись не все представители этнической общности. Значительные разногласия вызывают масштабы выселения бывших польских

граждан. При этом разногласия в подходах и трактовках вызываются не только разными принципами и методами подсчетов, но и политизацией рассматриваемой проблемы. Обращает на себя внимание, что тема депортаций, акцентирование внимания на действительной трагедии того или иного этноса нередко выступает средством этнической мобилизации в решении тех или иных сиюминутных политических задач. Нередко со стороны не только публицистов и политиков, но и профессиональных историков звучат утверждения, что репрессии против их народов были самыми «кровавыми» и необоснованными, а другие репрессивные акции оправдываются.

На разных этапах развития исторической науки вопрос о потерях в Великой Отечественной войне становился предметом острых дискуссий, политических и идеологических противоборств. В советский период итоги войны использовались в качестве аргументов в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя. В условиях современной России обращение к опыту прошлого также нередко сохраняет политизированный характер.

В советской историографии фактически скрывались данные о потерях СССР в Великой Отечественной войне, откровенно завышались сведения о численности погибших военнослужащих и мирных граждан Германии. Динамика оценок общего масштаба советских потерь была прямо связана с изменениями политического курса, а сами цифры впервые озвучивали непосредственно высшие руководители страны. В течение первых пятнадцати лет в советской историографии приводилась цифра в 7 млн погибших, впервые названная И. В. Сталиным в 1946 г. Н. С. Хрущев в 1961 г. назвал 20 млн советских граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны. Он также впервые поставил вопрос об ответственности Сталина за высокую цену Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Следующую цифру общих потерь — 27 млн чел. — привел М. С. Горбачев. В то же время в работах советских исследователей не получили соответствующей разработки вопросы структуры потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны, численности военнопленных РККА, «остовцев», а также репатриантов. Данные сюжеты оставались маргинальными направлениями исследований в советской исторической науке на протяжении всего ее существования.

В настоящее время у исследователей появилась возможность выявить истинные масштабы потерь в предвоенный и военный период, раскрыть их структуру и виды. Уточнению общего количества жертв среди советского населения способствует появление первых серьезных исследований, посвященных трагическим судьбам советских

военнопленных и «восточных рабочих». Наряду с официальными данными, появилось значительное количество альтернативных исследований, предлагающих совершенно иные цифры людских потерь во время Великой Отечественной войны. Амплитуда в оценках потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. порой достигает десятков миллионов человек.

В СССР практически отсутствовали специальные исследования об уничтожении евреев в годы Великой Отечественной войны. В последние годы появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих данную проблему на основе рассекреченных архивных документов, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Меры секретности при реализации «окончательного решения», недостаток статистических данных, а также многолетнее замалчивание Холокоста в СССР усложняют уточнение его потерь. Перспективной задачей российских исследователей остается разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, коллаборационистов, роли местного населения. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

В целом, советскими и современными российскими историками накоплен немалый опыт изучения масштаба и форм потерь и репрессий в СССР в 1937–1945 гг. Особенно значителен вклад современных исследователей в ликвидацию «белых пятен» в истории демографических потерь советского населения. В немалой степени этому способствовали отказ от жесткой цензуры и введение в научный оборот значительного количества целых комплексов новых документов в 1990–2000-е гг. Однако на разработку рассматриваемой проблемы влияла и продолжает влиять идеологическая и политическая конъюнктура.

В настоящее время возможности в развитии историографии проблемы путем расширения ее источниковой базы существенно ограничены. Дальнейшие перспективы в изучении репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. тесно связаны с углублением теоретико-методологического анализа и дальнейшей концептуализации проблемы. Необходимы органичный синтез используемых подходов, совершенствование применяемых методов и терминологии, соединение усилий различных специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сборники документов

Бацаев, И. Д. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах: в 2 ч. Ч. 1 (1931–1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. — 381 с.

Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М.: Интерпракс, 1992. Кн. 1. — 206 с.; МККА, 1997. Кн. 2. — 302 с.

Боговис, Н. Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы / Н. Боговис, О. Алешина. [Б. м.]: Воениздат, 1943. — 72 с.

Возвращение к правде. (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-е и начале 50-х годов): Документы и материалы. Тверь: Архив. отдел адм. Тверской обл., 1995. — 119 с.

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. — 742 с.

Герман А. А. История республики немцев Поволжья. В событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. — 320 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 // Россия — XX век: Документы. М.: Международ. фонд «Демократия», 2000. — 888 с.

ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1992. — 225 с.

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы) / Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. М., 1992. — 353 с.; Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 — февраль 1942 гг.). М., 1995. — 248 с.

Депортация карачаевцев: документы рассказывают: Сб. документов. Черкесск: Карач.-Черкес. ин-т гуманит. исследований при Правительстве КЧР, 1997. — 341 с.

Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М.: Международ. фонд «Демократия», 2002. — 631 с.

Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. М.: НПЦ «Холокост», 1996. — 130 с.

Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собрание документов и фотографий. М.: РОССПЭН, 2008. — 448 с.

Зверства германских фашистов. М.: Госполитиздат, 1941. — 62 с.

Зверства гитлеровцев на Кубани: Сб. материалов в помощь пропагандистам и агитаторам. Краснодар: Большевик, 1943. — 48 с.

Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации: Сб. документов. Сталинград: Обл. кн. изд-во, 1945. — 76 с.

Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. — 288 с.

История российских немцев в документах. Т. I (1763–1992 гг.). М.: Международный ин-т гуманист. программ, 1993. — 448 с.; Т. II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М.: Рос. эконом. журнал, 1994. — 510 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — 728 с.; Т. 2: Карательная система: структура и кадры. — 696 с.; Т. 3: Экономика ГУЛАГа. — 623 с.; Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. — 621 с.; Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. — 824 с.; Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. — 734 с.

Карачаевцы: Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. — 176 с.

Лагерь смерти: Сб. документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. М.: Госполитиздат, 1944. — 75 с.

Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944: Сб. документов. М.: Фонд «Историческая память», 2009. — 360 с.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. — 736 с.

Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. — 751 с.

Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 3–44.

«Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы). М.: Готика, 1998. — 352 с.

Мщение и смерть гитлеровским палачам! Л.: Воениздат, 1943. — 32 с.

Мы обвиняем: Документы и материалы о злодеяниях гитлеровских оккупантов и латышских буржуазных националистов в Латвийской советской социалистической республике 1941–1945. Рига: Лиесма, 1967. — 317 с.

Нарымская хроника. 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев: Документы и воспоминания. М.: Русский путь, 1997. — 256 с.

Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации советских военнопленных. 1954–1956 гг. // Исторический архив. 1995. № 2. С. 108–126.

НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и

Прибалтике (1939–1956): Сб. документов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. — 640 с.

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1. — 688 с.; 1988. Т. 2. — 671 с.; 1989. Т. 3. — 656 с.; 1990. Т. 4. — 672 с.; 1991. Т. 5. — 672 с.; 1996. Т. 6. — 528 с.; 1997. Т. 7. — 736 с.; 1999. Т. 8. — 792 с.

О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М.: Госполитиздат, 1943. — 31 с.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов в 2 т. М.: Русь, 2000. Т. 2 в 2 кн. Кн. 1: Начало: 22 июня — 31 августа 1941 года. — 718 с.; Кн. 2: Начало: 1 сентября — 31 декабря 1941 года. — 698 с.

Осипова И. И. «В язвах своих сокрой меня...»: гонения на католическую церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел. М.: Серебряные нити, 1996. — 223 с.

Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...»: гонения на Истинно-православную церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М.: Серебряные нити, 1998. — 432 с.

Осипова И. И. «Возлюби Бога и следуй за Ним...»: гонения на русских католиков СССР. М.: Серебряные нити, 1999. — 350 с.

Осипова И. И. Хасиды: «Спасая народ свой...»: история хасидского подполья в годы большевистского террора: По материалам отчетов ОГПУ–НКВД–МГБ и следственных дел заключенных. М.: Формика-С, 2002. — 293 с.

От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918–1998. Тверь: Кн.-журн. изд-во, 1998. — 383 с.

Плоткин К. Холокост: У стен Ленинграда. СПб.: Новая еврейская школа, 2005. — 120 с.

«По решению правительства Союза ССР...». (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2003. — 927 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. — 1200 с.

Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942–1944 гг. М.: Звенья, 1998. — 200 с.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М.: Воениздат, 1987. — 301 с.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М.: Экономика, 1985. — 324 с.

Проклятие убийцам! Рассказы очевидцев и пострадавших от зверств немецко-фашистских оккупантов в Воронежской области. Воронеж: Обл. кн. изд-во, 1943. — 78 с.

Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. — 464 с.

Реабилитация: как это было: в 3 т. Т. 1: Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956: Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. — 503 с.

Репатриация советских граждан: Сб. официальных материалов. М.: Воениздат, 1945. — 51 с.

Репрессии в Архангельске: 1937–1938: Документы и материалы. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1999. — 272 с.

Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — ноябрь 1958 гг.). М.: Госюриздат, 1959. — 710 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. — 223 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1. — 511 с.; Ч. 2. — 410 с.

Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946. — 457 с.

Советская молодежь в Германии: Документы антифашистского сопротивления. 1943–1945 гг. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 63–80.

Советская молодежь в Германии: Материалы ЦХДМО о комсомольской организации «восточных рабочих» в Германии. 1945 г. // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 108–122.

Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 30–44.

Советское государство и евангельские церкви в 1920–1941 гг.: Документы и материалы. Новосибирск; СПб.: Посох, 2004. — 427 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири: Сб. документов в 4 кн. Кн. 3. 1933–1938. Новосибирск: Экор, 1994. — 310 с.; Кн. 4. 1939–1945 гг. 1996. — 311 с.

СС в действии: Документы о преступлениях СС. М.: Прогресс, 1968. — 624 с.

Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. — 264 с.

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. — 175 с.

Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД Материк, 2005. — 904 с.

Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД; Материк, 2005. — 568 с.

Счет нашей мести. Статьи и документы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Воронежской области. Воронеж: Обл. кн. изд-во, 1943. — 103 с.

Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Краснодар: Крайиздат, 1943. — 64 с.

Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. — 187 с.

Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). Стенографический отчет. Мн., 1947. — 472 с.

Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91–112.

Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худож.-докум. сб. М.: Инсен, 1993. Т. 1. — 337 с.; Т. 2. — 336 с.; Т. 3. — 352 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: в 5 т. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. — 1056 с.; Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 г. 2004. — 648 с.; Кн. 2. 1938–1939. 2006. — 704 с.

1940–1956. Невольные сибиряки: Сб. документов и материалов. Томск: Томское историко-просвет. правозащит. и благотворительное общ-во «Мемориал», 2001. — 349 с.

Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 г. с постанейно-систематизированными материалами. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. — 553 с.

Фашистские зверства над пленными. По данным иностранной печати. М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1944. — 12 с.

Черкесская трагедия. Нальчик: Эльбрус, 1994. — 201 с.

Черная книга коммунизма. 2-е изд. М.: Три века истории, 2001. — 780 с.

Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс: Йад, 1993. — 608 с.

Речи и статьи

Вышинский А. Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. 3-е изд., доп. М.: Госюриздат, 1950. — 308 с.

Вышинский А. Я. Судебные речи. М.: Госюриздат, 1955. — 571 с.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Доклад на совместном торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской соц. революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М.: Политиздат, 1987. — 62 с.

О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: Сб. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 40 с.

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 4-е. М.: ОГИЗ, 1944. — 159 с.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М.: Писатель, 1997. — 364 с.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. 1946–1952. М.: Писатель, 1997. — 468 с.

Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Статистические источники

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991. — 239 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М.: Наука, 1992. — 256 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. М.: Искусство России, 1999. — 208 с.

Мемуары

Брюханов А. Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера. М.: Госполитиздат, 1958. — 208 с.

В фашистских застенках. Записки. Мн.: Госиздат БССР, 1961. — 277 с.

Гинзбург Е. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М.: Советский писатель, 1990. — 601 с.

Девятаев М. П. Побег из ада. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. — 238 с.

Дугас И. А. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным / И. А. Дугас, Ф. Я. Черон // Исследования новейшей русской истории. Париж: YMCA-Press, 1994. Т. 11. — 433 с.

Краснов В. В. К суду истории: записки военного прокурора. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. — 176 с.

Свидетели обвинения: Сб. воспоминаний узников фашистских концлагерей. Л.: Лениздат, 1990. — 349 с.

Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев. М.: РОССПЭН, 2007. — 351 с.

Суцкевер А. Из Виленского гетто. Воспоминания. М.; Екатеринбург: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2008. — 191 с.

Тамаркин В. Л. Это было не во сне. Воспоминания. М.; Иерусалим: «ЖАГ-ВМ», 2002. — 368 с.

Книги памяти

Безвинно расстрелянные (Мартиролог погибших от рук ОГПУ–НКВД в 1920–1940-е годы в период тоталитарного режима СССР). Абакан: Типография ООО Фирма «Март», 2004. — 325 с.

Воронежские сталинские списки: Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области: в 2 т. Т. 2. Воронеж: Центр духов. возрождения Чернозем. края, 2007. — 255 с.

Головкин А. Н. Жернова: Книга памяти тверских каред. Тверь: Альба, 2000. — 91 с.

Забелин А. А. Имя им легион: судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях. Смоленск: Изд-во Смол. гуманитар. ун-та, 1998. — 347 с.

Книга памяти. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1994. Т. 1. Республика Адыгея, г. Майкоп, Гиагинский и Кошехабльский районы. — 844 с.; 1995. Т. 2. Красногвардейский, Майкопский, Тахтамукайский, Теучежский и Шовгеновский районы. — 1024 с.; Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. Т. 3. — 779 с.

Книга памяти: архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 году. М.: Международ. центр корееведения при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. Ч. 1. — 275 с.

Книга памяти железнодорожников — жертв политических репрессий 1937–1938 гг., захороненных на Левашовском мемориальном кладбище. Вып. 1. СПб.: ОМ-Пресс, 2000. — 403 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5: Спецпоселение, 1920–50-е годы. Благовещенск: ИПК «Приамурье», 2007. — 495 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Т. 4. Чита: Поиск, 2006. — 315 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1996. [Т. 1]. — 266 с.; [Т. 2]: Книга памяти о корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации. 2000. — 140 с.; [Т. 3]. 2000. — 222 с.; [Т. 4]: Возвращенные имена — жертвы политических репрессий. Лукоморье, 2003. — 231 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. Вып. 1. — 435 с.; 2008. Вып. 2. — 622 с.

Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917–1987 гг. Т. 3. Тула: Гриф и К, 2006. — 307 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области. Т. 1: Мартиролог. 1937–1938. Тверь: Альба, 2000. — 704 с.; Т. 2. Тверь: АЛЬБА Плюс, 2001. — 511 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007. — 480 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск: Издательские проекты, 2004. Кн. 1. — 512 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 1: 1937 г. Новгород: Кириллица, 1993. — 358 с.; Т. 2: 1937, 1938 гг. 1994. — 383 с.; Т. 3: 1937–1941 гг. 1994. — 371 с.; Т. 4: 1941–1945 гг. 1995. — 390 с.; Т. 5: 1930–1936 гг. 1996. — 386 с.; Т. 6: 1917–1930 гг. 1997. — 362 с.; Т. 7: 1931–1936 гг. 1997. — 368 с.; Т. 8/9. Великий Новгород, 1999. — 394 с.

Книга памяти жертв политических репрессий по Калининской области. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Тверь: Федер. агентство по культуре и кинематографии, 2006. — 199 с.

Книга памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар: Диапазон-В, 2005. [Т. 1]. — 608 с.; 2008. Т. 2. — 384 с.

Книга памяти жертв политических репрессий: Республика Алтай. Т. 3. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер-Белуха, 2003. — 245 с.

Книга памяти жертв политических репрессий: Республика Татарстан. Казань: Изд-во «Книга памяти», 2000. Т. 1. «А». — 544 с.; 2001. Т. 2. «Б». — 448 с.; Т. 3. «В, Га». — 542 с.; Т. 4. «Г, Д». — 573 с.; 2002. Т. 5. «Е, Ж, З». — 446 с.; 2006. Т. 17: «Э, Ю, Я, дополнительный список А–Г». — 407 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия. Абакан: Стрежень, 1999. Т. 1. — 486 с.; Т. 3. Хакас. кн. изд-во, 2006. — 355 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Северная Осетия – Алания. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1999. Т. 1. – 381 с.; Иристон, 2000. Т. 2. – 381 с.

Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999. Т. 1: А–Б. – 360 с.; Т. 2: В–Д. 2000. – 426 с.; Т. 3: Е–И. 2001. – 237 с.; Т. 4: К. 2003. – 423 с.; Екатеринбург: Тип. Екатеринбургской епархии, 2005. Т. 5: Л–М–Н. – 461 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края. Ставрополь, 1995. Т. 1. – 412 с.; 1996. Т. 2. – 391 с.; Т. 3. – 418 с.; 1997. Т. 4. – 423 с.; Т. 5. – 372 с.; 1998. Т. 6. – 407 с.; Т. 7. – 335 с.; Т. 8. – 301 с.; 1999. Т. 9. – 310 с.; 2000. Т. 10. – 328 с.; 2001. Т. 11. – 319 с.; 2002. Т. 12. – 202 с.; 2003. Т. 13. – 249 с.

Книга памяти: Книга-мемориал о реабилитированных жертвах политических репрессий 1920–1950-х годов. Т. 2. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. – 446 с.

Книга памяти: Мартиролог католической церкви в СССР. М.: Серебряные нити, 2000. – 766 с.

Книга памяти о корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалин. ин-т экономики, права и информатики, 2000. Т. 2. – 140 с.

Книга памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. Мурманск, 1997. – 412 с.

Книга памяти поляков – жертв коммунизма – похороненных на Левашовской пустоши под Санкт-Петербургом. СПб.: [Б. и.], 1997. Т. 2. – 169 с.

Книга памяти: Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – 335 с.

Книга памяти: Российская Федерация. Карачаево-Черкесская Республика. Черкесск, 1995. Т. 1. – 747 с.; Майкоп: Адыгея, 1999. Т. 2. – 159 с.

Книга памяти: Российская Федерация. Краснодарский край. Краснодар: Кн. изд-во, 1994. Т. 1. – 448 с.; Т. 2. Анапа. Армавир. Белореченск. Геленджик. Горячий Ключ. Ейск. Кропоткин. – 567 с.; Т. 3. Крымск. Лабинск. Новороссийск. Славянск-на-Кубани. Тихорецк. Тихорецкий район. – 761 с.; Т. 4. Сочи. Туапсе. Гулькевичский район. Динской район. Калининский район. Кущевский район. – 682 с.; Т. 5. Абинский район. Апшеронский район. Белоглинский район. Брюховецкий район. Выселковский район. Кавказский район. Крыловский район. – 671 с.; Т. 6. Каневский район. Кореновский район. Красноармейский район. Курганинский район. – 615 с.; Т. 7. Ленинградский район. Мостовской район. Новокубанский район. Новопокровский район. Отрадненский район. – 632 с.; Т. 8. Павловский район. Приморско-Ахтарский район. Северский район. Староминский район. Темрюкский район. Тимашевский район. – 654 с.; Т. 9. Тбилисский район, Успенский район, Усть-Лабинский район, Щербиновский район, список погибших партизан, список погибших мирных жителей. – 560 с.

Книга памяти: Российская Федерация. Республика Ингушетия. Назрань: [Б. и.], 2002. Т. 1. — 271 с.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн. 1. — 262 с.; 2001. Кн. 2. — 262 с.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Высланы... Оставлены навечно... Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 2. Кн. 1. — 335 с.; 1994. Кн. 2. — 543 с.; 1998. Кн. 3. — 574 с.; 2000. Кн. 4. — 343 с.

Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Широлаг. Широкастрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронта в 1944–1945 гг. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. Т. 3. Кн. 1. — 295 с.

Книга памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. Т. 1. Районы: Александровский, Андроповский, Апанасенковский, Арзгирский. — 613 с.; Т. 2. Районы: Благодарненский, Буденновский, Георгиевский, Грачевский. — 761 с.; Т. 3. Города: Ессентуки, Железноводск; районы: Изобильненский, Ипатовский. — 547 с.; Т. 4. Город Кисловодск; районы: Кировский, Кочубеевский, Красногвардейский, Курский. — 655 с. Т. 5. Районы: Северокумский, Минераловодский, Нефтекумский, Новоалександровский, Новоселицкий; город Невинномысск. — 733 с.; Т. 6. Районы: Петровский, Предгорный; город Пятигорск. — 631 с.; 1995. Т. 7. Город Ставрополь; районы: Советский, Степновский. — 549 с.; 1995. — Т. 8. Районы: Труновский, Туркменский, Шпаковский; Ставропольский край. — 433 с.; 1995. Т. 9 (доп.). Ставропольский край. — 475 с.; 1997. Т. 10 (доп.). — 134 с.

Книга памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. М.: Готика, 2000. — 103 с.

Корейцы — жертвы политических репрессий в СССР, 1934–1938 гг. М.: КимКор, 2000. Кн. 1. — 277 с.; М.: Возвращение, 2002. Кн. 2. — 288 с.; 2006. Кн. 8. — 286 с.

Ленинградский мартиролог. 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1: Август–сентябрь 1937 года. СПб.: Изд-во РНБ, 1995. — 804 с.; Т. 2: Октябрь 1937 года. 1996. — 575 с.; Т. 3: Ноябрь 1937 года. — 1998. — 639 с.; Т. 4: 1937 год. 1999. — 735 с.; Т. 5: 1937 год. 2002. — 725 с.

Мемориальное кладбище Сандармох. 1937. 27 октября — 4 ноября (Соловецкий этап). СПб.: НИЦ «Мемориал», 1997. — 171 с.

Место расстрела Сандармох. Петрозаводск: Барс, 1999. — 350 с.

Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий. Псков. Т. 1. 1996. — 493 с.; Т. 2. 1997. — 503 с.; Т. 3. 1997. — 359 с.; Т. 4. 1998. — 501 с.; Т. 5. 1998. — 493 с.; Т. 6. 1998. — 487 с.; Т. 7. 1999. — 381 с.; Т. 8. 1999. — 446 с.; Т. 9. 2000. — 414 с.; Т. 10. 2000. — 391 с.; Т. 11. 2001. — 399 с.; Т. 12. 2002. — 429 с.; Т. 13. 2002. — 430 с.; Т. 14. 2003. — 440 с.; Т. 15. 2004. — 474 с.

Незабытые: Документы, списки и фотографии репрессированных. Ч. 3. Белгород: Константа, 2006. — 195 с.

Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. Т. 1. — 1184 с.; Сык-

тывар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2. — 1008 с.; 2000. Т. 3. — 496 с.; 2001. Т. 4, ч. 1. — 1168 с.; 2001. Т. 4, ч. 2. — 608 с.; 2002. Т. 5. — 959 с.; 2004. Т. 6. — 1184 с.; 2005. Т. 7. — 640 с.; 2006. Т. 8, ч. 1. — 912 с.; ч. 2. — 862 с.; 2007. Т. 7, ч. 2. — 839 с.; 2008. Т. 8, ч. 3. — 966 с.; 2009. Т. 9, ч. 1. — 816 с.

Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Ч. II. Большой террор. Петрозаводск, 2002. — 1087 с.

Поморский Мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та. Т. 1: А–К. 1999. — 869 с.; Т. 2. Л–Р. 2001. — 716 с.; Т. 3. С–Я. 2001. — 646 с.

Расстрельные списки. М.: Мемориал, 1993. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. — 205 с.; 1995. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. — 303 с.

Репрессированные геологи. СПб.: С.-Петерб. горный ин-т, 1992. — 152 с.

Репрессированные политехники. Кн. 1. СПб.: ООО «Типография «Береста», 2008. — 439 с.

Санкт-Петербургский мартиролог: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. СПб.: Мирь, О-во святителя Василия Великого, 2002. — 416 с.

Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. СПб.: Альфа, 1999. — 123 с.

Смоленский мартиролог. Смоленск: Смядынь, 2001. [Т. 1.]: По праву памяти: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий: А–Я. — 608 с.; [Т. 2.]: Книга памяти жертв политических репрессий: А–Г. 2003. — 584 с.

Списки спецпереселенцев балкарской национальности. Нальчик: Логос, 1997. Ч. 1. — 271 с.; Ч. 2. — 452 с.; Ч. 3. — 472 с.; Ч. 4. — 437 с.

Узницы «Алжира». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М.: Звенья, 2003. — 568 с.

Периодические издания

Большевик. Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). М., 1937.

Известия Советов депутатов трудящихся. Орган Президиума Верховного Совета СССР. М., 1937–1945.

Красный Карачай. Орган Карачаевского обкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. Микоян-Шахер, 1941–1943.

Правда. Орган ЦК и МК ВКП(б). М., 1936–1945.

Художественные произведения

Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Роман. 2-е изд. М.: Кн. палата, 1989. — 670 с.

Евтушенко Е. Бабий Яр // Литературная газета. 1961. 19 сентября.

Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. М.: Молодая гвардия, 1967. — 288 с.

Семина В. Нагрудный знак «Ost»: Роман, повесть, рассказы. М.: Известия, 1978. — 382 с.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования // Собр. соч. в 9 т. М.: Терра, 1999. Т. 4, ч. 1 и 2. — 607 с.; Т. 5, ч. 3 и 4. 2000. — 655 с.; Т. 6, ч. 5, 6, 7. 2000. — 591 с.

Монографии и коллективные обобщающие труды

Аброськин С. В. Зверства фашистов в Воронежской области. — М.: Госполитиздат, 1943. — 47 с.

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: АО Московского объединения избирателей (ИМОИ) и фирма INPA, 1990. — 240 с.

Адлер Н. Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы. М.: Звенья, 2005. — 318 с.

Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М.: Юрид. литература, 1986. — 400 с.

Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М.: ИРИ РАН, 2003. — 247 с.

Алексеев И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар: [Б. и.], 1993. — 114 с.

Альтман И. А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. — 544 с.

Альтман М. М. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост»: журналистское агентство «ЖАГ-ВМ», 2001. — 88 с.

Андреев Е. М. История населения СССР. 1920–1959 гг. / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. М.: Госкомстат СССР, 1990. — 200 с.

Андреев Е. М. Население Советского Союза. 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. М.: Наука, 1993. — 144 с.

Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. — 208 с.

Андрюхин М. Н. Геноцид — тягчайшее преступление против человечества. М.: Госюриздат, 1961. — 127 с.

Анисков В. Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историографический очерк. М.: Мысль, 1979. — 151 с.

Антонов-Овсеенко А. В. Театр Иосифа Сталина. М.: Грэгори-Пэйдж, 1995. — 379 с.

Антонов-Овсеенко А. В. Враги народа. М.: Интеллект, 1996. — 366 с.

Антонов-Овсеенко А. В. Берия. М.: АСТ, 1999. — 469 с.

Арапханова Л. Я. Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортаций ингушей в XX веке. М.: Андалус, 2004. — 320 с.

Арзамаскин Ю. Н. Репатриация советских и иностранных граждан в 1944–1953 гг.: военно-политический аспект. М.: Военный ун-т, 1999. — 248 с.

Арзамаскин Ю. Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Приложение к газете «Станица», 2001. — 145 с.

Ашнин Ф. Д. Репрессированная тюркология / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов, Д. М. Насилов. М.: Восточная литература, 2002. — 296 с.

Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М.: РОССПЭН, 2008. — 359 с.

Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. — 296 с.

Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Аграф, 2001. — 463 с.

Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 768 с.

Бережков В. И. Питерские прокураторы: Руководители ВЧК–МГБ, 1918–1954. СПб.: Блиц, 1998. — 279 с.

Бордюгов Г. А. История и конъюнктура / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. М.: Политиздат, 1992. — 352 с.

Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом: антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1970. — 587 с.

Брычев Н. Домой на Родину! М.: Воениздат, 1945. — 216 с.

Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. — 88 с.

Бугай Н. Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). М.: Изд. дом «РОСС», 1994. — 162 с.

Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. — 320 с.

Бугай Н. Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России). М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1998. — 340 с.

Бугай Н. Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М.: Готика, 2002. — 254 с.

Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. — 271 с.

Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века): Книга-мониторинг. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2006. — 464 с.

Бугай Н. Ф. Советские курды: время перемен / Н. Ф. Бугай, Т. М. Броев, Р. М. Броев. М.: Капь, 1993. — 192 с.

Бугай Н. Ф. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. М.: ИНСАН, 1998. — 365 с.

Бугай Н. Ф. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (О депортации греков в 1930–1950-е гг.) / Н. Ф. Бугай, А. Н. Коцонис. М.: ИНСАН, 1999. — 168 с.

Варга Е. Фашистский «новый порядок» в Европе. М.: Госполитиздат, 1942. — 32 с.

Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М.: РОССПЭН, 2004. — 255 с.

Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки в 4 кн. М.: Наука, 1998. Кн. 1. Суровые испытания. — 544 с.; Кн. 2. Перелом. — 502 с.; 1999. Кн. 3. Освобождение. — 510 с.; Кн. 4. Народ и война. — 368 с.

Волкогионов Д. А. Триумф и трагедия: в 2 кн. М.: АПН, 1989. Кн. I, ч. 1. — 304 с.; Кн. II, ч. 2. — 272 с.

Волобуев О. В. Очищение: история и перестройка: Публицистические заметки / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов. М.: Изд-во АПН, 1989. — 284 с.

Гефтер М. Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 294 с.

Герман А. А. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945) / А. А. Герман, А. Н. Курочкин. Изд. 2-е. М.: Готика, 2000. — 208 с.

Гозулов А. И. Народонаселение СССР / А. И. Гозулов, М. С. Григорьянц. М.: Статистика, 1969. — 171 с.

Голотик С. И. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов / С. И. Голотик, В. В. Минаев. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. — 320 с.

Гонов А. М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы XX века). Нальчик, 1998. — 106 с.

Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. 1941–1944. М.: Наука, 1976. — 231 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. — 415 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006. — 601 с.

Джуха И. Г. Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетейя, 2006. — 408 с.

Джуха И. Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. — 560 с.

Джуха И. Г. Стоял позади Парфенон, лежал впереди Магадан... История репрессий против греков в СССР: греки на Колыме. СПб.: Алетейя, 2010. — 256 с.

Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д: Изд. центр ДГТУ, 2000. — 212 с.

Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М.: Наука, 1999. — 103 с.

Дюков А. Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М.: Алексей Яковлев, 2007. — 138 с.

Дюков А. Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». 2-е изд., испр. и доп. М.: Фонд «Историческая память», 2009. — 175 с.

Дюков А. Р. Милость к падшим: советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2009. — 175 с.

Елифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград: ВА МВД России, 2005. — 300 с.

Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. — 178 с.

Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. — 280 с.

Жиромская В. Б. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1996. — 152 с.

Жуков Ю. Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра — Книжный клуб, 2000. — 688 с.

Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М.: Вагриус, 2003. — 510 с.

Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2008. — 720 с.

Жуков Ю. Н. Народная империя Сталина. М.: Алгоритм, 2009. — 316 с.

Жуков Ю. Н. Загадка 37 года / Ю. Н. Жуков, В. В. Кожин, Ю. И. Мухин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. — 576 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. — 306 с.

Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб.: ЛИСС, 1997. — 461 с.

Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. — 228 с.

Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. — 438 с.

Иванова Т. С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х — 30-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — 270 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. М.: Воениздат, 1961. Т. 1. — 533 с.; Т. 2. — 682 с.; Т. 3. — 659 с.; 1962. Т. 4. — 736 с.; 1963. Т. 5. — 656 с.; 1965. Т. 6. — 617 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. — 352 с.

История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М.: Воениздат, 1973. Т. 1. — 367 с.; 1975. Т. 4. — 535 с.; Т. 5. — 511 с.; 1976. Т. 6. — 519 с.; Т. 7. — 551 с.; 1977. Т. 8. — 535 с.; 1982. Т. 12. — 495 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ГУ «Издательский дом “Герел”», 2009. Т. 2. — 840 с.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. — 704 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V, кн. 1. М.: Политиздат, 1970. — 723 с.

История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. — 720 с.

История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1973.
Т. X. СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. — 780 с.

История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. — 832 с.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 244 с.

Исупов В. А. Главный ресурс победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: ИД «Сова», 2008. — 378 с.

Кип Дж. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2009. — 328 с.

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е — начало 50-х гг.: в 2 ч. Нижний Тагил: НГПУ, 1996. — 419 с.

Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). В. Новгород: Великий Новгород, 2001. — 482 с.

Кожин В. Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ин-та, 1998. — 484 с.

Конквест Р. Большой террор / пер. с англ. Рига: Ракстниекс, 1991. Ч. 1. — 413 с.; Ч. 2. — 428 с.

Кононенко Е. Перед судом народа. М.: Госполитиздат, 1943. — 39 с.

Корнеев М. Дружба народов СССР — залог нашей победы. М.: Воениздат, 1942. — 47 с.

Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: ТОО «Уралагропресс», 1993. — 173 с.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2003. — 779 с.

Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. — 242 с.

Кринко Е. Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М.: Изд-во «Союз», 2004. — 312 с.

Кринко Е. Ф. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 304 с.

Кропачев С. А. От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 гг. СПб.: Алетейя, 2011. — 192 с.

Кудрявцев В. Н. Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. М.: Наука, 2000. — 365 с.

Курбанова Ш. И. Переселение: как это было. Душанбе: Ирфон, 1993. — 86 с.

Куцетеров Р. М. Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты ее осуществления. Черкесск: Изд-во АО «ПУЛ», 1993. — 150 с.

Куцетеров Р. М. Депортация / Р.М. Куцетеров, А.-Х. У. Куцетеров. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. — 136 с.

Кышпанакоев В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. — 348 с.

Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинев: Штиинца, 1981. — 391 с.

Лемещук Н. М. Не склонив головы. О деятельности антифашистского подполья в гитлеровских концлагерях. К.: Изд-во полит. литературы Украины, 1978. — 135 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. — 311 с.

Максудов С. Потери населения СССР. Бенсон (Вермонт): Chalidze Publications, 1989. — 298 с.

Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул: Позиция, 1995. — 221 с.

Малышева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: ГУРИПП «Адыгее», 2000. — 432 с.

Матишов Г. Г. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. / Г. Г. Матишов, В. И. Афанасенко, Е. Ф. Кринко. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — 228 с.

Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Мн: Изд-во БГУ, 2007. — 359 с.

Мерцалов А. Н. Довольно о войне? / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. Воронеж: Изд.-полиграф. фирма «Воронеж», 1992. — 103 с.

Мерцалов А. Н. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е) / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова. М.: Родник, 1994. — 399 с.

Минц И. Великая Отечественная война Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947. — 72 с.

Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. — 144 с.

Мовшович Е. В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов н/Д: Донской издат. дом, 2006. — 304 с.

Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1997. — 190 с.

Население России в XX веке: Исторические очерки в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 1940–1959. — 416 с.

Некрич А. Наказанные народы. Н.-Й.: Хроника, 1978. — 170 с.

Носач В. И. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы / В. И. Носач, Н. Д. Зверева. СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2007. — 528 с.

Огурцов С. И. Варвары. Ставрополь: Кн. изд-во, 1944. — 33 с.

- Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Наука, 1985. Т. 5. — 605 с.
- Очерки истории Карачаево-Черкесии: в 2 т. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1972. Т. 2. Советский период. — 448 с.
- Очерки истории Ставропольского края: в 2 т. Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т. 2. С 1917 г. до наших дней. — 608 с.
- Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. — 632 с.
- Очерки по историографии советского общества. М.: Мысль, 1965. — 597 с.
- Очерки советской военной историографии. М.: Воениздат, 1974. — 415 с.
- Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. — 460 с.
- Памяти павших: Великая Отечественная война, 1941–1945. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1995. — 336 с.
- Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. — 272 с.
- Пассат В. И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950-е гг. М.: Terra, 1994. — 800 с.
- Петров А. Г. Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа. М.: Центр гуманист. литературы «РОН», 2004. — 308 с.
- Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа. М.: ИНИОН РАН, 2005. — 316 с.
- Платонов О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М.: Москвитянин, 1997. — 320 с.
- Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук рос. немцев, 2001. — 238 с.
- Поляков Л. Е. Цена войны: Демографический аспект. М.: Финансы и статистика, 1985. — 136 с.
- Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. — 895 с.
- Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. — 328 с.
- Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. — 584 с.
- Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Язуз-пресс, 2008. — 480 с.
- Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. — 465 с.
- Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 608 с.
- Рыбаковский Л. Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М.: Ин-т соц.-полит. исследований РАН, 2000. — 45 с.

Саксе А. Палачи и жертвы. О зверствах гитлеровских нацистов и их пособников в Латвии / А. Саксе, Я. Судрабкалнс. Рига: Международное общество истории гетто и геноцида евреев, 2007. — 112 с.

Самсонов А. М. Вторая мировая война. 1939–1945. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1985. — 584 с.

Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М.: Политиздат, 1988. — 368 с.

Север А. Тайна сталинских репрессий. М.: Алгоритм, 2007. — 272 с.

Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М.: Наука, 1970. — 351 с.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. — 863 с.

Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. — 288 с.

Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. — 294 с.

Смирнов Н. Г. Репрессированное правосудие. М.: Гелиос АРВ, 2001. — 429 с.

Смоляр Г. Мстители гетто. М.: Гос. изд-во «Дер Эмес», 1947. — 128 с.

Собибор. М.: Возвращение, 2008. — 264 с.

Советская историография. М.: РГГУ, 1996. — 592 с.

Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М.: Московский рабочий, 1991. — 191 с.

Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб.: Алетейя, 1998. — 349 с.

Соколов Б. В. Наркомы страха. Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. М.: АСТ-Пресс, 2001. — 384 с.

Соколов Б. В. Оккупация. Правды и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. — 352 с.

Соколов П. В. Война и людские ресурсы. М.: Воениздат, 1961. — 188 с.

Солоневич И. Л. Россия в концлагере (путь русского имперского сознания). М.: Редакция журнала «Москва», 2000. — 558 с.

Степанов М. Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х — начале 1950-х гг. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. — 182 с.

Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан: ООО «Книжное изд-во Бригантина», 2008. — 160 с.

Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009. — 238 с.

Степанов М. Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2010. — 115 с.

Стецовский Ю. И. История советских репрессий: в 2 т. М.: Знак-СП, 1997. Т. 1. — 600 с.; Т. 2. — 432 с.

Столяров К. А. Палачи и жертвы. (Репрессии 30–40-х гг. в СССР). М.: ОЛМА-пресс, 1997. — 362 с.

Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. М.: Терра, 1998. — 527 с.

Тебуев Р. С. Очерки истории карачаево-балкарцев / Р. С. Тебуев, Р. Т. Хатуев. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. — 224 с.

Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. — 406 с.

Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. М.: «Терра — Тегга» — Политиздат, 1990. Т. II. — 286 с.

Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. — 312 с.

Тугужекова В. Н. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. — 112 с.

Убушаев В. Калмыки. Выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. — 96 с.

Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 2007. — 324 с.

Урланис Б. Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). М.: Мысль, 1968. — 269 с.

Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. — 335 с.

Урланис Б. Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: Историко-статистическое исследование. СПб.: Полигон, 1994. — 558 с.

Хаустов В. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. М.: РОССПЭН, 2009. — 517 с.

Хлевнюк О. В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. — 268 с.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. — 294 с.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. — 479 с.

Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. — 170 с.

Цынман И. И. Баби Яры Смоленщины: появление, жизнь и катастрофа смоленского еврейства. Смоленск: Русь, 2001. — 523 с.

Чеботарева В. Г. Государственная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. В. Г. Чеботарева. М.: Обществ. академия наук, 1999. — 453 с.

Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. — 544 с.

Чухин И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1999. — 160 с.

Шабаетов А. А. Трагедия противостояния: потери вооруженных сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне / А. А. Шабаетов, С. Н. Михалев. М.: Ветеран Москвы, 2002. — 256 с.

Шабает Д. В. Правда о выселении балкарцев. Изд. 2-е, доп. Нальчик: Эльбрус, 1994. — 288 с.

Шаманов И. М. Наказаны по национальному признаку / И. М. Шаманов, Б. А. Тамбиева, Л. О. Абрекова. Черкесск: Карач.-Черкес. филиал МОСУ, 1999. — 114 с.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). — Мурманск: Мурман. пед. ин-т, 1993. — 139 с.

Шашков В. Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Мурманск: Мурман. пед. ин-т, 1996. — 279 с.

Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: Мурман. пед. ин-т, 2000. — 341 с.

Шенталинский В. А. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ: Бабель, Булгаков, Флоренский, Пильняк, Мандельштам, Клюев, Платонов, Горький. М.: Парус, 1995. — 390 с.

Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат, 1917–1945. СПб.: Лики России, 1995. — 207 с.

Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах / пер. с нем. М.: Прогресс, 1979. — 114 с.

Юдин И. Следы фашистского зверя на Кубани. [Б. м.]: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. — 31 с.

Якупов Н. М. Трагедия полководцев. М.: Мысль, 1992. — 352 с.

Яндиева М. Д. Депортация ингушей. Фальсификации и подлинные причины. М.; Назрань: Эльбрусид, 2008. — 54 с.

Сборники статей и материалы конференций

Антисемитизм: концептуальная ненависть: Сб., посв. Симону Визенталю. 2-е изд., испр. и доп. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2010. — 528 с.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. ст. М.: Статистика, 1977. — 247 с.

Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28 – 29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — 448 с.

Великая Победа: исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). М.: ИНИОН АН СССР, 1987. Ч. 3. — 172 с.

Великая Победа: к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Советская историография). М.: ИНИОН АН СССР, 1985. Ч. 1. — 250 с.; Ч. 2. — 223 с.

Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Рос. науч.-практ. конф. 21–22 апреля 2010 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. — 284 с.

Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М., 1999. — 358 с.

Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 1. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. — 296 с.; Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. — 420 с.

Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. — 391 с.

Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М.: Наука, 2004. Кн. 1. — 480 с.; Кн. 2. — 411 с.

Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ин-та, 1990. — 257 с.

Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы социальной истории. Материалы Международ. науч. конф. 28–31 мая 2002 г. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. — 384 с.

Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. ст. Вильнюс: Минтис, 1966. — 355 с.

Другая война: 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. — 490 с.

За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. — 528 с.

За что сражались советские люди: «Русский не должен умереть». М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 330 с.

Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Прогресс; Феникс; Atheneum, 1991. — 619 с.

Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский. М.: Республика, 1992. — 381 с.

Историография Великой Отечественной войны: Сб. ст. М.: Наука, 1980. — 288 с.

Историография сталинизма: Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2007. — 480 с.

История и сталинизм. М.: Политиздат, 1991. — 448 с.

История репрессий на Урале в годы Советской власти. Тезисы науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1994. — 140 с.

История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг.: Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», проходившей в Нижнем Тагиле 10–12 ноября 1997 г. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. — 208 с.

Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944: Доклады. М.: АИРО, 2005. — 96 с.

Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Материалы обл. науч.-теорет. конф. 1979 г. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1982. — 88 с.

Книга Праведников. М.: Фонд «Холокост», МИК, 2005. — 128 с.

Кропачев С. А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов: Сб. науч. ст. С. А. Кропачев. Краснодар: Экоинвест, 2006. — 132 с.

Кропачев С. А. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х — середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: Сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2010. — 296 с.

Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст. СПб.: ИРИ РАН, Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ», 1995. — 192 с.

Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск: Апельсин, 2010. — 450 с.

Маски сорваны. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1961. — 167 с.

Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы междунаро. науч. конф., Анапа, 26–30 сентября 1997. М.: Готика, 1998. — 344 с.

Наказанный народ. По материалам конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. М.: Звенья, 1999. — 286 с.

Народы России: проблемы депортации и реабилитации: Сб. ст. Майкоп: Меоты, 1997. — 198 с.

Народы Чеченской Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., г. Грозный, 18–19 мая 2010 г. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. — 634 с.

Национальная политика советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения. Материалы Междунаро. науч. конф. (23–24 октября 2003). Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. — 257 с.

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944). Мн.: Беларусь, 1984. — 271 с.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944). М.: Политиздат, 1965. — 388 с.

Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (03–09.09.1999 г.). Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. — 584 с.

Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы междунаро. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2000. — 344 с.

Обреченные погибнуть. М.: Новое изд-во, 2006. — 576 с.

Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике. М.: Три квадрата, 2008. — 388 с.

Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. — 242 с.

Партия и рабочий класс СССР в период Великой Отечественной войны: Вопросы историографии. Межвузов. сб. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. — 159 с.

Политические репрессии в Коми и на севере России: организаторы и жертвы (Материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 28–29 октября 2005 г.). Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. — 164 с.

Политические репрессии в России. XX век (Материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. — 255 с.

Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е годы). Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане. Абакан: Журналист, 2001. — 140 с.

Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы. Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — 318 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий. Материалы I регион. науч. конф., г. Краснодар. Краснодар, 2003. — 96 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий. К 70-летию голода 1932–1933 годов. Материалы II регион. науч. конф., г. Краснодар. Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2004. — 176 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всерос. науч. конф. Краснодар: ООО Компания «Волонтер», 2006. — 165 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий. Роль СССР во Второй мировой войне — неизвестные и малоизученные страницы. Материалы IV Всерос. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2006. — 251 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V Всерос. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2008. — 270 с.

Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международ. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2010. — 424 с.

Проблемы истории репрессивной политики на европейском Севере России, 1917–1956: Всерос. науч. конф. 8–11 ноября 1993 г. Тезисы докладов. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1993. — 96 с.

50 лет Великой Победы. Материалы науч.-практ. конф., состоявшейся в апреле 1995 года. Майкоп: Меоты, 1996. — 177 с.

50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Материалы регион. науч.-практ. конф. Ставрополь: АО «Пресса», 1995. — 126 с.

50 лет Победы в Великой Отечественной войне: Сб. докладов на регион. науч.-практ. конф. Ставрополь: СГПУ, 1995. — 80 с.

50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Материалы Международ. науч. конф., Москва, 27–30 сент. 1995 г. Смоленск: Смядынь, 1995. — 344 с.

55 лет Великой Победы: история и современность. Материалы межвузов. науч. конф. Карачаевск: Изд-во Карач.-Черкес. гос. пед. ун-та, 2000. — 64 с.

Распяты: Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 1. Тайное становится явным. СПб.: Северо-Запад, 1993. — 239 с.; Вып. 2. Могилы без крестов. СПб.: Всемирное слово, 1994. — 215 с.; Вып. 3. Палачей судит время. СПб.: Просвещение, 1998. — 255 с.; Вып. 4. От имени живых... — 255 с.; Вып. 5. Мученики террора. СПб.: БЛИЦ, 2000. — 238 с.; Вып. 6. Слово, взятое в цепи. — 264 с.

Реабилитирован посмертно. Вып. 1–2. 2-е изд. М.: Юрид. литература, 1989. — 576 с.

Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М.: Звенья, 1997. — 256 с.

Репрессированная наука. [Вып. 1.] Л.: Наука, 1991. — 559 с.; Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. — 319 с.

Репрессированные народы: история и современность. Материалы II-й Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. пед. ун-т, 1994. — 215 с.

Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2003. — 139 с.

Репрессированные этнографы. Вып. 1. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2002. — 343 с.

Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. — 372 с.

Россия в войнах XX века. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященному 60-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков (Адлер, 1–4 октября 2003 г.). Краснодар: «Кубанькино», 2003. — 162 с.

Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. — 512 с.

Тень Холокоста. Материалы II международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». М.: Фонд «Холокост», 1998. — 304 с.

Трагедия плена: Сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКВД/СНО и начало репатриации военнопленных», Москва — Красногорск, 31 октября — 2 ноября 1995 г. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. — 200 с.

Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. ст. М.: Наука, 1995. — 253 с.

37-й на Урале. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1990. — 304 с.

1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М.: Вече, 2003. — 560 с.

Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950-х гг. М.: Проспект, 1993. — 256 с.

Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — 270 с.

Уроки Холокоста и современная Россия. Материалы круглого стола международного симпозиума. Москва, 6–8 апреля 1994 г. М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 136 с.

Человек в ГУЛАГе: Изгнанные и заключенные: Сб. материалов 2-й Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов «История политических репрессий в СССР в 1930–1950-е гг.» (30–31 марта 2007). Сыктывкар: СыктГУ, Фонд «Покаяние», 2009. — 130 с.

60-летие большого террора. Памяти жертв репрессий: Материалы науч. конф. (Омск, 21 октября 1997 г.). Омск: ОмГУ, 1998. — 88 с.

Статьи в журналах и сборниках

Алиев К. М. Заведомая ложь // Молодой коммунист. 1990. № 5. С. 74–75.

Альтман И. А. Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост — Спротивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М.: Фонд «Холокост», 2000. С. 297–323.

Араловец Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146.

Архангородская Н. С. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) / Н. С. Архангородская, А. А. Курносов // Археографический ежегодник за 1981 год. М.: Наука, 1982. С. 219–229.

Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 74–94.

Баженов А. Н. О документальной базе по истории Великой Отечественной войны / А. Н. Баженов, В. И. Барсуков // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 184–189.

Бордюгов Г. А. Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. М.: Наука, 1991. С. 37–69.

Борлакова З. М. Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. С. 6–19.

Бородин В. Репрессии 30-х годов и реальное состояние офицерских кадров Красной Армии накануне Второй мировой войны // Военный вестник АПН. 1988. № 20. С. 9–12.

Бугай Н. Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–143.

Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 172–180.

Бугай Н. Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992. С. 157–180.

Бугай Н. Ф. Выселение корейцев с Дальнего Востока // Восток. 1994. № 5. С. 141–148.

Бугай Н. Ф. О депортации иранцев из Азербайджана и Казахстана // Восток. 1994. № 6. С. 150–153.

Бугай Н. Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северо-кавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 35–42.

Вашкау Н. Э. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении в трудармии // Родина. 2002. № 10. С. 99–104.

Вдовин А. И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реальность // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5. С. 24–54.

Бурденко Н. Н. Чудовищные преступления гитлеровских разбойников // Вестник АН СССР. 1944. № 1–2. С. 64–71.

Волков А. Г. Из истории переписи населения 1937 года // Вестник статистики. 1990. № 8. С. 46–50.

Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 7. С. 193–203.

Вылцан М. А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44.

Вылцан М. Применение ВМН «нами гарантируется» / М. Вылцан, В. Данилов // Наука и жизнь. 1997. № 9. С. 68–72.

Гареев М. А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.

Гареев М. А. Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3–24.

Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1. С. 44–52.

Гончаров Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обозрение. Вып. 7. М., 2001. С. 154–162.

Горбунов Т. Чудовищные злодеяния и преступления немцев в Белоруссии // Славяне. 1944. № 9. С. 25–27.

Гроссман В. Убийство евреев в Бердичеве // Знамя. 1990. № 6. С. 144–152.

Гурьянов А. Эвакуация тюрем / А. Гурьянов, А. Кокурин // Карта (Российский независимый исторический и правозащитный журнал). Рязань. 1994. № 6. С. 16–27.

Данилов В. Н. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95–101.

Данилов В. П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики: Материалы девятого международного симпозиума. М.: МВШСЭН, 2002. С. 309–323.

Драгунов Г. П. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 123–132.

Дробижев В. З. Народонаселение СССР и история советского общества / В. З. Дробижев, Ю. А. Поляков // Вопросы истории. 1974. № 4. С. 15–23.

Дружба О. В. Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 1995. № 1. С. 10–20.

Дугин А. Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 23–46.

Дугин А. Н. Солженицын, Рыбаков: технология лжи / А. Н. Дугин, А. Я. Малыгин // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 68–73.

Дьяков Ю. Л. О некоторых причинах кризиса исторической науки. Проблемы и перспективы их решения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 643–653.

Жаркой М. Э. К вопросу о природе понятия «репрессия» и принципах репрессивной политики советского государства // История государства и права. 2005. № 4. С. 16–20.

Еланцева О. А. БАМ: первое десятилетие // Отечественная история. 1994. № 6. С. 89–103.

Ерин М. Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 140–151.

Ефимов И. Большой террор в России // Звезда. 1999. № 5. С. 227–235.

Жилин П. А. Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 3–23.

Жилин П. А. Советская историческая литература о Великой Отечественной войне / П. А. Жилин, Г. А. Куманев // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 5. С. 21–26.

Жиромская В. Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 93–98.

Жуков Ю. Ю. Репрессии и Конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–27.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

Земсков В. Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 4–19.

Земсков В. Н. Заключенные в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54–79.

Золотарев В. А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 4–11.

Ильенков С. А. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник / С. А. Ильенков, В. В. Мухин, П. М. Полян // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 147–155.

Исупов В. А. «Это была фантастика, если не хуже»: методы фальсификации статистических источников в 1930-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2008. № 2. С. 32–36.

Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1. С. 120–133.

Карасев А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: Сб. ст. М.: Наука, 1962. С. 511–525.

Кваша А. Я. Динамика численности населения СССР за 50 лет // Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12. С. 10–13.

Козлов В. Российская история: обзор идей и концепций 1992–1995 годов // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 99–113. № 4. С. 104–120.

Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 95–109; № 6. С. 122–136.

Козлов В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2. С. 132–139.

Козлов В. П. Документы Архивного фонда Российской Федерации по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 3–9.

Козлов В. П. Проблемы доступа в архивы и их использование // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 79–103. № 6. С. 78–108.

Койчуев А. Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.

Кокурин А. И. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 98–111.

Коновалова О. В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность. (Тезисы докладов III Международ. конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» 18–21 сентября 2001 года). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. С. 36–39.

Короленков А. В. Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 154–162.

Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 87–94.

Котов В. И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: Сб. ст. Майкоп: Меоты, 1994. С. 193–209.

Коцонис А. Н. Депортация греков Кавказа // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 2 (сентябрь 2000). Краснодар: ООО «Райф», 2000. С. 6–11.

Кринко Е. Ф. Происхождение террора и его типология // История и историки в контексте времени: Сб. науч. тр. Краснодар; Сочи: КубГУ, 2007. Вып. 5. С. 50–57.

Кринко Е. Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.

Кринко Е. Ф. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 133–137.

Кропачев С. А. Массовые политические репрессии в СССР накануне Великой Отечественной войны // Голос минувшего. 2005. № 1–2. С. 27–36.

Кропачев С. А. Политические репрессии в СССР (1937–1938 гг.): причины, масштабы, последствия // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 2. С. 69–86.

Кропачев С. А. Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2006. № 7. С. 23–50.

Кудряшов С. Несущие смерть // Родина. 2000. № 6. С. 48–57.

Кулешова Н. Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 30-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–71.

Куманев Г. А. Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Куманев, И. В. Ставицкий // Вопросы истории КПСС. 1961. № 5. С. 158–175.

Куповецкий М. С. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 134–155.

Левшин Б. В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М.: Наука, 1976. С. 312–317.

Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137.

Майоров Н. Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М.: Воениздат, 1987. С. 173–183.

Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109–121.

Мерцалов А. Н. Отечественная историография Второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145–157.

Мерцалов А. Н. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР – РФ / А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10. С. 27–44; Вып. 11. С. 14–37.

Мирецкий С. Преступники в фельдмаршальских мундирах // Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М.: Воениздат, 1987. С. 225–238.

Митрофанова А. В. К вопросу об изучении истории Великой Отечественной войны // Доклады и научные сообщения Института истории АН СССР. М.: Наука, 1955. Вып. 8. С. 75–82.

Михалев С. Н. К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / С. Н. Михалев, А. В. Толмачева // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1. С. 116–130.

Мutowкин Н. С. Великая Отечественная война в советской историографии / Н. С. Мutowкин, А. К. Селяничев // Очерки по историографии советского общества: Сб. ст. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1967. С. 178–206.

Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 13–35.

Невежин В. А. Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4. С. 24–29.

Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

Парсаданова В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.

Плетушков М. С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны / М. С. Плетушков, А. С. Якушевский // Великая Отечественная война (историография): Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1995. С. 7–40.

Поляков Ю. А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 31–42.

Полян П. М. Советские граждане в рейхе: сколько их было? // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 95–100.

Попов А. В. Тема советского ГУЛАГа в освещении эмигрантских авторов // Библиография. 2007. № 2. С. 84–88.

Попов В. П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 3–15. 1996. № 3. С. 91–99; № 4. С. 58–66.

Рыбаковский Л. Великая Отечественная: людские потери России // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 85–95.

Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.

Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: «дело» Тухачевского, операция «Цепелин» // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 114–132.

Случ С. З. «Дело Тухачевского»: велика ли заслуга СД? (По поводу новой книги немецкого историка) // Советское славяноведение. 1992. № 1. С. 27–29.

Смирин Г. Тяжкий груз прошлого: Холокост в Латвии в исследованиях последних лет // Даугава. 2002. № 6. С. 131–145.

Спирин Л. М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 90–96.

Стругова М. Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 47–52.

Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 39–47.

Сувениров О. Ф. Военная коллегия Верховного Суда СССР (1937–1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 137–147.

Суслов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 125–134.

Суслов А. Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пени-
тенциарных концепциях 1930-х годов // Отечественная история. 2004. № 5.
С. 81–96.

Тебуев Р. С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало
возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гумани-
тарных исследований. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. Вып. 1. С. 66–74.

Типольт А. Н. Из истории Демографического института Академии наук
СССР (1930–1934) // Советская статистика за полвека (1917–1967). М.: На-
ука, 1972. С. 72–99.

Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском про-
странстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных го-
сударствах: Материалы международ. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 9–34.

Томан Б. Истоки сталинизма в историографии Великой Отечественной
войны // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996.
С. 692–698.

Томан, Б. А. База данных документов ЦК ВКП(б) периода Великой Оте-
чественной войны // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 25–27.

Упадышев Н. В. От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной
системы // Отечественная история. 2006. № 6. С. 85–94.

Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–
1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 41–57.

Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истори-
и. 1989. № 4. С. 175–181.

Цаплин В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х го-
дов // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 157–163.

Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социоло-
гические исследования. 1991. № 12. С. 3–11.

Шевяков А. А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной
войны // Социологические исследования. 1992. № 11. С. 3–17.

Шлык-Вышинский П. Как это было. Массовое убийство еврейского насе-
ления в Краснодаре // Большевик. Орган Краснодарского крайкома ВКП(б)
и краевого совета депутатов трудящихся. 1943. 26 февраля.

Шнайдер В. Г. Социокультурные основания акта депортации ряда наро-
дов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института
социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методичес-
кий ежегодник. 2003. № 1. С. 181–192.

Эренбург И. Народоубийцы // Знамя. 1944. № 1–2. С. 183–196.

Диссертации и авторефераты

Абуов Н. А. Депортация народов в Казахстан в 1936–1957 гг. (на материа-
лах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей). Автореф. дисс. ... канд.
ист. наук. Караганда, 2008. — 30 с.

Аджиева Э. А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой
Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и
балкарского народов). Дисс. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. — 151 с.

Алферова И. В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. — 24 с.

Багавиева С. С. Политические репрессии в Советском Татарстане (1918 — начало 1950-х гг.). Анализ и характеристика источников. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. — 188 с.

Баев Р. Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. — 278 с.

Баликоев Т. М. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2003. — 380 с.

Бердинских, И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007. — 24 с.

Бикметов Р. С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е — середине 1950-е гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. — 28 с.

Блюмфельд Э. А. Гитлеровский оккупационный режим в Латвии (1941–1945 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967. — 291 с.

Боркова Е. В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е — начале 1950-х гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. — 24 с.

Бубличенко В. Н. Детские закрытые учреждения НКВД — МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007. — 23 с.

Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1973. — 386 с.

Варфоломеева М. И. Репрессивная политика Советского государства в 1930-е годы и политические настроения населения. На материалах Белгородской, Курской и Орловской областей. Дисс. ... канд. ист. наук. — Курск, 2002. — 221 с.

Войтенко Е. А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны. 1941–1943 гг. Дисс. ... канд. ист. наук / Е. А. Войтенко. Ставрополь, 2005. — 236 с.

Волошина И. В. Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. — 24 с.

Вшивцева Ю. В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект (1939–1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. — 23 с.

Гизатулина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. — 260 с.

Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке России 1920–1930-е годы. Дисс. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2000. — 270 с.

Гонов А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века. Дисс. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. — 403 с.

Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. — 38 с.

Гучинова Э.-Б. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX веке). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. — 56 с.

Дембицкий Н. П. Советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996. — 309 с.

Зберовская Е. Л. Спецпереселенцы в Красноярском крае. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. — 22 с.

Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР (1930–1960). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2005. — 51 с.

Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998. — 39 с.

Иванова Г. М. ГУЛАГ в советской государственной системе, конец 1920-х — середина 1950-х гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2002. — 430 с.

Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2000. — 254 с.

Кириллов В. М. История репрессий на Урале. 1920 — начало 50-х гг. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996. — 44 с.

Кудрявцев С. В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х годов. На материалах областей Верхнего Поволжья. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. — 288 с.

Кузнецов И. Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е гг. и реабилитация жертв террора. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Томск, 1992. — 19 с.

Кузнецова Е. С. Реабилитация жертв политических репрессий (по материалам Кемеровской области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. — 26 с.

Кузьмина М. А. Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929–1955 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. — 24 с.

Кулаев Ч. С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945). Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1968. — 305 с.

Курочкин А. Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. — 19 с.

Макаров А. А. Массовые репрессии 1934–1938 годов в Красноярском крае: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. — 23 с.

Маламуд Г. Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпереселенцы на Урале в 1940-х — начале 50-х гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. — 18 с.

Мартианов В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. — 22 с.

Марченко Г. В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. — 564 с.

Мельников С. М. Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД – МВД СССР. 1932–1953 годы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. — 23 с.

Мильбах В. С. Политические репрессии комначсостава Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса в 1937–1938 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. — 257 с.

Миколок О. В. Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2003. — 236 с.

Мить А. А. Численность и состав заключенных сибирского исправительно-трудового лагеря (1942–1960 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. — 26 с.

Мухортова Т. В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 гг. На примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. — 189 с.

Наумова Е. Н. Реабилитация и возвращение ингушского народа на историческую родину (1953–1961 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. — 26 с.

Папков С. А. Репрессивная политика советского государства в Сибири (1928 – июнь 1941 гг.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. — 40 с.

Першина Т. С. Фашистский геноцид на Украине (1941–1944). Дисс. ... канд. ист. наук. К., 1985. — 225 с.

Разинков С. Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев — трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. — 245 с.

Романовский В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.). Дисс... д-ра ист. наук. Мн., 1974. — 515 с.

Рукшенас К. А. Политика гитлеровцев в Литве в 1941–1944 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1970. — 429 с.

Сабанчиев Х.-М. А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007. — 54 с.

Савочкин А. А. Массовые репрессии 30–40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. — 197 с.

Саганова Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. — 24 с.

Семенов С. В. Политические репрессии в сфере образования и культуры Южного Урала в 30-е годы XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Самара, 2009. — 18 с.

Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999. — 417 с.

Скучаева О. Е. «Немецкий вопрос» в Поволжье (1941–1993 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. — 28 с.

Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX — начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. — 46 с.

Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2010. — 23 с.

Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1939–1953 гг. (на материалах Хакасской автономной области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. — 23 с.

Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009. — 40 с.

Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. — 21 с.

Убушаев К. В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. — 22 с.

Уйманов В. Н. Массовые репрессии в Западной Сибири в конце 1930-х — начале 50-х гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1995. — 24 с.

Усенко А. Н. Массовые политические репрессии 1930-х годов на Дону. Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2006. — 245 с.

Хачемизова Е. Х. Общество и власть в 30-е — 40-е гг. XX века: политика репрессий (на материалах Краснодарского края). Дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004. — 271 с.

Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. — М., 1997. — 484 с.

Хунагов А. С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя (20-е — 50-е годы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. — 24 с.

Цыжипов Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 — июнь 1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. — 196 с.

Цуцулаева С. С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. — 27 с.

Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. — 297 с.

Шашкова О. Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия (на материалах Центрального Черноземья). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. — 21 с.

Широков А. И. История формирования и деятельности «Дальстроя» в 1931–1941 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1997. — 27 с.

Шулубина С. А. Система Севвостлага. 1932–1957 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. — 28 с.

Щуплецов В. М. Насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии (1941–1945 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982. — 227 с.

Электронные ресурсы

Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>

Возвращенные имена. URL: <http://vi.krsk.ru>

Возвращенные имена. Северо-Запад России. URL: <http://visz.nlr.ru>

Документальный проект Холокост у стен Ленинграда. URL: http://web-studio.il4u.org.il/projects/holoc_len/index.html

Карта. Индекс репрессированных. URL: <http://www.indeks.karta.org.pl/ru>

Международная коалиция музеев совести. URL: <http://www.sitesofconscience.org>

Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru>

Музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» имени А. Д. Сахарова. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum>

Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <http://www.podvignaroda.ru>

Объединенная база данных «Мемориал». URL: www.obd-memorial.ru

Центр документации. URL: <http://www.dokst.ru/content/o-tsentre/tsentrtdokumentatsii>

Центр и фонд Холокост. Память и предупреждение. URL: <http://www.holocf.ru>

Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов-жертв политрепрессий «Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий». URL: <http://rosagr.natm.ru>

Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» URL: <http://www.sefer.ru/rus>

Холокост. URL: <http://Holocaust.ioso.ru>

Энциклопедии, справочники, указатели

Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. — 832 с.

Великая Отечественная война советского народа в диссертационных исследованиях. Библиограф. указатель докторских и кандидатских диссертаций, поступивших в ГБЛ в 1964–1984 гг.: в 2 ч. М.: Книга, 1985. Ч. 1. — 83 с.; Ч. 2. — 91 с.

Горькая правда истории (политические репрессии в Хакасии). Библиографический указатель. Абакан: Мемориал, 2001. — 28 с.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации: Аннотированный указатель дел. — 709 с.

История СССР. Указатель советской литературы за 1917–1967 гг. Т. III. История советского общества. Вып. 4. СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — сентябрь 1945 гг.). Указатель советской литературы за 1941–1967 гг. М.: Наука, 1977. — 691 с.

Залесский К. А. Империя Сталина. Библиографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. — 608 с.

Колпакиди А. КГБ / А. Колпакиди, А. Север. М.: Яуза Эксмо, 2010. — 784 с.

Куманев Г. А. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 гг.). Библиограф. указатель советской исторической литературы за 1946–1959 гг. М.: Ин-т истории АН СССР, 1960. — 137 с.

Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. — 496 с.

Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с.

«Особая папка» В. М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1944–1956 гг.: Каталог документов. М.: Благовест, 1994. — 220 с.

«Особая папка» И. В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1944–1953 гг.: Каталог документов. М.: Благовест, 1994. — 359 с.

Петров Н. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941 / Н. В. Петров, К. В. Скоркин. М.: Звенья, 1999. — 504 с.

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. Т. 3: 1940–1952. М.: РОССПЭН, 2001. — 1016 с.

Политические репрессии в Коми крае (20–50-е годы). Библиографический указатель. Изд. 2-е, испр. и доп. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2004. — 302 с.

Приказы НКВД СССР 1934–1941 гг.: Каталог рассекреченных документов Государственного архива Российской Федерации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. — 508 с.

Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотированный каталог. М.: ГАРФ, 1999. — 942 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998. — 600 с.

Справочник о местах хранения документов о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания и насильственном вывозе граждан на работы в Германию и другие страны Европы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Росархив, 1994. — 176 с.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. — 1143 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов В. С. – 95, 319
Абрекова Л. О. – 205, 321
Аброськин С. В. – 312
Абуов Н. А. – 332
Авербах И. Л. – 131
Авторханов А. – 84, 162
Агиев Р. С. – 206
Агурский М. – 84
Адамова-Слиозберг О. – 94
Адамович А. – 45
Аджиева Э. А. – 206, 210, 211, 217, 332
Адлер Н. – 312
Азаров О. И. – 141
Азизян А. – 156
Алафаев А. А. – 217
Алексеев Н. С. – 312
Алексеев В. В. – 43
Алексеев Ю. – 88, 261
Алексеева Г. Д. – 312
Алексеева Л. В. – 197, 201
Алексеевко И. И. – 312
Алешина О. – 302
Алиев И. – 172, 176, 177, 212
Алиев К. М. – 163, 325
Алиев К.-М. И. – 168, 172, 173, 178
Алиева С. К. – 176
Алиева С. У. – 163, 173
Алпатов В. М. – 313
Алфорова И. В. – 180, 333
Альтман И. А. – 49, 268, 271, 272, 274, 276, 279, 282, 286–288, 290, 312, 325
Альтман М. М. – 289, 312
Ананьева Г. Е. – 41
Андерс В. – 18
Андреев А. А. – 95
Андреев Е. М. – 19, 78, 79, 312
Андрьянов В. И. – 256
Андрюхин М. Н. – 312
Аникеев А. А. – 256, 312
Анисимов И. В. – 226
Анисков В. Т. – 312
Антонов В. С. – 120
Антонов-Овсенко А. В. – 88, 89, 91, 92, 150, 297, 312
Араловец Н. А. – 326
Арапханова Л. Я. – 206, 312
Арзамаскин Ю. Н. – 256, 312, 313
Архангородская Н. С. – 326
Аслаханов А. А. – 207
Афанасенко В. И. – 242, 259, 317
Афанасьев Ю. – 45, 87
Аш Ш. – 270
Ашнин Ф. Д. – 313
Бабель И. – 100, 321
Бабеньшев А. П. – 84
Багавиева С. С. – 97, 333
Бадахова И. Т. – 217
Баев Р. Р. – 28, 183, 199, 200, 202, 333
Баженов А. Н. – 326
Базалеева А. В. – 56
Байрамуков И. Х. – 177
Бакунин А. В. – 166, 169, 190
Баликоев Т. М. – 68, 205, 333
Барсуков В. И. – 326
Басин Я. З. – 34
Бацаев И. Д. – 140, 141, 302
Бегуев С. А. – 207
Безденежных П. – 255
Безыменский Л. А. – 326
Белковец Л. П. – 28, 93, 144, 170, 201–203, 211, 213, 214, 313
Бель Генрих – 258
Белтов Э. – 88
Белых Н. Ю. – 138, 313
Бельков О. А. – 235
Беляков А. П. – 66, 70

- Бердинских В. А. – 93, 139, 141, 142, 145, 147, 149, 172, 181, 183, 184, 207, 210, 313
 Бердинских И. В. – 145
 Бережков В. И. – 103, 313
 Берия Л. П. – 71, 76, 83, 92, 95, 109, 151, 154, 155, 158, 159, 162, 164, 167, 176, 178, 180–187, 195, 196, 199, 207, 255, 295, 299, 303, 312, 313, 315, 319
 Бикметов Р. С. – 333
 Биннер Р. – 22
 Блюмфельд Э. А. – 274, 333
 Боговис Н. – 302
 Боннэр Е. – 48
 Бордюгов Г. А. – 313, 326
 Борисов Ю. С. – 119
 Боркова Е. В. – 333
 Борлакова З. М. – 205, 326
 Бородин В. П. – 124, 326
 Боташев М. А. – 161
 Ботвинник М. – 282
 Брежнев Л. И. – 229
 Бродский Е. А. – 263, 313
 Бродский Ю. А. – 140
 Броев Р. М. – 313
 Бруль В. И. – 147, 184, 185, 189, 196, 201, 214
 Брухфельд С. – 279
 Брычев Н. – 254, 313
 Брюханов А. И. – 255, 307
 Бубличенко В. Н. – 333
 Бугай Н. Ф. – 28, 29, 31, 75, 90, 143, 148, 153–155, 164, 167, 173, 176, 180–187, 192, 199, 200, 202, 203, 205–209, 313, 326
 Булганин Н. А. – 12
 Бурденко Н. Н. – 250, 326
 Бурзаканов Я. У. – 207
 Бурлацкий Ф. – 87
 Буров А. Н. ¹ 169
 Бухарин Н. – 115, 135
 Бушуева О. Ю. – 57
 Важнов М. Я. – 102, 138
 Ванчинов Д. П. – 159, 333
 Варга Е. – 252, 313
 Варфоломеева М. И. – 333
 Васильков Я. В. – 47
 Ватлин А. Ю. – 125, 313
 Вашкау Н. Э. – 199, 326
 Вдовин А. И. – 326
 Вебер М. – 290
 Веденеев Б. Е. – 250
 Вересов Д. – 84
 Визенталь С. – 281, 282, 321
 Вистинецкий М. А. – 254
 Вишневский А. Г. – 44, 87, 241
 Владимов Г. – 85
 Вознесенский Н. А. – 225
 Войтенко Е. А. – 280, 333
 Волков А. Г. – 326
 Волков В. А. – 140, 141
 Волков О. – 84, 94
 Волкогонов Д. А. – 10, 75, 76, 90, 121, 123, 225, 233, 264, 314
 Волобуев О. В. – 314
 Волошина И. В. – 333
 Вормсбехер Г. – 31, 169, 199, 326
 Ворошилов К. Е. – 95, 122
 Вшивцева Ю. В. – 57, 333
 Вылцан М. А. – 199, 327
 Вышинский А. Я. – 95, 110, 131, 151, 270, 295, 306, 322
 Гареев М. А. – 234, 236, 238, 327
 Гассиев В. А. – 309
 Гвоздкова Л. И. – 97, 98, 128, 140
 Гейзер М. – 100
 Геллер М. Я. – 88, 134
 Геллер Ю. А. – 123, 234
 Герасимов Г. И. – 327
 Гербер А. Е. – 49
 Герман А. А. – 32, 184, 185, 199, 200, 202, 216, 217, 302, 314
 Герцензон А. А. – 73
 Гефтер М. Я. – 49, 87, 281, 314
 Гизатуллина Л. Ф. – 198, 333
 Гинзбург Е. – 94, 307
 Гитлер – 109, 111, 221, 290, 307
 Гитлин В. И. – 281
 Гнедин Е. – 94
 Гозулов А. И. – 229, 314
 Голдманис Ю. И. – 158

- Голиков С. – 225
 Голиков Ф. И. – 255
 Головин С. А. – 333
 Голотик С. И. – 116, 314
 Гольдберг Б.-Ц. – 270
 Гольдфаин И. И. – 120
 Гонов А. М. – 164, 174, 204, 217, 313, 314, 333
 Гончаренко О. М. – 280
 Гончаров Г. А. – 31, 327, 334
 Горбатов А. В. – 114
 Горбатов Б. – 271
 Горбачев М. С. – 86, 232, 235, 244, 300, 306
 Горбунов Т. – 327
 Горкин А. – 156
 Горланов О. А. – 46, 193, 194
 Горчев А. Ю. – 142
 Горьков Ю. А. – 123
 Гракина Э. И. – 68
 Граф Ю. – 289, 290
 Григоренко П. – 94
 Григорьянц М. С. – 229, 314
 Гриднев В. М. – 253, 314
 Гризодубова В. С. – 250
 Грин Дж. – 33
 Гришина А. М. – 47
 Гроссман В. С. – 271, 273, 311, 327
 Гурьянов А. Э. – 46, 192–195, 327
 Гусев И. – 261
 Гутин М. Л. – 253
 Гучинова Э.-Б. М. – 212, 213, 334
 Гушин Н. Я. – 78

 Даллин Д. – 134
 Данилов В. Д. – 123
 Данилов В. Н. – 327
 Данилов В. П. – 100, 101, 102, 117, 327
 Даниэль А. – 100, 101, 108, 109
 Даниялов А. Д. – 177
 Дарский Л. Е. – 19, 78, 79, 312
 Датнер Ш. – 262
 Девятаев М. П. – 307
 Дейчер И. – 91
 Дель О. – 109
 Дембицкий Н. П. – 334

 Детков М. Г. – 77
 Джуха И. Г. – 59, 109, 168, 180–182, 187, 188, 208, 209, 314
 Добровольский А. – 141
 Додонов В. Н. – 291
 Долгих Иван Иванович – 142
 Долгих Иван Ильич – 142
 Драгунов Г. П. – 327
 Дробижев В. З. – 327
 Дружба О. В. – 314, 327
 Дубинский И. В. – 114
 Дугас И. А. – 307
 Дугин А. Н. – 76, 89, 90, 135, 143, 314, 327
 Дьюк Р. – 290
 Дьяков Б. – 94, 114
 Дьяков Ю. Л. – 327
 Дюков А. Р. – 50, 261, 266, 267, 281, 314
 Дядькин И. Г. – 85

 Евланова М. Н. – 67, 70, 71
 Евтушенко Е. – 273, 311
 Ежов Н. И. – 22, 23, 81, 82, 92, 95, 106, 107, 109, 119, 126, 133, 151, 295, 319
 Екатерина II – 170, 205
 Еланцева О. А. – 102, 327
 Елисаветский С. Я. – 277
 Елисеев В. Т. – 238
 Емелин А. – 77, 237
 Епифанов А. Е. – 28, 183, 199, 200, 202, 315
 Ерин М. Е. – 315, 328
 Ермаков А. А. – 280
 Ермаков Д. – 176
 Ермолов А. П. – 205
 Ефимов И. – 328

 Жаркой М. Э. – 327
 Жданов А. А. – 95, 250
 Жеребцов И. Л. – 43
 Жилин П. А. – 66, 328
 Жиромская В. Б. – 16, 42, 43, 72, 75–77, 94, 116, 285, 315, 328
 Жуков Ю. Н. – 315
 Жуков Ю. Ю. – 328

- Загорулько М. М. – 253
 Зайцева И. М. – 132
 Закриев Б. Б. – 205
 Залесский К. А. – 110, 113, 338
 Заславский Д. – 252, 255
 Зберовская Е. Л. – 197, 198, 201, 216, 234
 Зверева Н. Д. – 317
 Зверняк П. – 133, 134
 Звягинцев А. Г. – 77
 Звягинцев В. – 95, 108
 Зеленин И. Е. – 100
 Земяк В. Г. – 141
 Земсков В. Н. – 9, 19, 32, 42, 75, 77, 84, 90–93, 96, 98, 117, 118, 136, 137, 145, 146, 154, 167, 168, 183–186, 189, 192, 194–196, 200, 202, 205, 206, 214, 248, 249, 253, 254, 256, 257, 297, 315, 328, 334
 Зиновьев А. – 85
 Зиновьев Г. – 115
 Змиев Б. – 262
 Зубкова Е. Ю. – 194, 195
 Зумакулов Б. М. – 217
- Ибрагимбейли Х.-М. – 31, 165, 172
 Ибрагимов М. М. – 178, 205
 Ибрагимов Мовсур М. – 206–207
 Ибрагимов Муса М. – 206–207
 Иванов В. А. – 315, 334
 Иванов В. М. – 121
 Иванова Г. М. – 88, 92, 93, 121, 131, 133, 135, 138, 142, 150, 315, 334
 Иванова Т. С. – 315
 Иванов-Разумник Р. В. – 132
 Ивашов Л. – 77
 Ивкин В. И. – 124
 Игнатова Н. М. – 144, 148, 149
 Ильенков С. А. – 328
 Инбер В. – 271
 Инсаров А. С. – 131
 Иоффе Э. Г. – 268
 Исупов В. А. – 43, 76, 78, 116, 117, 210, 316, 328
- Каганович Л. М. – 9, 95, 151, 295
 Калинин М. И. – 81, 82, 156
- Калинов К. Д. (Kalinow K.) – 226
 Калтахчян А. – 217
 Каменев Л. – 115
 Кан А. С. – 328
 Капинус О. С. – 291
 Карасев А. В. – 65, 70
 Карлов С. В. – 320, 334
 Карпов В. В. – 101
 Карякин Ю. – 45, 87
 Катанов Н. Ф. – 317, 319, 320
 Кваша А. Я. – 41, 87, 233, 328
 Кестлер А. – 91
 Кип Дж. – 6, 316
 Кириллов В. М. – 97, 140, 214, 215, 316, 334
 Кирсанов Н. А. – 156
 Кишнер Л. А. – 123
 Киселев И. Н. – 72, 77, 94, 315
 Киселев-Громов Н. И. – 132
 Кичихин А. Н. – 169, 199
 Клоков В. И. – 263
 Кнышевский П. Н. – 32, 33
 Ковалев Б. Н. – 261, 281, 316
 Ковалев С. – 45
 Кожин В. В. – 116, 289, 315, 316
 Козлов А. Г. – 141
 Козлов В. А. – 313, 328
 Козлов В. И. – 239, 328
 Козлов В. П. – 329
 Козыбаев М. К. – 67, 70
 Койчуев А. Д. – 167, 172, 205, 206, 316, 329
 Кокурин А. И. – 142, 327, 329
 Колпакиди А. – 338
 Кольцов М. – 100
 Комал Ф. Б. – 123, 124
 Конева А. Н. – 141
 Конквест Р. (Conquest R.) – 22, 77, 91, 135–137, 316
 Коновалова О. В. – 172, 329
 Кононенко Е. – 316
 Копелев Л. – 85
 Корнеев Л. А. – 275
 Корнеев М. – 156, 316
 Корнилов Г. Е. – 43, 78, 316
 Короленков А. В. – 329
 Косиор С. В. – 95

- Костырченко Г. В. – 101, 102, 281, 316, 329
 Котек Ж. – 94
 Котов В. И. – 204, 329
 Коцонис А. Н. – 186, 208, 313, 329
 Коэн С. – 91, 135–137
 Красильников С. А. – 146
 Краснов В. В. – 307
 Краснов Н. Н. (младший) – 255, 256
 Краснов П. – 290
 Кривицкий А. – 255
 Кривицкий В. Г. – 112, 113
 Кривошеев Г. Ф. – 236–238, 242, 261, 265
 Кринко Е. Ф. – 21, 22, 24, 56, 242, 259, 284, 316, 317, 329
 Критчлоу Дж. – 163
 Кропачев С. А. – 54, 93, 96, 102, 108, 118, 126, 137, 221, 316, 322, 329
 Круглов С. Н. – 82, 92, 282
 Крыленко – 151
 Кудрявцев В. Н. – 77, 316
 Кудрявцев С. В. – 334
 Кудряшов С. – 261, 271, 329
 Кузнецов А. – 273, 312
 Кузнецов Н. И. – 124, 125
 Кузнецова Е. С. – 334
 Кузнецова Л. – 87
 Кузьмин Г. В. – 226
 Кузьмин С. И. – 139
 Кузьмина М. А. – 97, 140, 141, 334
 Кулаев Ч. С. – 159, 166, 334
 Кулешова Н. Ю. – 330
 Куманев В. А. – 100
 Куманев Г. А. – 43, 66, 123, 328, 330, 338
 Кумехов – 173
 Куповецкий М. С. – 280, 288, 330
 Курбанова Ш. И. – 316
 Курганов И. – 84, 88, 89
 Курицын В. М. – 90, 118, 119, 145
 Курносов А. А. – 326
 Курочкин А. Н. – 31, 32, 199, 314, 334
 Кутявин Т. С. – 52
 Куштерев А.-Х. У. – 205, 317
 Куштерев Р. М. – 165, 166, 205, 317
 Кызъюров Л. А. – 141
 Кышпанаков В. А. – 203, 204, 317
 Лайпанов К. Т. – 210
 Лайпанов Х. О. – 177
 Лакер У. – 282
 Ланцман К. – 34
 Лебедева Н. С. – 251
 Левин П. – 279
 Левит И. Э. – 275, 317
 Левит И. И. – 275
 Левітас Ф. Л. – 280
 Левшин Б. В. – 330
 Лемещук Н. М. – 317
 Лемкин Р. – 34
 Ленин В. И. – 72, 95, 104
 Ленцен И. – 330
 Леонтьев А. – 252
 Линец С. И. – 177, 199
 Литвин А. Л. – 100, 102, 316
 Лихачев Д. С. – 47, 260
 Лихоманов М. И. – 66
 Лобов В. Н. – 238
 Логунова Т. А. – 67
 Ломоносов М. В. – 40, 235, 308
 Лошков Д. Б. – 124
 Лысенко Т. Д. – 250
 Майоров Н. – 330
 Макаренко П. В. – 9
 Макаров А. А. – 334
 Макарова А. – 143
 Максимов К. Н. – 97, 171, 172, 203, 317
 Максимова Л. А. – 140
 Максудов С. – 75, 77, 84, 85, 90, 237, 260
 Маламуд Г. Я. – 181, 215, 334
 Маленков Г. М. – 71, 95, 315
 Малиновский Л. В. – 199, 317
 Малыгин А. Я. – 135, 327
 Малышева Е. М. – 205, 317
 Мальцев П. И. – 187
 Мандельштам О. – 100, 321
 Марголин Ю. – 132
 Маркова Е. В. – 140, 141
 Маркс К. – 72
 Маркусенко И. С. – 67

- Мартианов В. Е. – 204, 334
Мартиросян А. Б. – 174
Марченко Г. В. – 335
Матишов Г. Г. – 242, 259, 317
Медведев Д. А. – 50
Медведев Р. А. – 75, 77, 85, 88, 89, 91,
113, 176, 190, 192
Мейерхольд В. – 100
Мельников С. М. – 141, 335
Мельтюхов М. И. – 120–124, 330
Меньковский В. И. – 6, 330
Мерцалов А. Н. – 6, 234, 238, 241,
317, 330
Мерцалова Л. А. – 6, 238, 241, 317
Метелица Л. В. – 158
Миколюк О. В. – 335
Микоян А. И. – 95
Мильбах В. С. – 335
Минаев В. В. – 116, 314
Минаков С. Т. – 266
Минц И. – 226, 317
Мирецкий С. – 330
Митин В. А. – 141
Митрофанова А. В. – 66, 67, 330
Мить А. А. – 335
Михалев С. Н. – 13, 14, 18, 78, 225,
238, 239, 241, 243, 317, 320, 330
Млечин Л. М. – 103
Мнацакян А. Н. – 157
Мовшович Е. В. – 280, 284, 295, 317
Мозохин О. Б. – 116
Моисеев М. А. – 234
Молодова И. – 261
Молотов В. М. – 9, 71, 72, 81, 95, 269,
315, 338
Мора С. – 133, 134
Морехина Г. Г. – 66
Морозов К. Н. – 47
Морозов Н. А. – 32, 140, 317
Моруков Ю. Н. – 142
Муравьев В. – 218
Муранов А. – 95, 108
Мусиенко Н. – 109
Мутовкин Н. С. – 66–67, 330
Мухин Ю. И. – 290, 315
Мухортова Т. В. – 171, 335
Мягков М. Ю. – 43
Нарышкин С. Е. – 50
Наседкин – 150
Насилов Д. М. – 313
Науменко В. Г. – 255, 256
Наумов В. П. – 330
Наумов Л. А. – 103, 116
Наумова Е. Н. – 335
Нахапетов Б. А. – 142, 143
Невежин В. А. – 331
Некрасов В. П. – 273
Некрич А. – 88, 162, 163, 176, 228,
296, 317
Ненароков А. – 113
Нехорошев Г. – 88
Николаева Е. – 52
Николаевский Б. – 91, 134
Николай (Ярушевич) (митрополит
Киевский и Галицкий) – 250
Никонова-Смородина М. З. – 132
Носач В. И. – 317
Огурцов С. И. – 317
Орлов А. М. (Orlov A.) – 113, 120,
122
Орлов Ю. Г. – 77
Осипова И. И. – 304
Охотин Н. Г. – 46, 110
Павелич – 35
Павлова И. В. – 9, 118, 126, 127, 318,
331
Палецких Н. П. – 33
Папков С. А. – 10, 97, 138, 139, 197,
318, 335
Папчинский А. А. – 103, 120
Парсаданова В. С. – 18, 90, 189, 190,
192, 331
Пассат В. И. – 195
Первышин В. Г. – 221, 223, 225, 230,
234, 241
Першина Т. С. – 274, 335
Петр I – 170
Петров А. Г. – 318
Петров Н. В. – 46, 125, 126, 142, 338
Петросян А. – 252
Пехтерева С. В. – 103
Печенкин А. А. – 120

- Платонов О. А. – 101, 290, 319, 321
Плетушков М. С. – 67, 68, 331
Плимак Е. Г. – 120
Плоткин К. – 278, 304
Плохотнюк Т. Н. – 109, 200, 318
Погребов Б. А. – 11
Подольский А. Ю. – 280
Подъячих Г. П. – 227
Полешиков В. М. – 97
Поль Д. (Pohl D.) – 251
Поляков Л. Е. – 12, 230, 231, 232, 240, 318
Поляков Ю. А. – 18, 42, 72, 77, 94, 229, 315, 327, 331
Полян П. М. – 29, 30, 166, 171, 181, 184, 257, 258, 260, 265, 267, 281, 318, 331
Померанц Г. С. – 89
Попов А. В. – 208, 331
Попов В. П. – 77, 108, 116, 331
Попов Г. Х. – 87, 126
Порецкий Н. М. – 110
Поспелов П. Н. – 40
Постышев П. П. – 120
Пот П. – 35
Проханов А. – 290
Проектор Д. М. – 123
Пруссак А. – 131
Птуха М. В. – 38, 227
Путна В. К. – 114
Пухов Н. П. – 114
Пыхалов И. В. – 174, 175, 211, 318
Пятаков Ю. – 115
Пятницкий В. – 95

Радек К. – 115
Разгон Л. Э. – 88, 91
Разинков С. Л. – 335
Раковский Х. – 115
Раманичев Н. М. – 123
Рапопорт В. Н. – 88, 123
Раскольников Ф. Ф. – 111–113
Рассказов Л. П. – 318
Резникова И. – 140
Рейсс И. С. – 110, 113
Репинецкий А. И. – 248, 257
Ригуло П. – 94
Рогачев М. Б. – 97, 140, 141, 143, 190
Рогинский А. Б. – 46, 85, 96, 100, 101, 108, 109, 193, 194
Роговин В. З. – 119, 122
Родный А. Н. – 140, 141
Розанов М. – 132
Романовский В. Ф. – 274, 335
Рубинштейн Н. Л. – 104
Руденко Р. А. – 263
Рукшенас К. А. – 274, 335
Рыбаков А. – 87, 135, 327, 331
Рыбаковский Л. Л. – 102, 116, 233, 235, 256, 260, 318
Рыкачев Як. – 131
Рыков А. – 115

Сабанчиев Х.-М. А. – 206, 217, 335
Савочкин А. А. – 335
Саганова Л. П. – 171, 211, 212, 335
Саиев У. М. – 176
Саксе А. – 271, 319
Саламандров Н. В. – 290
Самосудов В. М. – 191, 191, 196, 215
Самсонов А. М. – 123, 230, 233, 319
Самуэльсон Л. – 320
Сандалов Л. М. – 114
Сарнова В. В. – 147, 191
Саттон Э. – 290
Сахаров А. Н. – 87, 331
Сахаров А. Д. – 45, 48
Свердлов Ф. Д. – 278
Севастьянов А. – 290
Север А. – 319, 338
Селюнин В. А. – 71
Селяничев А. К. – 330
Семендей В. В. – 50
Семенов С. В. – 335
Семин В. Н. – 256, 312
Семиряга М. И. – 280, 283, 285, 319, 331
Сенявский А. С. – 43
Сергеев Ф. – 121, 331
Серов И. – 84
Сидоренко В. П. – 335
Сидорова Л. А. – 319
Синицына Н. И. – 253
Сироткин В. – 87

- Скоркин К. В. – 142, 338
 Скучаева О. Е. – 203, 336
 Славко Т. И. – 97
 Случ С. З. – 121, 331
 Смирин Г. – 276, 331
 Смирнов Е. И. – 229, 242, 243
 Смирнов Н. Г. – 319
 Смирнов Ю. А. – 52
 Смирнова Т. Б. – 200, 201, 336
 Смоляр Г. – 319
 Смыкалин А. С. – 98, 139
 Сойфер В. Н. – 100
 Соколов А. К. – 20, 98, 99
 Соколов Б. В. – 103, 221, 234, 238,
 239–241, 243, 264, 266, 281, 287,
 319
 Соколов П. В. – 227
 Солженицын А. И. – 74, 77, 84, 85, 87,
 88, 91, 134, 135, 163, 312, 327
 Соловьев Э. Ю. – 137, 138
 Соломон П. – 108
 Солоневич И. Л. – 132, 133, 319
 Сорокина М. Ю. – 47
 Спирин Л. М. – 331
 Ставицкий И. В. – 66, 330
 Сталин И. В. – 7, 9, 15, 23, 24, 29, 37,
 62, 65, 71–73, 75, 76, 81–83, 86, 87,
 90–95, 101–114, 116–122, 126, 127,
 131, 135, 137, 143, 151, 154, 155,
 157, 158, 164, 165, 167, 168, 170,
 173–187, 190–191, 199, 205, 207,
 220–226, 228, 269, 281, 292, 295,
 296, 298–300, 303, 306, 312, 313,
 315, 316, 320, 331, 338
 Старков Б. – 113
 Степаков В. Н. – 265
 Степаненко С. Г. – 251, 252, 284, 336
 Степанов М. Г. – 29, 125, 143, 145,
 191, 196, 319, 336
 Стецовский Ю. И. – 77, 123, 169, 319
 Стругова М. Р. – 258, 331
 Сувениров О. Ф. – 120, 121, 124, 125,
 320, 331
 Судоплатов А. П. – 41, 102, 121
 Судоплатов П. А. – 102, 121
 Судрабкалнс Я. – 271, 319
 Суслов А. Б. – 215, 331, 332, 336
- Суслов М. А. – 95, 173, 176, 177
 Суцкевер А. – 271, 279, 307
- Тамаркин В. Л. – 307
 Тамбиева Б. А. – 205, 321
 Тарле Е. В. – 250
 Твардовский А. Т. – 134
 Тебуев Р. С. – 173, 206, 212, 217, 320,
 332
 Тебуев С. – 176
 Текеева З. Х. – 210
 Тельпуховский Б. С. – 226
 Типольт А. Н. – 38, 332
 Тишков В. А. – 16, 17, 168, 332
 Тодорский А. И. – 114, 123
 Токаев С.-У. Б. – 177
 Толмачева А. В. – 238, 239, 330
 Толстой А. Н. – 250
 Томан Б. А. – 332
 Трайнин А. Н. – 252
 Трайнин И. П. – 250
 Трифонов И. Я. – 320
 Троицкий Н. А. – 84, 134
 Троцкий Л. Д. – 26, 73, 111, 113, 121,
 122, 139, 320
 Трус Л. С. – 102
 Трусов А. И. – 77, 316
 Тугужекова В. Н. – 320
 Тумшис М. А. – 103, 120
 Туритов Ф. Н. – 235
 Тухачевский М. Н. – 105, 114, 120–
 122, 331
- Уборевич И. П. – 105, 114
 Убушаев В. Б. – 203, 320
 Убушаев К. В. – 204, 336
 Уйманов В. Н. – 197, 201, 336
 Уколов А. Т. – 124
 Ульрих В. В. – 95, 108
 Упадышев Н. В. – 320, 332
 Урланис Б. Ц. – 41, 74, 221, 222, 227,
 228, 229, 231, 320
 Усенко А. Н. – 336
 Утевский Б. С. – 131
- Федорова Н. А. – 24
 Фельштинский Ю. – 84, 91

- Феферман К. – 273
 Филимошин М. В. – 265
 Филиппов А. – 124
 Фирин С. – 131
 Фрадкин В. – 100
 Фролов Н. С. – 97
- Хазанович Ю. – 255
 Хайнес М. – 237
 Хаксли Ю. – 91
 Харвуд Р. – 290
 Харрисон М. – 237
 Харькова Т. Л. – 19, 78, 79, 312
 Хатуев Р. Т. – 173, 206, 320
 Хаустов В. Н. – 93, 95, 118, 185, 320, 336
 Хачемизова Е. Х. – 336
 Хван Ю. С. – 119
 Хлевнюк О. В. – 90, 102, 107, 117, 119, 138, 320, 332
 Хлусов М. И. – 139
 Хлынина Т. П. – 24, 284, 316, 329
 Хрушев Н. С. – 44, 71, 73, 82, 83, 95, 113–115, 134, 135, 137, 157, 226, 227, 296, 300, 306, 330
 Хунагов А. С. – 173, 204, 320, 336
 Хутуев Х. И. – 158, 159
- Цаплин В. В. – 76, 90, 332
 Царевская-Дякина Т. В. – 195
 Цуцулаева С. С. – 336
 Цыжилов Э. Б. – 336
 Цынман И. И. – 320
- Чаликова В. А. – 135, 137
 Чеботарева В. Г. – 216, 320
 Чебыкина Т. – 169, 170
 Ченцов В. В. – 109
 Черняк Э. В. – 167
 Черон Ф. Я. – 307
 Черушев Н. С. – 266, 320
 Черчилль У. – 224
 Чомаев К. – 172, 205
 Чухин И. – 320
- Шабаев А. А. – 78, 320
- Шабаев Д. В. – 206, 321
 Шадт А. А. – 29, 31, 143, 144, 148, 170, 201, 211–213, 336
 Шаламов В. – 84, 87, 94
 Шаманов И. М. – 205, 321
 Шатуновская О. Г. – 89, 91
 Шашков В. Я. – 321
 Шашкова О. Л. – 336
 Шверник Н. М. – 250
 Шевяков А. А. – 256, 257, 260, 332
 Шелестов Д. К. – 41, 230
 Шенталинский В. А. – 321
 Широков А. И. – 141, 336
 Шкаровский М. В. – 321
 Шлык-Вышинский П. – 270, 332
 Шмонин А. – 156
 Шнайдер В. Г. – 211, 332
 Шнеер А. – 266, 267, 281
 Шорников П. – 274
 Штеменко С. М. – 230, 236
 Штрайт К. – 321
 Штраус В. – 109
 Шулубина С. А. – 337
- Щаденко Е. А. – 11
 Щуплецов В. М. – 337
- Эбеджанс С. Г. – 102, 138
 Эдиев Д. М. – 182
 Эйнштейн А. – 270
 Эйхе Р. И. – 120
 Элман М. – 237
 Эмиров Н. – 156
 Энгельс Ф. – 72, 104
 Эренбург И. Г. – 270, 271, 273, 332
 Эрландер Т. – 227
- Юденков А. Ф. – 67, 253
 Юдин И. – 321
 Юнге М. – 22
 Юрасов Д. – 46, 88
- Ягода Г. Г. – 95, 319
 Язов Д. Т. – 237
 Якир И. Э. – 105, 114
 Яковлев А. Н. – 78, 95, 96, 125, 202, 237, 265, 314, 337

Яковлев Б. А. – 84, 134
Яковлев Н. М. – 59, 97
Якупов Н. М. – 321
Якушевский А. С. – 67, 68, 331
Яндиева М. Д. – 321
Ясный В. К. – 140, 141
Яцунский В. К. – 229

Ellman M. – 237

Frumkin G. – 226

Gellately R. – 35

Harrison M. – 237

Haynes M. – 237

Kiernan B. – 35

Maksudov S. – 237

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Методологические проблемы и научно-организационные формы изучения демографических потерь эпохи сталинизма.....	8
1.1. Основные подходы и используемые источники.....	8
1.2. Вопросы терминологии.....	20
1.3. Институционализация исследований.....	38
1.4. Современные формы представления исторических знаний.....	53
1.5. Проблемы периодизации и общая характеристика выделяемых этапов.....	65
Глава 2. Советские и современные российские историки о масштабах и формах политических репрессий в 1937–1945 гг.	81
2.1. Общая оценка сталинских репрессий.....	81
2.2. Феномен «большого террора» и его масштаб.....	103
2.3. Численность заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев.....	128
Глава 3. Депортации народов СССР в отечественной историографии ...	153
3.1. Причины и характер этнических депортаций в СССР.....	153
3.2. Этнические депортации 1937–1941 гг. и их значение.....	179
3.3. Принудительное выселение народов СССР в 1941–1945 гг. и его итоги.....	198
Глава 4. Оценка демографических последствий Великой Отечественной войны.....	220
4.1. Вопрос о цене Победы в советской историографии.....	220
4.2. Современные дискуссии о масштабе и структуре потерь в 1941–1945 гг.	232

4.3. Демографические последствия нацистской оккупации и трагедия советских военнопленных	249
4.4. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв	268
Заключение	294
Список использованных источников и литературы	302
Именной указатель	339

Научное издание

История сталинизма

Кропачев Сергей Александрович,
Кринко Евгений Федорович

**ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1937–1945 гг.:
МАСШТАБЫ И ФОРМЫ.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Е. Ю. Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.07.2012

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 1000 экз. Заказ 5571

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ СССР в 1937–1945 гг.: МАСШТАБЫ И ФОРМЫ

Сергей Александрович Кропачев

(род. в 1958 г.) – кандидат исторических наук, доцент. Председатель Правления Краснодарского краевого отделения Российского общества «Мемориал».

Специалист по отечественной истории и историографии 1930–1940-х гг.

Автор монографий «Большой террор на Кубани» (1993), «Хроника коммунистического террора», Ч. 1, 2 (1995, 1998), «Десять лет, изменившие страну» (2006), «Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов» (2010), «От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах» (2011), «Von der Lüge zur Aufklärung» (2011, на нем. языке). Публиковался в журналах «Российская история», «Военно-исторический архив», «Social Sciences» (США, Миннеаполис), «Голос минувшего» и др.

Евгений Федорович Кринко

(род. в 1968 г.) – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.

Автор монографий «Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.)» (2000),

«Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения» (2004), «Майкопские партизаны» (2007).

Соавтор монографий «Память жива в веках. Возвращение к истокам.

Об участии казаков в войнах XVIII–XX вв.» (2006),

«Дело мира и любви. Очерки истории и культуры

Православия на Кубани» (2009), «История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография» (2009), «Социально-исторический

портрет села Приазовья: Кагальник» (2009), «Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. – 1943 г.»

(2010, 2-е изд. 2011), «Повседневный мир советского человека 1920–1040-х гг.: жизнь в условиях социальных

трансформаций» (2011), «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения» (2012).

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

Библио-Глобус

ООО «Беркут»

г. Челябинск, Молдавская, 16. Тел. (315) 799-22-05.

КТК:
031

9 785824 316788
Кропачев. Крин Потери на

Цена: 369,00